

МАРК
ТУЛЛИЙ
ЦИЦЕРОН

УЧЕНИЕ
АКАДЕМИКОВ

❑❑ MARCUS TULLIUS CICERO ❑❑ ACADEMICA ❑❑

Марк Туллий Цицерон

Учение академиков

Перевод *Н. А. Федорова*

Комментарий и вступительная статья
М. М. Сокольской

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2004

УДК 821.124

ББК 84(0)3

Ц 75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 02-03-16152)*

Марк Туллий Цицерон.

Учение академиков / Перевод Н. А. Федорова. Комментарии и вступительная статья М. М. Сокольской. — М.: Индрик, 2004. — 320 с.

ISBN 5-85759-262-8

Трактат Цицерона «Учение академиков» впервые появляется в русском переводе. Издание оснащено параллельным латинским текстом, подробными комментариями и вступительной статьей.

Книга адресована всем интересующимся античной философией в ее оригинальной терминологии и форме.

ISBN 5-85759-262-8

© Перевод, Н. А. Федоров, 2004

© Комментарии, вступительная
статья, М. М. Сокольская, 2004

© Издательство «Индрик», 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М. М. Сокольская. Бесконечное приближение к истине.....</i>	<i>4</i>
Учение академиков. Текст и перевод	49
Книга первая (вторая редакция)	52
Книга вторая. Лукулл (первая редакция)	82
Фрагменты	208
Комментарии	217
Index verborum graecorum	311
Index personarum	312

БЕСКОНЕЧНОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К ИСТИНЕ

1. Академические скептики и скептические академики

«Учение академиков» впервые появляется в русском переводе. Кажется удивительным, что у такого классика из классиков, как Цицерон, могут еще отыскаться непереуеенные страницы. Разумеется, оба обстоятельства не случайность: как долгое невнимание к именно этому цидероновскому тексту, так и однажды ставшее неизбежным обращение к нему. «Academici libri» никогда не принадлежали к числу «школьных» текстов, тех, на которых обучаются «золотой латыни», будь то в гимназической или университетской аудитории. Такому использованию препятствует как неполная сохранность трактата (о чем пойдет речь ниже), так и трудности для понимания, которые он представляет — трудности отнюдь не только грамматического характера. Но и студенты-философы, и даже те из них, кто специализировался по античной философии, вполне могли прослушать полный университетский курс, не узнав даже о существовании такого сочинения. Впрочем, эта ситуация начинает меняться. В Германии в 90-х гг. теперь уже прошлого века выходят почти одновременно сразу два издания нашего трактата с полным переводом и обширным комментарием, а в англоязычном мире, в особенности в самой Великобритании, целая команда исследователей с энтузиазмом исследует античный скептицизм, и в центре этих штудий стоит, вместе с сочинениями Секста Эмпирика, «Учение академиков» Цицерона. Всестороннему рассмотрению этого текста был посвящен целый международный конгресс, проходивший в Утрехте в августе 1995 г.; по его материалам был выпущен толстый том под названием *Assent and Argument*¹ (в дальнейшем цитируется как АА). Открывший оглавление этой книги получит в свои руки список основного состава упомянутой «команды».

Итак, античный скептицизм: «Учение академиков», безусловно, представляет собой один из основных источников по этому направлению мысли, в этом основной интерес трактата. Однако слов «скеп-

¹ Выходные данные см. в преамбуле к комментариям.

тицизм», «скептический» или «скептик» мы в нем не найдем. Зато будем на каждом шагу встречаться с «академиками» и «академической философией». Сочетание «академическая философия» существует и в сегодняшнем нашем языке, но означает нечто совершенно другое и менее всего ассоциируется со скепсисом (разве что как объект такового). Здесь для читателя-неспециалиста — а наше издание обращено прежде всего к студентам, к тем, кто только начинает знакомиться с античной философией, ее специфическим набором проблем, ее характерным языком и методами — требуются пояснения. Начнем с «академиков» и «академического». Академией, как известно, называлась роща в Афинах за Дипилонскими воротами, посвященная герою Академу, и находившийся в ней гимнасий, где Платон встречался со своими учениками. Академия осталась собственностью платоновской школы и дала ей свое имя. Академия Платона осталась в веках прототипом высшей школы вообще, отсюда — «странным виденьем грядущей поры» — все академии наук и изящных искусств и привычное нам значение прилагательного «академический». В истории же самой греческой философии это слово имело более специальное значение — «академической» была философия, преподававшаяся в школе этого названия учениками и преемниками Платона, в отличие от «перипатетической», которую преподавали в школе, основанной после смерти Платона Аристотелем, когда ему не дали возглавить Академию, от «стоической», поселившейся спустя примерно полвека после смерти Платона в «Пестрой Стое», т. е. расписной крытой колоннаде на афинской агоре, от эпикурейской, почти в это же время занявшей Сад при доме Эпикура, совсем рядом с Академией, и от всякой другой, сколько их ни было в страстно преданной отвлеченным препирательствам Греции. В то же время «академическая» философия — не то же, что «платоновская»; хотя многие схолахи Академии были бы рады такому отождествлению, оно не стало и не могло стать употребительным. Запечатленная в уклончивой форме диалога, богатая возможностями и бедная положительными догмами философия Платона была неисчерпаемым материалом для интерпретации, на который претендовали отнюдь не только законные наследники знаменитой рощи, но и многие другие, в том числе пришедшие позже и издалека, вплоть до Уайтхеда, заявившего, что вся история западной философии есть лишь набор примечаний к платоновским

диалогам². Между тем Академия имела в каждую эпоху своего существования определенное лицо. В начале III в. до н. э., когда во главе школы стал некий Аркесилай из Питаны, обозначился перелом. В биографии Аркесилая у Диогена Лаэртца мы читаем (IV, 28): «Именно он положил начало Средней Академии, и он первым стал воздерживаться от положительных утверждений ввиду того, что доводы противоречат друг другу, а также первым стал подбирать аргументы о каждом предмете как за, так и против». Диоген — поздний (конец II или III в. н. э.) и не слишком аккуратный источник. Так, трехчастная схема Древняя — Средняя — Новая Академия подозрительно напоминает о древней — средней — новой аттической комедии и прочих подобных делениях. В более близких по времени к Аркесилаю источниках, в том числе и у Цицерона, Академий всего две — Старая и Новая, и когда современник Цицерона Антиох из Аскалона хочет порвать с современной ему академической философией, он называет свое учение возвращением к «Старой академии». Сам же Цицерон, хотя с восхищением слушал в Афинах лекции Антиоха и относился к нему с большим уважением, остается приверженцем «академической» философии, то есть «официальной» философии современной ему Академии, схолархом которой был во времена молодости Цицерона Филон из Лариссы. Эта официальная философия по-прежнему находилась в I веке до н. э. в том русле, по которому направил ее Аркесилай. Главным ее отличительным признаком было в глазах современников «воздержание от суждения», основанное на принципиальной недостижимости окончательного знания, и — как способ доказательства этой недостижимости — нахождение равносильных аргументов за и против любого утверждения, то есть именно то, что мы сейчас привыкли именовать скептицизмом. Итак, для Цицерона — нашего основного, а во многом и единственного источника по греческой философии III—I вв. — такая философия называется просто «академической». В современных же работах и справочниках данный предмет именуется «скептической Академией» или «академическим скептицизмом». Но откуда взялось неизвестное Цицерону слово «скептицизм»? Греческий глагол *σκέπτομαι* означает просто «внимательно рассматривать», тем самым «иссле-

² Whitehead A. N. *Process and Reality: An Essay in Cosmology*. New York, [1929] 1978. P. 39.

довать», он примерно синонимичен другому глаголу, которому суждена была еще более блестящая карьера в истории европейской философии: θεωρέω. В этом значении употребляет слово «скепсис» Аристотель в первом предложении «Первой аналитики» (24а, 10). К «философски мотивированному сомнению»³ (как принято определять «скепсис» сейчас) это употребление никакого отношения не имеет: Аристотель говорит просто о «нашем исследовании», как раз о том, что он чаще называет в своих работах словом «теория» (рассмотрение). Именно на это укорененное в языке общее значение опирается Секст Эмпирик — греческий врач II в. н.э., под именем которого дошли до нас самые пространные и содержательные тексты по античному скептицизму: «Пирроновы положения» в 3 книгах и 11 книг «Против ученых», — когда разъясняет в начале первого из упомянутых трактатов, в чем суть «скептической» философии и ее отличие от всех прочих (в том числе и от «академической»): «Для тех, кто занят поисками чего-то, вероятным результатом будет или нахождение искомого, или утверждение, что они его не нашли, и признание недостижимости, или продолжение поиска. Поэтому и из тех, кто занимался философским поиском, одни заявили, что нашли истину, другие — что достичь ее невозможно, а третьи продолжают искать. Нашедшими истину считают себя так называемые догматики, например, школы Аристотеля, Эпикура и стоиков и некоторые другие, школы же Клитомаха и Карнеада и прочих академиков объявили вещи непостижимыми, а скептики продолжают искать. Поэтому разумно сказать, что вышеперечисленные философии разделяются на три группы: догматическую, академическую и скептическую» (Руг. Нур. I, 4). Чуть ниже (§ 7) о «различных именовании скептической философии»: «скептическую школу называют еще «ищущей» по деятельности поиска и рассмотрения (διὰ τὸ ζητεῖν καὶ σκέπτεσθαι), называют ее и «воздерживающей» (ἐφεττική) по состоянию <воздержания от суждения>, возникающему после исследования рассматриваемого предмета, и «недоумевающей» (ἄπορητική) потому что она обо всем недоумевает и ищет, как объясняют некоторые,

³ См., например, Schütt H.-P. Skepsis, Glaube und Moral (Zu Montaignes Stellung in der Geschichte der modernen Philosophie) in: *Philosophie und Ethik, Zeitschrift für Didaktik der Philosophie und Ethik*, 2/1999: «Philosophisch motivierter Zweifel hat Anspruch auf den feineren Titel „Skepsis“».

или же потому, что она не в состоянии сказать «да» или «нет»; называется она и «пирроновой», потому что нам кажется, что Пиррон содержательнее и яснее, чем его предшественники, занимался скептическим рассмотрением». Невозможно не процитировать здесь и следующую, 8-ю главку, потому что заголовок ее гласит: «Что такое скепсис»: «Скепсис — это умение всеми возможными способами противопоставлять друг другу то, что представляется нашим чувствам, и то, что представляется нашему уму <по-гречески это, конечно, «феномены» и «ноумены»>, которое приводит нас сперва, по причине равносильности противоположных друг другу фактов и доводов, к воздержанию от суждения, а затем к безмятежности». Таким образом, если верить Сексту на слово, «академическая» и «скептическая» философия — не одно и то же. Академики на самом деле те же догматики — они признали твердо установленным фактом, что истина недостижима, между тем как истинные скептики этого не утверждают: по этому вопросу, как и по всем другим, они «всё еще продолжают поиск». Поэтому скепсис Секст возводит не к Аркесилаю, а к его на поколение старше современнику Пиррону из Элиды, жившему примерно между 360 и 270 гг. до н. э. Такую же генеалогию предлагает нам в своей краткой истории философских школ и Диоген Лаэртий⁴, живший, по всей вероятности, не намного позже Секста и знакомый с его сочинениями, как явствует из краткого упоминания в IX книге (IX, 87). Вся эта книга посвящена «скептической» философии, однако она построена принципиально иначе, чем, например, книга IV, посвященная истории Академии и основанная на преемственности схолахов в реально существовавшей школе. Здесь же перед нами проходят сперва знаменитые «досократики» от Пифагора до Протагора, через Ксенофана, Парменида, Зенона Элейского и Демокрита — тех философов, которым Секст специально посвящает по главке, чтобы доказать, что они вовсе не были скептиками, и о которых Цицерон в нашем трактате говорит,

⁴ Однако ни из Секста, ни из Диогена не следует, чтобы Пиррон сам называл свою философию «скептической»; напротив, оба автора говорят, что, поскольку скептическая философия опирается на Пиррона, то её можно называть пирроновской. Судя по всему, самоназвание «скептики» восходит к Энесидему (о котором см. ниже) и имело своей целью противопоставить «тех, кто все еще ищет» ответ на вопрос об истине «тем, кто воображает, что уже нашел его», а именно академикам.

что они иногда, в отчаянии от трудности познания природы, «воскликали как безумные, что познать ничего нельзя». Затем выясняется, что «некоторые говорят, что эта школа основана Гомером, потому что он, как никто другой, говорил об одном и том же в разных местах разное и нисколько не стремился к догматической определенности своих высказываний» (IX, 71). Первым «настоящим» скептиком, как явствует из этой книги, был Пиррон, но он ничего не писал, не основал школы, и скептицизм его проявлялся скорее практически: «Он ни о чем не говорил „прекрасно“ или „постыдно“, „справедливо“ или „беззаконно“. Вообще, полагал он, не существует никакого „действительно так“; а то, чем руководятся люди во всех своих поступках — это установления и обычаи, так что каждый из поступков сам по себе — ничуть не более „такой“, чем „другой“. В соответствии с этим он и жил, ни от чего не уворачиваясь, ничего не остерегаясь, не уклоняясь от своего пути, что бы на нем ни встретилось: повозки, овраги, или собаки, и вообще не обращая никакого внимания на показания чувств. А уцелел он, по словам Антигона Каристского, благодаря друзьям, ходившим за ним по пятам» (Ibid., 61—62). Единственный непосредственный ученик Пиррона, писавший в «скептическом» духе, был Тимон из Флиунта. Но его знаменитые «Силлы» («памфлеты») были выпадами сатирика; в них могли зло и остроумно высмеиваться предубеждения догматиков, но серьезными философскими сочинениями они не были. Философское же обоснование и развитие пирроновский скепсис получил, как явствует и из IX книги Диогена, и из Секста, намного позже, под пером некоего Энесидема. Диоген продолжает приведенный выше рассказ о злоключениях Пиррона так: «А Энесидем говорит, что принципом воздержания от суждения он руководствовался в философии, но отнюдь не поступал неосмотрительно во всяком деле. Прожил он при этом до 90 лет». Диоген приводит и такую цитату: «Пирроновский принцип, как говорит Энесидем во введении к «Пирроновским вопросам» — это как бы отчет обо всем, что кажется и что так или иначе мыслится, благодаря чему все эти вещи сопоставляются между собой, и обнаруживается, как много в них непостоянства и путаницы» (Ibid., 78). И Диоген, и Секст знают и подробно излагают введенные Энесидемом десять «тропов» (способов), которыми «феномены» и «ноумены» противопоставляются друг другу и между собой, так что результатом ока-

зывается воздержание от суждения. Зато Цицерону ничего об этом реформаторе скептицизма неизвестно. Определить время жизни Энесидема в точности не представляется возможным, но, судя по всему, его сочинения появились в обращении ок. 40 г. до н. э. — совсем немного лет спустя после гибели Цицерона (43 г.). Таким образом, от восхваляемого им Пиррона Энесидема отделяет почти три века — и это как раз те века, когда вопросы возможности и обоснования знания энергично разрабатывались основными философскими школами эллинизма — стоической, доказывавшей достижимость окончательного знания, и Новой Академией, где эта достижимость оспаривалась. В эпикурейской и перипатетической школах этот вопрос тоже не был обойден вниманием. Очевидно, что учение Энесидема основано именно на этой долгой философской работе и полемике. И в самом деле, внимательные читатели Цицерона и Секста не находят убедительных доказательств принципиального различия «академической» и «скептической» философий⁵. Во многих случаях, во многих важнейших определениях, как убедится читатель наших комментариев, Секст дает нам греческий текст, строго параллельный цicerоновской латыни. При этом греческий текст следует рассматривать как оригинал цicerоновского, несмотря на то, что сам Секст жил двумя веками позже: в его сочинении перед нами компендий дискуссии, которая велась на протяжении полутысячелетия. Почему Энесидем предпочел отринуть академическую традицию и начать всё с начала, сославшись на авторитет древнего, не оставившего сочинений, известного только по анекдотам философа, — об этом мы, ввиду молчания источников, можем только догадываться. Во всяком случае, свидетельства Цицерона и еще несколько скупых упоминаний позволяют, кажется, заключить, что преемственность схолахов Академии (т. е. существование Академии как конкретной институции) прекращается со смертью учителя Цицерона, Филона из Лариссы, точнее, с его бегством в Рим в 88 г. до н. э. из попавших в войну с Митридатом в угрожающее положение Афин (см. об этом книгу Глюкера, указанную в преамбуле к комментариям). Блестящий философ, выходец с Востока, Антиох из Аскалона, долгие годы учившийся у Филона, провоз-

⁵ Ср. *Annas J. & Barnes J. The Modes of Scepticism. Ancient Texts and Modern Interpretations. Cambridge, 1985.*

глашает конец «новоакадемического» периода «воздержания от суждения» и возвращение к «Древней Академии», которая, по его убеждению, признавала достижимость положительного знания. Впрочем, как убедительно доказывает Глюкер и как явствует из слов Цицерона в трактате «О природе богов»: «философия, осиротевшая сейчас и в самой Греции»⁶, Антиох никогда не был официальным преемником Филона на посту схоларха афинской Академии. Наступление нового мира — мира Римской империи — и связанные с этим военные, экономические и духовные перипетии разрушили старые философские школы с их вековой преемственностью, как об этом догадывался еще молодой Ницше, составляя в 1868 г. диссертацию на классическую тему «Об источниках Диогена Лаэртция» (см. Глюкер, с. 336—337). Так или иначе, время Энесидема, безусловно, располагало к тому, чтобы начать с начала.

Но если слова «скептический» и «академический» означали в определенный период времени одно и то же, и при этом второе из этих обозначений принадлежало такому во все века «школьному» автору, как Цицерон, в то время как первое встречается в не самых известных греческих текстах, надолго выпадавших из поля зрения европейской культуры, — то почему же для нас привычным обозначением «философски мотивированного сомнения» стали слова «скепсис, скептический», а не «академизм, академический»? Почему мы говорим, для легкости понимания отклоняясь от языка источников, о «скептической Академии Аркесилая и Карнеада», а не об «академическом пирронизме Секста Эмпирика»? О том, что вопрос этот не вполне праздный, что дело могло повернуться и иначе, свидетельствует трактат блаженного Августина, епископа Гиппонского, «Против академиков» (*Contra academicos*), направленный именно против тех, кто считает истину недостижимой и довольствуется вероятностью. Основным источником Августина был, конечно, горячо им любимый и внимательно прочитанный Цицерон, так что, ввиду плохой сохранности цicerоновского текста, этот трактат приобретает большое значение для реконструкции недостающего. Для того, чтобы

⁶ Nat. deo. I, 11: Haec in philosophia ratio contra omnia disserendi nullamque rem aperte iudicandi profecta a Socrate, repetita ab Arcesila, confirmata a Carneade usque ad nostram viguit aetatem; quam nunc prope modum orbam esse in ipsa Graecia intellego. Quod non Academiae vitio, sed tarditate hominum arbitror contigisse.

название трактата звучало для современного читателя так, как его разумел автор, его нужно было бы перевести «Против скептиков».

Что же до слова «*scepticus*», латинизированной формы греческого заимствования, оно появляется впервые в 1430 г., когда итальянский гуманист Амброджо Траверсари (1386—1439) перевел на латинский язык биографический компендий Диогена Лаэртция⁷. Сексту Эмпирику пришлось дожидаться латинского перевода, а значит, и относительно широкого распространения, еще более 100 лет — «Пирроновы положения» по-латыни впервые были опубликованы в Париже в 1562 г. Впрочем, греческие рукописи Секста, привезенные в Италию из Константинополя, были в нескольких библиотеках доступны немногочисленным тогда знатокам этого языка в Западной Европе уже со 2-й четверти XV в. Во всяком случае, есть свидетельства, что изложенное в Диогеновой «Жизни Пиррона» занимало умы ученого мира в середине XVI в. Одно из таких красноречивых свидетельств — упоминание в 36-й главе III книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле (1545)⁸. В этом эпизоде Панург спрашивает у некоего Труйогана, «эффектического и пирронического философа», совета: жениться ему или нет; философ в долгой беседе отвечает «возможно», «вероятно», а также «ни то, ни другое или и то, и другое». Гаргантюа, присутствовавший при этом, наконец не выдерживает: «Так вот до чего мы дошли! Ученейшие и умнейшие философы отправились нынче учиться в школу пирроников, апоретиков, скептиков и эффектиков <этот список самоназваний приводят и Диоген, и Секст>. Хвала Богу в вышних! Отныне легче ухватить льва за гриву, коня за копыта, быка за рога, вола за морду, волка за хвост, козла за бороду, птицу за лапы, чем философов за их речи. Прощайте, дорогие друзья!».

Однако в определенных кругах скептицизм встречал оппозицию куда более серьезную, чем эта невинная карикатура. 27 октября 1553 г. перед воротами Женевы был сожжен как еретик испанский богослов и

⁷ См.: *Schmitt Ch. B. Cicero Scepticus: a study of the influence of the Academica in the Renaissance. The Hague, 1972*; желающих далее проследить историю скептицизма в философии Нового времени, сыгравшую не последнюю роль в складывании английской эмпирической философии и очень важную для правильного понимания, в частности, Декарта, мы отсылаем к великолепной монографии английского автора: *Popkin R. H. The History of Scepticism from Erasmus to Spinoza. Berkeley, 1979.*

⁸ См.: *Schütt H.-P. Op. cit. S. 95.*

ученый, противник догмата о троичности Мигель Сервет. Кальвин выступил с сочинением в защиту совершившейся казни. Ему отвечал (под псевдонимом Martinus Bellius) гуманист Себастьян Каstellio книжкой «О еретиках, следует ли их преследовать, и как вообще следует с ним поступать», где говорилось, что не так просто установить, действительно ли данный человек является еретиком, и такого ли наказания требует для него христианское учение, что вероятность ошибки велика и человеческое знание неокончательно, а потому лучше не торопиться отправлять людей на костер, а положиться на наказание свыше. На этот манифест религиозной терпимости обрушился в следующем, 1555 г. Теодор Беза памфлетом *De haereticis a civili magistratu puniendis libellus adversus Martini Bellii farraginem et novorum academicorum sectam* («О том, что еретики должны наказываться должностными лицами. Книга против болтовни Мартина Беллия и секты новых академиков»). Там говорится, в частности, следующее: «А вас и всех вам подобных, кто пыгается протащить в церковь эту богопротивную, кощунственную и дьявольскую акаталепсию (<недостижимость окончательного знания>), можно и нужно обуздывать как смертельных врагов христианской религии»⁹. Характерно, что сочинения, обсуждающие скептицизм как «ересь» с точки зрения его несовместимости с христианским учением, ссылаются — в августиновской традиции, от которой они, конечно, прямо зависят — на «секту новых академиков», в то время как гуманисты в «светских» рассуждениях придерживаются Диогена и — с определенного времени — Секста и, соответственно, термина «скептик». Теодор Беза мог и вовсе основываться в своем осуждении «секты новых академиков» только на Августине, но серьезные философы обращались и непосредственно к цицероновскому трактату, например, Джулио Каstellани со своим опубликованным в 1558 г. сочинением «Рассуждение против „Академических вопросов“ Марка Туллия Цицерона»¹⁰. Однако не удивительно при таком распределении ролей, что в историю философии Нового времени скептицизм вошел всё же под своим «пирроновским» именем, тем более, что именно на Секста опирались две важнейшие в этом отношении книги конца XVI века: уче-

⁹ Vos autem ac omnes vestri similes qui istam impiam, sacrilegam et diabolicam ἀκαταληψίαν conamini in Ecclesiam invehere, ut religionis Christianae capitales hostes coercere jus et fas est. Цитируется по: *Schmitt Ch. B.* Op. cit. S. 63.

¹⁰ Giulio Castellani. *Adversus Marci Tullii Ciceronis academicae quaestiones disputatio.*

ный латинский трактат португальца Франсиско Санчеса *Quod nihil scitur* («О том, что все непознаваемо»), опубликованный в 1581 г., и намного более важная для широкого распространения скептических идей книга, написанная на доступном куда более широкому кругу читателей французском языке, выдержавшая между 1580 и 1669 гг. 37 изданий и получившая прозвание «Библии скептицизма», — «Опыты» Мишеля Монтеня.

Две вещи мне хотелось особо подчеркнуть в этом затянувшемся рассуждении о терминах: 1) «Учение академиков» Цицерона — текст, представляющий большой интерес для (аудиторного) чтения студентов-философов. Как древнейший дошедший до нас источник по античному скептицизму, как текст, стоящий в начале латинской терминологии, употреблявшейся в гносеологических дискуссиях, как краткое и яркое введение в проблематику, актуальную для западной философии на всем протяжении ее существования и даже по сей день, «Учение академиков» представляет собой методически удобный материал, позволяющий самые разнообразные подходы и ракурсы рассмотрения. 2) «Параллельными» текстами, значительно облегчающими его понимание, являются в первую очередь сочинения Секста Эмпирика, а также IV, VII и IX книги Диогена Лаэртца и — возвращаясь на латинскую почву — трактат Августина «Против академиков».

2. *Academica Posteriora, Academica Priora, Lucullus*

Но как обстоят дела с упоминавшимся фрагментарным состоянием этого сочинения? Что представляет из себя в дошедшем до нас виде «Учение академиков»? Прежде всего, сохранившийся текст распадается на две большие порции. Ту из них, которая следует в нашем издании первой, в современных изданиях принято называть по-латыни *Academica Posteriora*. Это не то название, под которым текст задумывался Цицероном. Как убедительно доказывает Мириам Гриффин¹¹, сам автор употребляет средний род множественного числа

¹¹ Griffin M. The composition of *Academica*: motives and versions, in: AA. P. 1–35. Тексты, на которые она ссылается («Appendix B», P. 33–34: Tusc. II, 4: Nos autem universae philosophiae vituperationibus respondimus in Hortensio, pro Academia autem quae dicenda essent, satis accurate in Academicis quattuor libris explicata arbitramur; Nat. deor. I, 11: Qui autem admirantur nos hanc potissimum disciplinam secutos, his quattuor Academicis libris

Academica («про Академию») как кратко-фамильярное обозначение в письмах, «официально» же именует свое сочинение *Academicī libri*, т. е., в примерном переводе, «Книги, <трактующие> об учении Академии». Книг этих было четыре. Из них сохранилась лишь первая половина первой книги: введение с предложением обсудить разницу во взглядах между двумя крупнейшими на веку беседующих представителями Академии, Филоном из Лариссы и Антиохом из Аскалона, речь Варрона, излагающего взгляды Антиоха, и самое начало ответной речи Цицерона в защиту скептической позиции Филона; дошедший текст обрывается на полуслове. Всё сочинение посвящено Варрону; посылая ему книги, Цицерон не ограничился надписанием *ad Varronem* (к Варрону), а приложил целое сопроводительное письмо. Этим эпистолярным посвящением открывается наше издание. Но неперменной частью текста оно не является и традиционно «прописано» в другом месте цicerоновского корпуса: в IX книге писем «К близким» (*Ad Familiares*) под № 8.

Далее в нашем издании следует целая законченная «книга» (в античном понимании, т. е. то, что современный автор обозначил бы как «часть»), озаглавленная «Лукулл» (*Lucullus*). Цитируя или издавая этот текст, сейчас либо пользуются этим названием, либо именуют его *Academica Priora* (с факультативным добавлением *Liber secundus*; указание книги не обязательно для отождествления текста, поскольку никакой другой книги *Academica Priora*, кроме второй, до нас не дошло). Прилагательные «*priora*» и «*posteriora*» означают просто «первый» и «второй». Читателю классических текстов неизбежно вспоминаются *Analytica Priora* и *Analytica Posteriora* — Первая и Вторая Аналитики Аристотеля. Но в случае Аналитик речь идет о двух различных трактатах, двух разделах одной широкой темы, «искусства расчленения». В случае же «Учения академиков» мы имеем довольно редкое явление в дошедшем до нас составе античной традиции —

satis responsum videtur.; Div. II, 1: *Nam et cohortati sumus ut maxime potuimus ad philosophiae studium eo libro qui est inscriptus Hortensius, et, quod genus philosophandi minime adrogans maximeque et constans et elegans arbitramur, quattuor Academicis libris ostendimus*), позволяют сказать даже больше: «официальным» названием было для Цицерона, очевидно, *Quattuor Academicī libri*, т. е. примерно «Об учении Академии; в четырех книгах». Число книг было в данном случае существенно для отличения от первой редакции в двух книгах, тоже ходившей по рукам (об этом см. ниже), но которую сам Цицерон явно считал отмененной и превзойденной «четырьмя книгами об Академии».

две параллельно сохранившиеся «редакции», или «издания», одного и того же сочинения, о процессе создания и переработки которого мы имеем к тому же весьма подробную информацию: оживленную переписку Цицерона с Титом Помпонием Атикком — ближайшим другом, неизменным первым читателем, критиком¹² и почти соавтором (в том смысле, что Цицерон постоянно обращался к эрудиту Атикку за всякого рода историческими справками, обсуждал с ним всевозможные возникающие в ходе работы затруднения, прислушивался к его предложениям о возможных латинских эквивалентах греческих терминов, о выборе персонажей и т. д.). Сохранились обе редакции полностью, это было бы настоящим подарком для филологов-классиков, всегда мечтавших заглянуть в «творческую мастерскую» изучаемых авторов, как это с пристрастием делают, имея на руках полный архив, коллеги, занимающиеся новейшей литературой. Мечта эта становится порой настоящим наваждением: вспомним — из истории отечественной науки — статью Ю. А. Шичалина «Два варианта платоновского „Федра“» в его издании диалога, где издатель реконструирует некоторые части предполагаемой «первой редакции» (не упоминаемого традицией «Phaedrus Prior») на чистейшем аттическом диалекте древнегреческого языка¹³.

Но судьба распорядилась иначе. Из первой редакции, состоявшей из двух книг — «Катул» и «Лукулл» — сохранился только «Лукулл». В этой книге, помимо введения, содержится речь Лукулла в защиту взглядов Антиоха с полемикой против «скептической» Академии и ответная речь Цицерона, в свою очередь опровергающего доводы Антиоха со скептической позиции.

Несохранившийся «Катул», судя по всему, содержал как бы общее введение к более «технической», профессионально-философской дискуссии в «Лукулле». Согласно убедительным доводам Риды¹⁴, он начинался с речи Катула, где упоминалось сочинение Филона, «бравшее назад» его собственные скептические взгляды и вызывав-

¹² См.: Att. I, 14, 3, письмо, написанное за 16 лет до «Учения академиков», где он называет Атика Аристархом своих речей.

¹³ Платон. Федр. Пер. А. Н. Егунова, редакция греч. и русск. текстов, вступительная статья, комментарии, хронология, индексы имен и наиболее употребительных терминов Ю. А. Шичалина. М., 1989.

¹⁴ Введение. С. 39–46. См. преамбулу к комментариям.

шее возмущение как Антиоха, так и последователей скептической Академии — к последним принадлежал и отец Катула. В связи с этим Катул предлагает ознакомить слушателей с философскими взглядами своего отца, о которых он хорошо осведомлен. На его апологию скептицизма отвечает оратор Гортензий, видимо, в самых общих чертах защищая взгляды Антиоха; можно предположить, что та краткая «история философии», с которой начинается сохранившаяся речь Варрона в *Academica Posteriora*, принадлежала изначально Гортензию. Ему отвечал Цицерон — вероятно, примерно так, как в сохранившемся отрывке его ответа в «варроновской» второй редакции, т. е., в свою очередь, апеллируя к истории философии в защиту скептической позиции.

Остается добавить, что в этой первой редакции обе части не имели, судя по всему, общего заголовка — Цицерон и его современники называли их просто «Катул» и «Лукулл».

Таков основной состав нашего текста. К нему добавляются несколько фрагментов — цитат из позднейших авторов: наиболее содержательные, конечно, из упомянутого сочинения Августина, наиболее многочисленные, но малоинформативные — из словаря Нония Марцелла (позднеантичного грамматика африканского происхождения, о котором известно только, что он жил позже Авла Геллия (которого он цитирует) и раньше Приска (который его упоминает), т. е. между II и V вв.; его сочинение *De compendiosa doctrina* представляет собой набор лемм, подтверждаемых многочисленными цитатами, в основном из литературы республиканского Рима. К фрагментам принадлежит также небольшая цитата из Лактанция и еще одна из Диомеда (латинского грамматика 2-й пол. IV в. н. э.).

Августин не указывает, из какой книги он заимствовал критикуемое рассуждение, зато Ноний точно локализует свои глоссы. Все эти авторы цитируют, судя по всему, вторую редакцию, т. е. *Academica Posteriora*. Цитат, которые можно было бы отнести к утраченной части первой редакции, не сохранилось. Очевидно, вторая, окончательная редакция сочинения была, как и следует ожидать, лучше известна в античности. Впрочем, Квинтилиану были известны обе редакции (*Inst. orat.* III. 6, 64: *M. Tullius non dubitavit aliquos iam editos libros aliis postea scriptis ipse damnare, sicut Catulum atque Lucullum* [Марк Туллий не усумнился сам отменить некоторые свои уже изданные книги другими, например, «Катула» и «Лукулла»]), а Плутарху — только первая («Лукулл», 42).

Как же получилось, что Цицерон пустил в обращение две редакции одного и того же сочинения, тем более, что сам он признавал окончательной только вторую версию?

Проследим эту историю по письмам Цицерона. Первая редакция «Учения академиков» писалась с марта по май 45 г. до н. э. Для Цицерона это было тяжелое время — и в общественных, и в семейных делах он испытывал удары сокрушительной силы; ведь его скорая (через два с половиной года) гибель была уже предначертана исходом битвы при Мунде, победой Цезаря в гражданской войне — это известие с большим опозданием достигло Рима в апреле 45 г. Цицерон не знал еще наверное, что и его собственный путь подходит к концу¹⁵, но агония республики ощущалась им очень остро — тем более, что, несмотря на периоды политического бессилия и попытки отсидеться, он был непосредственным и отнюдь не рядовым участником событий и все перипетии этих бурных лет непосредственно затрагивали его личные перспективы и безопасность. Но и в домашней жизни, приобретшей для него особенное значение в это трудное время¹⁶, его ждала тяжелейшая утрата — смерть любимой дочери Туллии в феврале 45 г. После смерти дочери Цице-

¹⁵ Но временами догадывался. Ср. Att. XII, 23 от 19 марта 45 г.: «Я погиб, погиб, Атик; конечно, это случилось не сегодня, но сейчас я это признаю — после того, как потерял единственное, за что мог ухватиться. Поэтому я стремлюсь к одиночеству... (*Occidimus, occidimus Attice, iam pridem nos quidem, sed nunc fatemur, postea quam unum quo tenebamur amisimus. itaque solitudinem sequor...*).

¹⁶ См. письмо Аттику из Астуры от 24 марта 45 г.: «Ты призываешь меня вернуться к обычному образу жизни. Что ж, моим уделом уже и прежде было — скорбеть по государству, что я и делал, пусть и более сдержанно. Ведь раньше мне было на чем отдохнуть. Теперь же я решительно не могу продолжать прежней жизни, и не думаю, что должен считаться с тем, что обо мне подумают другие. Моя собственная совесть важнее для меня, чем всё, что говорят люди. В том, что я утешал самого себя литературными трудами, я не раскаялся — это принесло определенное облегчение. Мне удалось смягчить отчаяние, а боль не удалось, да я и не хотел бы этого, даже если бы мог» (Att. XII, 28, 2: *Quod me ad meam consuetudinem revocas, fuit meum quidem iam pridem rem publicam lugere, quod faciebam, sed mitius; erat enim ubi acquiescerem. nunc plane nec ego victum nec vitam illam colere possum nec in ea re quid aliis videatur mihi puto curandum; mea mihi conscientia pluris est quam omnium sermo. quod me ipse per litteras consolatus sum, non paenitet me quantum profecerim. maiorem minui, dolorem nec potui nec, si possem, vellem*).

рон некоторое время вообще не в состоянии выносить пребывания на людях. Несколько недель он провел в доме Аттика, затем в начале марта уехал на свою виллу в Астуре, где в полном уединении проводил целые дни, а часто и бессонные ночи, в литературных трудах¹⁷. Аттик зовет его обратно в Рим, к обычным занятиям, призывает подумать о своей репутации, которая может пострадать от неумеренных проявлений скорби. В этих увещаниях особенно заметно отличие римской общественной морали от современной. Сейчас отец, потерявший дочь, скорее станет оправдываться, если горе не захватит его до состояния полной прострации. Между тем достоинство римлянина состояло, по традиционным представлениям, в том, чтобы на следующий же день появиться на форуме и заниматься обычными делами как ни в чем не бывало. Цицерон, отстаивающий свое право на личное горе, и в то же время утверждающий достоинство своих литературных занятий как способа преодолевать горе, ничего общего не имеющего с расслабленностью и изнеженностью; как труда куда более тяжелого и в то же время куда более полезного и для самого скорбящего, и для его сограждан, чем хождение на форум, — фигура удивительной патетической силы¹⁸; в этих

¹⁷ Att. XII, 14, 3: *totos dies scribo*; XII, 20, 1: *totos dies consumo in litteris*; XIII, 26, 2: *equidem credibile non est quantum scribam, qui etiam noctibus; nihil enim somni*; XII, 15: *in hac solitudine careo omnium conloquio, cumque mane me in silvam abstrusi densam et asperam, non exeo inde ante vesperum. secundum te nihil est mihi amicus solitudine. in ea mihi omnis sermo est cum litteris. eum tamen interpellat fletus; cui repugno quoad possum, sed adhuc pares non sumus.*

¹⁸ Особенно выразительно в письме из Астуры 9 мая 45 г. (Att. XII, 40, 2–3): «Ты пишешь, что опасаясь, что моя популярность и авторитет пострадают от этого отчаяния. Я не понимаю, чего от меня хотят и за что меня осуждают. Мне не должно быть больно? Как это возможно? Я не должен впадать в бездействие? Кто грешит этим меньше, чем я? Пока твой дом приносил мне облегчение, разве я отказывался принимать кого бы то ни было? Разве кто-то из приходивших чувствовал, что пришел не вовремя? От тебя я отправился в Астуру. Эти неунывающие, которые меня осуждают, не смогли бы прочесть за это время столько, сколько я написал. Хорошо получилось или плохо — это другой вопрос, но во всяком случае это писания такого рода, что человек, сломленный духом, с ними не справится. Я 30 дней пробыл на даче. Кому я отказывал во встрече, с кем не желал говорить? Да и сейчас я столько читаю и столько пишу, что, похоже, окружающим отдых дается труднее, чем мне — работа. Если кто спросит, почему меня нет в Риме, отвечай: «потому что он уехал»; почему я не в том своем имении, где принято проводить это время года? Потому что мне тяжелы

письмах XII—XIII книг к Аттику, от цитирования которых трудно оторваться, особенно заметно, как далеко он опережал свое время; какой истовой любовью любил литературу и философию; как глубоко осознавал, за всеми политическими перипетиями, свою настоящую задачу, ту, что сохранила его имя в ходе веков, — задачу просветителя.

Над чем же он работает денно и нощно? По характеру сведений, которые он запрашивает в своих (почти ежедневных) письмах к Аттику, мы можем довольно уверенно судить о том, чем именно он в каждый данный момент занят. Непосредственно после смерти Туллии он приступил к «Утешению» (*Consolatio*); текст его утрачен. Еще в доме Аттика он «не упустил ни одного сочинения „Об облегчении скорби“, кем бы оно ни было написано»¹⁹. Но чтение само по себе не приносило облегчения. Тогда Цицерон предпринял, как он говорит, «неслыханное дело — написал «Утешение» самому себе». «Утешение» было в античной литературе древним и популярным жанром, но всегда бывало обращено философом к обычному человеку (не философу), потерявшему кого-то из близких, с призывом философски относиться к утрате, с примерами мужества в горе, с подобающими рассуждениями о бренно-

толпы людей, с которыми там пришлось бы общаться... Когда я вернусь в Рим, я ни взглядом, ни словом не подам повода для осуждения. Веселость, которая скрашивала мне печальные наши времена, я навсегда утратил, но твердость и выдержка как в душе, так и в речи меня не оставили (*Quod scribis te vereri ne et gratia et auctoritas nostra hoc meo maerore minuatur, ego quid homines aut reprehendant aut postulent nescio. ne doleam? qui potest? ne iaceam? quis umquam minus? dum tua me domus levabat, quis a me exclusus? quis venit qui offenderet? Asturam sum a te profectus. legere isti laeti qui me reprehendunt tam multa non possunt quam ego scripsi. quam bene, nihil ad rem, sed genus scribendi id fuit quod nemo abiecto animo facere posset. triginta dies in hortis fui. quis aut congressum meum aut facilitatem sermonis desideravit? nunc ipsum ea lego, ea scribo ut ii qui mecum sunt difficiliter otium ferant quam ego laborem. [3] si quis requirit cur Romae non sim: quia discessus est; cur non sim in iis meis praediolis quae sunt huius temporis: quia frequentiam illam non facile ferrem... cum Romam venero, nec vultu nec oratione reprehendar. hilaritatem illam qua hanc tristitiam temporum condiebam in perpetuum amisi, constantia et firmitas nec animi nec orationis requiretur).*

¹⁹ Att. XII, 14, 3 от 8 марта 45 г., Аскупа: *nihil enim de maerore minuendo scriptum ab ullo est quod ego non domi tuae legerim. sed omnem consolationem vincit dolor. quin etiam feci quod profecto ante me nemo ut ipse me per litteras consolaret. quem librum ad te mittam, si descripserint librarii. adfirmo tibi nullam consolationem esse talem. totos dies scribo, non quo proficiam quid sed tantisper impediatur non equidem satis (vis enim urget), — sed relaxor tamen ad omniaque nitor non ad animum sed ad vultum ipsum, si queam, reficiendum idque faciens interdum mihi peccare videor, interdum peccaturus esse nisi faciam.*

сти жизни. Совмещение же в одном лице поучающего философа и страдающего «профана» было смелым литературным новшеством с далеко идущими последствиями — к которым можно, наверное, причислить некоторые особенности литературной деятельности бл. Августина.

Уже в цитированном письме от 8 марта он обещает Аттику отослать ему свою «книжку», как только она будет переписана, но, очевидно, ему трудно было оторваться от этой работы, приносившей «великое утешение», — еще около двух месяцев он уточняет у Аттика исторические детали, относящиеся к «Утешению», основным источником которого он выбрал знаменитый трактат Крантора, академика IV—III вв. «О скорби» (Περὶ πένθους), «золотую книжечку, которую стоит выучить наизусть», как сказано в «Лукулле», 135.

Несколько раньше, вероятно, зимой до смерти Туллии — более точными сведениями мы не располагаем — был написан диалог «Гортензий», по жанру «протрептик», т. е. «увещание к философии», знаменитый той ролью, которую в «Исповеди» приписывает ему бл. Августин в своем обращении в христианство²⁰; но и этот диалог не пережил веков, отделяющих нас от Августина. В этом жанре славился «Протрептик» Аристотеля — один из его утраченных для нас блестящих «эксотерических», т. е. популярных, диалогов, и Цицерон использует его в качестве образца. «Гортензий» непосредственно интересует нас в связи с «Учением академиков», т. к. он составлял вместе с написанными позже «Катулом» и «Лукуллом» трилогию, объединенную общностью персонажей, временем и местом действия. Гортензий (114—50) был крупнейшим оратором I в., уступая пальму первенства одному Цицерону. Смерть этого вечного соперника, но и вечного товарища в судах и в сенате²¹ Цицерон опла-

²⁰ Augustini Confessiones Liber III, cap. 4: et usitato iam discendi ordine perveneram in librum cuiusdam Ciceronis, cuius linguam fere omnes mirantur, pectus non ita. sed liber ille ipsius exhortationem continet ad philosophiam et vocatur Hortensius. ille vero liber mutavit affectum meum, et ad te ipsum, domine, mutavit preces meas, et vota ac desideria mea fecit alia. viluit mihi repente omnis vana spes, et immortalitatem sapientiae concupiscebam aestu cordis incredibili, et surgere coeperam, ut ad te redirem. non enim ad acuendam linguam, quod videbar emere maternis mercedibus, cum agerem annum aetatis undevicensimum, iam defuncto patre ante biennium; non ergo ad acuendam linguam referebam illum librum, neque mihi locutionem, sed quod loquebatur persuaserat.

²¹ Brut. 2: dolebamque quod non, ut plerique putabant, adversarium aut obtrectatorem laudum mearum sed socium potius et consortem gloriosi laboris amiseram.

кал еще в 46 г. в диалоге «Брут», очерке истории римского красноречия, где Гортензию уделено почетное место. Разумеется, он был человеком образованным, но — что было широко известно — не любителем философии. «Гортензий» рисует беседу с участием Катутла и Лукулла, в ходе которой Цицерону удается преодолеть предубеждение Гортензия против философии вообще. Вполне естественным продолжением этого общего «увещания» было изложение собственной философской позиции Цицерона — его просили разъяснить, какую именно из многих представленных в то время философий (их многочисленность и противоречивость была одним из распространенных возражений против философии как таковой) он особенно «одобряет», по излюбленному латинскому выражению. Тут возникало, однако, определенное затруднение, связанное с характером выведенных персонажей.

Чтобы вполне его понять, нужно отчетливо представлять себе, что, несмотря на несомненную фиктивность литературных диалогов²², выбор персонажей в них отнюдь не был произвольным. Уже в платоновских диалогах мы встречаем в основном подлинных жителей или гостей тогдашних Афин, личностей, хорошо известных современникам, со всеми вытекающими отсюда для автора проблемами избежания анахронизмов, учета соотношения возрастов прочих персонажей с Сократом и между собой, соответствия диалогической партии реальному характеру и знаниям выведенного лица. Немалое значение имеет во многих платоновских диалогах и рамка, определяющая настроение беседы, а порой и прямо влияющая на восприятие содержания: вспомним незабвенный платан в «Федре» или атмосферу прощания с Сократом в «Федоне». Цицерон иногда использует непосредственно платоновские реминисценции в оформлении, иногда, вероятно, вдохновляется более поздними и не дошедшими до нас образцами, но, во всяком случае, подходит к выбору персонажей очень тщательно. Что касается «Гортензия» и его продолжения, то, видимо, Цицерона очень привлекала идея трилогии (опять же в платоновской традиции, как «Апология Сократа» — «Критон» — «Федон»). Беседа в «Гортензии» происходила на вилле Лукулла в 62/61 г. до н. э., в «Катуле» и «Лукулле» соответственно — на виллах самого Катутла и Гортензия в два последующих

²² См. посвяtitельное письмо к Варрону в настоящем издании.

дня. Дата вычисляется легко, поскольку беседа происходит после цicerоновского консульства и раскрытия заговора Катилины (упоминаемых в диалоге) (63 г.) и до смерти Катула осенью 61 г. Выбрана она не случайно: Цицерон по возрасту несколькими годами младше остальных собеседников, и не будь он к этому времени консуляром, т. е. человеком, достигшим высшей «почести» (как называли римляне выборные государственные должности) в государстве, он не мог бы беседовать с ним на равных. Как в греческой, так и в римской традиции ситуация, когда младший (по возрасту или положению) много говорит в присутствии старших, воспринималась как неприличная и недопустимая — и с этим тоже приходилось считаться авторам диалогов. Для беседы о пользе (или бесполезности) философии в целом Катул, Лукулл и Гортензий подходили идеально: это были люди одного (высшего и образованного) круга и примерно одного (высокого) ранга, люди, известные своими общественными заслугами и близкие Цицерону по политическим взглядам; немаловажно и то, что никого из них к этому времени уже не было в живых: Цицерон поставил себе за правило выводить в своих диалогах только умерших (об этом см. ниже), как дань их памяти, и до поры до времени старался этого придерживаться. Не раз отмечалась ностальгическая нота в этих цicerоновских описаниях досугов «порядочных людей» времен зенита его политической карьеры, когда государство «еще стояло прочно» — и в то же время до заката оставалось так немного. Но когда далее Цицерон вывел тех же персонажей в беседе уже на «профессиональную» философскую тему, в обсуждении того (весьма тонко разработанного) философского учения, приверженцем которого был он сам, а именно скептической Академии, он резко ощутил неуместность замысловатых рассуждений в устах своих патриархальных друзей. Тем не менее диалоги были завершены. 13 мая Цицерон пишет Аттику из Астуры: «Я закончил здесь две большие книги. Это единственный способ для меня уйти от тоски»²³. В это время он уже работает параллельно, как явствует из писем, над диалогом «О пределах блага и зла», с другим набором персонажей. Но неуверенность его не оставляет. Выход находится в написании новых введений к «Катулу» и «Лукул-

²³ Att. XII, 44, 4: ego hic duo magna συντάγματα absolvi; nullo enim alio modo a miseria aberrare possum.

лу». Они составлены как «восхваления» (*laudatio* было отдельным жанром, восходящим, конечно, к надгробной речи) обоих персонажей, где им, помимо всех прочих доблестей, приписываются особый интерес к философии и компетентность в этой области — в свою очередь, и авторитет философии подтверждается тем, что ею не пренебрегали столь достойные и высокопоставленные государственные мужи. Разумеется, Цицерон не рассчитывал и не стремился ввести своих собеседников в заблуждение — это была чисто литературная игра. Впрочем, отдаленные потомки в античности принимали ее порой за чистую монету: биография Лукулла у Плутарха основана в значительной мере на некритическом использовании цicerоновского «восхваления».

О «публикации» этой версии, т. е., в том числе и известного нам «Лукулла», читаем в письме Аттику от 29 мая: «„Торкват“ уже в Риме: я отправил его для вручения тебе. „Катула“ и „Лукулла“ ты получил, я думаю, еще раньше. К этим книгам я добавил новые введения: восхваления каждого из них»²⁴. Но на этом история создания «Учения академиков» не закончилась. Внутреннее беспокойство, видимо, не оставляло автора, а стечение обстоятельств подтолкнуло его к переработке уже законченного и выпущенного в свет (новые произведения Цицерона, отданные умелым переписчикам Аттика, расходились по Риму мгновенно: многие только и ждали известия об их появлении, чтобы как можно скорее снять и для себя копию) произведения. Обстоятельства эти изложены в письме Аттику от 26 июня из Арпинского имения, куда он приехал в начале июня: «Я до сих пор шагу не сделал с виллы, такие сильные и непрерывные шли дожди. Мое „академическое сочинение“ я целиком перенес на Варрона. Сперва у меня там действовали Катул, Лукулл и Гортензий; затем, чувствуя, что это неуместно — ведь всем известна их не то чтобы необразованность, но неискушенность в этих предметах — я, как только приехал сюда на виллу, передал те же самые рассуждения Катону и Бруту. И тут приходит твое письмо о Варроне! Нет более подходящего человека, чтобы излагать учение

²⁴ Att. XIII, 32, 3: Torquatus Romae est. misi ut tibi daretur. Catulum et Lucillum, ut opinor, antea. his libris nova prohoemia sunt addita, quibus eorum uterque laudatur. Под «Торкватом» разумеется I книга «О пределах блага и зла», где эпикурейское учение о высшем благе излагалось неким Луцием Торкватом.

Антиоха. Но сперва напиши мне, пожалуйста, во-первых, действительно ли ты считаешь, что мне стоит вывести его в каком-нибудь сочинении, и, во-вторых, если да, то в этом ли именно»²⁵. Итак, Цицерон в дождливые дни на вилле переписал диалог так, что персонажами стали не старшие, а младшие его современники, стоявшие на высоте греческой учености, в этом поколении уже намного более распространенной: Брут (85—42) и Катон (95—46), незадолго перед этим покончивший с собой в Утике и прославленный как негибаемый республиканец в сочинении Цицерона «Катон» (на которое Цезарь не поленился, среди всех тревог гражданской войны, откликнуться «Антикатоном»).

Но эта промежуточная версия прожила лишь несколько дней и была отброшена. Цицерон получил письмо Аттика, где друг доводил до его сведения горячее желание знаменитого римского антиквара Марка Теренция Варрона получить роль в каком-нибудь из его диалогов. Это решило его колебания. Он отвечает Аттику 23 июня: «о том, что ты мне пишешь о Варроне: ты знаешь, что раньше я писал речи или сочинения такого рода, что для Варрона там не могло быть места. А когда я приступил к более *ученым* жанрам, Варрон уже тогда обещал посвятить мне очень большое и важное сочинение. С тех пор прошло два года, и за это время этот *Каллипид* сумел, не слезая с коня, не продвинуться ни на шаг. Я же намеревался ответить на то, что он мне пришлет, чтобы воздать *тою же мерой и лучше* <Гесиод, «Труды и дни», 347—348>, если только сумею — ведь даже Гесиод добавил «если смогу». Но теперь сочинение *О пределах блага и зла*, которым я очень доволен, я просватал Бруту, по твоему же совету, и ты же сам написал мне, что он совсем не против. Так что передадим Варрону то *Академическое сочинение*, где весьма благородные, но никак не ученые люди слишком уж тонко рассуждают. Тем более, что речь там идет об учении Антиоха, ко-

²⁵ Att. XIII, 16, 1: ...Pedem e villa adhuc egressi non sumus; ita magnos et adsiduos imbris habebamus. illam Ἀχαδημικὴν σύνταξιν totam ad Varronem traduximus. Primo fuit Catuli, Luculli, Hortensi; deinde quia παρὰ τὸ πρέπον videbatur, quod erat hominibus nota non illa quidem ἀπαιδευσία sed in iis rebus ἀτριφία, simul ac veni ad villam, eosdem illos sermones ad Catonem Brutumque transtuli. Ecce tuae litterae de Varrone. Nemini visa est aptior Antiochia ratio. [2] Sed tamen velim scribas ad me, primum placeatne tibi aliquid ad illum, deinde, si placebit, hocne potissimum.

торому он так привержен. А Катулу и Лукуллу воздадим должное в каком-нибудь другом месте, но только если ты одобряешь этот план. Напиши мне, пожалуйста, об этом»²⁶.

Идея вдохновила Цицерона, а страх перед суждением Варрона — которого он хоть и уважал за ученость, но в личном общении выносил с трудом, боялся его обидчивости и вспыльчивости, а также строгости суждений, при том что в литературных пристрастиях они расходились²⁷ —

²⁶ Att. XIII, 12, 2–3 (24 июня 45 г.): Quod ad me de Varrone scribis, scis me antea orationes aut aliquid id genus solitum scribere ut Varronem nusquam possem intexere. Postea autem quam haec coepi φιλολογώτερα, iam Varro mihi denuntiaverat magnam sane et gravem προσφώνησιν. Biennium praeteriit cum ille Καλλιπίδης adsiduo cursu cubitum nullum processerit, ego autem me parabam ad id quod ille mihi misisset ut 'αὐτῷ τῷ μέτρῳ καὶ λώιον', si modo potuissem; nam hoc etiam Hesiodus ascribit, 'αἴ κε δύνῃαι'. Nunc illam περὶ τελῶν σύνταξιν sane mihi probatam Bruto, ut tibi placuit, despondimus, idque <tu> eum non nolle mihi scripsisti. Ergo illam Ἀκαδημαίην, in qua homines nobiles illi quidem sed nullo modo philologi nimis acute loquuntur, ad Varronem transferamus. Etenim sunt Antiochia quae iste valde probat. Catulo et Lucullo alibi reponemus, ita tamen si tu hoc probas; deque eo mihi rescribas velim.

²⁷ Ср. письмо, написанное двумя неделями позже, когда работа уже завершена и книги посланы Аттику для переписывания (а для подарка Варрону была приготовлена особенно роскошная копия на пергаменте (ср. XIII, 24: quid tibi ego de Varrone rescribam? quattuor διφθέραι sunt in tua potestate) специального большого формата, и тем не менее оба друга продолжают взволнованно обсуждать «великий риск» вручения их Варрону: Att. XIII, 25, 3 от 12 июля 45 г.: «Но почему тебя так пугает, что я сказал „эти книги пойдут к Варрону на твой страх и риск“? А если у тебя и сейчас еще есть сомнения, дай знать. Книжки-то получились лучше не бывает. Меня Варрон устраивает, тем более что ему самому этого хотелось. Но он ведь, как ты знаешь, *взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он* <„Илиада“, XI, 654, пер. Гнедича>. И я часто представляю себе выражение его лица, как он жалуется, например, что мои аргументы в диалоге разработаны лучше, чем его... но всё же у меня есть надежда, что Варрону понравится, и я был бы доволен, если бы он получил книги, раз уж мы потратились на широкие свитки. Но повторяю тебе снова и снова: всё это на твой страх и риск; если у тебя возникнут сомнения, перепишем на Брута: он ведь тоже последователь Антиоха. Ах, Академия в своем духе, никакой устойчивости — то туда, то сюда! Но скажи, тебе понравилось мое письмо Варрону? Провалиться мне, если я над чем-нибудь еще так старался!» (Sed quid est tandem quod perhorrescas quia tuo periculo iubeam libros dari Varroni? Etiam nunc si dubitas, fac ut sciamus. Nihil est enim illis elegantius. Volo Varronem, praesertim cum ille desideret; sed est, ut scis, δεινὸς ἀνὴρ· τάχα κεν καὶ ἀναίτιον αἰτιώσῃτο. Ita mihi saepe occurrit vultus eius

заставил еще раз основательно переработать текст, изменив даже его структуру: две книги превратились в четыре. Сам автор остался чрезвычайно доволен результатом: «Вдохновленный тем, что ты написал мне о Варроне, я полностью отобрал Академию у знатнейших мужей и передал нашему приятелю, сделав к тому же из двух книг четыре. В целом они получились больше, чем первые, хотя я многое вычеркнул. Но напиши мне, ради Бога, как ты догадался, что он хочет <попасть в диалог>? А еще мне ужасно хочется знать, к кому он, как ты понял, приревновал? Неужели к Бруту? Этого только не хватало! Но страшно интересно. А книжки получились такие, что если меня не обманывает обычная авторская самовлюбленность, в этом жанре и у греков ничего похожего не найдешь. И ты не пожалеешь, что пропали расходы на переписывание того, что я тебе раньше послал про Академию. Теперь все изложено куда выразительнее, короче и лучше»²⁸. К сожалению, от этой улучшенной версии до нас дошла примерно десятая часть — наша «Книга Первая второй редакции».

Место «Учения академиков»

в ряду философских диалогов Цицерона

Трилогия «Гортензий» — «Лукулл» — «Катул» была не первым диалогом Цицерона философского содержания. Три книги «Об ораторе», 55 г., хотя и относятся к «риторическим» сочинениям, не

querentis fortasse vel hoc, meas partis in iis libris copiosius defensas esse quam suas... sed tamen ego non despero probatum iri Varroni et id, quoniam impensam fecimus in macrocolla, facile patior teneri. Sed etiam atque etiam dico, tuo periculo fiet. Qua re si addubitas, ad Brutum transeamus; est enim is quoque Antiochius. O Academiam volaticam et sui similem! modo huc, modo illuc. Sed, quaeso, epistula mea ad Varonem valdene tibi placuit? (male mi sit si umquam quicquam tam enitar).

²⁸ Att. XIII, 13, 1: Commotus tuis litteris, quod ad me de Varrone scripseras, totam Academiam ab hominibus nobilissimis abstuli, transtuli ad nostrum sodalem et ex duobus libris contuli in quattuor. Grandiores sunt omnino quam erant illi sed tamen multa detracta. Tu autem mihi pervelim scribas qui intellexeris illum velle; illud vero utique scire cupio quem intellexeris ab eo ζηλοτυπεῖσθαι nisi forte Brutum. Id hercle restabat! sed tamen scire pervelim. Libri quidem ita exierunt nisi forte me communis φιλαντία decipit, ut in tali genere ne apud Graecos quidem simile quicquam. Tu illam iacturam feres aequo animo quod illa quae habes [de academicis] frustra descripta sunt. Multo tamen haec erunt splendidiora, breviora, meliora.

стоит, по замечанию самого автора, слишком резко отделять от собственно «философских» трактатов: это не учебник красноречия, а философское рассуждение о нем — а о риторике рассуждал и сам Аристотель²⁹. И, что существенно, это тоже диалог. В 54–51 гг., в эпоху, когда господство триумвиров практически парализовало нормальную работу Сената и Цицерон предпочитал проводить время в своих расположенных вне Рима имениях, писались два (сохранившиеся лишь частично) философско-политических сочинения с амбициозными «платоновскими» названиями: «О государстве» и «О законах». Наконец, всего за год до «Учения академиков», в 46 г., написан небольшой трактат «Брут, или О знаменитых ораторах», где беседу ведут сам Цицерон, Марк Юний Брут, будущий убийца Цезаря, и Аттик. Вступлением служит некролог-восхваление Гортензия, умершего в 50 г. Именно появление «Брута», первого опубликованного³⁰ произведения, где в главной роли выступал сам Цицерон в беседе с еще здравствующими современниками, и вызвало, видимо, ревность Варрона и его желание тоже быть выведенным в диалог. Вообще оказалось, что это литературное решение — беседа с современниками, драматическая дата которой недалеко отстоит от даты написания, — продиктованное в «Бруте», конечно, потребностью прямо и от своего лица высказаться о положении государства³¹, создало автору совершенно новые проблемы (и в то же время придало его сочинениям для многих читателей новый интерес): отныне более или менее образованные, более или менее близкие к Цицерону личности тогдашнего Рима наперебой добиваются чести быть выведенными в цicerоновском диалог³². Но предоставим

²⁹ См. Div. II, 4.

³⁰ Диалог «О законах» — первая попытка в этом жанре — оставался при жизни Цицерона неопубликованным; см. ниже.

³¹ Именно в этом трактате находится прославленное Тютчевым «Я поздно встал и на дороге / застигнут ночью Рима был» (Brut. 330: *equidem etsi doleo me in vitam paulo serius tamquam in viam ingressum, priusquam confectum iter sit, in hanc rei publicae noctem incidisse...* [хотя мне и больно, что я немного опоздал родиться, как бы поздновато пустился в дорогу и, не успев завершить путь, был застигнут ночью государства...]).

³² Ср.: Att. XII, 12, 2 от 16 марта 45 г.: *De Epicuro, ut voles; etsi μετὰρρόσημι in posterum genus hoc personarum. Incredible est quam ea quidam requirant. Ad antiquos igitur; ἀνεμίστητον γάρ* [Насчет Эпикура <т. е. роли эпикурейца в «О пределах добра и

слово ему самому: «Что до Варрона, то соображение, как бы мне не показаться снобом, выводящим в диалогах исключительно великих людей, меня бы не смутило. Ведь я еще раньше решил не включать в диалоги никого, кто еще жив. Но поскольку ты написал, что Варрону этого очень хочется и что он придает этому большое значение, то я и написал эти книжки и изложил весь спор об Академии в четырех книгах — не знаю уж, насколько хорошо, но так тщательно, что тщательнее невозможно. В этом диалоге я отдал Варрону аргументы против непознаваемости, с таким блеском выдвинутые Антиоком. На них я отвечаю от своего лица. Ты — третий участник нашей беседы. Если бы я изобразил беседующими Варрона и Котту, как ты мне советуешь в последнем письме, то сам бы я мог быть только лицом без речей. Это может выглядеть очень изящно, когда действующие лица диалога принадлежат отдаленному времени, как это сделано во многих диалогах Гераклида и в наших „Шести книгах о государстве“. Мои „Три книги об ораторе“ мне очень нравятся; в них персонажи тоже таковы, что я рядом с ними мог только молчать. Ведь там беседуют Красс, Антоний, старик Катул, Гай Юлий, брат Катула, Котта и Сульпиций. Беседа происходит в те времена, когда я был еще мальчишкой, поэтому я не мог принимать в разговоре никакого участия. А то, что я написал в последнее время, — это диалоги в манере Аристотеля, где речи остальных персонажей изображаются так, что главная роль остается ему самому. В таком духе я написал „Пять книг о пределах блага и зла“, где эпикурейская партия отдана Луцию Торквату, стоическая — Марку Катону, перипатетическая — Марку Пизону. Я считал, что это не может вызвать ревности, поскольку никого из них уже нет в живых. И это сочинение про Академию я, как ты знаешь, составил так, что в беседе принимали участие Катул, Лукулл, Гортензий. Конечно, содержание очень плохо подходило к персонажам: здесь было столько диалектических тонкостей, что им такое и во сне не могло присниться. Поэтому когда я прочел твое письмо о Варроне, я воспринял его как знак свыше. Трудно было придумать что-нибудь более подходящее: ведь излагалась та философия, которая ему, насколько я знаю, больше всего нравится, а моя роль при этом такова, что я не стре-

зла»> я поступаю, как ты советуешь; но в будущем я сменю этот род персонажей. Невероятно, как этого домогаются. Так что назад к давно умершим: оно безопаснее].

мился показать, что правота на моей стороне. Ведь доводы Антиоха очень „вероятны“; и я изложил их очень тщательно, так что в них Антиохова глубина мысли сочетается с моим красноречием, если считать, что мне таковое свойственно»³³.

Об этих двух возможностях драматургии диалога, «гераклидовской» и «аристотелевской», о преимуществах и недостатках каждого из них Цицерон задумывался уже в 50-е гг., как только приступил к жанру философского диалога. Если «О государстве» — образец диалога «в манере Гераклида», создающий ностальгически-просветленный образ золотого века Римской республики, то уже во фрагментарно сохранившемся диалоге «О законах» главная роль принадлежит консуляру Цицерону, авторитетно беседующему о политических материях с младшим братом Квинтом и другом Аттиком, лицом, на протяжении всей своей жизни сугубо частным. Этот «аристотелевский» диалог, по причинам, о которых мы можем только догадываться, так и не был завершен и опубликован автором и, судя по всему, стал достоянием публики только тогда, когда после смерти

³³ Att. XIII, 19, 3—5 от 29 июня 45 г.: [3] In Varrone ista causa me non moveret ne viderer φιλένδοξος (sic enim constitueram neminem includere in dialogos eorum qui viverent); sed quia <scribis> et desiderari a Varrone et magni illum aestimare, eos confeci et absolvi nescio quam bene, sed ita accurate ut nihil posset supra, academicam omnem quaestionem libris quattuor. in eis quae erant contra ἀκαταληψίαν praeclare conlecta ab Antiocho, Varroni dedi. ad ea ipse respondeo; tu es tertius in sermone nostro. si Cottam et Varronem fecissem inter se disputantis, <ut> a te proximis litteris admoneor, meum κωφὸν πρόσωπον esset. [4] hoc in antiquis personis suaviter fit, ut et Heraclides in multis et nos <in> vi 'de re publica' libris fecimus. sunt etiam 'de oratore' nostri tres mihi vehementer probati. in eis quoque eae personae sunt ut mihi tacendum fuerit. Crassus enim loquitur, Antonius, Catulus senex, C. Iulius frater Catuli, Cotta, Sulpicius. puero me hic sermo inducitur, ut nullae esse possent partes meae. quae autem his temporibus scripsi Ἀριστοτέλειον morem habent in quo ita sermo inducitur ceterorum ut penes ipsum sit principatus. ita confeci quinque libros περὶ τελῶν ut Epicurea L. Torquato, Stoica M. Catoni, περιπατητικὰ M. Pisoni darem. Ἀζηλοτύπητον id fore putaram quod omnes illi decesserant. haec 'academica', ut scis, cum Catulo, Lucullo, Hortensio contuleram. sane in personas non cadebant; erant enim λογικώτερα quam ut illi de iis somniasse umquam viderentur. itaque ut legi tuas de Varrone, tamquam ἔρμαιον adripui. aptius esse nihil potuit ad id philosophiae genus quo ille maxime mihi delectari videtur, easque partis ut non sim consecutus ut superior mea causa videatur. sunt enim vehementer πιθανὰ Antiochia; quae diligenter a me expressa acumen habent Antiochi, nitorem orationis nostrum si modo is est aliquis in nobis.

Цицерона его секретарь Тирон стал публиковать архив. В письме брату Квинту осенью 54 г. Цицерон рассказывает, что по совету одного из друзей хочет переписать «О государстве» в аристотелевской манере. Этот замысел был вскоре отброшен (почему — нам неизвестно), и Цицерон вернулся к первоначальной версии. Упомянутое письмо к Квинту позволяет предположить, что диалог «О законах» обязан своим самостоятельным (отдельно от книг «О государстве») существованием именно желанию Цицерона опробовать аристотелевскую манеру: «Ты спрашиваешь, как поживают те книги, которые я начал писать на Куманской вилле: я их не оставлял и не оставляю, но уже несколько раз менял весь замысел и способ изложения. Когда уже написаны были две книги той редакции, где беседа происходила во время девятидневного праздника в год консульства Тудитана и Аквилія <129 г. до н. э.>, а участвовали в ней Сципион Африканский (перед самой своей смертью), а также Лелий и... <следуют имена прочих участников>..., и вся беседа, распределенная по девяти дням и девяти книгам, была посвящена наилучшему государственному устройству и наилучшему гражданину — вещь получалась отличная, а высокое достоинство высокопоставленных собеседников придавало всему рассуждению особый вес — так вот, когда в моем Тускуланском имении было устроено чтение этих книг в присутствии Саллюстия, он заметил мне, что обсуждение этих тем звучало бы куда более авторитетно, если бы я рассуждал о государстве от своего лица, тем более что я не Гераклид Понтийский, а консуляр и человек, принимавший участие в важнейших событиях жизни государства; если я вложу рассуждение в уста людей, живших так давно, оно покажется выдумкой³⁴; то, что я в моем сочинении о красноречии, хотя сам не участвую в беседе, но вкладываю ее в уста тех, кого сам еще видел, — изящный ход; наконец, Аристо-

³⁴ Цицерон решительно не желал быть автором «выдумок» или «сказок». Поэтому он обсуждает только выбор между «гераклидовской» и «аристотелевской» манерой, хотя набор моделей в эллинистической литературе этим не исчерпывался. Так, он отмечает для себя возможность диалога мифологических персонажей, см. Sen. 3: *Omne autem sermonem tribuimus non Tithono, ut Aristo Chius — parum enim esset auctoritatis in fabula — sed M. Catoni seni, quo maiorem auctoritatem haberet oratio* [«Все рассуждение мы вложили в уста не Тифону, как Аристон с Хиоса — ведь сказка выглядела бы недостаточно солидно, — а старцу Марку Катону, чтобы наши слова имели больше веса].

тель, когда рассуждает о государстве и о человеке, его возглавляющем, говорит от собственного лица. Это произвело на меня большое впечатление, тем более, что в этих книгах я не мог коснуться величайших потрясений нашего государства, поскольку они происходили позже, чем жили участники беседы. Но я тогда к этому и стремился, не желая никого задеть, если буду касаться нашего времени»³⁵. В 46—45 гг. Цицерон не только не стремится «никого не задеть», но даже пишет политические памфлеты («Катон»). И, конечно, предчувствуя близкий конец и ощущая себя живым воплощением «республики», подлинного государства, в противоположность гражданской войне и тирании, на высоте авторитета, даваемого возрастом и рангом консуляра, он испытывает настоятельную потребность высказываться от собственного лица.

Таковы соображения о выбранной Цицероном форме. А что нам известно о мотивах Цицерона в выборе темы?

Новый период литературного творчества после значительного перерыва Цицерон начинает в 46 г., как и в 50-х, с сочинений о красноречии (упоминавшиеся диалог «Брут» и трактат «Оратор») — надо полагать, чтобы «расписаться», поскольку эти материи не представляли для него совсем уж никаких затруднений. Но уже в «Ораторе» он обещает в дальнейшем сочинения «о гораздо более серьезных и

³⁵ Q. fr. III, 5, 1—2 (конец октября или начало ноября 54 г.): Quod quaeris, quid de illis libris egerim, quos, cum essem in Cumano, scribere institui, non cessavi neque cesso, sed saepe iam scribendi totum consilium rationemque mutavi; nam iam duobus factis libris, in quibus novendialibus iis ferris, quae fuerunt Tuditano et Aquilio consulibus, sermo est a me institutus Africano paullo ante mortem et Laelii, Philii, Manilii, P. Rutilii, Q. Tuberonis et Laelii generorum, Fannii et Scaevolae, sermo autem in novem et dies et libros distributus de optimo statu civitatis et de optimo cive — sane texebatur opus luculente hominumque dignitas aliquantum orationi ponderis afferebat, — ii libri cum in Tusculano mihi legerentur audiente Sallustio, admonitus sum ab illo multo maiore auctoritate illis de rebus dici posse, si ipse loquerer de re publica, praesertim cum essem non Heracles Ponticus, sed consularis et is, qui in maximis versatus in re publica rebus essem; quae tam antiquis hominibus attribuerem, ea visum iri ficta esse; oratorum sermonem in illis nostris libris, qui essent de ratione dicendi, belle a me removisse, ad eos tamen rettulisse, quos ipse vidissem; Aristotelem denique, quae de re publica et praestanti viro scribat, ipsum loqui. (2) Commovit me, et eo magis, quod maximos motus nostrae civitatis attingere non poteram, quod erant inferiores quam illorum aetas, qui loquebantur; ego autem id ipsum tum eram secutus, ne in nostra tempora incurrens offenderem quempiam.

важных вещах»³⁶, что служит у него обычной перифразой для философии. За этим обещанием последовал, видимо еще до смерти Туллии, «Гортензий» — апология занятий философией. Смерть дочери на некоторое время смешала планы Цицерона — самой настоящей работой становится «Утешение». Но как только оно закончено, он возвращается к философскому проекту. Естественным продолжением «Гортензия» было изложение собственных философских взглядов Цицерона, а именно учения «Новой Академии», тем более, что эти взгляды, очевидно, не пользовались особой популярностью у римской читающей публики: едва ли не всякий раз, как Цицерон упоминает в дальнейших своих сочинениях «Учение академиков», он вводит это упоминание характерной формулой такого содержания: «тем, кто удивляется, почему я выбрал эту нелепую и устаревшую, да к тому же и сбивающую с толку философию, я дал достойный отпор в этих четырех книгах»³⁷. Таким образом, за апологией философии в целом следовала апология конкретного философского направления³⁸.

Именно так характеризует это сочинение сам Цицерон, когда в своих более поздних трактатах, оглядываясь назад, обозначает место «Учения академиков» в ряду своих философских сочинений. Наиболее подробный отчет о проделанной работе мы находим во

³⁶ Orat. 148: quae quidem me antea in iudicia atque in curiam deducebant, nunc oblectant domi; nec vero talibus modo rebus, qualis hic liber continet, sed multo etiam gravioribus et maioribus; quae si sunt perfectae, profecto forensibus nostris rebus etiam domesticae litterae respondebunt.

³⁷ См. тексты, приведенные в примеч. 10.

³⁸ Cp. Nat. deor. I, 6: Multum autem fluxisse video de libris nostris, quos compluris brevi tempore edidimus, variumque sermonem partim admirantium, unde hoc philosophandi nobis subito studium extitisset, partim, quid quaque de re certi haberemus, scire cupientium; multis etiam sensi mirabile videri eam nobis potissimum probatam esse philosophiam, quae lucem eriperet et quasi noctem quandam rebus offunderet, desertaeque disciplinae et iam pridem relictæ patrociniū necopinatum a nobis esse susceptum [Я вижу, что мои книги, которых я в короткое время выпустил так много, вызвали множество разговоров: одни удивляются, с чего на меня вдруг напала охота философствовать, другие требуют, чтобы я высказал определенно собственное убеждение по каждому предмету; кроме того, многим, как я заметил, кажется удивительным, что я неожиданно взялся отстаивать опустевшую, давно уже оставленную философскую школу].

введении ко II книге «О дивинации»: «Я много и долго размышлял над тем, чем я мог бы по-прежнему приносить пользу как можно большему числу людей, дабы никогда не покидать поста на службе государству. Ни одна задача не показалась мне более важной, чем открыть моим согражданам пути к наилучшей образованности. И я думаю, что достиг этого своими книгами, которых набралось уже очень много. Ведь я и призывал по мере сил к занятиям философией — в книге, озаглавленной „Гортензий“, и показал в четырех книгах „Учения академиков“, какой род философствования кажется мне наименее самоуверенным и наиболее последовательным и тонким. А поскольку основной вопрос философии — это высшее благо и зло, то эту область мы подробно разобрали в пяти книгах, из которых можно узнать, что говорил по этому поводу каждый из философов и что ему возражали. За этим последовало столько же книг „Тускуланских бесед“, где разбираются те вопросы, которые особенно важны для того, чтобы жить счастливо: первая книга — о презрении к смерти, вторая — о перенесении страдания, третья — о смягчении горя, четвертая — о прочих душевных аффектах, пятая излагает учение, которым особенно славна вся философия: она разъясняет, что добродетель сама по себе достаточна для того, чтобы жить счастливо. Выпустив их в свет, я написал еще три книги „О природе богов“, где изложена вся относящаяся сюда проблематика. А чтобы целиком и полностью исчерпать этот вопрос, в настоящих книгах я изложил вопрос о дивинации. А если мне удастся выполнить свое намерение и добавить к этому еще книгу „О судьбе“, то, я думаю, на эти темы будет сказано более чем достаточно. К этим философским сочинениям нужно приписать и те шесть книг „О государстве“, которые я написал, еще стоя у кормила государства: это важная тема, относящаяся к философии, подробно разбиравшаяся Платоном, Аристотелем, Феофрастом и всеми перипатетиками от мала до велика. Что сказать об „Утешении“? Оно немного помогло даже мне самому и принесет, надеюсь, немалую пользу и другим. Недавно сюда добавилась книжка „О старости“, посвященная моему другу Аттику. В число этих книг можно включить и „Катона“, прежде всего потому, что именно философия делает человека достойным и отважным. А поскольку Аристотель, а также Феофраст, писатели, выдающиеся и остротой ума и красотой стиля, соединяли учение о красноречии с философией, то и наши сочинения по риторике мож-

но включить в это число: это три книги „Об ораторе», четвертой будет „Брут“, а пятой — „Оратор“»³⁹.

В приведенном тексте заметно, что Цицерон делит свои трактаты, независимо от времени написания, на две большие группы (внутри которых перечисление идет в хронологическом порядке). Первая из них — сочинения собственно философские, так сказать, техниче-ски-философские, систематически излагающие важнейшие фило-софские «топосы»; именно в них выковывалась латинская философ-ская терминология — ее создание было одной из основных трудно-стей, но и одной из важнейших задач, стоявших в этой области пе-ред Цицероном. Нужно отметить, что в получившемся ряду пред-ставлены все три традиционных подразделения философии: логика («Учение академиков»), этика («О пределах блага и зла», «Туску-ланские беседы»), физика («О природе богов», «О дивинации»,

³⁹ Div. II, 1—3: Quaerenti mihi multumque et diu cogitanti quam re possem prodesse quam plurimis, ne quando intermitterem consulere rei publicae, nulla maior occurrebat, quam si optimarum artium vias traderem meis civibus; quod compluribus iam libris me arbitror consecutum. Nam et cohortati sumus ut maxime potuimus ad philosophiae studium eo libro qui est inscriptus Hortensius, et, quod genus philosophandi minime adrogans maximeque et constans et elegans arbitraremur, quattuor Academicis libris ostendimus. (2) Cumque fundamentum esset philosophiae positum in finibus bonorum et malorum, perpuratus est is locus a nobis quinque libris, ut quid a quoque et quid contra quemque philosophum diceretur intellegi posset. Totidem subsecuti libri Tusculanarum disputationum res ad beate vivendum maxime necessarias aperuerunt. Primus enim est de contemnenda morte, secundus de tolerando dolore, de aegritudine lenienda tertius, quartus de reliquis animi perturbationibus, quintus eum locum complexus est, qui totam philosophiam maxime inlustrat: docet enim ad beate vivendum virtutem se ipsa esse contentam. (3) Quibus rebus editis tres libri perfecti sunt de natura deorum, in quibus omnis eius loci quaestio continetur. Quae ut plane esset cumulateque perfecta, de divinatione ingressi sumus his libris scribere; quibus, ut est in animo, de fato si adiunxerimus, erit abunde satisfactum toti huic quaestioni. Atque his libris adnumerandi sunt sex de re publica, quos tum scripsimus, cum gubernacula rei publicae tenebamus: magnus locus philosophiaeque proprius a Platone, Aristotele, Theophrasto totaque Peripateticorum familia tractatus uberrime. Nam quid ego de Consolatione dicam? quae mihi idem ipsi sane aliquantum medetur, ceteris item multum illam profuturam puto. Interiectus est etiam nuper liber is, quem ad nostrum Atticum de senectute misimus; in primisque quoniam philosophia vir bonus efficitur et fortis, Cato noster in horum librorum numero ponendus est. (4) Cumque Aristoteles itemque Theophrastus, excellentes viri cum subtilitate tum copia, cum philosophia dicendi etiam praecepta coniunxerint, nostri quoque oratorii libri in eundem librorum numerum reverendi videntur: ita tres erunt de oratore, quartus Brutus, quintus Orator.

«О судьбе» — все эти вопросы античная философия относил к «физике», рассмотрению мироустройства; но, разумеется, физика этим не исчерпывалась, как и логика не исчерпывалась теорией познания). Вторая группа — сочинения скорее «популярные», также философского, но не профессионально-философского содержания, написанные доступным языком, практически без специальной терминологии. Важнейшие и самые пространные из них — диалоги «гераклидовского» рода, и это не случайно: именно в такого рода сочинениях Цицерон мог воспеть то ушедшее время и тех людей, в которых был воплощен его идеал государства и человека.

«Учение академиков» занимает почетное место в первой группе: оно должно стать как бы ключом ко всему последующему, в нем автор обосновывает собственные философские пристрастия. Выбор в пользу Академии предопределил характер его философского творчества. Признавая себя Цицерон, например, стоиком, он мог бы писать только стоические трактаты по философии, как позднее Сенека; будь он эпикурейцем, мы имели бы в прозе изложение этого учения, наверное, не уступающее замечательной поэме Лукреция. Но галерея философских школ и направлений эллинизма, предстающая читателям Цицерона, но богатый терминологический словарь, учитывающий словопотребление различных школ, — всё это погибло бы для нас безвозвратно. Академик считает нужным рассуждать всегда против уже выставленного тезиса. Его речь всегда вторая — опровергающая развитую догматиком теорию. Именно так — как речь и противоречье — и строятся трактаты Цицерона. При этом он настаивает на том, что аргументы догматиков излагаются им со всей возможной тщательностью, без всякой карикатуры, напротив, со всей возможной убедительностью (именно поэтому, как мы помним из писем, он решается возложить на Варрона, которого так боится, роль опровергаемого антиоховца: речь Варрона, заверяет он, выглядит не слабее противоречия, так что читатель (как и участники диалога) в конце вовсе не обязательно присоединяется к последнему оратору). Сам Цицерон представляет свою писательскую манеру — изложение мнений различных школ по одному и тому же вопросу — именно как метод Академии: «Тем, кто удивляется, что мы предпочли именно эту философскую школу, мы достаточно, на мой взгляд, ответили в четырех книгах „Учения академиков“. ...и этот метод в философии, рассуждать всегда против выставленного утверждения и ни о чем не высказывать

положительного суждения, изобретенный Сократом, вновь подхваченный Аркесилаем, развитый Карнеадом, оставался в силе вплоть до нашего времени; теперь же он, насколько мне известно, осиротел и в самой Греции. Я думаю, что причиной тому — не недостатки академического учения, а людская тупость. Ведь усвоить учение хотя бы одной из школ — дело нелегкое; а каково, когда приходится усваивать все? А ведь без этого нельзя обойтись тому, кто в целях отыскания истины поставил себе задачей рассуждать и против, и за всех философов. Я не стану утверждать, что овладел этим нелегким умением, но прямо заявляю, что стремлюсь к этому... теперь, чтобы никто не испытывал ко мне вражды, я представляю на всеобщее обозрение мнения философов о природе богов. Мне хочется созвать к этому зрелищу всех, кто готов судить, какое из этих мнений истинно. И я признаю необоснованность претензий Академии, если все они придут к единому мнению или если найдется хоть один, кто сумеет отыскать истину»⁴⁰.

Отстаивая свое право на «воздержание от суждения», Цицерон вводит своих читателей в дискуссию, которая велась к его времени с неослабевающим пылом уже несколько столетий. Ее основные пункты мы попытаемся вкратце изложить в следующем разделе.

Философский контекст скептицизма Новой Академии

Сомнение, неуверенность — безусловно, первые двигатели философии, наверное, даже до знаменитого «удивления». Повседневный опыт подсказывает каждому, что наши мнения и представления о вещах переменчивы, сегодня нам кажется одно, завтра — другое, и очень хотелось бы и нужно бы знать, «как всё обстоит на самом деле», но

⁴⁰ Nat. deor. I, 11–13: Ut haec in philosophia ratio contra omnia disserendi nullamque rem aperte iudicandi profecta a Socrate, repetita ab Arcesila, confirmata a Carneade usque ad nostram viguit aetatem; quam nunc prope modum orbam esse in ipsa Graecia intellego. Quod non Academiae vitio, sed tarditate hominum arbitror contigisse. Nam si singulas disciplinas percipere magnum est, quanto maius omnis; quod facere is necesse est, quibus propositum est veri reperiendi causa et contra omnes philosophos et pro omnibus dicere. [12] Cuius rei tantae tamque difficilis facultatem consecutum esse me non profiteor, secutum esse prae me fero... [13] Sed iam, ut omni me invidia liberem, ponam in medio sententias philosophorum de natura deorum. Quo quidem loco convocandi omnes videntur, qui, quae sit earum vera, iudicent; tum demum mihi prociac Academia videbitur, si aut consenserint omnes aut erit inventus aliquis, qui, quid verum sit, invenerit.

непоколебимая уверенность почти недостижима. В то же время простой здравый смысл основывается на том, что всё непременно как-то обстоит на самом деле, то есть что за поверхностью наших изменчивых и часто ошибочных представлений скрывается — всякий раз единственная — истина. Именно эта интуиция повела, судя по всему, к появлению особых «профессионалов мышления», любомудров, «философов». Обычный человек не имеет времени и возможности остановиться в потоке повседневного опыта. Он вынужден довольствоваться исправлением — если удастся — своих мнений о том или ином частном предмете, но не имеет шанса отыскать оснований, на которых могла бы покоиться уверенность. Философ же волевым усилием вырывает себя из жизненного потока, из погони за тем, что кажется, чтобы задуматься о том, «каковы вещи сами по себе», какова их природа. Сочинения первых греческих философов (тех, кого мы в ретроспективе называем «досократиками») в основном так и назывались — «О природе вещей» (Περὶ φύσεως) — за что их и прозвали «физиками». Однако природа вещей оказалась вещью трудно уловимой — как сказано в нашем трактате, время от времени философы, в отчаянии от неразрешимости поставленных вопросов, восклицали как безумные, что знать ничего нельзя, что истина скрыта в неисследимых глубинах, а жизнь человеческая коротка и т. д.⁴¹ Когда же они представляли положительные результаты своих умствований, результаты эти оказывались весьма различны. А поскольку сущностным признаком истины является ее единственность, как опять же отмечено в «Лукулле»⁴², сама множественность предложенных ответов изобличала их как неистинные. Очень скоро в ходе этого развития мысли встал вопрос о том, каковы источники прочного знания и, следовательно, процедура его достижения. Поскольку первым толчком всего движения была недоверенность чувств и основанных на их показаниях мнений, то и первым предложением было отвлечься от чувственного восприятия, противопоставив ему чистое мышление, способное распознать за явлениями вызвавшую их причину. Здесь, однако, вставал вопрос о материале, на котором это чистое мышление основывается. При этом проблема «кажущегося» и «постигаемого умом» не исчерпывалась восприятием физического мира. Самая мучительная неуверенность

⁴¹ Luc. 14

⁴² Luc. 115.

терзает человеческий род не по поводу истинного цвета снега (который Анаксимандр, как узнает наш читатель, считал черным) или существования пустоты, а по поводу того, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно в человеческой жизни. Здесь также напрашивалось подозрение, что за всеми изменчивыми, по-разному обуславливаемыми традицией, общественным мнением, собственными страстями представлениями лежит единственная истина, трудная для постижения, но наделяющая уверенностью. Сократ объявил только этот второй род проблем по-настоящему насущным для человечества, а также по-настоящему разрешимым, открыв эпоху господства этики в философии. Однако как в этике, так и в физике центральной оставалась проблема источников знания и его верифицируемости. Известно, что Платон решал (или избегал) ее резким разделением двух уровней бытия — «кажущегося» и «подлинного», и введением понятия ума как интуиции, способной непосредственно, минуя явления, созерцать подлинное — то есть божественное — бытие. Источником должно быть в таком случае пресловутое «вспоминание», «анамнесис», сохраненное душой из внетелесного опыта. Однако мифом о потусторонних странствиях чистого духа платоновский вклад в эпистемологию не ограничивается. Больше половины диалога «Теэтет» занимает обсуждение вопроса, не тождественно ли знание с чувственным восприятием, то есть с тем, что нам «представляется», и хотя ответ следует отрицательный, в ходе рассуждения ставятся проблемы и вводятся понятия, которым предстоит сыграть большую роль в дальнейшей, послеплатоновской истории теории познания, где центральную роль будет играть вопрос об отношении знания и опыта. Одним из таких понятий было понятие «представляющегося», «являющегося» или «кажущегося» нам — всё это попытки перевода греческого существительного *φαντασία* и (в определенных контекстах) синонимичного ему *τὸ φαίνόμενον* — причастия от однокоренного глагола.

«Фантасiя» играет столь значительную роль в «Учении академиков», что на ее истории стоит несколько задержаться. В «Теэте» говорится, что «представление» — это то же, что ощущение, поскольку что человек ощущает, то ему и представляется⁴³. В «Софисте» это же понятие обсуждается подробнее как раз в актуальном

⁴³ Plato, Theaet. 152c, 1–3: Φαντασία ἄρα καὶ αἰσθησις ταῦτόν ἐν τε θερμοῦς καὶ πᾶσι τοῖς τοιοῦτοις. Οἷα γὰρ αἰσθάνεται ἕκαστος, τοιαῦτα ἕκαστῳ καὶ κινδυνεύει εἶναι.

для нас контексте — в связи с проблемой истинности и ложности и вопросом о том, как возможны ложные представления, речи и мысли, если они — это представление сохраняется во всей античной традиции — суть представления, речи и мысли о том, чего нет, то есть о «несуществующем». Здесь «фантаσία» уже не просто равна ощущению, а определяется как «соединение ощущения и мнения», а мнение, в свою очередь, есть «соединение высказанной в душе мысли с утверждением и отрицанием»; а поскольку высказанная мысль, включающая утверждение или отрицание, очевидно может быть как истинной, так и ложной, то и «представление» или «показавшееся», т. е. наша «фантаσία», тоже может быть истинной или ложной. Таким образом, «представление» оказывается весьма сложным образованием, включающим ощущение, мысль и подтверждение или отрицание этой мысли — с этими тремя компонентами нам придется отныне постоянно встречаться в рассуждениях о природе опыта⁴⁴. Постоянной проблемой останется и различение истинных и ложных «представлений». Но Платон в этой области, как и во многих других, предлагает намеки, ходы мысли, не получающие систематического развития. Это последнее, как известно, осталось на долю его великого ученика — Аристотеля. Проблема соотношения чувственного восприятия, «представления» (т. е. «картинки», возникшей у нас на основании воспринятого), мышления и знания особенно подробно разбирается в трактате «О душе». Анализ процесса чувственного восприятия и образования на его основе представлений и мнений, как он проведен в этой работе Аристотеля, определил терминологию и подходы к обсуждению этой темы на века, вплоть до начала Нового времени⁴⁵. Схоластика извлекла из него ключевые для сен-

⁴⁴ Plat. Soph. 263d–264b: ...διάνοιά τε καὶ δόξα καὶ φαντασία... ὅτι ταῦτα γὰρ ψευδῆ τε καὶ ἀληθῆ πανθ' ἡμῶν ἐν ταῖς ψυχαῖς ἐγγίγνεται; ...Οὐκοῦν διάνοια τε καὶ λόγος ταῦτόν... καὶ μὴν ἐν λόγοις γὰρ αὐτοῖς ἴσμεν ἔνόν... φάσιν τε καὶ ἀπόφασιν. "Ὅταν οὖν τοῦτο ἐν ψυχῇ κατὰ διάνοιαν ἐγγίγνηται μετὰ σιγῆς, πλὴν δόξης ἔχεις τι προσείπης αὐτό; ...Τί δ' ὅταν μὴ καθ' αὐτό ἀλλὰ δι' αἰσθήσεως παρῇ τι, τὸ τοιοῦτον αὐτὸ πάθος ἄρ' οἷόν τε ορθῶς εἰπεῖν ἕτερόν τι πλὴν φαντασίαν; ...Οὐκοῦν ἐπεὶ περ λόγος ἀληθὴς ἦν καὶ ψευδής, τούτων δ' ἐφάνη διάνοια μὲν αὐτῆς πρὸς ἑαυτὴν ψυχῆς διάλογος, δόξα δὲ διανοίας ἀποτελεούσης, «φαινεταί» δὲ ὃ λέγομεν σύμμεξις αἰσθήσεως καὶ δόξης, ἀνάγκη δὴ καὶ τούτων τῷ λόγῳ συγγενῶν ὄντων ψευδῆ αὐτῶν ἕνα καὶ ἐνίτε εἶναι.

⁴⁵ Так, в «Кембриджской истории философии Возрождения» мы читаем: «Философы и ученые Возрождения не считали психологию, философское изучение

суализма (и борьбы с платонизирующим «реализмом» и «врожденными идеями») фразы: «*tabula rasa*» и «*nihil est in intellectu quod non prius fuerat in sensu*». Тем более, конечно, заметно влияние аристотелевской терминологии и проблематики в эллинистической эпистемологии. Нужно отметить, что всё ее дальнейшее развитие вплоть до времени Цицерона шло по пути эмпиризма; о «теории идей», «анамнесисе», «непосредственном созерцании умом неизменного бытия» и прочих краеугольных камнях идеализма в этой дискуссии, похоже, никто даже не вспоминает⁴⁶. При таком развитии «фантазия», конечно, становится основным предметом обсуждения. Сам Аристотель подробно обсуждает «фантазию» в III-й книге трактата «О душе». Для нашей темы важно, что это понятие значимо для него в связи с вопросом о том, откуда возникают ошибки в мышлении. Именно здесь ему требуется посредующая инстанция между мыслью (*διάνοια*), которая может быть и ложной, и чувственным восприятием, которое никогда не ошибается относительно своих непосредственных объектов (т. е. глаз — относительно цвета, слух — звука и т. д.), а ошибается лишь в атрибутировании их тому или иному предмету, а также в отношении свойств, не являющихся непосред-

души, отдельной дисциплиной. Следуя средневековой традиции, они включали ее в более широкую область — естественную философию — и подходили к ней через призму трактатов Аристотеля *De Anima* и *Parva Naturalia*... Таким образом, до XVII в., когда Декарт и другие приступили к разведению понятий «жизнь» и «душа», не существовало четкого разделения между психологией и тем, что мы сейчас называем биологией... *De Anima* была среди этих трактатов, бесспорно, наиважнейшим. Практически все университеты требовали его прочтения для получения степени бакалавра искусств — честь, которую это сочинение разделяло из всех не-логических сочинений Аристотеля только с «Физикой»... Прежде всего 2 и 3-я книги этого трактата продолжали определять содержание и порядок психологического исследования... (The Cambridge History of Renaissance Philosophy. Ed. by C. B. Schmitt, Q. Skinner, E. Kessler, J. Kraye. 1988. P. 455 сл.)

⁴⁶ Ср., например, предпосылку, которую Секст Эмпирик берет как общепризнанную в своей аргументации о недостижимости истины через логическое доказательство: «Если всякое понятие ума имеет свой источник и подтверждение в чувственном восприятии, а вещи, воспринятые чувствами, не согласуются между собой (это мы показали), то это должно быть верно и относительно понятий ума. А следовательно, предпосылки силлогизма, каковы бы они ни были, не могут быть надежными и точными. Поэтому логическое доказательство невозможно» (*Adv. math.* VIII, 356).

ственным объектом ни одного из чувств в отдельности, но «общих» для всех чувств, каковы, например, размер и движение. Мы не можем здесь входить в подробности аристотелевского анализа, приведем лишь несколько его разделений и определений, имеющих особенно явственные отзвуки в дальнейшей традиции, и в «Учении академиков» в особенности. «Фантаσία» отличается Аристотелем от чувственного восприятия (αἴσθησις), суждения (ὑπόληψις), знания (ἐπιστήμη), мнения (δοξα). Она зависит от нашей воли (мы можем вызвать картинку в воображении), в то время как мнение от нее не зависит — оно с необходимостью, независимо от нашего произвола, оказывается ложным или истинным. Поэтому если у нас есть «мнение», что нечто страшно, то мы тут же и непосредственно пугаемся, в то время как сама по себе «фантаσία» не обязательно приводит в движение эмоции: к ней можно отнести как к изображению чего-то пугающего на картинке⁴⁷. Это связано с тем, что мнение непременно сопровождается «убежденностью» (πίστις), которой невозможно предположить у животных, при том что многие из них обладают «фантасией»⁴⁸. Не является она и соединением чувственного восприятия и мнения (это было, как мы помним, предложение Платона), поскольку тогда «фантаσία» была бы мнением (предполагающим, как мы помним, убежденность: нельзя одновременно иметь то или иное мнение и признавать его ложным, говорит Аристотель) на основе непосредственного восприятия, в то время как вполне можно, несмотря на ложную «фантасию», иметь о том или ином предмете правильное мнение, например, о размерах солнца, которое, по нашему мнению, больше всей земли, в то время как «представляется» оно нам всего лишь в фут в диаметре⁴⁹. В том же трактате Аристотель отмечает роль «фантасии» в возбуждении «стремления» (ὄρεξις), без которого невозможна никакая деятельность.

Итак, в послеаристотелевской философии проблема выглядела следующим образом: у нас нет источника знания, независимого от показаний чувств. Человек устроен так, что эти показания складываются в его восприятии в «представления», в то, что ему «кажется» (Цицерон вполне обоснованно переводит φαντασία как «visum», букв. «показав-

⁴⁷ De anima, 427b, 16–24.

⁴⁸ Ibid., 428a, 22–25.

⁴⁹ Ibid., 428b, 1–9.

шееся»). Это и есть единственная реальность, на которой может основываться познание. Насколько «представления» способны вести к необманному знанию? Эпикурейцы отвечали, что наши органы чувств специально приспособлены к восприятию внешних объектов, и «фантазии», возникающие в результате встречи чувства со своим предметом, непременно должны быть истинны; при этом они не желали считаться с очевидными возражениями, например, классическими примерами обманов чувств, как погруженное в воду весло, которое кажется согнутым, хотя на самом деле остается прямым. Но этот ответ не встречал большой поддержки за пределами Эпикурова Сада.

Среди тех, кто считал переход от чувственного опыта к познанию вещей «как таковых», то есть к подлинному знанию, возможным, ведущую роль играла стоическая школа, основанная Зеноном из Китиона ок. 300 г. до н. э. Зенон определял «фантазию», вполне в аристотелевском духе, как «отпечаток в душе», вроде отпечатка кольца на воске, Хрисипп же, самый значительный стоик следующего поколения, находил эту метафору сбивающей с толку и предпочитал говорить просто об «изменении в душе». Поскольку между нами как познающими субъектами и вещами «как они есть» непременно стоят «фантазии», представления, будь они «отпечатками» или «изменениями»; а поскольку эти представления могут быть истинными или ложными, то главным вопросом теории познания становится вопрос о «критерии истинности»⁵⁰ — признаке, позволяющем отличить истинные представления от прочих.

Конечно, первым напрашивающимся кандидатом в такие признаки будет «очевидность»⁵¹: «показавшееся» часто предстает как очевидное: например, то, что сейчас день, а не ночь, или что мой хороший знакомый, беседующий сейчас со мной, — именно тот человек, за которого я его принимаю, а не кто-то другой. Этим критерием оперировали эпикурейцы, вообще старавшиеся как можно меньше отходить от обыденного здравого смысла.

В той или иной форме, открыто или подразумеваемо, «очевидность», т. е. имманентная убедительность представления, присутствует в любом

⁵⁰ χριτῆριον τῆς ἀληθείας, у Цицерона *iudicium veri*.

⁵¹ Греч. ἐνάργεια; Цицерон ввел как перевод этого слова *evidentia*, вошедшее во все западноевропейские языки; в латыни оно не было употребительно, и он поясняет его через более привычное *perspicuitas*.

определении критерия. Однако что такое очевидность — вещь далеко не очевидная и допускающая различные определения. Немаловажно также, на каком этапе многоступенчатого и сложного (в чем после Аристотеля никто не сомневался) процесса познания имеет смысл говорить об очевидности. Стоики подходили к этому вопросу следующим образом: «представления» они подразделяли на «убедительные» и «неубедительные»⁵², а также такие, которые одновременно убедительны и неубедительны (т. е. убедительность которых зависит от ситуации), и те, что нельзя назвать ни убедительными, ни неубедительными (например: «число звезд нечетно»). Из «убедительных» представлений одни истинны, другие ложны, третьи же — ни то, ни другое. Из истинных же представлений некоторые обладают такой полнотой и точностью, что «схватывают» предмет без всякого искажения. Вот эти-то «постигающие» «схватывающие», по-гречески «каталептические»⁵³, представления, или «фантазии» и выдвигались стоиками как «критерий истины», или познания. Однако «каталептические» (Цицерон предлагает буквальный перевод *comprehendibile*, *Ac. post.* 42, но затем называет их в основном *comprehensa* или *percepta*, с подразумеваемым *visa*) представления должны быть еще опознаны как таковые, выделены среди всех остальных. Этому могут помешать, кроме прочего, внешние обстоятельства. Здесь классический пример заимствовался из мифологии: когда Геракл вывел Алкесту, супругу царя Адмета, назад на землю из подземного царства и Адмет вновь увидел живой свою покойную жену, то «представление» о живой Алкесте, вызванное ее появлением у Адмета, было, несомненно, «каталептическим», так как полностью соответствовало истине, но Адмет не мог осознать его как таковое, поскольку был твердо (и основательно) убежден, что мертвые не воскресают. Поэтому более поздние стоики добавляли: «постигающее представление» является критерием истины в том случае, «если не встречается препятствий». Если это условие выполнено, «постигающее представление» вызывает в душе человека «согласие»⁵⁴. В соединении с твердым и непоколебимым согласием «каталептическое пред-

⁵² πιθανάί и ἀπίθανοι; переводя на более современный язык, «вероятные» и «невероятные», лат. *probabilia* и *improbabilia*.

⁵³ от глагола καταλαμβάνω — «схватить», в Цицероновском переводе «percipere» и «comprehendere».

⁵⁴ συνκατάθεσις, лат. *adsensus*.

ставление» и становится «каталепсисом», т. е. постижением, окончательным знанием⁵⁵.

Но как нам всё-таки отличить «постигающее представление» от прочих? Зенон дает определение: «постигающее представление — то, которое возникает от реально существующего предмета и полностью соответствует ему»⁵⁶. Но как мы можем быть уверены в реальном существовании предмета и как мы можем судить о соответствии, если единственная данность, с которой нам приходится иметь дело, — это все те же представления?

Именно здесь и вступает со своей критикой Аркесилай, основатель скептической Академии. Он движется в рамках той же терминологии и того же — в общих чертах — представления о процессе восприятия, но оспаривает возможность продвинуться дальше представлений. Останется ли «постигающее впечатление» критерием, спрашивает он, если точно такое же, неотличимое представление может оказаться и ложным?⁵⁷ Ведь можно представить себе, например, двух братьев-близнецов, Публия и Квинта. При виде Квинта возникает совершенно такое же «представление» (картинка), что при виде Публия. Если ты видишь Квинта и получаешь представление — «это Квинт» и «даешь на него согласие», то приходишь таким образом к истинному знанию, и можно признать, что представление «это — Квинт» было каталептическим. Но что, если тот, кто это представление вызвал, — на самом деле Публий? Стоики отвечали на это, что виноват в ошибке сам смотрящий — он смотрел недостаточно внимательно. На самом деле Квинт и Публий не могут быть настолько похожи, чтобы их в принципе нельзя было различить. Но если люди и в самом деле не могут быть вполне одинаковы, подставим в этот пример два яйца, или два волоса с одной головы, или два отпечатка кольца на одном и том же воске, или множество отливок одной и той же статуи из одной формы. Тем не менее стоики отказывались признать, что две различные вещи могут быть полностью неразличимы. Они готовы были только сделать, во избежание недоразумений, добавление к определению: «постигающее представление возникает от существующего предмета и полностью соответ-

⁵⁵ См. Ac. post. 40–42.

⁵⁶ Sext. Emp. VII, 248, ср. Cicero, Luc. 77.

⁵⁷ Luc., 77.

ствуется ему, и при этом таково, что такое же впечатление не может возникнуть, если этого предмета нет». Здесь важно учесть, что обе школы говорят все время о *принципиальной* возможности или невозможности различения, а не о тех ошибках, которые возникают в быту и могут быть объяснены недостаточной внимательностью, наблюдательностью и проч. В соответствии с практической направленностью эллинистической философии, для выражения понятия *принципиальной* возможности служит образ мудреца. Ведь в конце концов, как мы говорили в начале раздела, профессиональный мыслитель на то и нужен, чтобы разобраться в том, в чем обычные люди не успевают и не находят сил разобраться, и тем самым достичь безошибочности, уверенности, а значит, и счастья. В философскую школу люди приходят в надежде узнать именно это — пути правильного и безошибочного поведения, основанного на знании того, «как всё обстоит на самом деле». Так вот, мудрецом, по мнению стоиков, будет как раз тот, кто сумеет распознавать постигающие представления от прочих и только на них давать согласие — но зато уж такое прочное и непоколебимое согласие, что его нельзя будет опровергнуть никакими доводами, и которое, следовательно, будет представлять собой искомую *несомненность* — то есть знание. Мудрец — это тот, кто не упускает ничего, что *принципиально* доступно для восприятия, то есть превращает принципиально возможное в реальность. Не удивительно, что, по словам самих стоиков, говорили, что настоящего мудреца еще никто не видел. Ведь это человек, который никогда ни о чем не имеет «мнения» («мнение» стоики определяли как слабое, неуверенное согласие, «может быть, так, а может быть, и иначе»: состояние, самое обычное для смертных, но именно поэтому недопустимое для мудреца), а во всех случаях лишь непоколебимую уверенность. И уверенность его обоснованна — ведь «постигающее представление» имеет столь же яркий отличительный признак, выделяющий его среди прочих представлений, «как рогатая змея среди прочих змей»⁵⁸ — нужно только уметь смотреть. Конечно, «непоколебимая уверенность» мудреца импонировала обыденному восприятию, была согласна с его представлениями — стоическая философия до самого конца античности пользовалась все возрастающей популярностью. В том, что смот-

⁵⁸ Sext. Adv. math. VII, 252.

реть надо учиться и что обычное, не вышколенное мудростью восприятие без конца попадает в ловушки обманов чувств, — в этом стоики сомневались не больше, чем академики, и Цицерон рассказывает нам, что Хрисипп «собрал великое множество примеров против <достоверности> чувственного восприятия, очевидности, общепринятых мнений и логических аргументов, но в опровержении самого себя оказался слабее, так что только вооружил Карнеада»⁵⁹.

Академическая философия также оперировала понятием «мудрец». Однако если для стоиков его отличительным признаком служила прочность и непоколебимость согласия, а следовательно, уверенность, которую он имеет в своем знании, то академики уверяли, напротив, что мудрец слишком мудр, чтобы даже в самом ясном для обычного человека случае попасться в ловушку очевидности и «дать согласие», то есть признать нечто неопровержимым фактом. Мудрец академиков знает, что результаты нашего познания всегда предварительны, и как бы убедительны они ни казались сегодня, завтра может появиться что-нибудь, что их опровергнет. Единственное, что мы можем сказать о «представлениях», — что одни из них более «вероятны» и «убедительны», чем другие; «вероятность» и «убедительность» допускают рациональное обоснование и опровержение, особенно последнее; невероятность одних видна уже сегодня; другие утратят свою убедительность лишь завтра; и на сегодня вторые, несомненно, больше «похожи на правду», чем первые. Но если мы хотим стать ближе к самой правде, то первая наша задача — сделать все возможное, чтобы опровергнуть то, что сегодня для нас «правдоподобно». Истина, несомненно, существует — то есть «дело обстоит» каким-то определенным образом, иначе разделение представлений на истинные и ложные вообще не имело бы смысла — но для нас она является чем-то вроде математического предела, то есть достижима только в бесконечном приближении. Цицерон неоднократно настаивает на этом пункте. Читатель сам отыщет соответствующие места в предлагаемом сочинении, а мы приведем еще выдержку из трактата «О природе богов»: «Мы вовсе не те, кто утверждает, что истины не существует; мы говорим только, что рядом со всяким истинным представлением стоит и ложное, столь на него похожее, что нет ни в одном из них несомненного

⁵⁹ Лис. 87—88. О Хрисиппе и Карнеаде, крупнейших теоретиках соответственно Стои и Новой Академии, см. комм. 360.

признака, который позволил бы различение и согласие. Отсюда следует, что есть много убедительного, и хотя нельзя достичь относительно него подлинной уверенности, тем не менее, поскольку такие вещи сильно выделяются, мудрец может руководствоваться ими в жизни»⁶⁰.

Мы замечаем, что античная философия, обещавшая вначале открыть людям «истинный порядок», скрывающийся за поверхностью воспринимаемых вещей, пришла за долгий путь развития к тому, чтобы вновь напомнить о том, что эта поверхность — наша единственная данность, а неуверенность — состояние, неотделимое от самой природы человека. Однако цель ее осталась той же — научить нас жить разумно и счастливо, не терзая себя ложными мнениями.

Post scriptum конца XIX века: «Из *пристрастий* вырастают *мнения*, *духовная лень* позволяет им застыть в *убеждения*. — Но тот, кто чувствует в себе *свободный*, неустанно живой дух, может постоянной сменой предотвратить застывание; а если он весь целиком — лишь мыслящий комочек снега, то в голове у него будут вовсе не мнения, а лишь несомненности и точно измеренные вероятности»⁶¹.

⁶⁰ Nat. deor. I, 12: Non enim sumus i, quibus nihil verum esse videatur, sed i, qui omnibus veris falsa quaedam adiuncta esse dicamus tanta similitudine, ut in is nulla insit certa iudicandi et adsentendi nota. Ex quo existit et illud multa esse probabilia, quae, quamquam non perciperentur, tamen, quia visum quendam haberent insignem et inlustrem, his sapientis vita regeretur.

⁶¹ Fr. Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. Erster Band. 637: «Aus den *Leidenschaften* wachsen *Meinungen*, die *Trägheit des Geistes* läßt diese zu *Überzeugungen* erstarren. — Wer sich aber *freien*, rastlos lebendigen Geistes fühlt, kann durch beständigen Wechsel diese Erstarrung verhindern; und ist er gar insgesamt ein denkender Schneeballen, so wird er überhaupt nicht *Meinungen*, sondern nur *Gewißheiten* und genau bemessene *Wahrscheinlichkeiten* in seinem Kopfe haben».

Марк Туллий Цицерон

Учение академиков

Etsi munus flagitare, quamvis quis ostenderit, ne populus
quidemolet nisi concitatus, tamen ego exspectatione promissi tui
moveorut admoneam te, non ut flagitem. Misi autem ad te
quattuor admonitores non nimis verecundos — nosti enim
5 profecto os huius adulescentioris Academiae; ex ea igitur media
excitatos misi, qui metuo ne te forte flagitent, ego autem mandavi
ut rogarent. Exspectabam omnino iam diu, meque sustinebam,
ne ad te prius ipse quid scriberem quam aliquid accepissem, ut
possem te remunerari quam simillimo munere. Sed cum tu tardius
10 faceres, id est, ut ego interpretor, diligentius, teneri non potui quin
coniunctionem studiorum amorisque nostri quo possem
litterarum genere declararem. Feci igitur sermonem inter nos
habitum in Cumano, cum esset una Pomponius; tibi dedi partes
Antiochinas, quas a te probari intellexisse mihi videbar, mihi
15 sumpsi Philonis. Puto fore ut, cum legeris, mirere nos id locutos
esse inter nos quod nunquam locuti sumus; sed nosti morem
dialogorum. Posthac autem, mi Varro, quam plurima, si videtur,
et de nobis inter nos; sero fortasse, sed superiorum temporum
fortuna rei publicae causam sustineat, haec ipsi praestare
20 debemus. Atque utinam quietis temporibus atque aliquo si non
bono at saltem certo statu civitatis haec inter nos studia exercere
possemus! quamquam tum quidem vel aliae quaeepiam rationes
honestas nobis et curas et actiones darent; nunc autem quid est
sine his cur vivere velimus? mihi vero cum his ipsis vix, his
25 autem detractis ne vix quidem. Sed haec coram et saepius.
Migrationem et emptionem feliciter evenire volo, tuumque
in ea re consilium probo.

Cura ut valeas.

Требовать подарка, хотя и обещанного, не имеет обыкновения даже толпа, если только ее не подстрекают к тому, и все же ожидание обещанного тобою дара побуждает меня напомнить тебе о нем, но, разумеется, не требовать его. Я уже четырежды напоминал тебе об этом, и, признаюсь, не слишком скромно: ты ведь знаешь, конечно, манеру речи сей весьма юной Академии. Из ее-то среды я и направил к тебе энергичных посланцев, которые, боюсь, пожалуй, потребовали от тебя того, о чем я поручил лишь просить. Вообще я долго ждал этого и старался удержаться, чтобы самому первым не посвятить тебе какое-нибудь сочинение, еще не получив твоего, дабы иметь возможность отблагодарить тебя точно таким же подарком, но так как ты готовил это слишком медленно, или, если быть точным, слишком тщательно, я не мог удержаться, чтобы не заявить в доступном мне роде словесности, как крепко связаны мы с тобою и нашими занятиями и взаимной симпатией. И вот я сочинил беседу, которая происходит между нами в Куманском поместье, в присутствии Помпония; ты высказываешь в ней взгляды Антиоха, которые, как мне кажется, ты разделяешь, на себя же я взял защиту взглядов Филона. Полагаю, ты, читая это, удивишься, что мы разговариваем с тобой о том, о чем никогда не говорили; но ведь тебе известно, как сочиняются диалоги. Позднее, дорогой Варрон, мы поговорим вволю, если угодно, и о нас самих; может быть, слишком поздно, но за прошлые беды государства пусть отвечает судьба, за настоящие мы должны отвечать сами. Если бы мы могли предаваться нашим занятиям в спокойные времена, когда государство наше находилось если не в добром, то по крайней мере хоть в сколько-нибудь надежном состоянии! Впрочем, и тогда какие-нибудь иные соображения доставили бы нам соответствующие заботы и дела; почему же сейчас хотим мы жить без них? Во всяком случае, я едва ли могу жить с ними, а без них и вообще не могу. Но об этом мы не раз поговорим при встрече. Желаю, чтобы переезд и покупка совершились удачно, и согласен с твоим решением в этом деле.

Не забывай о своем здоровье!

- I. (1) In Cumano nuper cum mecum Atticus noster ² esset, nuntiatum est nobis a M. Varrone ³ venisse eum Roma pridie vesperi et, nisi de via fessus esset, continuo ad nos venturum fuisse. Quod cum audissemus, nullam moram interponendam
 5 putavimus quin videremus hominem nobiscum et studiis eisdem et vetustate amicitiae coniunctum; itaque confestim ad eum ire porreximus, paulumque cum ab eius villa abessemus, ipsum ad nos venientem vidimus; atque illum complexi ut mos amicorum est (satis enim longo
 10 (2) intervallo **) ⁴ ad suam villam reduximus. Hic pauca primo atque ea percontantibus nobis ecquid forte Roma novi; tum Atticus «Omitte ista, quae nec percontari nec audire sine molestia possumus, quaeso», inquit, «et quaere potius ecquid ipse novi; silent enim diutius Musae Varronis quam solebant,
 15 nec tamen istum cessare sed celare quae scribat existimo». «Minime vero», inquit ille, «intemperantis ⁵ enim arbitror esse scribere quod occultari velit; sed habeo opus magnum in manibus, idque iam pridem; ad hunc enim ipsum» — me autem dicebat, — «quaedam institui, quae et sunt magna
 20 sane et limantur (3) a me politius». «Et ego ista quidem», inquam, «Varro, iam diu exspectans non audeo tamen flagitare; audiavi enim a Libone ⁶ nostro (cuius nosti studium — nihil enim eius modi celare possumus) non te ea intermittere sed accuratius tractare nec de manibus umquam
 25 deponere. Illud autem mihi ante hoc tempus numquam in mentem venit a te requirere, sed nunc postea quam sum ingressus res eas quas tecum simul ⁷ didici mandare monumentis, philosophiamque veterem illam a Socrate ortam ⁸ Latinis litteris illustrare, quaero quid sit cur, cum multa scribas, hoc genus praetermittas, praesertim cum et ipse in eo excellas
 30 et id studium totaque ea res longe ceteris et studiis et artibus antecedit».

- II. (4) Tum ille: «Rem a me saepe deliberatam et multum agitatam requiris; itaque non haesitans respondebo, sed ea

УЧЕНИЕ АКАДЕМИКОВ (ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ)

I. 1. Когда не так давно мы с Аттиком² были в Куманском поместье, от М. Варрона³ нам пришло известие, что накануне вечером он приехал из Рима и, если бы не был утомлен с дороги, сразу же бы направился к нам. Услышав об этом, мы решили ни минуты не медлить и поскорее встретиться с человеком, связанным с нами и общими интересами, и старинною дружбой. Тотчас же мы отправились к нему и уже подъезжали к его вилле, как увидели его самого, направляющегося нам навстречу. Мы обнялись, как это водится среди друзей, и спустя достаточно продолжительное время⁴ отвезли его на его виллу.

2. Здесь, когда, поговорив сначала немного, стали спрашивать его, что нового в Риме, Атик сказал: «Оставь, пожалуйста, то, о чем без боли невозможно ни спрашивать, ни слушать, и спроси лучше, что нового у него самого. Ведь Музы Варрона безмолвствуют дольше обычного. Но все же я полагаю, что человек этот не бездельничает, а просто скрывает то, что он пишет». «Ничего подобного, — отвечает тот, — я полагаю, что писать то, чему лучше было бы остаться сокрытым, может лишь человек нетерпеливый⁵. У меня же готово, и уже давно, большое произведение, а вот для этого человека» (это он обо мне) «я решил сделать и весьма значительное само по себе и что я постараюсь отделать как можно лучше». 3. Я ему отвечаю: «Хотя, Варрон, я давно уже ожидаю этого, тем не менее не осмеливаюсь требовать; ведь я слышал от нашего Либона⁶ (а ты знаешь его увлечение: ничего подобного скрыть от него невозможно), что ты своего труда не прерывал, но самым тщательным образом обрабатываешь его, не отрываясь ни на минуту. И требовать от тебя этот труд мне никогда до сего времени и в голову не приходило. Теперь же, когда я приступил к изложению того предмета, который мы вместе с тобой⁷ изучали, пытаясь передать на латинском языке эту древнюю, созданную еще Сократом⁸ философию, я спрашиваю, почему ты оставляешь без внимания это учение, хотя и пишешь о многом, тем более, что и сам ты прекрасно знаешь его, и занятия этим предметом во много раз важнее всех прочих занятий и наук».

II. 4. Тут он сказал: «Ты просишь у меня того, о чем я и сам часто размышлял и чем много занимался. Поэтому я не колеблясь готов

- dicam quae mihi sunt in promptu, quod ista ipsa de re multum, ut dixi, et diu cogitavi. Nam cum philosophiam viderem diligentissime Graecis litteris explicatam, existimavi, si qui de nostris eius studio tenerentur, si essent
- 5 Graecis doctrinis eruditi, Graeca potius quam nostra lecturos; sin a Graecorum artibus et disciplinis abhorrerent, ne haec quidem curaturos quae sine eruditione Graeca intellegi non possunt; itaque ea nolui scribere quae nec indocti intellegere possent nec docti legere curarent.
- 10 (5) Vides autem (eadem enim ipse didicisti) non posse nos Amafini aut Rabiri⁹ similes esse, qui nulla arte adhibita de rebus ante oculos positis vulgari sermone disputant, nihil definiunt, nihil partiuntur¹⁰, nihil apta interrogatione concludunt¹¹, nullam denique artem esse nec dicendi nec
- 15 disserendi putant. Nos¹² autem praeceptis dialecticorum et oratorum etiam, quoniam utramque vim virtutem esse nostri putant, sic parentes ut legibus, verbis quoque novis cogimur uti, quae docti, ut dixi, a Graecis petere mallent, indocti ne a nobis quidem accipient, ut frustra omnis suscipiatur labor.
- 20 (6) Iam vero physica, si Epicurum, id est, si Democritum probarem, possem scribere ita plane ut Amafinius; quid est enim magnum, cum causas rerum efficientium¹³ sustuleris¹⁴, de corpusculorum (ita enim appellat atomos)¹⁵ concursione fortuita loqui? Nostra tu physica nosti, quae cum
- 25 contineantur ex effectione et ex materia ea, quam fingit et format effectio, adhibenda enim geometria est¹⁶; quam quibusnam quisquam enuntiare verbis aut quem ad intellegendum poterit adducere? Haec ipsa de vita et moribus et de expetendis fugiendisque rebus¹⁷ illi
- 30 simpliciter, pecudis enim et hominis idem bonum esse censent¹⁸; apud nostros autem non ignoras quae sit et quanta (7) subtilitas: sive enim Zenonem¹⁹ sequare, magnum est efficere ut quis intellegat quid sit illud verum et simplex²⁰ bonum quod non possit ab honestate seiungi,
- 35 quod bonum quale sit negat omnino Epicurus sine voluptatibus sensum moventibus ne suspicari quidem²¹; si vero Academiam veterem²² persequamur, quam nos, ut scis, probamus, quam erit illa acute explicanda nobis! quam

удовлетворить твою просьбу, но буду говорить о том, что у меня под руками, поскольку, как я уже сказал, я много и долго размышлял об этом предмете. Видя, что философия подробнейшим образом изложена в сочинениях греков, я подумал, что если кто-то из наших соотечественников увлекся бы этой наукой, то люди, получившие греческое образование, скорее станут читать греческие книги, а не наши. Если же они далеки от греческой науки и знаний, то они не станут интересоваться тем, что невозможно понять, не имея греческой образованности. Поэтому я не стал писать того, чего невежды не смогут понять, а образованные не захотят читать. 5. Ты же видишь (ведь сам учился этому), что мы не можем уподобляться Амафинию или Рабирию⁹, которые безо всякой науки, простым языком рассуждают о вещах очевидных, не прибегая ни к каким определениям, ни к каким разделениям¹⁰, не делая с помощью соответствующих вопросов¹¹ никаких заключений, и считают, что вообще не существует никакого искусства речи и рассуждений. Мы же¹², как законам повинуюсь наставлениям диалектиков и ораторов, поскольку наши учителя почитают добродетелью владение и тем и другим искусством, вынуждены прибегать и к новым словам, которые, как я сказал, люди образованные предпочитают искать у греков, а необразованные не хотят слышать и от нас, так что все эти усилия остаются напрасными. 6. Ведь я бы мог написать трактат по физике точно так же, как Амафиний, если бы я соглашался с Эпикуром или — точнее — с Демокритом. Велико ли дело уничтожить действующие причины вещей¹³ и рассуждать о случайном столкновении мельчайших тел¹⁴ (*corpuscula*), а ведь именно так они называют атомы!¹⁵ А нашу физику ты знаешь, которая, складываясь из движущей силы (*effectio*) и материи, создаваемой этой движущей силой, нуждается еще и в геометрии¹⁶. А разве кто-нибудь сможет изложить ее простыми словами или подвести кого-то к ее пониманию. Они весьма просто рассуждают о таких вопросах, как жизнь и нравы, о вещах *предпочитаемых* (*res expetendae*) и *избегаемых* (*res fugiendae*)¹⁷, полагая, что и для человека, и для скота благом является одно и то же¹⁸. А тебе прекрасно известно, как тонко об этих вещах рассуждают наши философы. 7. Если, например, будешь следовать за Зеноном¹⁹, то с превеликим трудом добьешься того, чтобы кто-нибудь понял, что же это такое — истинное и простое²⁰ благо, которое неотделимо от нравственности (*honestas*). Эпикур вообще говорит, что он и представить себе не может, что это за благо, если оно не связано с наслаждением, действующим на чувства²¹. Если

argute, quam obscure etiam contra Stoicos disserendum!
 Totum igitur illud philosophiae studium mihi quidem ipse
 sumo et ad vitae constantiam quantum possum et ad
 delectationem animi, nec ullum arbitror, ut apud
 5 Platonem²³ est, maius aut melius a dis datum munus
 homini. (8) Sed meos amicos, in quibus est studium, in
 Graeciam mitto, id est, ad Graecos ire iubeo, ut ex fontibus
 potius hauriant quam rivulos consectentur; quae autem
 nemo adhuc docuerat nec erat unde studiosi scire possent²⁴,
 10 ea quantum potui (nihil enim magnopere meorum miror)
 feci ut essent nota nostris; a Graecis enim peti non poterant
 ac post L. Aelii²⁵ nostri occasum ne a Latinis quidem. Et
 tamen in illis veteribus nostris quae Menippum²⁶ imitati,
 non interpretati, quadam hilaritate conspersimus, multa
 15 admixta ex intima philosophia, multa dicta dialectice, quae
 quo facilius minus docti intellexerent, iucunditate quadam
 ad legendum invitati²⁷; in laudationibus²⁸, in his ipsis
 antiquitatum prooemiis²⁹ philosophis scribere voluimus, si
 modo consecuti sumus».

III. 20 (9) Tum ego, «Sunt», inquam, «ista, Varro; nam nos, in
 nostra urbe peregrinantis errantisque tamquam hospites, tui
 libri quasi domum reduxerunt, ut possemus aliquando qui et
 ubi essemus agnoscere. Tu aetatem patriae, tu discriptiones
 temporum, tu sacrorum iura, tu sacerdotum, tu domesticam,
 25 tu bellicam disciplinam, tu sedem regionum, locorum, tu
 omnium divinarum humanarumque rerum nomina, genera,
 officia, causas aperuisti, plurimumque idem poetis nostris
 omninoque Latinis et litteris luminis et verbis attulisti, atque
 ipse varium et elegans omni fere numero poema³¹ fecisti,
 30 philosophiamque multis locis inchoasti, ad impellendum
 satis, ad edocendum parum. (10) Causam autem
 probabilem tu quidem adfers, aut enim Graeca legere
 mallent qui erunt eruditi, aut ne haec quidem, qui illa
 nesciunt; sed da mihi nunc — satisne probas? Immo vero et
 35 haec qui illa non poterunt, et qui Graeca poterunt, non
 contemnent sua. Quid enim causae est cur poetas Latinos

же мы последуем за Старой Академией²², с которой, как ты знаешь, мы соглашаемся, то сколь тонко нам придется объяснять ее учение, сколь замысловато, сколь труднодоступно рассуждать против стоиков! Поэтому я сам берусь за весь этот философский труд, чтобы, насколько удастся, обрести житейскую твердость и получить душевное удовольствие, считая, подобно Платону²³, что боги не дали человеку дара ни большего, ни высшего. 8. Своим же друзьям, увлекающимся философией, я советую отправиться в Грецию, дабы черпать из самих источников, а не из отводных каналов; а то, чему еще никто до сих пор не учил, и что неоткуда было узнать и тем, кто стремился к этому²⁴, я, насколько смог (а я не слишком высоко ставлю свои возможности), постарался донести до тех моих соотечественников, которые не могли узнать это от греков, а со смертью нашего Л. Элия²⁵ — и от латинян. И все же в тех старинных латинских сочинениях, в которые мы, подражая Мениппу²⁶, но не копируя его, привнесли некую веселость, было много от глубокой философии, многое сказано диалектически, для того чтобы люди не слишком образованные могли легче понять это, привлеченные к чтению интересным изложением²⁷; а в надгробных речах²⁸ и во введениях²⁹ к книгам „Древностей“ я писал для философов — насколько мне это удалось».

III. 9. Тут я сказал: «Все это так, Варрон, ведь именно твои книги как бы вновь возвратили нас домой, живших доселе в своем городе чужестранцами или странниками, и дали нам наконец возможность познать, кто мы и откуда. Ведь ты раскрыл нам и возраст нашего отечества³⁰, и нашу историю, и священное право, и учения жрецов, и науку ведения военных и гражданских дел, ты дал нам описание всех местностей и городов, истолковал название, род и смысл всех обычаев, касающихся дел божественных и человеческих; ты просветил во многом и наших поэтов и вообще латинскую словесность и язык, да к тому же и сам сочинил множество изящных стихотворений, едва ли не всеми размерами³¹, не раз обращался ты и к философии, стараясь не столько научить ей, сколько побудить к такому изучению. 10. И ты приводишь тому убедительную, как тебе кажется, причину: действительно, люди образованные предпочитают читать по-гречески, а необразованные не захотят читать и латинские сочинения. Но меня это совершенно не убеждает. Наоборот. И те, кто не смогут прочесть греческие сочинения, и те, кто смогут это сделать, не станут пренебрегать латинскими. Почему

Graecis litteris eruditi legant, philosophos non legant? An quia delectat Ennius, Pacuvius, Attius³², multi alii, qui non verba sed vim Graecorum expresserunt poetarum — quanto magis philosophi delectabunt, si, ut illi Aeschylum, Sophoclem, Euripidem, sic hi Platonem imitentur, Aristotelem, Theophrastum? Oratores quidem laudari video, si qui e nostris Hyperidem sint (11) aut Demosthenem³³ imitati. Ego autem (dicam enim ut res est), dum me ambitio, dum honores, dum causae, dum rei publicae non solum cura sed quaedam etiam procuratio multis officiis implicatum et constrictum tenebat, animo haec inclusa habebam, et ne obsolescerent renovabam cum licebat legendo; nunc vero et fortunae gravissimo percussus vulnere³⁴ et administratione rei publicae liberatus, doloris medicinam a philosophia peto et otii oblectationem hanc honestissimam iudico. Aut enim huic aetati hoc maxime aptum est, aut iis rebus si quas dignas laude gessimus hoc in primis consentaneum, aut etiam ad nostros cives erudiendos nihil utilius, aut si haec ita non sunt, nihil (12) aliud video quod agere possimus³⁵. Brutus quidem noster³⁶, excellens omni genere laudis, sic philosophiam Latinis litteris persequitur nihil ut iisdem de rebus Graeca desideres, et eandem quidem sententiam sequitur quam tu, nam Aristum³⁷ Athenis audivit aliquamdiu, cuius tu fratrem Antiochum. Quam ob rem da, quaeso, te huic etiam generi litterarum»³⁸.

IV. (13) Tum ille «Istuc quidem considerabo, nec vero sine te. Sed de te ipso quid est», inquit, «quod audio?».

«Quanam», inquam «de re?» «Relictam a te veterem Academiam», inquit, «tractari autem novam»³⁹. «Quid ergo?», inquam, «Antiocho id magis licuerit nostro familiari, remigrare in domum veterem e nova, quam nobis in novam e vetere? Certe enim recentissima quaeque sunt correcta et emendata maxime; quamquam Antiochi magister Philo, magnus vir, ut tu existimas ipse, negat in libris, quod coram etiam ex ipso audiebamur, duas Academias esse, erroremque eorum qui ita putarunt

латинских поэтов люди, владеющие греческим языком, читают, а философов не читают? Не потому ли, что они получают удовольствие от чтения Энния, Пакувия, Аттия³² и многих других, которые передали не слова, а самый дух греков? Насколько же больше доставят наслаждения философы, если, подобно тому как те подражают Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, станут подражать Платону, Аристотелю, Теофрасту? Во всяком случае я знаю, что ораторы устаиваются хвалы, если кто-нибудь из наших подражает Гипериду или Демосфену³³. 11. Я же (скажу все как есть), пока честолюбие, политическая карьера, судебные дела, заботы и попечение о нашем государстве владели мною, крепко опутав и связав меня множеством обязанностей, я удерживал это увлечение в себе и по мере возможности обновлял свои знания чтением, боясь, как бы все это не забылось от времени. Теперь же, когда судьба нанесла мне тяжелейшую рану³⁴, и когда я свободен от управления государственными делами, я ищу лекарство от страданий в философии, полагая ее достойнейшим отдохновением в часы досуга. Ведь занятия философией более всего подобают нашему возрасту и согласуются прежде всего с теми достохвальными деяниями, которые мы совершили, и нет ничего полезнее этих занятий для образования наших сограждан. Если это не так, то я не знаю ничего иного, чем мы могли бы заниматься³⁵. 12. Впрочем, наш Брут³⁶, замечательный во всех отношениях достохвальный муж, столь блестяще излагает философию на латинском языке, что нет уже никакой необходимости обращаться за тем же к грекам. К тому же он придерживается тех же взглядов, что и ты. Он достаточно долго учился в Афинах у Ариста³⁷, а ты — у его брата Антиоха. Поэтому и ты посвяти себя, пожалуйста, этому роду словесности»³⁸.

IV. 13. Тогда он сказал: «Ну это я обдумаю, и, конечно, не без твоего участия. Но о самом-то тебе что я слышу?» «Ты это о чем?» — спрашиваю я. «Я слышал, — говорит он, — что ты оставил Старую Академию и занимаешься Новой»³⁹. «Ну и что, — говорю я, — выходит, Антиоха, нашему знакомому, можно из нового дома переселиться в старый, а нам переехать из старого дома в новый нельзя? Ведь все новейшее, конечно же, правильнее предыдущего, ибо исправляет его ошибки. Впрочем, Филон, учитель Антиоха, великий ученый, как и сам ты считаешь, в своих сочинениях не признает существования двух Академий, изобличая заблуждения тех, кто так считает⁴⁰ (а я слышал все это непосредственно от него

coarguit» ⁴⁰. «Est», inquit, «ut dicis; sed ignorare te non arbitror quae contra ea Philonis Antiochus (14) scripserit». «Immo vero et ista et totam veterem Academiam, a qua absum iam diu, renovari a te, nisi molestum est, velim; 5 et simul adsidamus», inquam, «si videtur». «Sane istud quidem», inquit, «sum enim admodum infirmus; sed videamus, idemne Attico placet fieri a me quod te velle video». «Mihi vero», ille, «quid est enim quod malim quam ex Antiocho iam pridem audita recordari, et simul videre, 10 satisne ea commode dici possint Latine?» ⁴¹ Quae cum essent dicta, in conspectu consedimus omnes.

(15) Tum Varro ita exorsus est: «Socrates mihi videtur, id quod constat inter omnes, primus a rebus occultis et ab ipsa natura involutis, in quibus omnes ante eum philosophi 15 occupati fuerunt, avocavisse philosophiam et ad vitam communem adduxisse, ut de virtutibus et de vitiis omninoque de bonis rebus et malis quaereret, caelestia autem vel procul esse a nostra cognitione censeret vel, si maxime cognita essent, (16) nihil tamen ad bene 20 vivendum ⁴². Hic in omnibus fere sermonibus, qui ab eis, qui illum audierunt, perscripti varie copioseque sunt, ita disputat ut nihil adfirmet ipse, refellat alios, nihil se scire dicat nisi id ipsum, eoque praestare ceteris quod illi, quae nesciant, scire se putent, ipse se nihil scire id unum sciat, 25 ob eamque rem se arbitrari ab Apolline omnium sapientissimum esse dictum, quod haec esset una omnis ⁴³ sapientia, non arbitrari se scire quod nesciat. Quae cum diceret constanter et in ea sententia permaneret, omnis eius oratio tamen in virtute laudanda et in hominibus ad 30 virtutis studium cohortandis consumebatur, ut e Socraticorum libris maximeque Platonis intellegi (17) potest. Platonis autem auctoritate, qui varius et multiplex et copiosus fuit, una et consentiens duobus vocabulis philosophiae forma instituta est, Academicorum et Peripateticorum, qui rebus 35 congruentes nominibus differebant ⁴⁴; nam cum Speusippum sororis filium Plato philosophiae quasi heredem ⁴⁵ reliquisset, duos autem praestantissimo studio atque doctrina, Xenocratem Chalcedonium et Aristotelem

самого)». «Я с тобою согласен, — говорит он, но не думаю, что тебе неизвестны возражения, сделанные на это Антиохом». 14. «Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы ты, если тебя не затруднит, вновь бы рассказал бы об этом и обо всей Старой Академии, от которой я уже давно отошел». И тут же я продолжил: «Присядем здесь, если не возражаешь». «С удовольствием, — говорит он, — ведь я очень устал. Но нужно бы узнать, хочет ли Аттик услышать от меня то, что, как я вижу, интересует тебя?» «Конечно, хочу, — говорит он, ибо нет ничего, чего хотелось бы больше, чем вспомнить вновь то, что я слышал от Антиоха, и в то же время посмотреть, можно ли это достаточно хорошо выразить по-латыни»⁴¹.

15. С этими словами мы все уселись так, чтобы видеть друг друга, и тогда Варрон начал так: «Мне кажется, что Сократ (а это общеизвестно) первым отвлек философию от предметов недоступных и сокрытых самою природою, которыми до него были заняты философы, и привел ее в обыденную жизнь, побудив исследовать добродетели и пороки, и вообще добро и зло, исследование же небесных явлений он полагал недоступным нашему познанию, и даже если бы они были прекрасно познаны, это (по его мнению) совершенно ничего не дало бы для достижения блаженной жизни⁴² (*ad bene vivendum*). 16. Почти во всех своих беседах, которые подробнейшим образом были записаны его учениками, он строил свои рассуждения таким образом, что сам ничего не утверждал, а лишь опровергал других и говорил, что он ничего не знает, кроме самого этого незнания, и что он тем и превосходит остальных, что они полагают, будто знают то, чего на самом деле не знают, сам же он знает только то, что ничего не знает, и именно поэтому, как он считает, Аполлон назвал его мудрейшим из людей, ибо вся⁴³ мудрость и заключена только в одном: не думать, что ты знаешь то, чего не знаешь. И хотя говорил он это постоянно, неизменно придерживаясь этого взгляда, все его беседы всегда сводились к восхвалению добродетели, возбуждая в людях стремление к ней, как это можно понять из сочинений сократиков и прежде всего Платона. 17. Благодаря авторитету Платона, разностороннего ученого, отличавшегося широтой и богатством мысли и языка, утвердилось единое, хотя и называвшееся двумя разными именами, философское учение — академиков и перипатетиков, которые, будучи согласными по существу, различались по названию⁴⁴. Когда Платон сделал сына своей сестры Спевсиппа как бы наследником⁴⁵ своей филосо-

Stagiriten, — qui erant cum Aristotele Peripatetici dicti sunt, quia disputabant inambulantes in Lycio, illi autem, quia Platonis instituto in Academia, quod est alterum gymnasium, coetus erant et sermones habere
 5 soliti, e loci vocabulo nomen habuerunt. Sed utrique Platonis ubertate complecti certam quandam disciplinae formulam composuerunt et eam quidem plenam ac refertam, illam autem Socraticam dubitanter de omnibus rebus et nulla adfirmatione adhibita consuetudinem
 10 disserendi reliquerunt. Ita facta est, quod minime Socrates probabat, ars quaedam philosophiae et rerum (18) ordo et descriptio disciplinae. Quae quidem erat primo duobus, ut dixi, nominibus una, nihil enim inter Peripateticos et illam veterem Academiam differebat: abundantia quadam ingenii
 15 praestabat, ut mihi quidem videtur, Aristoteles, sed idem fons erat utrisque et eadem rerum expetendarum fugiendarumque⁴⁶ partitio».

v. «Sed quid ago?» inquit «aut sumne sanus qui haec vos doceo? nam etsi non sus Minervam, ut aiunt, tamen inepte
 20 quisquis Minervam docet». Tum Atticus, «Tu vero», inquit, «perge, Varro; valde enim amo nostra atque nostros, meque ista delectant, cum Latine dicuntur et isto modo». «Quid me», inquam, «putas, qui philosophiam iam professus sim populo nostro exhibiturum?» «Pergamus
 25 igitur», (19) inquit, «quoniam placet. Fuit ergo iam accepta a Platone philosophandi ratio triplex, una de vita et moribus, altera de natura et rebus occultis, tertia, de disserendo et quid verum, quid falsum, quid rectum in oratione pravumve, quid consentiens, quid repugnans
 30 esset iudicando⁴⁷. Ac primam illam partem bene vivendi a natura petebant⁴⁸, eique parendum esse dicebant; neque ulla alia in re nisi in natura quaerendum esse illud summum bonum quo omnia referrentur, constituebantque extremum esse rerum expetendarum et finem bonorum⁴⁹ adeptum esse
 35 omnia e natura et animo et corpore et vita⁵⁰. Corporis autem alia ponebant esse in toto, alia in partibus,

фии, а также и двух выдающихся своим усердием и ученостью мужей, Ксенократа Халкедонского и Аристотеля Стагирита, то те, кто остался с Аристотелем, стали называться перипатетиками, потому что они вели свои беседы во время прогулок в Ликее, те же, кто по заведенному Платоном обычаю собирались и вели беседы в Академии (ведь это тоже был гимнасий), получили свое название по наименованию этого места. Но и те и другие, наследуя богатство учения Платона, создали некую систему учения, достаточно полную и содержательную, оставив прежнюю сократическую манеру рассуждать обо всем, подвергая все сомнению и никогда ничего не утверждая. Так родилось то, что Сократ никогда не одобрял: некая философская наука (*ars*) и последовательное и систематическое изложение этого учения. 18. Впрочем, вначале это была единая школа, имевшая, как я уже сказал, два наименования, ибо между перипатетиками и Старой Академией не было никакого различия; Аристотель, как мне кажется, превосходил всех какой-то мощью своего таланта, но и у тех и у других был единый источник и один и тот же принцип деления вещей на *желательные* и *нежелательные* ⁴⁶ (*res expetendae fugiendaeque*)».

V. «Но что же я делаю, — продолжал он, — в здравом ли я уме, если рассказываю вам это? Ведь если в данном случае и не „свинья [учит] Минерву“, все же вообще не подобает кому-либо учить Минерву». Тут Аттик заметил: «Продолжай, Варрон, я очень люблю все наше и наших людей, и мне доставляет огромное удовольствие, когда об этих предметах говорят по-латыни и подобным образом». «А меня-то ты забыл, — говорю я, — ведь я же сказал, что намерен познакомить наш народ с философией». «Ну так продолжим нашу беседу, — сказал он. — 19. Итак, существовало принятое еще Платоном разделение философии на три части: первая часть трактует о жизни и нравственности, вторая — о природе и ее тайнах, третья — об искусстве рассуждения и умения судить о том, что истинно и что ложно, что правильно и что неправильно, что последовательно, а что противоречиво в речи ⁴⁷. В том, что касается первой части — как правильно жить, они обращались к природе ⁴⁸, говоря, что только ей должно повиноваться и только в природе следует искать то высшее благо, с которым все должно сообразовываться, и устанавливали, что пределом всех стремлений и высшим благом ⁴⁹ является все, что исходит от природы, и это каса-

valetudinem vires pulchritudinem in toto, in partibus
autem sensus integros et praestantiam aliquam partium
singularum, ut in pedibus celeritatem, vim in manibus,
claritatem in voce, in lingua (20) etiam explanatam
5 vocum impressionem. Animi autem quae essent
ad comprehendendam virtutem idonea, eaque ab eis
in naturam et mores dividebantur: naturae celeritatem
ad discendum et memoriam dabant, quorum utrumque
mentis esset proprium et ingenii, morum autem putabant
10 studia esse et quasi ⁵¹ consuetudinem, quam partim
adsiduitate exerecitationis, partim ratione formabant,
in quibus erat ipsa philosophia ⁵². In qua quod inchoatum
est, neque absolutum, progressio quaedam ⁵³ ad virtutem
appellatur, quod autem absolutum, id est virtus, quasi
15 perfectio naturae ⁵⁴, omniumque rerum quas in animis
(21) ponunt una res optima. Ergo haec animorum. Vitae
autem (id enim erat tertium) adiuncta esse dicebant quae
ad virtutis usum valerent. Nam virtus in animi bonis et
in corporis cernitur et in quibusdam quae non tam naturae
20 quam beatæ vitae adiuncta sunt ⁵⁵. Hominem esse
censebant quasi partem quandam civitatis et universi
generis humani, eumque esse coniunctum cum hominibus
humana quadam societate ⁵⁶. Ac de summo quidem atque
naturali bono sic agunt; cetera autem pertinere ad id putant,
25 aut ad augendum ⁵⁷, aut tuendum, ut divitias, ut opes,
ut gloriam, ut gratiam. Ita tripartita ab iis inducitur ratio
bonorum.

VI. (22) Atque haec illa sunt tria genera quae putant
plerique Peripateticos dicere. Id quidem non falso, est enim
30 haec partitio illorum; illud imprudenter, si alios esse
Academicos qui tum appellarentur, alios Peripateticos
arbitrantur. Communis haec ratio et utrisque hic bonorum
finis videbatur, adipisci quae essent prima natura, quaeque
ipsa per sese expetenda, aut omnia aut maxima; ea sunt
35 autem maxima quae in ipso animo atque in ipsa virtute

ется и души, и тела, и самой жизни⁵⁰. Телесное благо они причисляли как к целому, так и к отдельным частям его. Так, здоровье, силу, красоту они приписывали целому, к частям же относили такие блага, как сохранение всех чувств, а также некое совершенство отдельных частей: быстроту в ногах, силу в руках, звучность в голосе, ясную и четкую артикуляцию в речи. 20. Духовные же блага, которые способствуют обретению добродетели, делились ими на данные от природы и нравственно выработанные. К природным благам они относили быстроту понимания и память — и то и другое принадлежит уму и таланту. Нравственно выработанными же благами они считали *устремления* (*studium*) и своего рода⁵¹ *навыки* (*consuetudo*), формированию которых, по их мнению, способствуют постоянная практика, с одной стороны, а с другой — *разум* (*ratio*), а следовательно, и сама философия⁵². То, что в ней является лишь началом и не завершено, называется неким *продвижением*⁵³ к добродетели, то же, что завершено, называется *добродетелью*, то есть своего рода совершенством природы⁵⁴ и всего того, что принадлежит душе и что является лучшим из всего существующего. Это все, что касается душевных благ. 21. Что же касается жизненных благ (а это было третьим разделом), то сюда, по их словам, принадлежат все те блага, которые способствуют проявлению добродетели. Ведь добродетель проявляется и в телесных, и в душевных благах, и в каких-то еще, относящихся не столько к природе, сколько к *блаженной* (*beata*) жизни⁵⁵. Человека же они считали как бы некоей частью государства и всего человеческого рода, объединенной с другими людьми неким общим союзом⁵⁶. Так рассуждали они о высшем и естественном благе. Прочие же блага, по их мнению, способствуют или увеличению⁵⁷, или сохранению его; это такие вещи, как богатство, могущество, слава, влияние. Таково их учение о благе, которое делится у них на три части.

VI. 22. Так выглядят эти три раздела, которые большинство приписывает перипатетикам. И это правда: такое деление принадлежит действительно им; неразумно другое: когда полагают, что академики, если они уже тогда так назывались, — одно, а перипатетики — другое. Это учение у них общее, и для тех и для других высшим благом представляется достижение того, что является *первым по природе и желательным само по себе*, или полностью, или в большей своей части. А таковым является то, что заключено в самой душе и в самой добродетели. По-

versantur. Itaque omnis illa antiqua philosophia sensit in una virtute esse positam beatam vitam, nec tamen beatissimam, nisi adiungerentur et corporis et cetera quae supra (23) dicta sunt ad virtutis usum idonea. Ex hac
 5 descriptione agendi quoque aliquid in vita et officii ipsius⁵⁸ initium reperiebatur, quod erat in conservatione earum rerum quas natura praescriberet. Hinc gignebatur fuga desidia, voluptatumque contemptio, ex quo laborum dolorumque susceptio multorum magnorumque recti
 10 honestique⁵⁹ causa et earum rerum quae erant congruentes cum descriptione naturae, unde et amicitia exsistebat et iustitia atque aequitas, eaeque et voluptatibus et multis vitae commodis anteponebantur. Haec quidem fuit apud eos morum institutio⁶⁰ et eius partis quam primam posui⁶¹
 15 forma atque descriptio.

(24) De natura autem (id enim sequebatur)⁶² ita dicebant ut eam dividerent in res duas, ut altera esset efficiens, altera autem quasi huic se praebens⁶³, ex qua efficeretur aliquid⁶⁴. In eo quod efficeret vim esse censebant,
 20 in eo autem quod efficeretur materiam quandam⁶⁵; in utroque tamen utrumque⁶⁶, neque enim materiam ipsam cohaerere potuisse si nulla vi contineretur, neque vim sine aliqua materia (nihil est enim quod non alicubi esse cogatur⁶⁷). Sed quod ex utroque, id iam corpus et quasi qualitatem
 25 quandam⁶⁸ nominabant — dabitis enim profecto, ut in rebus inusitatis, quod Graeci ipsi faciunt, a quibus haec iam diu tractantur, utamur verbis interdum inauditis».

VII.

(25) «Nos vero», inquit Atticus; «quin etiam Graecis licebit utare cum voles, si te Latina forte deficient». «Bene
 30 sane facis; sed enitar ut Latine loquar⁶⁹, nisi in huiusce modi verbis, ut philosophiam aut rhetoricam aut physicam aut dialecticam appellem, quibus, ut aliis multis, consuetudo iam utitur pro Latinis. Qualitates igitur appellavi quas ποιότητες Graeci vocant, quod ipsum apud Graecos non
 35 est vulgi verbum sed philosophorum⁷⁰; atque id in multis. Dialecticorum vero verba nulla sunt publica, suis utuntur, et id quidem commune omnium fere est artium, aut enim

этому вся эта древняя философия утверждала, что счастливая жизнь заключается в одной лишь добродетели, однако она не становится совершенно счастливой (*beatissima*) до тех пор, пока не включит и телесные блага, и все перечисленное выше, что способствует раскрытию добродетели. 23. Из этого определения выводилось основание любых жизненных поступков и самого [понятия] долга⁵⁸ (*officium*), состоящее в сохранении того, чему учит природа. Отсюда рождалось стремление избегать безделья и пренебрежение наслаждением, готовность переносить любые трудности и страдания, сколь бы ни были они велики и бесчисленны, ради правды и чести⁵⁹, ради того, что согласуется с требованиями природы, что порождает и дружбу, и справедливость, и равенство и что противостоит и наслаждениям, и множеству других жизненных благ (*commoda*). Таково было их представление о нравственных благах⁶⁰ и содержание той части их учения, которую я называл первой⁶¹.

24. Говоря о природе (а это был следующий раздел)⁶², они делили ее на две части: *воздействующую* (*efficiens*) и ту, которая представляла собой как бы материал для действия первой⁶³, создающей из него нечто⁶⁴. В воздействующей части они видели силу, в том же, что подвергалось воздействию, — некую материю⁶⁵, но так, что и то и другое взаимно заключалось в каждой из них⁶⁶. Ибо ни сама материя не могла бы существовать, если бы на нее не действовала никакая сила, ни сила — без какой бы то ни было материи, ибо нет ничего, что не было бы вынуждено существовать где-то⁶⁷. А то, что образуется из того и другого вместе, они называли телом и как бы неким *качеством*⁶⁸ (*qualitas*), ведь вы, конечно же, согласитесь с тем, что, говоря о предметах непривычных, мы, подобно самим грекам, уже давно сталкиваемся с этими вопросами, будем иногда прибегать к необычным словам».

VII. 25. «Ну конечно, — сказал Аттик, — более того, ты можешь пользоваться, когда захочешь, и греческими словами, если тебе вдруг не хватит латинских». «Весьма любезно с твоей стороны, но я постараюсь говорить по-латыни⁶⁹, за исключением такого рода слов, как философия, риторика, физика, диалектика, которые, как и многие другие, уже давно вошли в обиход и стали латинскими. Итак, я называл „качествами“ то, что греки называют ποιότητες, а это слово у самих греков принадлежит не общеразговорному, а философскому языку⁷⁰, встречаясь у многих философов. У диалектиков же нет ни одного общеупотребительного слова, и они пользуются лишь своими, впрочем это свойственно почти

nova sunt rerum novarum facienda nomina aut ex aliis transferenda. Quod si Graeci faciunt ⁷¹, qui in his rebus tot iam saecula versantur, quanto id magis nobis concedendum est, qui haec nunc primum (26) tractare
5 conamur?» «Tu vero», inquam, «Varro, bene etiam meriturus mihi videris de tuis civibus, si eos non modo copia rerum auxeris, ut effecisti, sed etiam verborum». «Audebimus ergo», inquit, «novis verbis uti te auctore, si necesse erit. Earum igitur qualitaturn sunt aliae principes,
10 aliae ex his ortae. Principes sunt unius modi et simplices ⁷²; ex his autem variae ortae sunt et quasi multiformes ⁷³. Itaque aër (hoc quoque utimur iam pro Latino) ⁷⁴ et ignis et aqua et terra prima sunt; ex his autem ortae animantium formae earumque rerum quae gignuntur e terra. Ergo illa
15 initia et, ut e Graeco vertam, elementa ⁷⁵ dicuntur; e quibus aër et ignis movendi vim habent et efficiendi, reliquae partes accipiendi et quasi patiendi, aquam dico et terram. Quintum genus ⁷⁶, e quo essent astra mentesque, singulare, eorumque quattuor, quae supra dixi, dissimile Aristoteles
20 quoddam esse (27) rebatur. Sed subiectam ⁷⁷ putant omnibus sine ulla specie ⁷⁸ atque carentem omni illa qualitate ⁷⁹ (faciamus enim tractando usitatius hoc verbum et tritius) materiam quandam, e qua omnia expressa atque effecta sint, quae tota omnia accipere possit ⁸⁰, omnibusque
25 modis mutari atque ex omni parte, atque etiam interire, non in nihilum ⁸¹, sed in suas partes, quae infinite secari ac dividi possint, cum sit nihil omnino in rerum natura minimum quod dividi nequeat ⁸²; quae autem moveantur, omnia intervallis moveri, quae intervalla item (28) infinite
30 dividi possint ⁸³. Et cum ita moveatur illa vis, quam qualitatem esse diximus, et cum sic ultro citroque versetur, et materiam ipsam totam penitus commutari putant et illa effici quae appellant qualia; e quibus in omni natura cohaerente et continuata cum omnibus suis partibus unum
35 effectum esse mundum, extra quem nulla pars materiae sit nullumque corpus ⁸⁴; partes autem esse mundi omnia quae insint in eo, quae natura sentiente teneantur, in qua ratio perfecta insit, quae sit eadem sempiterna (nihil enim

всем наукам: ведь там приходится либо создавать новые имена для новых понятий, либо переносить их из других областей. И если это делают греки⁷¹, которые уже столько веков занимаются этими вещами, насколько же больше это должно быть позволено нам, только теперь пытающимся исследовать подобные предметы?» 26. «Ты, Варрон, — говорю я, — как мне кажется, окажешь немалую услугу твоим согражданам, если обогатишь не только обилием фактов, что ты до сих и делал, но и таким же обилием слов». «С твоего разрешения, — говорит он, — мы, в случае необходимости, осмелимся все же прибегнуть к новым словам. Одни из этих качеств — *первичные* (principes), другие — производные от них. Первичные — единообразны и просты⁷², производные же от них — различны и многообразны⁷³ (multiformes). Так, воздух (aer) (мы пользуемся также греческим словом вместо латинского⁷⁴), огонь, вода и земля суть первичные качества, из них же возникают виды живых существ и все то, что рождается из земли. Поэтому они называются *началами*, а если заимствовать из греческого — *элементами*⁷⁵; из них воздух и огонь обладают силой приводить в движение и создавать, остальные же части (я имею в виду воздух и землю) — способностью восприятия и как бы *претерпевания*. Аристотель полагал, что существует некий пятый элемент⁷⁶, из которого созданы светила и души (mentes), особенный и непохожий на те четыре, о которых я говорил выше. 27. В основе же всего, полагают они, лежит⁷⁷ не имеющее вида⁷⁸ и лишенное всего этого *качество*⁷⁹ (мы постараемся сделать это слово более обычным и употребительным, используя его в нашем изложении) — материя, из которой создано и образовано все [сущее]; она одна способна воспринимать все⁸⁰ и подвергаться любым изменениям в любой своей части, способна даже исчезнуть, но не превращаясь в ничто⁸¹, а распадаясь на отдельные части, которые могут делиться бесконечно, ибо в природе вообще не существует столь малой величины, которая не могла бы делиться⁸²; а все движимое движется через [пространственные] промежутки (per intervalla), которые в свою очередь также могут бесконечно делиться⁸³. 28. А поскольку та сила, которую мы называли *качеством*, движется и перемещается во все стороны, они полагают, что и сама материя в целом совершенно меняется и возникает то, что они называют *какими-то* (qualia); и из этих *качеств*, поскольку вся природа во всех своих частях тесно взаимосвязана, складывается единый мир, вне которого не существует ни единой частицы материи, ни единого тела⁸⁴; частями же мира

(29) valentius esse a quo intereat)⁸⁵; quam vim animum esse dicunt mundi, eandemque esse mentem sapientiamque perfectam, quem deum appellant, omnium que rerum quae sint ei subiectae quasi prudentiam quandam, procurantem
 5 caelestia maxime, deinde in terris ea quae pertineant ad homines; quam interdum eandem necessitatem appellant, quia nihil aliter possit atque ab ea constitutum sit inter⁸⁶ quasi fatalem et immutabilem continuationem ordinis sempiterni; non numquam quidem eandem fortunam,
 10 quod efficiat multa improvisa ac necopinata nobis propter obscuritatem ignorationemque causarum⁸⁷.

viii. (30) Tertia deinde philosophiae pars, quae erat in ratione et in disserendo, sic tractabatur ab utrisque. Quamquam oriretur a sensibus, tamen non esse iudicium veritatis⁸⁸
 15 in sensibus: mentem volebant rerum esse iudicem; solam censebant idoneam cui crederetur, quia sola cerneret id quod semper esset simplex et unius modi et tale quale esset⁸⁹. Hanc illi ἰδέαν appellant, iam a Platone ita nominatam, nos (31) recte speciem possumus dicere.
 20 Sensus autem omnes hebetes et tardos esse arbitrabantur nec percipere⁹⁰ ullo modo res eas quae subiectae sensibus⁹¹ viderentur, quod aut ita essent parvae, ut sub sensum cadere non possent, aut ita mobiles et concitatae, ut nihil umquam unum esset <et> constans, ne idem quidem, quia
 25 continenter laberentur et fluerent omnia; itaque hanc (32) omnem partem rerum opinabilem⁹² appellabant. Scientiam autem nusquam esse censebant nisi in animi notionibus⁹³ atque rationibus; qua de causa definitiones rerum probabant et has ad omnia, de quibus disceptabatur,
 30 adhibebant. Verborum etiam explicatio probabatur, id est, qua de causa quaeque essent ita nominata, quam ἐτυμολογίαν appellabant⁹⁴; post argumentis quibusdam et quasi rerum notis⁹⁵ ducibus utebantur ad probandum et ad concludendum id, quod explanari volebant; in quo
 35 tradebatur omnis dialecticae disciplina, id est, orationis

является все то, что входит в него, что охватывается чувствующей природой, которой присущ совершенный разум, остающийся вечно неизменным, ибо нет более сильного, что могло бы уничтожить его⁸⁵. 29. Эту силу они называют мировой душой, являющейся в то же время умом (*mens*) и совершенной мудростью, которая называется богом. В отношении же всех вещей, подчиненных ей, в ней видят некую мудрость (*prudentia*), заботящуюся более всего о небесных, а затем и о земных делах, в том, что касается людей. Эту силу иногда называют необходимостью, потому что ничто не может произойти иначе, чем установлено ею, то есть⁸⁶ некоей предопределенной судьбою (*fatalis*), неизменной непрерывностью вечного миропорядка, а иногда ее называют фортуной, потому что она совершает много непредвиденного и неожиданного для нас, вследствие того, что причины этих вещей темны и неведомы нам⁸⁷.

VIII. 30. Третий раздел философии, посвященный разуму и рациональному мышлению (*in ratione et in disserendo*), трактовался обеими школами так. Хотя суждение об истинности⁸⁸ исходит от чувств, оно тем не менее не заключается в чувствах. Судьей всего сущего они сделали ум (*mens*), считая, что только ему можно доверять, ибо только он способен видеть то, что остается всегда простым и единообразным и таким, каково оно есть⁸⁹. 31. Они называют это идеей (*idéα*), как это называлось уже у Платона, мы же по праву можем перевести словом *вид* (*species*). Все чувства, по их мнению, слабы и медлительны и никоим образом не воспринимают⁹⁰ то, что становится их объектом⁹¹, потому что либо эти вещи столь малы, что оказываются недоступными чувствам, либо столь подвижны и стремительны, что ничто никогда не остается неизменным и даже самим собой, ибо все непрерывно течет и ускользает. Поэтому все эти вещи они называли *предполагаемыми* (*opinabiles*)⁹². 32. Они считали, что знание (*scientia*) выражается только в понятиях⁹³ и логических действиях ума (*animus*). И поэтому высоко ценили определения вещей, прибегая к ним при рассмотрении любых вопросов, возникающих в их спорах. Они занимались толкованием слов, то есть объясняли, почему каждая вещь называется именно так. Эту науку они называли *этимологией*⁹⁴ и использовали ее результаты как некие символы и знаки вещей, способствующие доказательствам и заключениям о том, что они хотели разъяснить. На этом у них основывалась и вся наука *диалектика*, то есть наука разумно организованной речи, а к ней, как бы

ratione conclusae; huic quasi ex altera parte oratoria vis dicendi adhibebatur⁹⁶, explicatrix orationis perpetuae ad persuadendum accommodatae. (33) Haec erat illis prima forma a Platone tradita; cuius quas acceperim
 5 immutationes⁹⁷, si vultis, exponam». «Nos vero volumus», inquam, «ut pro Attico etiam respondeam». «Et recte», inquit, «respondes; praeclare enim explicatur Peripateticorum et Academiae veteris auctoritas.

IX. Aristoteles primus species quas paulo ante dixi labefactavit,
 10 quas mirifice Plato erat amplexatus, ut in iis quiddam divinum esse diceret. Theophrastus autem, vir et oratione suavis⁹⁸ et ita moratus, ut probitatem quandam prae se et ingenuitatem ferat, vehementius etiam fregit quodam modo auctoritatem veteris disciplinae; spoliavit enim virtutem suo decore
 15 imbecillamque reddidit⁹⁹, quod negavit in ea (34) sola positum esse beate vivere¹⁰⁰. Nam Strato eius auditor¹⁰¹, quamquam fuit acri ingenio, tamen ab ea disciplina omnino semovendus est, qui cum maxime necessariam partem philosophiae, quae posita est in virtute et moribus¹⁰², reliquisset¹⁰³ totumque se
 20 ad investigationem naturae contulisset, in ea ipsa plurimum dissedit a suis. Speusippus autem et Xenocrates, qui primi Platonis rationem auctoritatemque susceperant, et post eos Polemo et Crates unaque Crantor in Academia congregati diligenter ea, quae a superioribus (35) acceperant, tuebantur.
 25 Iam Polemonem audiverant adsidue Zeno et Arcesilas; sed Zeno, cum Arcesilam anteiret aetate valdeque subtiliter disserteret et peracute moveretur, corrigere conatus est disciplinam. Eam quoque, si videtur, correctionem explicabo, sicut solebat Antiochus». «Mihi vero», inquam,
 30 «videtur, quod vides idem significare Pomponium».

X. «Zeno igitur nullo modo is erat, qui, ut Theophrastus, nervos virtutis¹⁰⁴ inciderit, sed contra, qui omnia quae ad beatam vitam pertinerent, in una virtute poneret nec quidquam aliud numeraret in bonis, idque appellaret
 35 honestum¹⁰⁵, quod esset simplex¹⁰⁶ (36) quoddam et solum et unum bonum. Cetera autem etsi nec bona nec mala¹⁰⁷

с другой стороны⁹⁶, присоединялось и *ораторское искусство*, то есть искусство стройного развертывания речи, имеющего целью убеждение. 33. Такова была первоначальная форма их учения, идущая от Платона, и (если хотите) я расскажу о тех его изменениях⁹⁷, которые мне известны». «Нам бы очень этого хотелось, — сказал я, — думаю, что и Аттик скажет то же самое». «И правильно думаешь, — говорит он, — ведь таким образом прекрасно раскрывается все значение учения и перипатетиков и Старой Академии.

IX. Итак, Аристотель первым поколебал значение идей (*species*), о которых я говорил несколько раньше и которым Платон придавал столь большое значение, заявляя, что в них есть нечто божественное. Феофраст же, прекрасный писатель⁹⁸ и высоконравственный человек, достойный и благородный, нанес еще более мощный удар авторитету старинного учения, лишив добродетель ее ореола и сделав ее бессильной⁹⁹, поскольку не признавал, что только она одна определяет блаженную жизнь¹⁰⁰. 34. Его ученик Стратон¹⁰¹, хотя и отличавшийся острым умом, тем не менее вообще не должен считаться сторонником этого учения, ибо он оставил без внимания важнейший раздел философии — учение о добродетели и нравственности¹⁰², целиком посвятив себя исследованию природы¹⁰³, но и здесь он во многом отошел от своих учителей. Спевсипп и Ксенократ, первыми поддержавшие авторитет Платона, а после них — Полемон, Кратет и Крантор, объединившись в Академии, тщательно хранили то, что получили от своих предшественников. Прилежными учениками Полемона были Зенон и Аркесилай. 35. Но Зенон, который был старше Аркесилая и отличался замечательной тонкостью и проницательностью в рассуждениях, попытался исправить это учение. Если вы не возражаете, то я могу объяснить, в чем состояли эти исправления, подобно тому, как это делал Антиох». «Не возражаю, — сказал я, — и, как видишь, Помпоний тоже».

X. «Итак, Зенон никоим образом не пытался, подобно Феофрасту, подорвать значение¹⁰⁴ добродетели, но наоборот, считал, что в одной добродетели заключено все, что определяет блаженную жизнь, и ничто кроме нее не является благом. И он называл это *нравственным*¹⁰⁵ (*honestum*), представляющим некое простое¹⁰⁶ и единое благо. 36. Прочее же, по его словам, хотя и не является ни благом, ни злом¹⁰⁷, однако

essent, tamen alia secundum naturam ¹⁰⁸ dicebat, alia naturae esse contraria ¹⁰⁹; his ipsis alia interiecta et media numerabat. Quae autem secundum naturam essent, ea sumenda ¹¹⁰ et quadam aestimatione dignanda docebat, 5 contraque contraria ¹¹¹, neutra ¹¹² autem in mediis ¹¹³ relinquebat. In (37) quibus ponebat nihil omnino esse momenti, sed quae essent sumenda, ex iis alia pluris esse aestimanda, alia minoris: quae pluris, ea praeposita appellabat, reiecta ¹¹⁴ autem, quae minoris ¹¹⁵. Atque ut haec 10 non tam rebus quam vocabulis commutaverat ¹¹⁶, sic inter recte factum atque peccatum ¹¹⁷ officium et contra officium ¹¹⁸ media locabat quaedam, recte facta sola in bonis actionibus ponens, prave, id est peccata, in malis; officia autem servata praetermissaque media ¹¹⁹ putabat, (38) ut 15 dixi. Cumque superiores non omnem virtutem in ratione esse dicerent, sed quasdam virtutes natura aut more perfectas, hic omnes in ratione ponebat ¹²⁰; cumque illi ea genera virtutum, quae supra dixi, seiungi posse arbitrarentur, hic nec id ullo modo fieri posse disserebat nec virtutis usum modo, ut 20 superiores, sed ipsum habitum per se esse praeclarum ¹²¹, nec tamen virtutem cuiquam adesse quin ea semper uteretur. Cumque perturbationem animi illi ex homine non tollerent, naturaque et condolescere et concupiscere et extimescere et efferri laetitia dicerent, sed ea contraherent in angustumque 25 deducerent, hic omnibus (39) his quasi morbis voluit carere sapientem ¹²²; cumque eas perturbationes antiqui naturales esse dicerent et rationis expertes, aliaque in parte animi cupiditatem, alia rationem collocarent, ne his quidem adsentiebatur. Nam et perturbationes voluntarias ¹²³ esse 30 putabat opinionisque iudicio ¹²⁴ suscipi et omnium perturbationum matrem esse arbitrabatur immoderatam quandam intemperantiam. Haec fere de moribus.

XI. De naturis ¹²⁵ autem sic sentiebat, primum, ut in quattuor initiis rerum illis quintam hanc naturam, ex qua superiores 35 sensus et mentem effici rebantur ¹²⁶, non adhiberet. Statuebat enim ignem esse ipsam naturam, quae quidque

же существует либо по природе¹⁰⁸, либо вопреки ей¹⁰⁹. Сюда он причислял все прочее, *среднее* (*media*) и *промежуточное* (*interjecta*). Он учил, что все, существующее по природе, является *приемлемым*¹¹⁰ (*sumenda*) и обладающим определенной ценностью. Противоположное же¹¹¹ — не имеющим ценности. То, что не относится ни к тому, ни к другому¹¹², он оставлял без оценки¹¹³, полагая, что это вообще не имеет никакого значения. 37. Что же касается вещей приемлемых, то одни из них более ценны, другие менее. Более ценные он называл *предпочтитаемыми* (*praeposita*), менее ценные — *отвергаемыми*^{114–115} (*reiecta*). И как в этом случае речь шла не столько об изменениях¹¹⁶ по существу, сколько о чисто словесных изменениях, так и между правильным поступком и *проступком*¹¹⁷ (*peccatum*) он как нечто *среднее* ставил исполнение и неисполнение долга¹¹⁸, относя к благу только правильные поступки, а дурные, то есть проступки, — ко злу. Само же исполнение долга или же нарушение его, как я уже сказал, он считал чем-то средним¹¹⁹. 38. Тогда как его предшественники говорили, что не всякая добродетель заключена в разуме, но существуют некоторые добродетели, обязанные своим совершенством природе или выработанные нравами, он все добродетели полагал в разуме¹²⁰, и если первые считали, что те виды добродетелей, о которых я говорил выше, могут быть не связаны с разумом, он утверждал, что это ни в коем случае невозможно и что не только проявление добродетели, как говорили его предшественники, но и она сама по себе прекрасны¹²¹. И в то же время никто не может обладать добродетелью, не проявляя ее постоянно. И если его предшественники не лишали человека душевного волнения, говоря, что человек по природе испытывает страдание, желание, страх, радость, хотя и стремится справиться с ними и свести к малому, он считал, что мудрец должен избегать всего этого, как болезни¹²². 39. И в то время как древние философы говорили, что такого рода волнения естественны и не связаны с разумом, помещая страсть и разум в различных областях души, он не соглашался с этими взглядами, ибо считал, что волнения связаны с волей¹²³, являясь результатом сознательного суждения¹²⁴, и полагал, что матерью всех волнений является некая, не знающая меры опрометчивость. Вот, пожалуй, все о нравах.

XI. Что же касается *природных начал*¹²⁵ (*элементов*), то главное состоит в том, что он не вводил в дополнение к названным выше четырем началам (*naturae*) ту пятую сущность, из которой, по мнению его предшественников, формировались чувства и ум¹²⁶ (*mens*), ибо он счи-

gigneret, etiam mentem atque sensus ¹²⁷. Discrepabat
 etiam ab iisdem quod nullo modo arbitrabatur quidquam
 effici posse ab ea ¹²⁸, quae expers esset corporis, cuius
 generis Xenocrates et superiores etiam animum esse
 5 dixerant, nec vero aut quod efficeret aliquid aut quod
 efficeretur posse esse non (40) corpus ¹²⁹. Plurima autem
 in illa tertia philosophiae parte mutavit. In qua primum
 de sensibus ipsis quaedam dixit nova, quos iunctos esse
 censuit e quadam quasi impulsione ¹³⁰ oblata extrinsecus,
 10 quam ille φαντασίαν, nos visum appellemus licet (et
 teneamus hoc quidem verbum, erit enim utendum in reliquo
 sermone saepius); sed ad haec, quae visa sunt et quasi
 accepta sensibus, ad sensationem ¹³¹ adiungit animorum, quam
 esse vult in nobis positam et voluntariam ¹³². (41) Visis non
 15 omnibus ¹³³ adiungebat fidem, sed iis solum, quae propriam
 quandam haberent declarationem ¹³⁴ earum rerum, quae
 viderentur; id autem visum cum ipsum per se ¹³⁵ cerneretur,
 comprehendibile — feretis haec? » « Nos vero », inquit;
 « quonam enim alio modo καταληπτόν diceretur? ». « Sed cum
 20 acceptum iam et approbatum esset, comprehensionem ¹³⁶
 appellabat, similem iis rebus quae manu prehenderentur —
 ex quo etiam nomen hoc duxerat, cum eo verbo antea nemo
 tali in re usus esset ¹³⁷, plurimisque idem novis verbis
 (nova enim dicebat) usus est. Quod autem erat sensu
 25 comprehensum, id ipsum sensum appellabat ¹³⁸, et si ita
 erat comprehensum, ut convelli ratione non posset,
 scientiam ¹³⁹; sin aliter, inscientiam ¹⁴⁰ nominabat, ex qua
 existeret etiam opinio ¹⁴¹, quae esset imbecilla et cum falso
 incognitoque communis. (42) Sed inter scientiam et
 30 inscientiam ¹⁴² comprehensionem illam quam dixi collocabat,
 eamque neque in rectis neque in pravis numerabat, sed
 soli credendum esse dicebat. E quo sensibus etiam fidem
 tribuebat, quod, ut supra dixi, comprehensio facta sensibus
 et vera esse illi et fidelis videbatur, non quod omnia, quae
 35 essent in re, comprehenderet, sed quia nihil, quod cadere
 in eam posset, relinqueret ¹⁴³, quodque natura quasi normam
 scientiae et principium sui ¹⁴⁴ dedisset, unde postea notiones
 rerum ¹⁴⁵ in animis imprimerentur, e quibus non principia

тал, что огонь есть сама пятая сущность, порождающая все, даже ум и чувства¹²⁷. Отличался он от своих предшественников также и тем, что ни при каких условиях не считал возможным какое-либо воздействие со стороны того¹²⁸, что лишено тела (такого рода вещи Ксенократ и его предшественники считали умом (*animus*), полагая, что ни создающее, ни создаваемое не может не быть телом)¹²⁹. 40. Он очень много изменил в этом третьем разделе философии. Прежде всего он высказал некоторые новые мысли относительно самих чувств, которые, как он считал, зависят от некоего своеобразного импульса¹³⁰, идущего извне и называемого им *фантазией* (*φαντασία*), а мы назовем его *представлением* (*visum*) и запомним это слово, ибо нам придется не раз прибегать к нему. Но представленное и как бы воспринятое чувствами нуждается, по его мнению, еще и в одобрении¹³¹ со стороны *ума* (*animus*), которое, он считает, заложено в нас и зависит от воли¹³². 41. Не всякое *представление* он считал достоверным¹³³, а лишь то, которое как-то по-своему раскрывает¹³⁴ воспринимаемое им, и это *представление*, рассматриваемое само по себе¹³⁵, он называл *постижимым* (*comprehensibile*). Ну так как, вы стерпите такое?» «Конечно, — говорю я, — а как же иначе ты бы перевел (*καταλῆπτόν*)?» «А уже *постигнутое* и получившее одобрение он называл *постижением* (*схватыванием* — *comprehensio*)¹³⁶, по аналогии с тем, что берется рукой, отсюда он и выводит свой термин, тогда как ранее никто не пользовался этим словом в таком смысле¹³⁷. Да и вообще он использовал много новых слов, ибо он говорил о вещах, доселе неизвестных. *Постигнутое* (*схваченное*) же чувством он называл *самим чувством* (*sensus*)¹³⁸. А то, что было *постигнуто* (*схвачено*) настолько, что разум не мог поколебать этого, он называл *знанием* (*scientia*)¹³⁹, противоположное он называл *незнанием* (*in-scientia*)¹⁴⁰, порождающим *представление* (*opinio*)¹⁴¹, которое бессильно и родственно тому, что ложно и не познано. 42. А между знанием и незнанием¹⁴² он помещал то самое *постижение* (*схватывание*), о котором я говорил, не относя его ни к правильному, ни к неправильному, однако говорил, что только ему должно верить. Исходя из этого он доверял показаниям чувств, ибо, как я сказал выше, *постижение* (*схватывание*), совершаемое чувствами, представлялось ему истинным и достоверным, но не потому, что охватывало все, что заключалось в вещи, а потому, что не оставляло без внимания ничего, что для него могло быть доступно¹⁴³ (*cadere in eam*) и что природа сделала как бы мерилем знаний и началом самой себя¹⁴⁴, и от этой нормы и этого начала запечатлевались

solum sed latiores quaedam ad rationem inveniendam viae reperiuntur. Errorem autem et temeritatem¹⁴⁶ et ignorantiam et opinionem¹⁴⁷ et suspicionem, et uno nomine omnia, quae essent aliena firmae et constantis
 5 adsensionis, a virtute sapientiaque removebat. Atque in his fere commutatio constitit omnis dissensioque Zenonis a superioribus».

- XII. (43) Quae cum dixisset, «Breviter sane minimeque obscure exposita est», inquam, «a te, Varro, et veteris
 10 Academiae ratio et Stoicorum; verum esse autem arbitror, ut Antiocho nostro familiari placebat, correctionem veteris Academiae potius quam novam aliquam disciplinam putandam». Tum Varro, «Tuae sunt nunc partes», inquit, «qui ab antiquorum ratione desciscis et ea, quae ab
 15 Arcesila novata¹⁴⁸ sunt, probas, docere quod et qua de causa discidium factum sit, ut (44) videamus satisne ista sit iusta defectio». Tum ego, «Cum Zenone», inquam, «ut accepimus, Arcesilas sibi omne certamen instituit, non pertinacia aut studio vincendi, ut mihi quidem videtur, sed
 20 earum rerum obscuritate quae ad confessionem ignorationis adduxerant Socratem et iam ante Socratem Democritum, Anaxagoram, Empedoclem, omnes paene veteres, qui nihil cognosci, nihil percipi, nihil sciri posse dixerunt, angustos sensus, imbecillos animos, brevita curricula vitae et, ut
 25 Democritus, in profundo veritatem esse demersam, opinionibus et institutis omnia teneri, nihil veritati relinqui, deinceps omnia tenebris (45) circumfusa esse dixerunt¹⁴⁹. Itaque Arcesilas negabat esse quidquam quod sciri posset, ne illud quidem ipsum, quod Socrates sibi reliquisset: sic
 30 omnia latere censebat in occulto, neque esse quidquam quod cerni aut intellegi posset; quibus de causis nihil oportere neque profiteri neque adfirmare quemquam neque adsensione approbare, cohibereque¹⁵⁰ semper et ab omni lapsu continere temeritatem, quae tum esset insignis, cum
 35 aut falsa aut incognita res approbaretur, neque hoc quidquam esse turpius quam cognitioni et perceptioni adsensionem approbationemque praecurrere. Huic rationi

затем в душах *понятия вещей*¹⁴⁵, открывающие не только начала, но и более широкие пути к пониманию их сущности (*ratio*), заблуждения же, необдуманные поступки¹⁴⁶, невежество, предположение¹⁴⁷, подозрение, одним словом, все, что чуждо твердому и прочному *одобрению* (= *согласию* — *adsensio*), он исключал из понятия добродетели и мудрости. К этому, пожалуй, и сводятся те изменения, которые привнес Зенон, и его разногласия с предшественниками».

ХII. 43. Когда он закончил, я сказал: «Ты, Варрон, конечно, весьма кратко и ясно изложил учение как Старой Академии, так и стоиков. Последним, полагаю, как, впрочем, считает и наш друг Антиох, принадлежат скорее некоторые изменения в учении Старой Академии, чем создание какого-то нового учения». На это Варрон говорит: «Теперь это уж твоя задача; и поскольку ты порвал с учением древних и принимаешь новое предложение Аркесилая¹⁴⁸, расскажи нам, что это за разрыв и по какой причине он произошел, дабы мы смогли убедиться в том, достаточно ли оправданным был этот отход». 44. Тогда я сказал: «Аркесилай, как известно, решил начать весь этот спор с Зеноном не из упрямства или стремления к первенству, как это кажется, по крайней мере, мне, а в силу неясности тех вещей, которые побудили Сократа признать собственное невежество, а до Сократа привели к тому же Демокрита, Анаксагора, Эмпедокла и едва ли не всех древних, которые утверждали, что ничего нельзя ни познать, ни воспринять, ни знать, ибо чувства слабы, ум бессилён, жизнь коротка и, как говорил Демокрит, „истина сокрыта в бездне“, что все держится на *предположениях* и традиции, и не остается нигде места истине, и, наконец, что все сокрыто во мраке¹⁴⁹. 45. Поэтому Аркесилай говорил, что не существует ничего, что можно знать, даже того, что оставил себе Сократ; все сокрыто во мраке, и не существует ничего, что можно было бы отчетливо представить и понять, а поэтому никто не должен ничего заявлять, ничего утверждать, ни с чем не выражать своего *согласия* и всегда должен воздерживаться от всего необдуманного¹⁵⁰ и ошибочного, становящегося заметным тогда, когда выражается одобрение чему-то ложному или неизвестному, и нет ничего постыднее, чем выражать согласие и одобрение еще до того, как предмет этот постигнут и познан нами. В соответствии с этими принципами он, выступая против общего мнения, многих приводил к тому, чтобы, когда

quod erat consentaneum faciebat, ut contra omnium
sententias disserens in eam plerosque deduceret, ut cum
in eadem re paria contrariis in partibus momenta rationum ¹⁵¹
invenirentur, facilius ab (46) utraque parte adsensio
5 sustineretur. Hanc Academiam novam appellant ¹⁵², quae
mihi vetus videtur, si quidem Platonem ex illa vetere
numeramus, cuius in libris nihil adfirmatur et in utramque
partem multa disseruntur ¹⁵³, de omnibus quaeritur, nihil
certi dicitur; sed tamen illa, quam exposuisti, vetus, haec
10 nova nominetur; quae usque ad Carneadem perducta, qui
quartus ab Arcesila fuit, in eadem Arcesilae ratione
permansit. Carneades autem nullius philosophiae partis
ignarus et, ut cognovi ex iis, qui illum audierant,
maximeque ex Epicureo Zenone, qui cum ab eo plurimum
15 dissentiret, unum tamen praeter ceteros mirabatur,
incredibili quadam fuit facultate ¹⁵⁴...».

по одному и тому же предмету спорящими сторонами высказывались равносильные доводы¹⁵¹, и та и другая сторона воздерживалась от выражения своего согласия. Эту Академию называют Новой¹⁵², а мне она представляется Старой, если мы причисляем Платона к этой Старой Академии. Ведь в его книгах ничего не утверждается, о многом высказываются противоположные мнения¹⁵³, любой факт подвергается исследованию, ни о чем не говорится определенно, так что взгляды, изложенные тобой, принадлежат той Старой Академии, а эта, называемая Новой, продолжающая свое существование вплоть до Карнеада (а он был четвертым, если считать от Акресилая), придерживалась тех же самых взглядов. Карнеад же, прекрасно владевший всеми разделами философии и, как я узнал от его слушателей, в первую очередь от эпикурейца Зенона, который, расходясь с ним во всем, тем не менее восторгался им, ставя его выше всех философов, обладал некоей невероятной силой красноречия¹⁵⁴...».

- I. (1) Magnum ingenium L. Luculli ¹⁵⁶ magnumque optimarum artium studium, tum omnis liberalis et digna homine nobili ab eo percepta doctrina, quibus temporibus florere in foro maxime potuit, caruit omnino rebus urbanis.
- 5 Ut enim admodum adulescens cum fratre pari pietate et industria praedito paternas inimicitias magna cum gloria est persecutus, in Asiam quaestor profectus ibi permultos annos ¹⁵⁷ admirabili quadam laude provinciae praefuit; deinde absens factus aedilis, continuo praetor (licebat enim
- 10 celerius legis praemio), post in Africam, inde ad consulatum, quem ita gessit ut diligentiam admirarentur omnes, ingenium agnoscerent. Post ad Mithridaticum bellum missus a senatu non modo opinionem vicit omnium quae de virtute eius erat sed etiam gloriam (2) superiorum;
- 15 idque eo fuit mirabilius quod ab eo laus imperatoria non admodum expectabatur qui adulescentiam in forensi opera, quaesturae diuturnum tempus, Murena bellum in Ponto gerente, in Asia pace consumpserat. Sed incredibilis quaedam ingenii magnitudo non desideravit indocilem ¹⁵⁸
- 20 usus disciplinam. Itaque cum totum iter et navigationem consumpsisset partim in percontando a peritis, partim in rebus gestis legendis, in Asiam factus imperator venit, cum esset Roma profectus rei militaris rudis. Habuit enim divinam quandam memoriam rerum, verborum maiorem
- 25 Hortensius, sed quo plus in negotiis gerendis res quam verba prosunt, hoc erat memoria illa praestantior; quam fuisse in Themistocle, quem facile Graeciae principem ponimus ¹⁵⁹, singularem ferunt, qui quidem etiam pollicenti cuidam se artem ei memoriae, quae tum primum
- 30 proferebatur, traditurum respondisse dicitur oblivisci se malle discere ¹⁶⁰ — credo, quod haerebant in memoria quaecumque audierat et viderat. Tali ingenio praeditus Lucullus adiunxerat etiam illam quam Themistocles spreverat disciplinam. Itaque ut litteris consignamus quae
- 35 monumentis mandare volumus, sic ille in animo res

1. 1. Луций Лукулл ¹⁵⁶, человек замечательного таланта, с величайшим рвением посвятивший себя замечательным наукам, обладавший знанием всего, что достойно человека благородного и знатного, в те годы, когда он мог особенно полно проявить себя на форуме, вообще не принимал никакого участия в делах города, ибо сразу же, как он, еще совсем молодым, вместе со своим братом, столь же благочестивым и энергичным, выступил против недругов своего отца и тем стяжал себе великую славу, отправился квестором в Азию и там в течение многих лет ¹⁵⁷ с исключительным успехом управлял провинцией. Позднее, избранный заочно эдилом и сразу же вслед за этим претором (ибо закон давал ему такое право), он отправился в Африку, а затем, став консулом, исполнял эту должность так, что все восхищались его добросовестностью и признавали его талант. Отправленный затем сенатом на войну с Митридатом, он не только вызвал всеобщее восхищение своей доблестью, но и превзошел славой своих предшественников, и это тем более удивительно, что от него не очень-то ожидали славы полководца, 2. ибо юность его прошла на форуме, а во время своей квестуры он долгое время провел в Азии на мирном поприще, предоставив Мурене вести войну в Понте. Какая-то невероятная сила его таланта и не нуждалась в тягостной ¹⁵⁸ науке опыта. В течение всего своего путешествия по суше и по морю, ведя беседы с опытными в военном деле людьми и читая сочинения о деяниях великих людей, он прибыл в Азию опытным полководцем, отправившись из Рима совершенно невежественным в военном деле. Он обладал поистине божественной памятью на все факты, тогда как Гортенсий лучше запоминал слова, и насколько в судебных делах факты важнее слов, настолько память Лукулла была ценнее. Говорят, что столь же уникальная память была у Фемистокла, которого мы не колеблясь называем величайшим среди греков ¹⁵⁹. Рассказывали, что, когда некто предложил научить его искусству запоминания (а это искусство тогда только что появилось), он ответил, что предпочел бы научиться искусству забывать ¹⁶⁰, надо думать потому, что в его памяти оставалось все, что он видел и слышал. Обладая таким даром, Лукулл соединял с ним еще и ту выучку, которой пренебрегал Фемистокл, так что все, что мы записываем, желая как-то сохранить в памяти, он запечатлевал в своем уме. 3. И он же оказался столь великим полководцем,

insculptas habebat. (3) Tantus ergo imperator in omni
 genere belli fuit, proeliis, oppugnationibus, navalibus pugnis,
 totiusque belli instrumento et adparatu, ut ille rex post
 Alexandrum maxumus ¹⁶¹ hunc a se maiorem ducem cognitum
 5 quam quemquam eorum, quos legisset, fateretur. In eodem
 tanta prudentia fuit in constituendis temperandisque
 civitatibus, tanta aequitas, ut hodie stet Asia Luculli
 institutis servandis et quasi vestigiis persequendis. Sed etsi
 magna cum utilitate rei publicae, tamen diutius quam
 10 vellem tanta vis virtutis atque ingeni peregrinata afuit ab
 oculis et fori et curiae. Quin etiam cum victor a
 Mithridatico bello revertisset, inimicorum calumnia triennio
 tardius quam debuerat triumphavit; nos enim consules
 introduximus paene in urbem currum clarissimi viri ¹⁶²; cuius
 15 mihi consilium et auctoritas quid tum in maximis rebus
 profuissent dicerem ¹⁶³, nisi de me ipso dicendum esset,
 quod hoc tempore non est necesse; itaque privabo potius
 illum debito testimonio quam id cum mea laude communicem.

II.

(4) Sed quae populari gloria decorari in Lucullo
 20 debuerunt, ea fere sunt et Graecis litteris celebrata et
 Latinis ¹⁶⁴. Nos autem illa externa cum multis, haec interiora
 cum paucis ex ipso saepe cognovimus; maiore enim studio
 Lucullus cum omni litterarum generi tum philosophiae
 deditus fuit quam qui illum ignorabant arbitrabantur ¹⁶⁵, nec
 25 vero ineunte aetate solum sed et pro quaestore aliquot annos
 et in ipso bello ¹⁶⁶, in quo ita magna rei militaris esse
 occupatio solet ut non multum imperatori sub ipsis pellibus
 otii relinquatur. Cum autem e philosophis ingenio
 scientiaque putaretur Antiochus Philonis auditor excellere,
 30 eum secum et quaestor habuit et post aliquot annos
 imperator, quique esset ea memoria quam ante dixi, ea
 saepe audiendo facile cognovit quae vel semel audita
 meminisse potuisset ¹⁶⁷. Delectabatur autem mirifice lectione
 librorum, de quibus audiebat.

35 (5) Ac vereor interdum ne talium personarum, cum
 amplificare velim, minuam etiam gloriam. Sunt enim multi
 qui omnino Graecas non ament litteras, plures qui

проявившим себя во всех видах военного искусства — в сражениях, штурмах крепостей, морских битвах, где он применял все многообразие средств военного искусства, что сей величайший после Александра царь¹⁶¹ признавал его самым великим полководцем среди всех, кого он знал и о ком он читал. И он же был столь мудр в устройении государств и столь справедлив в управлении ими, что и по сей день Азия стоит благодаря тому, что сохраняет Лукуловы установления и как бы следует по его стопам. Но хоть и с великой пользой для государства, однако же дольше, чем мне бы хотелось, сия великая добродетель и мощный талант обретались на чужбине, вдали от форума и от курий. Но когда он победоносно вернулся с Митридатовой войны, из-за козней недругов он получил триумф на три года позже, чем должно. Ведь только когда я стал консулом, с трудом удалось допустить в город колесницу этого славнейшего мужа¹⁶². Я бы рассказал, как помогли мне тогда в важнейших делах его советы и влияние¹⁶³, если бы при этом я не был вынужден говорить о самом себе, а это сейчас не нужно. Поэтому я скорее предпочту лишить его подобающего свидетельства, чем сделать это, восхваляя самого себя.

II. 4. Но то, что должно украсить Лукулла в глазах толпы, не раз излагалось в латинских и в греческих сочинениях¹⁶⁴. Об этих деяниях его, которые у всех на виду, мы, как и многие другие, слышали, но лишь немногие знали от него самого о других его занятиях; ибо Лукулл предавался и вообще всякой науке, но особенно — философии, притом с гораздо большим увлечением, чем это думали те, кто не знал его¹⁶⁵; и предавался ей не только в ранней молодости, но и когда он несколько лет был проквестором, да и во время самой войны¹⁶⁶, когда заботы о военных делах обычно отнимают так много времени, что полководцу почти совсем не остается ни минуты даже для сна. Так как среди философов в то время выделялся своим талантом и ученостью Антиох, ученик Филона, он постоянно держал его при себе, и будучи квестором, и позднее, спустя несколько лет, уже военачальником, а поскольку он обладал такой памятью, о которой я говорил выше, он легко, со слуха запоминал то, что слышал хотя бы однажды¹⁶⁷. Огромное удовольствие он получал и от чтения книг, о которых узнавал [от него]. 5. Но между тем я боюсь, как бы, желая приумножить славу этого человека, не умалить ее. Ведь существует немало людей, которые вообще не любят греческой сло-

philosophiam; reliqui etiam si haec non improbent, tamen earum rerum disputationem principibus civitatis non ita decoram putant. Ego autem cum Graecas litteras M. Catonem¹⁶⁸ in senectute didicisse acceperim, P. autem
 5 Africani¹⁶⁹ historiae¹⁷⁰ loquantur in legatione illa nobili, quam ante censuram obiit, Panaetium¹⁷¹ unum omnino comitem fuisse, nec litterarum Graecarum nec philosophiae iam ullum auctorem (6) requiro. Restat ut iis respondeam, qui sermonibus eius modi nolint personas tam graves
 10 inligari. Quasi vero clarorum virorum aut tacitos congressus esse oporteat aut ludicros sermones aut rerum conloquia leviorum! Etenim si quodam in libro¹⁷² vere est a nobis philosophia laudata, profecto eius tractatio optimo atque amplissimo quoque dignissima est, nec quidquam aliud
 15 videndum est nobis, quos populus Romanus hoc in gradu conlocavit, nisi ne quid privatis studiis de opera publica detrahamus. Quodsi cum fungi munere debebamus non modo operam nostram numquam a populari coetu removimus, sed ne litteram quidem ullam fecimus nisi
 20 forensem, quis reprendet otium nostrum, qui in eo non modo nosmet ipsos hebescere et languere nolumus, sed etiam ut plurimis prosimus enitimur? Gloriam vero non modo non minui, sed etiam augeri arbitramur eorum, quorum ad popularis inlustrisque laudes has etiam minus
 25 (7) notas minusque pervolgatas adiungimus. Sunt etiam qui negent in iis, qui in nostris libris disputent, fuisse earum rerum de quibus disputatur scientiam: qui mihi videntur non solum vivis sed etiam mortuis invidere¹⁷³.

III. Restat unum genus reprehensorum, quibus Academiae
 30 ratio non probatur. Quod gravius ferremus, si quisquam ullam disciplinam philosophiae probaret praeter eam, quam ipse sequeretur¹⁷⁴. Nos autem quoniam contra omnes dicere quae videntur solemus¹⁷⁵, non possumus quin alii a nobis dissentiant recusare: quamquam nostra quidem causa facilis
 35 est, qui verum invenire¹⁷⁶ sine ulla contentione volumus idque summa cura studioque conquirimus. Etsi enim omnis

весности, еще более не любят философию, остальные же, хотя и не порицают этих занятий, однако полагают рассуждения о такого рода предметах не вполне достойными первых людей в государстве. Я же, узнав, что Марк Катон¹⁶⁸ в старости выучил греческий язык, а, как говорят, Публий Сципион Африканский^{169–170} во время своего знаменитого посольства (которое ему пришлось исполнять еще до того, как стал цензором) взял себе в спутники одного только Панетия¹⁷¹, не ищу для себя иных авторитетов, которые побудили бы меня заняться греческой словесностью и философией. 6. Остается ответить тем, кто возражает против участия в подобного рода диалогах столь важных персон. Как будто бы, когда собираются знаменитые мужи, они должны либо молчать, либо шутить и болтать о всяких пустяках! Ведь если в свое время мы в нашей книге¹⁷² справедливо воздали хвалу философии, то, бесспорно, занятие ею весьма достойно каждого выдающегося и знатного человека, и нам, кого римский народ поставил так высоко, остается лишь заботиться, чтобы наши личные увлечения не нанесли какого-либо ущерба общественным интересам. И если, будучи обязанными исполнять наш гражданский долг, мы не только посвятили все свои усилия народным интересам, но ни единого слова не написали о том, что не касалось бы общественных дел, то кто же упрекнет нас за то, что мы на досуге не только хотим расслабляться сами, лениться и бездельничать, но и стремимся быть полезными как можно большему числу людей? И мы полагаем, что не только не уменьшается, но увеличивается слава тех, к чьей всенародной известности и популярности мы присоединяем еще и эти заслуги в вещах не столь широко известных. 7. Но есть и такие, которые говорят, что лица, ведущие беседы в наших книгах, не обладали знанием тех вещей, о которых они рассуждают. Эти люди, как мне кажется, завидуют не только живым, но и мертвым¹⁷³.

III. Остается еще один род возражающих, это те, кто не принимает учение (ratio) Академии. Нам было бы это довольно грустно, если бы хоть кто-то соглашался с какой-нибудь иной философской школой, кроме той, к которой он принадлежит¹⁷⁴. А поскольку мы всегда возражаем против любого мнения и говорим то, что нам представляется¹⁷⁵, мы не можем возражать против того, что кто-то не согласен с нами, хотя задача наша проста, ибо мы хотим отыскать истину¹⁷⁶, не вступая ни в какие препирательства, и ищем ее, отдавая этому все свои

cognitio multis est obstructa difficultatibus, eaque est et in ipsis rebus obscuritas et in iudiciis nostris infirmitas, ut non sine causa antiquissimi et doctissimi invenire se posse quod cuperent diffisi sint, tamen nec illi defecerunt neque nos
5 studium exquirendi defatigati relinquemus; neque nostrae disputationes quidquam aliud agunt nisi ut in utramque partem dicendo¹⁷⁷ eliciant et tamquam exprimant¹⁷⁸ aliquid quod aut (8) verum sit aut ad id quam proxime accedat¹⁷⁹. Nec inter nos et eos qui se scire arbitrantur quidquam
10 interest nisi quod illi non dubitant quin ea vera sint, quae defendunt, nos probabilia¹⁸⁰ multa habemus, quae sequi facile, adfirmare vix possumus; hoc autem liberiores et solutiores sumus, quod integra nobis est iudicandi potestas nec, ut omnia quae praescripta a quibusdam et quasi
15 imperata sint defendamus, necessitate ulla cogimur¹⁸¹. Nam ceteri primum ante tenentur adstricti quam quid esset optimum iudicare potuerunt; deinde infirmissimo tempore aetatis aut obsecuti amico cuiquam aut una alicuius, quem primum audierunt, oratione capti de rebus incognitis
20 iudicant, et ad quamcumque sunt disciplinam quasi tempestate delati, ad eam tamquam ad saxum adhaerescunt. (9) Nam quod dicunt omnino se credere ei, quem iudicent fuisse sapientem¹⁸², probarem, si id ipsum rudes et indocti iudicare potuissent (statuere enim qui sit
25 sapiens vel maxime videtur esse sapientis¹⁸³); sed, ut potuerint, potuerunt¹⁸⁴ omnibus rebus auditis, cognitis etiam reliquorum sententiis. Iudicaverunt autem re semel audita atque ad unius se auctoritatem contulerunt. Sed nescio quomodo plerique errare malunt, eamque
30 sententiam, quam adamaverunt, pugnacissime defendere, quam sine pertinacia¹⁸⁵ quid constantissime¹⁸⁶ dicatur exquirere.

Quibus de rebus et alias saepe nobis multa quaesita et disputata sunt, et quondam in Hortensii villa, quae est ad
35 Baulos, cum eo Catulus¹⁸⁷ et Lucullus nosque ipsi postridie venissemus quam apud Catulum fuissemus. Quo quidem etiam maturius venimus quod erat constitutum, si ventus esset, Lucullo in Neapolitanum, mihi in Pompeianum

силы и заботы. Ведь несмотря на то, что всякое познание затруднено множеством препятствий, да и сами предметы [нашего познания] настолько темны, а наши суждения столь непрочны, что не без основания ученейшие люди в глубокой древности разуверились в возможности найти то, к чему они стремились, они все же не отказались от этого, как и мы не оставили нашего стремления к познанию, сколь бы мучительным оно ни было. Да и беседы наши не преследуют никакой иной цели, кроме того, чтобы, высказывая и выслушивая различные мнения¹⁷⁷, извлечь и как-то выразить нечто¹⁷⁸, что являлось бы истиной или возможно ближе приближалось бы к ней¹⁷⁹. 8. И между нами и теми, кто уверен, что обладает знанием, нет иного различия, кроме того, что те не сомневаются в истинности отстаиваемого ими, мы же считаем многое вероятным¹⁸⁰ (*probabile*), чему мы легко можем следовать, но что едва ли можем утверждать; и мы свободнее и несвязаннее в том отношении, что сохраняем цельной способность суждения, и никакая необходимость не заставляет нас отстаивать то, что нам навязывают и чуть ли не повелевают¹⁸¹. Ведь все остальные уже связаны еще до того, как они смогут иметь суждение о том, что является наилучшим, а кроме того, по молодости лет подчиняясь кому-то или увлеченные речью какого-нибудь человека, у которого они впервые стали учиться, судят о вещах, которых не знают, и к какой бы школе их ни отнесло, словно бурей, за нее они и хватаются, как за скалу. 9. Дело в том, что я бы согласился с ними, когда они говорят, что верят во всем тому, кого считают мудрым¹⁸², если бы необразованные и невежественные люди были способны судить об этом, то есть решать, кто является мудрецом, или, по крайней мере, более всего представляется таковым¹⁸³. Но если бы даже они и могли это сделать¹⁸⁴, то только узнав все обстоятельства, выслушав и мнение остальных. Они же судят, лишь единожды услышав о предмете, подчиняясь авторитету одного человека. И уж не знаю почему, но большинство предпочитает заблуждаться и отчаянно защищать полюбившиеся им взгляды вместо того, чтобы без всякого упрямства¹⁸⁵ искать то, о чем можно говорить с полной уверенностью¹⁸⁶.

Обо всех этих вещах мы не раз подробно рассуждали и спорили как во многих других местах, так и собравшись однажды на вилле Гортенсия, недалеко от Бавлов, когда туда приехали Катул¹⁸⁷, Лукулл и я, на следующий день после того, как мы собрались у Катула. Мы прибыли туда даже раньше условленного времени, договорившись, что, если будет ветер, плыть Лукуллу в Неаполитанское

navigare. Cum igitur pauca in xysto¹⁸⁸ locuti essemus, tum eodem in spatio consedimus.

- IV. (10) Hic Catulus, «Etsi heri»¹⁸⁹, inquit, «id quod quaerebatur paene explicatum est, ut tota fere quaestio
5 tractata videatur, tamen exspecto ea, quae te pollicitus es, Luculle, ab Antiocho audita dicturum». «Equidem», inquit Hortensius, «feci plus quam vellem, totam enim rem Lucullo integram servatam oportuit. Et tamen fortasse servata est; a me enim ea quae in promptu erant dicta sunt,
10 a Lucullo autem reconditiora desidero». Tum ille, «Non sane», inquit, «Hortensi, conturbat me exspectatio tua, etsi nihil est iis qui placere volunt tam adversarium¹⁹⁰, sed quia non laboro quam valde ea, quae dico, probaturus sim, eo minus conturbor; dicam enim nec mea nec ea, in quibus,
15 si non fuerint, non vinci me malim quam vincere. Sed mehercule, ut quidem nunc se causa habet, etsi hesterno sermone labefactata est, mihi tamen videtur esse verissima. Agam igitur, sicut Antiochus agebat: nota enim mihi res est; nam et vacuo animo illum audiebam et magno studio,
20 eadem de re etiam saepius¹⁹¹, ut etiam maiorem exspectationem mei faciam quam modo fecit Hortensius».
- (11) Cum ita esset exorsus, ad audiendum animos ereximus; at ille «Cum Alexandriae pro quaestore» inquit «essem¹⁹², fuit Antiochus mecum, et erat iam antea
25 Alexandriae familiaris Antiochi Heraclitus Tyrius¹⁹³, qui et Clitomachum¹⁹⁴ multos annos et Philonem¹⁹⁵ audierat, homo sane in ista philosophia, quae nunc prope dimissa revocatur¹⁹⁶, probatus et nobilis; cum quo Antiochum saepe disputantem audiebam, sed utrumque
30 leniter. Et quidem isti libri duo Philonis¹⁹⁷, de quibus heri dictum a Catulo est, tum erant adlati Alexandriam tumque primum in Antiochi manus venerant: et homo natura lenissimus (nihil enim poterat fieri illo mitius) stomachari tamen coepit. Mirabar: nec enim umquam ante videram;
35 at ille Heracliti memoriam implorans quaerere ex eo viderenturne illa Philonis aut ea num vel e Philone vel ex ullo Academico audivisset aliquando. Negabat; Philonis

имение, а мне — в Помпеянское. Перебросившись несколькими фразами, мы усадились на террасе¹⁸⁸, и Катул сказал:

IV. 10. «Хотя вчера¹⁸⁹ мы почти подошли к решению исследуемых нами вопросов и, пожалуй, вся проблема нами рассмотрена, однако, Лукулл, я жду исполнения твоего обещания и надеюсь, что ты расскажешь нам, что услышал от Антиоха». «Что касается меня, — заметил Гортенсий, — то я сделал больше, чем мне бы хотелось, ибо следовало весь вопрос целиком оставить Лукуллу. Но на самом деле так и получилось: ведь я коснулся только того, что было на поверхности, от Лукулла же я ожидаю более глубокого анализа». На это Лукулл сказал: «По правде говоря, меня, Гортенсий, мало волнуют твои ожидания, хотя, конечно, для того, кто хочет, чтобы с ним согласились, нет ничего более неподходящего¹⁹⁰, но поскольку я не забочусь о том, сколь сильны будут мои аргументы, я и не испытываю никакого волнения. Ведь я буду излагать не свои мысли и не то, в чем, окажись это ложным, я предпочел бы скорее оказаться побежденным, нежели победителем. Но, честное слово, наше дело в том виде, в каком оно предстает ныне, представляется мне совершенно истинным, хотя во вчерашней беседе оно и было немного поколеблено. Я буду говорить так, как этот делал Антиох, ибо все это мне хорошо известно: ведь я слушал его очень внимательно и с величайшим интересом, притом особенно часто именно на ту тему, которая нас занимает¹⁹¹, так что я жду от себя даже большего, чем только что обещал Гортенсий». Таким началом он возбудил наш интерес к его словам. 11. А он продолжал: «Когда я был проквестором в Александрии¹⁹², со мной находился там Антиох, а еще жил там прибывший раньше приятель Антиоха, Гераклит Тирийский¹⁹³, много лет учившийся у Клитомаха¹⁹⁴ и у Филона¹⁹⁵, человек весьма авторитетный и известный в той философии, которая, недавно почти забытая, ныне возрождается вновь¹⁹⁶. Я не раз был свидетелем его диспутов с Антиохом, причем спор их велся в достаточно мягкой манере. И как раз тогда в Александрии появились те самые две книги Филона¹⁹⁷, о которых вчера говорил Катул. И тогда же впервые они попали в руки Антиоха, и этот удивительно мягкий по природе человек (я думаю, что невозможно представить человека более доброго и деликатного) пришел в страшный гнев. Меня это сильно поразило, ибо никогда раньше я не видел его в таком состоянии. А он, обращаясь к Гераклиту, взывая к его памяти, спрашивал, неужели же это сочинение Филона, и

- tamen scriptum agnoscebat, nec id quidem dubitari poterat, nam aderant mei familiares, docti homines, P. et C. Seli et Tetrilius Rogus¹⁹⁸, qui se illa audivisse Romae de Philone et ab eo ipso illos duos (12) libros dicerent descripsisse.
- 5 Tum et illa dixit Antiochus quae heri Catulus commemoravit a patre suo dicta <Philoni>¹⁹⁹ et alia plura, nec se tenuit quin contra suum doctorem librum etiam ederet, qui Sosus inscribitur²⁰⁰. Tum igitur et cum Heraclitum studiose audirem contra Antiochum
- 10 disserentem, et item Antiochum contra Academicos, dedi Antiocho operam diligentius, ut causam ex eo totam cognoscerem. Itaque complures dies adhibito Heraclito doctisque compluribus, et in iis Antiochi fratre Aristo²⁰¹, et praeterea Aristone²⁰² et Dione²⁰³, quibus ille, secundum
- 15 fratrem²⁰⁴, plurimum tribuebat, multum temporis in ista una disputatione consumpsimus. Sed ea pars, quae contra Philonem erat, praetermittenda est: minus enim acer est adversarius is, qui ista, quae sunt heri defensa, negat Academicos omnino dicere; etsi enim mentitur, tamen est
- 20 adversarius lenior. Ad Arcesilan²⁰⁵ Carneademque²⁰⁶ veniamus».

- v. (13) Quae cum dixisset, sic rursus exorsus est: «Primum mihi videmini» — me autem nomine appellabat — «cum veteres physicos nominatis, facere idem, quod seditiosi cives
- 25 solent, cum aliquos ex antiquis claros viros proferunt, quos dicant fuisse populares, ut eorum ipsi similes esse videantur²⁰⁷. Repetunt enim a P. Valerio²⁰⁸ qui exactis regibus primo anno consul fuit, commemorant reliquos qui leges populares de provocationibus tulerint, cum consules
- 30 essent²⁰⁹; tum ad hos notiores, C. Flaminium²¹⁰ qui legem agrariam aliquot annis ante secundum Punicum bellum tribunus plebis tulerit invito senatu et postea bis consul factus sit, L. Cassium²¹¹, Q. Pompeium²¹²; illi quidem etiam P. Africanum²¹³ referre in eundem numerum solent.
- 35 Duos vero sapientissimos et clarissimos fratres P. Crassum et P. Scaevolam²¹⁴ aiunt Ti. Graccho²¹⁵ auctores legum fuisse, alterum quidem (ut videmus) palam, alterum (ut

слышал ли он когда-нибудь нечто подобное от Филона или любого другого академика? Тот сказал, что не слышал, однако подтвердил, что это написано Филоном, да в этом и невозможно было сомневаться, ибо там же присутствовали мои друзья — Публий и Гай Селии и Тетрилий Рог¹⁹⁸, подтвердившие, что они слышали все это от Филона и что обе эти книги написаны им. 12. Тогда же Антиох сказал Филону¹⁹⁹ то, о чем вчера упомянул со слов своего отца Катул, и многое другое, а в дальнейшем не удержался от того, чтобы выпустить книгу против своего учителя, которая называется „Сос“²⁰⁰ (Sosus). Так вот, тогда, когда я с интересом слушал и Гераклита, выступавшего против Антиоха, и Антиоха — против Академиков, я все больше уделял внимания Антиоху, дабы получить от него полное представление о предмете. И вот в течение многих дней мы, пригласив Гераклита и множество других ученых и среди них брата Антиоха Ариста²⁰¹, а также Аристона²⁰² и Диона²⁰³, которых он, вслед за братом²⁰⁴, ставил очень высоко, потратили много времени на обсуждение одного этого вопроса, но мы опустим то, что говорилось там против Филона, ибо не слишком опасен противник, утверждающий, что Академики вообще не говорят того, что утверждалось во вчерашней беседе. Ведь даже если он выдумывает (*mentitur*), он все равно остается весьма уступчивым противником. Обратимся теперь к Аркесилаю²⁰⁵ и Карнеаду²⁰⁶».

V. 13. Сказав это, он продолжал: «Прежде всего, мне кажется, что вы (тут он обратился ко мне), ссылаясь поименно на древних естествоиспытателей (*physicos*), поступаете подобно мятежным гражданам, имеющим обыкновение называть некоторых из знаменитых в древности мужей „популярными“, чтобы самим казаться похожими на них²⁰⁷. Они начинают с Публия Валерия²⁰⁸, который был консулом в первый год после изгнания царей, упоминают и других, внесших демократические законы об апелляции к народному собранию, хотя сами были консулами²⁰⁹, а затем обращаются и к более известным: к Гаю Фламинину²¹⁰, который за несколько лет до второй Пунической войны, в бытность свою народным трибуном, вопреки воле сената внес аграрный закон, а потом дважды был консулом, к Луцию Кассию²¹¹, Гнею Помпею²¹², причисляя сюда и Публия Сципиона Африканского²¹³. Говорят, что два весьма мудрых и знаменитых брата, Публий Красс и Публий Сцевола²¹⁴, поддерживали законы для Тиберия Гракха²¹⁵: первый, как известно, делал это открыто, другой же, как полагают, более

- susplicantur) obscurius. Addunt etiam C. Marium²¹⁶, et de hoc quidem nihil mentiuntur. Horum nominibus tot virorum atque tantorum expositis eorum se (14) institutum sequi dicunt. Similiter vos, cum perturbare, ut illi rem publicam,
- 5 sic vos philosophiam bene iam constitutam velitis, Empedoclen, Anaxagoran, Democritum, Parmeniden, Xenophanen, Platonem etiam et Socratem profertis. Sed neque Saturninus²¹⁷, ut nostrum inimicum potissimum nomen, simile quidquam habuit veterum illorum, nec
- 10 Arcesilae calumnia conferenda est cum Democriti verecundia²¹⁸. Et tamen isti physici raro admodum, cum haerent aliquo loco, exclamant quasi mente incitati²¹⁹ — Empedocles quidem ut interdum mihi furere²²⁰ videatur — abstrusa esse omnia, nihil nos sentire, nihil cernere, nihil
- 15 omnino, quale sit, posse reperire; maiorem autem partem mihi quidem omnes isti videntur nimis etiam quaedam adfirmare, plusque profiteri se scire quam (15) sciant Quodsi illi tum in novis rebus quasi modo nascentes haesitaverunt²²¹, nihilne tot saeculis, summis ingeniis,
- 20 maximis studiis explicatum²²² putamus? Nonne, cum iam philosophorum disciplinae gravissimae constitissent, tum exortus est, ut in optima re publica Ti. Gracchus qui otium perturbaret, sic Arcesilas qui constitutam philosophiam everteret, et in eorum auctoritate delitisceret, qui
- 25 negavissent quidquam sciri aut percipi posse? Quorum e numero tollendus est et Plato et Socrates — alter, quia reliquit perfectissimam disciplinam, Peripateticos et Academicos, nominibus differentes, re congruentes, a quibus Stoici ipsi verbis magis quam sententiis dissenserunt;
- 30 Socrates autem de se ipse detrahens in disputatione plus tribuebat iis, quos volebat refellere; ita cum aliud diceret atque sentiret, libenter uti solitus est ea dissimulatione quam Graeci *ἐλπωνείαν* vocant; quam ait etiam in Africano fuisse Fannius²²³, idque propterea vitiosum in illo non putandum,
- 35 quod idem fuerit in Socrate.

VI. (16) Sed fuerint illa vetera, si voltis, incognita: nihilne est igitur actum, quod investigata sunt, posteaquam Arcesilas,

скрытно. Называют еще и Гая Мария²¹⁶, и о нем, впрочем, не говорят ни слова лжи. Перечислив столько имен таких великих людей, они заявляют, что следуют их заветам. 14. Точно так же и вы, желая совершить переворот в уже прочно устоявшейся философии, как те — в государстве, называете имена Эмпедокла, Анаксагора, Демокрита, Парменида, Ксенофана, Платона и даже Сократа. Но ни Сатурнин²¹⁷ (чтобы назвать нашего главного недруга) не имел ничего общего с теми древними мужами, ни клевета Аркесилая несравнима со скромностью Демокрита²¹⁸. И однако же эти естествоиспытатели весьма редко, только в затруднительных случаях, как безумные²¹⁹ (а Эмпедокл, как мне кажется, иногда и был безумным²²⁰) восклицают, что все сокрыто от нас, что мы ничего не ощущаем, ничего отчетливо не видим и вообще не можем знать, каков данный предмет. Во всяком случае, мне представляется, что скорее все они даже слишком самоуверенны и претендуют на то, что знают больше, чем знают в действительности. 15. И если древние, сталкиваясь с новыми вещами, оказывались в затруднении подобно новорожденным младенцам²²¹, то неужели же мы должны думать, что за столько веков столько выдающихся умов ценой столь больших усилий не смогли ничего познать?²²² И разве не тогда, когда уже утвердились важнейшие философские учения, появился Аркесилай, чтобы низвергнуть утвердившуюся философию и спрятаться за авторитет тех, кто утверждал невозможность что-либо воспринять или знать, подобно тому, как в прекрасно устроенном государстве появился Тиберий Гракх, чтобы нарушить его покой? Из числа этих философов следует исключить Платона и Сократа, первого за то, что оставил после себя совершеннейшее учение, школы академиков и перипатетиков, отличающиеся друг от друга терминологией, а по существу согласные между собой, от которых и стоики также отличаются скорее языком, чем своими мыслями. Сократ же, умаляя самого себя, приписывал в споре больше мудрости тому, кого хотел опровергнуть. И поэтому, говоря не то, что он думал, охотно пользовался тем способом притворства, называемым греками „иронией“ (εἰρωνεία), которая, по словам Фанния²²³, была присуща и Сципиону Африканскому. И именно поэтому не следует ставить ему это в упрек, что тем же качеством обладал и Сократ.

VI. 16. Но допустим, если хотите, что это не было известно древним. Разве нет ничего, что было исследовано уже после того, как Аркесилай

- Zenoni (ut putatur) obtrectans nihil novi reperienti sed emendanti superiores immutatione verborum, dum huius definitiones labefactare volt, conatus est clarissimis rebus tenebras obducere ²²⁴ Cuius primo non admodum
- 5 probata ratio, quamquam floruit cum acumine ingenii tum admirabili quodam lepore dicendi, proxime a Lacyde ²²⁵ solo retenta est, post autem confecta a Carneade, qui est quartus ab Arcesila, audivit enim Hegesinum qui Euandrum ²²⁶ audierat Lacydi discipulum, cum Arcesilae
- 10 Lacydes fuisset. Sed ipse Carneades diu tenuit, nam nonaginta vixit annos, et qui illum audierant admodum floruerunt, e quibus industriae plurimum in Clitomacho fuit (declarat multitudo librorum), ingenii non minus in Hagnone ²²⁷, in Charmada ²²⁸ eloquentiae, in Melanthio
- 15 Rhodio ²²⁹ suavitatis. Bene autem nosse (17) Carneaden Stratoniceus Metrodorus ²³⁰ putabatur. Iam Clitomacho Philo vester operam multos annos dedit; Philone autem vivo patrocinium Academiae non defuit ²³¹. Sed, quod nos facere nunc ingredimur, ut contra Academicos disseramus,
- 20 id quidam e philosophis et ii quidem non mediocres, faciundum omnino non putabant, nec vero esse ullam rationem disputare cum iis qui nihil probarent, Antipatrumque Stoicum ²³² qui multus in eo fuisset, reprehendebant; nec definiri aiebant necesse esse quid
- 25 esset cognitio aut perceptio aut (si verbum e verbo volumus) comprehensio ²³³, quam κατάληψιν illi vocant, eosque qui persuadere vellent esse aliquid quod comprehendi et percipi posset, inscianter facere dicebant, propterea quod nihil esset clarius ἐναργεία ²³⁴, ut Graeci
- 30 (perspicuitatem aut evidentiam nos, si placet, nominemus, fabricemurque, si opus erit verba, ne hic sibi — me appellabat iocans — hoc licere putet soli): sed tamen orationem nullam putabant inlustriorem ipsa evidentia reperiri posse, nec ea quae tam clara essent definienda
- 35 censebant. Alii autem negabant se pro hac evidentia quidquam priores fuisse dicturos, sed ad ea quae contra dicerentur dici oportere putabant, ne qui fallerentur. (18) Plerique tamen et definitiones ipsarum etiam

(упрекая, как полагают, Зенона за то, что тот не открыл ничего нового, но лишь исправлял предшественников и менял только слова), желая поколебать его определение, попытался навести тень на совершенно ясные вещи.²²⁴ Его учение первоначально не получило особого одобрения, хотя сам он был весьма знаменит глубиной своего ума и некой удивительной прелестью речи, затем это учение было сохранено, правда, одним лишь Лакидом²²⁵, а потом получило завершение у Карнеада, который был четвертым в этой школе после Аркесилая. Ведь он слушал Гегесина, который, в свою очередь, слушал Евандра²²⁶, ученика Лакида, а сам Лакид был учеником Аркесилая. Сам же Карнеад возглавлял школу: он прожил 90 лет, и ученики его достигли весьма больших успехов. Наиболее трудолюбивым из них был Клитоммах, как об этом свидетельствует множество его сочинений, наиболее талантливым — Гагنون²²⁷, замечательным красноречием отличался Хармад²²⁸, изяществом стиля — Мелантий Родосский²²⁹. Считается, что наилучшим знатоком Карнеада был Метродор из города Стратоникея²³⁰. 17. Долгие годы занимался Клитоммахом ваш Филон, и при жизни Филона Академия не была лишена руководства²³¹. Но то, что мы начинаем делать сейчас, а именно — вести спор с Академией, некоторые философы, отнюдь незаурядные, считают вообще ненужным, ибо нет никакого смысла спорить с теми, кто не соглашается ни с чем. Они порицали стоика Антипатра²³² за то, что тот слишком много времени уделял этому вопросу, и утверждали, что нет необходимости в определении того, что есть *познание* (cognitio), или *восприятие* (perceptio), или, если переводить буквально, *постижение*²³³, (*схватывание*) (comprehensio), то есть то, что греки называют *χατάληψις*. И они говорили, что стремящиеся доказать существование чего-то, что может быть *постигнуто* (*схвачено*) (comprehendi) и *постигнуто* (percipi), поступают неразумно, потому что нет ничего яснее того, что греки называют *ἐνάρχεια*²³⁴, а мы, если угодно, будем называть *ясностью* (perspicuitas) или *очевидностью* (evidentia) и, если понадобится, создадим новые слова, чтобы этот человек (тут он, улыбаясь, посмотрел на меня) не думал, что это позволено только ему. В то же время они полагали, что невозможно найти слова, которые были бы яснее самой очевидности, и не считали нужным давать определение тому, что является столь ясным. Другие же говорили, что они не станут первыми выступать в защиту очевидности, но полагали нужным ответить на то, что говорится вопреки ей, чтобы никто не впадал в заблуждение. 18. Однако же большинство и не возражает против определения даже самых

evidentium rerum non improbant et rem idoneam de qua quaeratur et homines dignos quibuscum disseratur putant²³⁵. Philo autem dum nova quaedam commovet²³⁶, quod ea sustinere vix poterat, quae contra Academicorum
 5 pertinaciam dicebantur, et aperte mentitur, ut est reprehensus a patre Catulo, et, ut docuit Antiochus, in id ipsum se induit quod timebat. Cum enim ita negaret quidquam esse quod comprehendi posset (id enim volumus esse ἀκατάληπτον), si illud esset, sicut Zeno definiret, tale
 10 visum (iam enim hoc pro φαντασία verbum satis hesterno sermone trivimus), — visum igitur impressum effectumque ex eo, unde esset, quale esse non posset ex eo, unde non esset²³⁷ (id nos a Zenone definitum rectissime dicimus: qui enim potest quidquam comprehendi ut plane confidas
 15 perceptum id cognitumque esse, quod est tale quale vel falsum esse possit?) — hoc cum infirmat tollitque Philo, iudicium²³⁸ tollit incogniti et cogniti; ex quo efficitur nihil posse comprehendi; ita imprudens eo, quo minime volt, revolvitur. Quare omnis oratio contra Academiam ita
 20 suscipitur a nobis, ut retineamus eam definitionem, quam Philo voluit evertere; quam nisi obtinemus, percipi nihil posse concedimus.

VII. (19) «Ordiamur igitur a sensibus, quorum ita clara iudicia et certa sunt, ut si optio naturae nostrae detur et
 25 ab ea deus aliqui requirat, contentane sit suis integris incorruptisque sensibus an postulet melius aliquid, non videam quid quaerat amplius. Nec vero hoc loco expectandum est, dum de remo inflexo aut de collo columbae respondeam²³⁹; non enim is sum qui, quidquid
 30 videtur, tale dicam esse, quale videatur. Epicurus hoc viderit, et alia multa; meo autem iudicio ita est maxima in sensibus veritas, si et sani sunt ac valentes et omnia removentur quae obstant et impediunt²⁴⁰. Itaque et lumen mutari saepe volumus et situs earum rerum, quas intuemur,
 35 et intervalla aut contrahimus aut diducimus, multaue facimus usque eo, dum aspectus ipse fidem faciat sui iudici²⁴¹. Quod idem fit in vocibus, in odore, in sapore,

очевидных вещей и считает вопрос достойным исследования, а этих людей — достойными противниками в споре²³⁵. Филон же, выдвигая какие-то новые положения²³⁶, поскольку едва мог вынести те возражения, которые выдвигались против упорства академиков, откровенно лжет, в чем упрекает его Катул-отец, и, как показал Антиох, сам запутывается в том, чего боялся. Ведь отрицая существование чего-либо, что может быть *постигнуто* (именно так мы понимаем ἀχατάληπτον), если это такое *представление* (visum), как определяет его Зенон (а это слово для перевода φαῦτασία мы довольно часто употребляли во вчерашней беседе), которое запечатлено и создано тем, что существует, и каким оно не могло бы быть, исходя из того, что не существует²³⁷ (мы считаем это определение Зенона совершенно правильным: действительно, как может быть нечто *постигнуто* таким образом, чтобы можно было быть совершенно уверенным, что оно *постигнуто* и *познано*, если этот объект таков, что может быть и ложным?), так вот, когда Филон пытается поколебать и устранить это определение, он тем самым устраняет и критерий²³⁸ непознанного и познанного. В результате получается, что вообще ничто не может быть постигнуто. Так, по своему неразумию, он скатывается туда, куда ему менее всего хотелось. Поэтому все наше рассуждение против Академии предпринято нами с целью сохранить то определение, которое Филон хотел ниспровергнуть. Если нам это не удастся, то мы согласны с тем, что ничто не может быть *постигнуто* (percipi).

VII. 19. Начнем, таким образом, с чувств, суждения которых столь ясны и определены, что если бы природе нашей была дана свобода выбора и некое божество спросило бы у нее, довольна ли она своими чувствами, если они целы и невредимы, или же она требует себе чего-то лучшего, я, пожалуй, не вижу, чего бы она могла потребовать. И здесь не нужно ожидать, что я в ответ стану говорить что-нибудь о преломленном весле или о шее голубки²³⁹, ибо я не принадлежу к числу тех, кто готов о любом увиденном им предмете утверждать, что он таков, каким представляется нам. Пусть этим, как и многим другим, занимается Эпикур. По моему же суждению, чувственным восприятиям присуща величайшая достоверность, если наши чувства здоровы и сильны и если устранено все, что мешает и препятствует им²⁴⁰. Поэтому мы часто хотим изменить освещение и расположение тех вещей, которые мы созерцаем, сокращаем или увеличиваем расстояние и делаем многое другое, чтобы зрительное впечатление (aspectus) подтверждало истинность нашего сужде-

- ut nemo sit nostrum qui in sensibus sui cuiusque
 (20) generis iudicium requirat acrius. Adhibita vero
 exercitatione et arte, ut oculi pictura teneantur, aures
 cantibus, quis est quin cernat quanta vis sit in sensibus^{242?}
- 5 Quam multa vident pictores in umbris et in eminentia²⁴³
 quae nos non videmus! quam multa quae nos fugiunt in
 cantu exaudiunt in eo genere exercitati, qui primo inflatu
 tibicinis Antiopam²⁴⁴ esse aiunt aut Andromacham²⁴⁵,
 cum id nos ne suspicemur quidem! Nihil necesse est de
- 10 gustatu et odoratu loqui, in quibus intelligentia, etsi
 vitiosa, est quaedam tamen. Quid de tactu, et eo quidem
 quem philosophi interiorem vocant, aut doloris aut
 voluptatis, in quo Cyrenaici solo putant veri esse iudicium
 quia sentiatur^{246?} Potestne igitur quisquam dicere inter
- 15 eum, qui doleat, et inter eum, qui in voluptate sit, nihil
 interesse, aut ita qui sentiat non apertissime (21) insaniat?
 Atqui qualia sunt haec quae sensibus percipi dicimus,
 talia secuntur ea quae non sensibus ipsis percipi dicuntur
 sed quodam modo sensibus, ut haec: „illud est album,
- 20 hoc dulce, canorum illud. hoc bene olens, hoc asperum“.
 Animo iam haec tenemus comprehensa, non sensibus²⁴⁷.
 „Ille“ deinceps „equus est, ille canis“. Cetera series
 deinde sequitur, maiora nectens, ut haec, quae quasi
 expletam rerum comprehensionem amplectuntur: „Si homo
- 25 est, animal est mortale, rationis particeps“²⁴⁸. Quo e
 genere nobis notitiae rerum imprimuntur, sine quibus
 nec intellegi quidquam nec quaeri disputarive potest.
- (22) Quodsi essent falsae notitiae (ἐννοίας enim notitias
 appellare tu videbare) — si igitur essent hae falsae aut
- 30 eius modi visis impressae, qualia visa a falsis discerni
 non possent, quo tandem iis modo uteremur? quo modo
 autem quid cuique rei consentaneum esset, quid
 repugnaret, videremus? Memoriae quidem certe, quae
 non modo philosophiam sed omnem vitae usum omnesque
- 35 artes una maxime continet, nihil omnino loci relinquitur.
 Quae potest enim esse memoria falsorum²⁴⁹, aut quid
 quisquam meminit, quod non animo comprehendit et
 tenet? Ars vero quae potest esse, nisi quae non ex una

ния²⁴¹. То же самое происходит и с другими чувствами — слухом, обонянием, вкусом, так что не найдется никого, кто бы искал более тонкий критерий в любом роде чувственных восприятий. 20. Если же здесь участвует еще и навык, и искусство (*exercitatio et ars*), [чтобы увлечь наш взор живописью, а слух пением], то найдется ли хоть кто-то, кто не понимал бы совершенно ясно, сколь великая сила заключена в чувствах?²⁴² Как много видят художники в светотени²⁴³, чего не видим мы! Как много того, что ускользает от нас в пении, слышат искушенные в этом люди! Они с первого звука флейты угадывают „Антиопу“²⁴⁴ или „Андромаху“²⁴⁵, тогда как мы даже и не догадываемся об этом. Нет никакой необходимости говорить о вкусе и обонянии, которым присуще некое *понимание* (*intelligentia*), хотя и не безошибочное. А что сказать об осязании и том *ощущении* боли или *наслаждения* (*voluptas*), которое философы называют внутренним²⁴⁶ (*interior*)? В этом последнем, и только в нем, киренаики видят критерий истинности суждений, ибо оно вызвано непосредственным ощущением. Может ли кто-нибудь сказать, что между тем, кто страдает, и тем, кто наслаждается, нет никакого различия? Разве тот, кто думает подобным образом, не является совершенно явным безумцем? 21. Но ведь каким является то, что, как мы утверждаем, воспринимается чувствами, таким оказывается то, что, как говорят, воспринимается не самими чувствами, а лишь отчасти ими (*quodam modo sensibus*), как например: „Это белое, а то сладкое, это звонкое, а это благоуханное, то шершавое“. Ведь мы постигаем все это умом, а не чувствами²⁴⁷. Далее: „Это конь, а это собака“. Затем следует остальной ряд, связывающий нечто большее, например, когда дается полное определение вещи: „Если он человек, то это смертное живое существо, наделенное разумом“²⁴⁸. От такого рода [операций] в нас запечатлеваются понятия вещей, без которых ничего невозможно ни понять, ни исследовать, ни обсуждать. 22. Поэтому, если бы понятия (*notitiae*) были ложны (ведь, как мне показалось, ты называешь термином *понятие* греческое *ἔννοια*), если, стало быть, они оказались бы ложными или были бы запечатлены в такого рода *представлениях*, которые было бы невозможно отличить от ложных, то как могли бы мы ими пользоваться? Каким образом смогли бы мы увидеть, что соответствует данной вещи, а что противоречит ей? В таком случае не остается вообще никакого места для памяти, на которой строится не только философия, но и, в огромной степени, вся жизнь и все науки (*artes*). Разве может существовать память о ложном?²⁴⁹ Или помнит ли кто-нибудь что-то, что он не постиг

aut duabus, sed ex multis animi perceptionibus
constat ²⁵⁰? Quam si subtraxeris, qui distingues
artificem ab inscio ²⁵¹? Non enim fortuito hunc artificem
dicemus esse, illum negabimus, sed cum alterum
5 percepta et comprehensa tenere videmus, alterum non
item. Cumque artium aliud eius modi genus sit, ut
tantum modo animo rem cernat, aliud ut moliat
aliquid et faciat ²⁵², quo modo aut geometres cernere
ea potest, quae aut nulla sunt aut internosci a falsis non
10 possunt, aut is, qui fidibus utitur, explere numeros et
conficere versus? Quod idem in similibus quoque artibus
continget, quarum omne opus est in faciendo atque
agendo. Quid enim est quod arte effici possit, nisi is,
qui artem tractabit, multa perceperit?

VIII. 15 (23) Maxime vero virtutum cognitio ²⁵³ confirmat
percipi et comprehendere multa posse. In quibus solis
inesse etiam scientiam dicimus, quam nos non
comprehensionem modo rerum, sed eam stabilem
quoque et immutabilem esse censemus, itemque
20 sapientiam, artem vivendi, quae ipsa ex sese habeat
constantiam. Ea autem constantia si nihil habeat
percepti et cogniti, quaero unde nata sit aut
quo modo? Quaero etiam, ille vir bonus qui statuit
omnem cruciatum perferre, intolerabili dolore lacerari
25 potius quam aut officium prodat aut fidem, cur has sibi
tam graves leges imposuerit, cum, quam ob rem ita
oporteret, nihil haberet comprehensi, percepti, cogniti,
constituti ²⁵⁴? Nullo igitur modo fieri potest, ut quisquam
tanti aestimet aequitatem et fidem, ut eius conservandae
30 causa nullum supplicium recuset, nisi iis rebus
adsensus ²⁵⁵ (24) sit, quae falsae esse non possint. Ipsa
vero sapientia si se ignorabit sapientia sit necne, quo
modo primum obtinebit nomen sapientiae? Deinde
quo modo suscipere aliquam rem aut agere fidenter
35 audebit, cum certi nihil erit quod sequatur? Cum vero
dubitabit quid sit extremum et ultimum bonorum,

умом и не хранит в нем? Да и может ли существовать наука, которая не складывалась бы не из одного или двух, а из многих умственных постижений?²⁵⁰ А если уничтожить такое постижение, то как отличить мастера от невежды?²⁵¹ Ведь одного мы называем мастером, а другому отказываем в этом не случайно, а потому, что видим, что один владеет постигнутым и понятым, а другой нет. Поскольку одни науки сводятся лишь к умственному созерцанию предмета, другие же создают и творят нечто²⁵² [новое], то каким же образом геометр сможет отчетливо видеть (*cernere*) то, что вообще не существует, либо то, что невозможно отличить от ложного, или играющий на кифаре — сохранять ритм и слагать стихи? Нечто подобное происходит и в тех искусствах, которые целиком заключаются в создании чего-то нового и в действии (*in faciendo atque agendo*). Что может быть создано каким-нибудь искусством, если тот, кто собирается заниматься этим, не постигнет многого?

VIII. 23. Мысль о возможности восприятия и постижения многого более всего укрепляется познанием добродетели²⁵³. Мы говорим, что только в этом заключается знание, каковым мы считаем не простое, но твердое и неизменное *понимание* (*схватывание* — *comprehensio*) вещей, равно как и мудрость считаем искусством жизни, обладающим собственной внутренней незыблемостью. А откуда бы и каким образом взялась эта незыблемость (*constantia*), если бы не основывалась на понимании и познании? Я спрашиваю также, почему сей достойный муж, готовый скорее вынести все мучения, подвергнуться невыносимым страданиям, чем предать то, что требует от него долг и верность, почему он наложил на себя столь тяжкое бремя этих законов, если у него нет ни малейшего понятия, ни малейшего представления, ни малейшего понимания²⁵⁴ того, почему он должен поступать таким образом? Следовательно, ни в каком случае невозможно, чтобы кто-то ставил справедливость и верность столь высоко, чтобы ради нее быть готовым пойти на любые мучения, если он не будет предан²⁵⁵ тому, что не может быть ложным. 24. Да и сама мудрость, если не будет знать о себе, мудрость ли она или нет, каким образом сумеет сохранить прежде всего самое имя мудрости? Затем, каким образом осмелится она предпринять какое-то дело и добросовестно вести его, если не будет четко определено, чему она должна следовать? А коль скоро станет она со-

ignorans quo omnia referantur²⁵⁶, qui poterit
 esse sapientia? Atque etiam illud perspicuum est,
 constitui necesse esse initium, quod sapientia, cum
 quid agere incipiat, sequatur, idque initium esse naturae
 5 accommodatum. Nam aliter adpetitio (eam enim
 volumus esse *δρμή*), qua ad agendum impellimur
 et id adpetimus, quod est visum, moveri non potest.
 (25) Illud autem, quod movet, prius oportet videri,
 eique credi, quod fieri non potest, si id, quod visum erit,
 10 discerni non poterit a falso; quo modo autem moveri
 animus ad adpetendum potest, si id, quod videtur, non
 percipitur accommodatumne naturae sit an alienum?
 Itemque si, quid officii sui sit, non occurrit animo, nihil
 umquam omnino aget, ad nullam rem umquam
 15 impelletur, numquam movebitur; quodsi aliquid
 aliquando acturus est, necesse est id ei verum quod
 (26) occurrit videri. Quid quod, si ista vera sunt, ratio
 omnis tollitur quasi quaedam lux lumenque vitae²⁵⁷?
 Tamenne in ista pravitate perstabitis? Nam quaerendi
 20 initium ratio attulit, quae perfecit virtutem, cum esset
 ipsa ratio confirmata quaerendo; quaestio autem est
 adpetitio cognitionis, quaestionisque finis inventio; at
 nemo invenit falsa, nec ea, quae incerta permanent,
 inventa esse possunt, sed cum ea, quae quasi involuta
 25 fuerunt, aperta sunt, tum inventa dicuntur — sic et
 initium quaerendi et exitus percipiendi et comprehendendi
 tenetur. Argumenti conclusio, quae est Graece *ἀπόδειξις*,
 ita definitur: „ratio, quae ex rebus perceptis ad id, quod
 non percipiebatur, adducit“²⁵⁸.

IX. 30 (27) Quodsi omnia visa eius modi essent, qualia isti
 dicunt, ut ea vel falsa esse possent neque ea posset ulla
 notio discernere, quo modo quemquam aut conclusisse
 aliquid aut invenisse diceremus, aut quae esset conclusi
 argumenti fides? Ipsa autem philosophia, quae rationibus
 35 progredi debet, quem habebit exitum? Sapientiae vero
 quid futurum est? Quae neque de se ipsa dubitare debet

мневаться, что есть высшее и предельное благо, не зная, с чем все соотносится²⁵⁶, как может она быть мудростью? Очевидна необходимость установить *начало*, которому бы следовала мудрость, когда приступит к какому-либо делу, и чтобы это начало согласовывалось с природой. Ведь иначе *стремление* (*adpetitio*) (а именно этим словом мы хотим передать греческое *ὀρέγῃ*), побуждающее нас действовать и стремиться к достижению того, что нам представляется, не сможет прийти в движение. 25. Ибо прежде нужно увидеть движущее начало и поверить в него, а это невозможно, если наше представление нельзя будет отличить от ложного. Действительно, как можно побудить дух к некоему стремлению, если мы не понимаем, согласно ли с природой или чуждо то, что *представляется* нам? Точно так же, если дух наш не видит, в чем заключается его долг, он вообще никогда ничего не станет делать, никогда невозможно будет подвинуть его ни на какое деяние, привести его в движение. Если же иногда он готов совершить нечто, то необходимо, чтобы это представлялось ему истинным. 26. Так что же, если все это правильно, то разум, как некий свет и светоч жизни²⁵⁷, исчезает? И вы все же будете настаивать на этом заблуждении? Ведь разум дает начало исследованию, совершенствует добродетель, а сам укрепляется в процессе исследования. Исследование же есть стремление к познанию, и конечной целью его является открытие. Но ведь никто не стремится к открытию ложного, и то, что остается недостоверным, не может быть открытием, но только тогда оно называется таковым, когда то, что было как бы окутано неким покровом, раскрывается. Этим охватывается и начало исследования, и результат постижения и понимания. Заключение доказательства, называемое по-гречески *ἀπόδειξις*, определяется так: „Рассуждение (*ratio*), которое, исходя из *постигнутого*, приводит к тому, что еще не было *постигнуто*“²⁵⁸.

IX. 27. И если бы все представления были таковы, как о них говорят ваши философы, заявляющие, что они могут быть даже ложными, и никакое понятие (*notio*) не было бы способно различать их, то как же в таком случае мы говорили бы, что кто-то пришел к какому-то заключению или совершил какое-то открытие? И как можно было бы доказать надежность этого заключения? А к чему приведет сама философия, которая должна продвигаться вперед путем рассуждения? Что же станет с

neque de suis decretis, quae philosophi vocant δόγματα, quorum nullum sine scelere prodi poterit; cum enim decretum proditur, lex veri rectique proditur, quo e vitio et amicitiarum proditioes et rerum publicarum
 5 nasci solent. Non potest igitur dubitari, quin decretum nullum falsum possit esse sapientis, neque satis sit non esse falsum sed etiam stabile, fixum, ratum esse debeat, quod movere nulla ratio queat; talia autem neque esse neque videri possunt eorum ratione, qui illa visa, e quibus
 10 omnia decreta sunt nata, negant (28) quicquam a falsis interesse. Ex hoc illud est natum quod postulabat Hortensius, ut id ipsum saltem perceptum a sapiente diceretis, nihil posse percipi. Sed Antipatro²⁵⁹ hoc idem postulanti, cum diceret ei qui adfirmaret nihil posse
 15 percipi unum tamen illud dicere percipi posse consentaneum esse, ut alia non possent, Carneades acutius resistebat; nam tantum abesse dicebat, ut id consentaneum esset, ut maxime etiam repugnaret: qui enim negaret quicquam esse quod perciperetur, eum
 20 nihil excipere; ita necesse esse ne id ipsum quidem, quod exceptum non esset, (29) comprehendere et percipi ullo modo posse²⁶⁰. Antiochus ad istum locum pressius²⁶¹ videbatur accedere: quoniam enim id haberent Academici decretum (sentitis enim iam hoc me δόγμα,
 25 dicere), nihil posse percipi, non debere eos in suo decreto sicut in ceteris rebus fluctuare, praesertim cum in eo summa consisteret, hanc enim esse regulam totius philosophiae, constitutionem veri falsi, cogniti incogniti; quam rationem quoniam susciperent, docereque vellent
 30 quae visa accipi oporteret, quae repudiari, certe hoc ipsum, ex quo omne veri falsique iudicium esset, percipere eos debuisse; etenim duo esse haec maxima in philosophia, iudicium veri et finem bonorum, nec sapientem posse esse qui aut cognoscendi esse initium
 35 ignoret aut extremum expetendi, ut aut unde proficiscatur aut quo perveniendum²⁶² sit nesciat; haec autem habere dubia nec iis ita confidere, ut moveri non possint, abhorrere a sapientia plurimum. Hoc igitur modo potius

самой мудростью? Ведь она не должна сомневаться ни в самой себе, ни в своих *принципах* (*decreta*), которые философы называют *догмами* (*δόγματα*), и предательство любого из них равнозначно преступлению. Действительно, когда нарушают *принципы*, тем самым совершается предательство закона правды и справедливости, а этот порок всегда порождает предательство и друзей, и всего государства. Следовательно, нельзя сомневаться в том, что ни один *принцип* мудреца не может быть ложным, более того, ему недостаточно не быть ложным, но он должен быть еще и твердым, прочным и обдуманым, чтобы его не могли поколебать никакие доводы. Но таковыми они не могут ни быть, ни казаться по логике тех, кто утверждает, что те *представления*, из которых рождаются все *принципы*, ни в чем не отличаются от ложных. 28. Отсюда-то и появилось требование Гортенсия [к вам] признать по крайней мере, что мудрец постиг то, что ничто не может быть постигнуто. Но когда Антипатр²⁵⁹ высказывал то же самое, говоря, что утверждающему невозможность познания чего-либо логично все же сказать, что это-то одно может быть познано, хотя все остальное и не может, Карнеад весьма тонко возражал: „Это, — говорил он, — не только неуместно, но напротив, в высшей степени противоречиво“. Ведь тот, кто не считает возможным познать что-либо, не делает из этого никаких исключений, и, таким образом, по необходимости и само то, что не стало исключением, не может никоим образом быть ни *познано*, ни *постигнуто*²⁶⁰ (*comprehendi et percipi*). 29. Антиох, как мне кажется, точнее²⁶¹ подошел к этому вопросу. Ведь поскольку академики придерживались *принципа* (вы понимаете, что так я перевожу слово *δόγμα*), гласящего, что ничто не может быть *постигнуто*, то они не должны были бы колебаться в собственных *принципах*, как они это делали в остальном, тем более, что в этом *принципе* заключено самое главное, ибо это и есть основное мерило (*regula*) всей философии — установление истинного и ложного, познанного и непознанного; а поскольку они приняли этот метод (*ratio*) и пожелали учить тому, какие *представления* должны нами приниматься, а какие — отвергаться, то они, по крайней мере, должны были познать, на чем строится всякое суждение об истинном и ложном; ведь в философии существуют две самые важные вещи — критерий истины и высшее благо, и не может быть мудреца, который бы настолько не знал, с чего начинается познание или к чему оно стремится, что ему был бы неведом ни исходный пункт, ни то, чего он должен достигнуть²⁶². Сомневаться в этих вещах, не доверять им настолько, чтобы потерять

erat ab his postulandum, ut hoc unum saltem, percipi nihil posse, perceptum esse dicerent. Sed de inconstantia totius illorum sententiae, si ulla sententia cuiusquam esse potest nihil adprobantis, sit, ut opinor,
 5 dictum satis.

- x. (30) Sequitur disputatio copiosa illa quidem, sed paulo abstrusior²⁶³ — habet enim aliquantum a physicis — ut verear ne maiorem largiar ei, qui contra dicturus est, libertatem et licentiam. Nam quid eum
 10 facturum putem de abditis rebus et obscuris, qui lucem eripere conetur²⁶⁴? Sed disputari poterat subtiliter, quanto quasi artificio natura fabricata esset primum animal omne, deinde hominem maxime, quae vis esset in sensibus, quem ad modum primo visa nos pellerent,
 15 deinde adpetitio²⁶⁵ ab his pulsa sequeretur, tum sensus ad res percipiendas intenderemus. Mens enim ipsa, quae sensuum fons²⁶⁶ est atque etiam ipsa sensus est²⁶⁷, naturalem vim habet, quam intendit ad ea, quibus movetur. Itaque alia visa sic arripit, ut iis statim
 20 utatur, alia quasi recondit, e quibus memoria oritur, cetera autem similitudinibus²⁶⁸ construit, ex quibus efficiuntur notitiae rerum quas Graeci tum ἐννοίας, tum προλήψεις²⁶⁹ vocant. Eo cum accessit ratio argumentique conclusio rerumque innumerabilium multitudo, tum et
 25 perceptio eorum omnium apparet et eadem ratio perfecta his gradibus ad sapientiam (31) pervenit. Ad rerum igitur scientiam vitaeque constantiam aptissima cum sit mens hominis, amplectitur maxime cognitionem et istam κατάληψιν, quam, ut dixi, verbum e verbo exprimentes
 30 comprehensionem dicemus, cum ipsam per se amat (nihil enim est ei veritatis luce dulcius), tum etiam propter usum²⁷⁰. Quocirca et sensibus utitur et artes efficit quasi sensus alteros et usque eo philosophiam ipsam corroborat, ut virtutem efficiat, ex qua re una vita omnis apta sit.
 35 Ergo ii, qui negant quicquam posse comprehendi, haec ipsa eripiunt vel instrumenta vel ornamenta vitae, vel

возможность всякого продвижения (*movēi*), это значит быть очень далеким от мудрости. В таком случае от них следовало скорее требовать признания, что по крайней мере одна вещь оказалась постигнутой: „невозможно никакое познание“. Но сказанного о непоследовательности всей этой теории (*sententia*), если вообще может быть какая-нибудь теория у того, кто ни с чем не соглашается, полагаю, достаточно.

Х. 30. За этим следует весьма пространное, но несколько темноватое рассуждение²⁶³ (оно требует некоторого знания естественных наук), так что боюсь, как бы не пришлось мне предоставить свободу, и притом неограниченную, тому, кто пожелает выступить против. Действительно, что подумать о том, кто, желая иметь дело с вещами сокрытыми и темными, попытался бы лишить их света?²⁶⁴ Можно было бы обстоятельно рассуждать о том, с каким огромным искусством природа создала, во-первых, вообще живое существо, а затем — самое главное — человека, какой силой обладают чувства, как сначала воздействуют на нас *представления*, а затем в ответ на это следует *стремление*²⁶⁵ (*adpetitio*), а потом — как направляем мы наши чувства на восприятие вещей. Ибо сам ум²⁶⁶ (*mens*), являющийся источником чувств и в то же время сам представляющий собой чувство²⁶⁷ (*sensus*), обладает естественной силой, которую направляет на то, что приводит его в движение. Поэтому одни *представления* он тотчас же использует, другие же как бы откладывает на будущее, и из них-то возникает память. Прочие же он объединяет по подобию²⁶⁸, и из них складываются понятия о вещах (*notitiae*), называемые греками то *ἐννοια*, то *προλήψεις*²⁶⁹. Когда сюда присоединяются рассудок (*ratio*), умозаключение и бесчисленное множество других вещей, тогда и появляется восприятие (*perceptio*) всего этого, и тот же совершенный рассудок поднимается по этим ступеням к мудрости. 31. И вот поскольку человеческий ум, прекрасно приспособленный к познанию мира и обретению жизненной стойкости, стремится более всего к познанию и к тому, что греки называют *κατάληψις*, а мы, как я уже говорил, будем, переводя слово в слово, называть *пониманием* (*схватыванием* — *comprehensio*), ибо ум любит познание и само по себе (ибо нет для него ничего слаще света истины), и из-за приносимой им пользы²⁷⁰, поэтому он прибегает и к помощи чувств, и создает *умения* (*artes*), становящиеся как бы вторыми чувствами, и совершенствует самую философию, дабы сотворить добродетель, единственное, что делает всякую жизнь достойной. Следова-

potius etiam totam vitam evertunt funditus ipsumque animal orbant animo, ut difficile sit de temeritate²⁷¹ eorum, perinde ut causa postulat, dicere.

- (32) Nec vero satis constituere possum quod sit
 5 eorum consilium aut quid velint. Interdum enim cum adhibemus ad eos orationem eius modi: „si ea quae disputentur vera sint, tum omnia fore incerta“, respondent: „Quid ergo istud ad nos? num nostra culpa est? naturam accusa, quae in profundo veritatem, ut ait
 10 Democritus, penitus abstruserit“²⁷². Alii autem elegantius, qui etiam queruntur, quod eos insimulemus omnia incerta dicere, quantumque intersit inter incertum et id, quod percipi non possit, docere conantur eaque distinguere²⁷³. Cum his igitur agamus, qui haec
 15 distinguunt, illos qui omnia sic incerta²⁷⁴ dicunt, ut stellarum numerus par an impar sit²⁷⁵, quasi desperatos aliquos relinquamus. Volunt enim (et hoc quidem vel maxime vos animadvertebam moveri) probabile aliquid esse et quasi veri simile²⁷⁶, eaque se uti regula et in
 20 agenda vita et in quaerendo ac disserendo.

- XI. (33) Quae ista regula est veri et falsi, si notionem veri et falsi, propterea quod ea non possunt internosci, nullam habemus? Nam si habemus, interesse oportet ut inter rectum et pravum, sic inter verum et falsum: si nihil
 25 interest, nulla regula est, nec potest is, cui est visio veri falsique communis²⁷⁷, ullum habere iudicium aut ullam omnino veritatis notam. Nam cum dicunt hoc se unum tollere, ut quicumque possit ita videri, ut non eodem modo falsum etiam possit videri, cetera autem concedere, faciunt
 30 pueriliter. Quo enim omnia iudicantur sublato reliqua se negant tollere: ut si quis, quem oculis privaverit, dicat ea, quae cerni possent, se ei non ademisse. Ut enim illa oculis modo agnoscuntur, sic reliqua visis, sed propria veri, non communi veri et falsi nota²⁷⁸. Quam ob rem sive tu
 35 probabilem visionem sive probabilem et quae non

тельно, те, кто отрицают всякую возможность познания, отнимают у нас эти средства устройства и украшения жизни, или даже скорее до основания ниспровергают всю жизнь, лишают одушевленное существо самой души, так что даже трудно найти подходящие слова, чтобы сказать об их безрассудстве²⁷¹ так, как того требует само дело.

32. И я не могу достаточно определенно установить, в чем состоит их замысел, чего они хотят. Ведь иной раз, когда мы говорим им, что, если бы их рассуждения были верны, все стало бы недостоверным, они отвечают: „А мы-то здесь при чем, разве это наша вина? Обвиняй в этом природу, которая, как говорит Демокрит: 'Сокрыла истину в глубинах бездны'²⁷²“. Другие же выражаются более изысканно и даже обижаются, что будто мы ложно обвиняем их в том, что они называют все недостоверным, и пытаются объяснить, сколь велико различие между недостоверным и тем, что не может быть постигнуто и не способно различать эти понятия²⁷³. Мы будем вести разговор с теми, кто придерживается этого различия, а тех, кто считает все недостоверным²⁷⁴, подобно ответу на вопрос, четно или нечетно число звезд²⁷⁵, мы оставим в покое, ибо говорить с ними безнадежно. Ведь первые предполагают (а я замечал, что именно это вас больше всего волнует) существование чего-то вероятного (*probabile*) и как бы правдоподобного (*verisimile*)²⁷⁶ и этим правилом руководствуются и в жизненной практике, и в ученых рассуждениях.

XI. 33. Что же это за *мерило* (*regula*) истинного и ложного, если мы не имеем никакого понятия об истинном и ложном, поскольку их нельзя различить? Ведь если мы имеем его, то должно существовать различие между истинным и ложным, так же как между прямым и кривым. Если же такого различия вообще не существует, тогда нет и никакого *мерила*, и тот, для кого истинное и ложное представляется чем-то одинаковым²⁷⁷, не может обладать каким-либо суждением об истине или вообще каким-то обозначением (*nota*) ее. Ведь когда они говорят, что устраняют лишь то [положение], что нечто [истинное] может представляться так, как не может представляться ложное, в остальном же готовы уступить, поступают по-детски. Устранив всеобщий критерий, они говорят, что они не устраняют остальное. Это похоже на то, как если бы кто-то, лишив другого глаз, стал говорить, что он не отнял у него то, чем можно видеть. Ведь как одно познается только с помощью зрения, так остальное — с помощью *представлений*, но несущих на себе собствен-

- impediatur, ut Carneades volebat ²⁷⁹, sive aliud quid proferes quod sequare, ad visum (34) illud, de quo agimus ²⁸⁰, tibi erit revertendum. In eo autem, si erit communitas cum falso, nullum erit iudicium, quia
- 5 proprium communi signo notari non potest; sin autem commune nihil erit, habeo quod volo: id enim quaero, quod ita mihi videatur verum, ut non possit item falsum videri. Simili in errore versantur, cum convicio veritatis coacti perspicua a perceptis volunt distinguere, et conantur
- 10 ostendere esse aliquid perspicui, verum illud quidem impressum in animo atque mente, neque tamen id percipi atque comprehendere posse ²⁸¹. Quo enim modo perspicue dixeris album esse aliquid, cum possit accidere ut id, quod nigrum sit, album esse videatur, aut quo modo
- 15 ista aut perspicua dicemus aut impressa subtiliter, cum sit incertum vere inaniterne moveatur? Ita neque color neque corpus nec veritas nec argumentum nec (35) sensus neque perspicuum ullum relinquitur. Ex hoc illud iis usu venire solet, ut, quicquid dixerint, a quibusdam interrogentur:
- 20 Ergo istuc quidem percipis? Sed qui ita interrogant, ab iis irridentur; non enim urgent ut coarguant neminem ulla de re posse contendere nec adseverare sine aliqua eius rei, quam sibi quisque placere dicit, certa et propria nota. Quod est igitur istuc vestrum probabile? Nam si quod
- 25 cuique occurrit et primo quasi aspectu probabile (36) videtur, id confirmatur, quid eo levius? Sin ex circumspectione aliqua et accurata consideratione quod visum sit, id se dicent sequi, tamen exitum non habebunt, primum quia iis visis, inter quae nihil interest, aequaliter
- 30 omnibus abrogatur fides; deinde, cum dicant posse accidere sapienti ut, cum omnia fecerit diligentissimeque circumspererit, exsistat aliquid quod et veri simile videatur et absit longissime a vero, ne si magnam partem quidem, ut solent dicere, ad verum ipsum aut quam proxime
- 35 accedant, confidere sibi poterunt. Ut enim confidant, notum iis esse debet insigne veri, quo obscurato et oppresso quod tandem verum sibi videbuntur attingere? Quid autem tam absurde dici potest quam cum ita

ный знак истины, а не общий для истинного и ложного²⁷⁸. А поэтому, назовешь ли ты правдоподобным *представление*, или „правдоподобным и тем, которому ничто не препятствует“ (*quae non impediatur*), как утверждал Карнеад²⁷⁹, или как-то иначе, к чему бы ты ни присоединился, тебе придется возвращаться к тому представлению, о котором мы говорим²⁸⁰.

34. Если оно будет нести на себе знак, общий для истинного и ложного, не получится никакого критерия, потому что *особенное* не может быть отмечено знаком, общим для истинного и ложного. Если же не будет ничего общего, я получаю то, что хочу; ведь я ищу то, что мне представлялось в такой степени истинным, что не могло бы в то же время представляться ложным. Аналогичную ошибку совершают те, кто, уступая осуждениям со стороны истины, стремятся отделить *очевидное* от *постигнутого* и пытаются показать, что существует нечто очевидное и при этом истинное, запечатленное в душе и уме, но однако это не может быть ни *постигнуто*, ни *понято* (*схвачено*)²⁸¹. Как можно говорить об очевидности того, что нечто является белым, если может случиться, что являющееся черным покажется белым? Или каким же образом назовем мы это очевидным или точно запечатленным в душе, если не ясно, истинно или мнимо воздействие? Таким образом, у нас не остается ни цвета, ни тела, ни истины, ни доказательства, ни чувств, ни вообще чего-либо очевидного.

35. В результате, что бы они ни утверждали, им обычно задают вопрос: значит, ты все же это постигаешь? Но те, кто задают им подобные вопросы, подвергаются с их стороны насмешкам. Ведь они не стремятся ясно показать, что никто не может ни о чем ни спорить, ни утверждать что-либо, не имея какого-то определенного и специфического признака вещи, которая, как он говорит, его удовлетворяет. Так что же представляет собой это ваше *вероятное* (*probabile*)? Ведь если речь идет о подтверждении того, что каждым воспринимается и что представляется ему с первого взгляда *вероятным*, то что может быть легковеснее этого? Если же после внимательного и всестороннего рассмотрения они скажут, что следуют тому, что им представляется, они все же не найдут выхода,

36. во-первых, потому, что в равной степени отказывают в достоверности всем „представлениям“, между которыми не существует никакого различия, а кроме того потому, что, даже если мудрец сделает все необходимое и самым тщательным образом предусмотрит все, может, по их словам, возникнуть нечто, что в одно и то же время будет и представляться правдоподобным, и быть очень далеким от истины; и даже если они „в значительной мере“, как они обычно говорят, подойдут к самой

loquuntur: „est hoc quidem illius rei signum aut argumentum, et ea re id sequor, sed fieri potest ut id quod significatur aut falsum sit, aut nihil sit omnino“? Sed de perceptione hactenus; si quis enim ea quae dicta
 5 sunt labefactare volet, facile etiam absentibus nobis veritas se ipsa defendet.

- XII. (37) His satis cognitis quae iam explicata sunt, nunc de adsensione atque adprobatione²⁸², quam Graeci συγκατάθεσις vocant, pauca dicemus, non quo non latus locus sit, sed
 10 paulo ante iacta sunt fundamenta. Nam cum vim, quae esset in sensibus, explicabamus, simul illud aperiebatur, comprehendi multa et percipi sensibus, quod fieri sine adsensione non potest. Deinde, cum inter inanimatum et animal hoc maxime intersit, quod animal agit aliquid (nihil
 15 enim agens ne cogitari quidem potest quale sit), aut ei sensus adimendus est aut ea, quae est in nostra potestate sita²⁸³, (38) reddenda adsensio. At vero animus quodam modo eripitur iis, quos neque sentire neque adsentiri volunt. Ut enim necesse est lancem in libra ponderibus impositis
 20 deprimi, sic animum perspicuis cedere²⁸⁴: nam quo modo non potest animal ullum non adpetere id, quod accommodatum ad naturam adpareat (Graeci id οίκεῖον appellant), sic non potest obiectam rem perspicuam non adprobare. Quamquam, si illa, de quibus disputatum est,
 25 vera sunt, nihil attinet de adsensione omnino loqui; qui enim quid percipit, adsentitur statim. Sed haec etiam sequuntur, nec memoriam sine adsensione posse constare nec notitias rerum nec artes; idque quod maximum est, ut sit aliquid in nostra potestate, in eo, qui rei nulli adsentietur, non erit:
 30 ubi igitur virtus, si nihil situm est in ipsis (39) nobis²⁸⁵? Maxime autem absurdum vitia in ipsorum esse potestate neque peccare quemquam nisi adsensione, hoc idem in virtute non esse, cuius omnis constantia et firmitas ex iis rebus constat, quibus adsensa est et quas adprobavit.

истине или даже вплотную к ней, то они не смогут доверять самим себе. Ведь для того, чтобы были уверены в себе, им должен быть известен признак, указывающий на истину, а если он неясен и сокрыт, какой же истины они достигнут? Что может быть абсурднее, чем рассуждение такого рода: „это признак или доказательство [существования] данной вещи, и поэтому я следую ему, но может оказаться, что обозначенное таким образом либо ложно, либо вообще не существует?“ Но о постижении (*perceptio*) сказано достаточно. Если же кому-нибудь захочется это опровергнуть, то даже без нашей помощи истина легко защитит самое себя.

ХII. 37. Познакомившись достаточно хорошо с этой темой, которая теперь раскрыта, скажем несколько слов о *согласии* (*adsensio*), то есть признании (*adprobatio*)²⁸² [достоверности чувств], которое греки называли *συγχατάθεσις*. Наша краткость объясняется не незначительностью вопроса, а тем, что основание этой темы было уже заложено несколько раньше. Ведь стараясь раскрыть силу, заключенную в чувства, мы одновременно говорили, что чувства *постигают* и *схватывают* многое, что не может происходить без акта *согласия* (*adsensio*). Поскольку между неодушевленным предметом и одушевленным существом основное различие сводится к тому, что живое существо как-то действует (ведь даже мысленно невозможно представить живое существо, ничего не совершающее), то мы должны либо отказать ему в чувстве, либо вернуть ему способность одобрения, что в нашей власти²⁸³. 38. Но ведь они так или иначе лишают одушевленности тех, кто, по их мнению, и не ощущает (*sentire*) и не выражает согласия (*adsentire*). Ведь подобно тому, как чаша весов, если ее нагрузить, опускается вниз, так и дух (*animus*) уступает очевидному²⁸⁴: ведь точно так же, как ни одно животное не может не стремиться к тому, что несомненно соответствует его природе (греки называют это *οἰκείον*), так не может дух не согласиться с очевидностью, являющейся ему. Впрочем, если истинно то, о чем мы рассуждаем, то вообще нет никакой необходимости говорить о *согласии*, ибо тот, кто постигает что-то, одновременно выражает и *согласие*, но из этого следует также, что без акта одобрения невозможны ни память, ни познание мира, ни науки; и самое важное: у того, кто не станет соглашаться ни с чем, не будет и собственной воли, ибо где же тогда добродетель, если от нас ничего не зависит?²⁸⁵ 39. Наиболее же абсурдно утверждение, что пороки находятся во власти людей и что каждый грешит только со своего согласия; но что дело обстоит иначе в отношении добродетели, вся твердость и

Omninoque ante videri aliquid quam agamus necesse est eique, quod visum sit, adsentiat. Quare qui aut visum aut adsensum tollit, is omnem actionem tollit e vita.

XIII.

- (40) Nunc ea videamus quae contra ab his disputari
 5 solent. Sed prius potestis totius eorum rationis quasi
 fundamenta cognoscere. Componunt igitur primum
 artem quandam de iis, quae visa dicimus, eorumque et
 vim et genera definiunt, in his quale sit id, quod
 percipi et comprehendere possit²⁸⁶, totidem verbis quot
 10 Stoici. Deinde illa exponunt duo, quae quasi contineant
 omnem hanc quaestionem: quae ita videantur ut etiam
 alia eodem modo videri possint nec in iis quicquam
 intersit, non posse eorum alia percipi, alia non percipi;
 nihil interesse autem, non modo si omni ex parte
 15 eiusdem modi sint, sed etiam si discerni non possint.
 Quibus positis unius argumenti conclusione tota ab iis
 causa comprehenditur; composita autem ea conclusio
 sic est: „eorum, quae videntur, alia vera sunt, alia
 falsa; et quod falsum est, id percipi non potest. Quod
 20 autem verum visum est, id omne tale est, ut eiusdem
 modi falsum etiam possit videri“; et „quae visa sunt eius
 modi, ut in iis nihil intersit, non potest accidere, ut
 eorum alia percipi possint, alia non possint. Nullum
 igitur est (41) visum quod percipi possit“²⁸⁷. Quae
 25 autem sumunt, ut concludant id quod volunt, ex his duo
 sibi putant concedi, neque enim quisquam repugnat: ea
 sunt haec: „quae visa falsa sint, ea percipi non posse“,
 et alterum, „inter quae visa nihil intersit, ex iis non posse
 alia talia esse, ut percipi possint, alia ut non possint“.
 30 Reliqua vero multa et varia oratione defendunt, quae
 sunt item duo: unum, „quae videantur, eorum alia vera
 esse, alia falsa“, alterum: „omne visum quod sit
 a vero tale esse quale etiam a falso possit (42) esse“.
 Haec duo proposita non praetervolant, sed ita dilatant,
 35 ut non mediocrem curam adhibeant et diligentiam;
 dividunt enim in partes, et eas quidem magnas,
 primum in sensus, deinde in ea quae ducuntur a sensibus

стойкость которой определяется тем, что она соглашается и одобряет. Поэтому тот, кто не принимает *представления* и *согласия* с ним, уничтожает всякое действие в нашей жизни.

ХIII. 40. А теперь рассмотрим выдвигаемые обычно ими возражения. Но сначала нам нужно познакомиться со своего рода основаниями всего этого способа рассуждения. Прежде всего, они создают некую науку (*ars*) о том, что мы называем *представлениями* (*visa*), определяют их значение и роды и то, каким является то, что может быть *постигнуто* и *схвачено*²⁸⁶, столь же многословно, как и стоики. Далее. Они излагают два положения, которые как бы охватывают весь вопрос: когда нечто представляется нам таким образом, каким может предстать и нечто иное, и между этими представлениями не будет существовать никакого различия, то невозможно, чтобы одно могло быть постигнуто, а другое нет. „Не иметь же никакого различия“ означает не только быть однородным во всех частях, но и быть неотличимым. При этих предпосылках весь вопрос охватывается у них выводом одного силлогизма. Это умозаключение строится следующим образом: из всего, что нам представляется, одно истинно, другое ложно. И то, что ложно, не может быть *постигнуто* (*percipi*). Всякое же истинное представление таково, что подобного же рода представление может показаться ложным, и если представления таковы, что между ними нет никакого различия, невозможно, чтобы одни из них могли быть постигнуты, а другие — не могли. Следовательно, вообще не существует такого *представления*, которое могло бы быть *постигнуто*²⁸⁷. 41. Из того, что они берут в качестве предпосылок, дабы прийти к желанным для них заключениям, два положения, по их мнению, являются признанными (*probati*), поскольку никто не возражает против них. Эти положения следующие. Первое: ложные представления не могут быть постигнуты, и второе: если никакого различия между представлениями нет, то невозможно, чтобы одни из них могли постигаться, а другие нет. Остальные же посылки они отстаивают, прибегая к множеству разнообразных рассуждений. А посылка этих тоже две. Первая: из всего, что представляется, одно может быть истинным, другое — ложным; вторая: всякое представление, исходящее от истинного, таково, каким может быть и исходящее от ложного. 42. Они не оставляют без внимания две эти посылки, но подробнейшим и тщательнейшим образом рассматривают их. Они делят их на части, притом весьма значительные, прежде всего — на чувственные восприятия, а затем —

et ab omni consuetudine, quam obscurari volunt; tum perveniunt ad eam partem, ut ne ratione quidem et coniectura ulla res percipi possit. Haec autem universa concidunt etiam minutius; ut enim de sensibus hesterno sermone vidistis, item faciunt de reliquis, in singulisque rebus, quas in minima dispertiunt, volunt efficere iis omnibus, quae visa sint, veris, adiuncta esse falsa quae a veris nihil differant; ea cum talia sint, non posse comprehendendi.

- XIV. 10 (43) Hanc ego subtilitatem philosophia quidem dignissimam iudico, sed ab eorum causa, qui ita disserunt, remotissimam. Definitiones enim et partitiones, et horum luminibus²⁸⁸ utens oratio, tum similitudines dissimilitudinesque et earum tenuis
15 et acuta distinctio fidentium est hominum illa vera et firma et certa esse, quae tutentur, non eorum, qui clament nihilo magis²⁸⁹ vera illa esse quam falsa. Quid enim agant si, cum aliquid definierint, roget eos quispiam, num illa definitio possit in aliam rem
20 transferri quam lubet? Si posse dixerint, quid dicere habeant cur illa vera definitio sit? Si negaverint, fatendum sit, quoniam vel illa vera definitio transferri non possit in falsum, quod ea definitione explicetur, id percipi posse, quod minime illi volunt. Eadem (44) dici
25 poterunt in omnibus partibus. Si enim dicent ea, de quibus disserent, se dilucide perspicere, nec ulla communione visorum impediri²⁹⁰, comprehendere ea se posse fatebuntur. Sin autem negabunt vera visa a falsis posse distinguere, qui poterunt longius progredi?
30 Occurreret enim sicut occursum est; nam concludi argumentum non potest, nisi iis, quae ad concludendum sumpta erunt, ita probatis, ut falsa eiusdem modi nulla possint esse: ergo si rebus comprehensis et perceptis nisa et progressa ratio hoc efficiet, nihil posse comprehendere,
35 quid potest reperiri, quod ipsum sibi repugnet magis?

на то, что является производным от них и всяческого опыта (*consuetudo*), который они хотят представить неясным. Затем они переходят к той части, которая утверждает, что ничто не может быть постигнуто ни логическими рассуждениями, ни догадками (*ratione et coniectura*). Все эти положения они подвергают еще более мелкому делению. Подобно тому, как они поступают относительно чувственного восприятия, а это вы видели сами во вчерашней беседе, они поступают так и с остальным, подвергая каждое отдельное явление все более и более мелкому делению и желая показать, что каждому *представлению* равно присуща как истинность, так и ложность, а поскольку *представления* таковы, то они не могут быть постигнуты.

XIV. 43. Все эти тонкости я считаю в высшей степени достойными философии, но и весьма далекими от положения тех, кто рассуждает подобным образом. Ведь речь, использующая все эти разделения, определения и риторические фигуры²⁸⁸, прибегающая к сравнениям и противопоставлениям и устанавливающая их тонкие и остроумные различия, скорее достойна людей, убежденных в истинности, прочности и определенности того, что они отстаивают, а не тех, кто громко заявляет, что это в такой же мере²⁸⁹ истинно, как и ложно. Что же станут они делать, когда они уже дали чему-то определение, если кто-нибудь спросит у них, может ли это определение быть перенесено и на любую другую вещь? Если они ответят, что может, то что же скажут они о том, почему это определение истинно? Если же они скажут, что это невозможно, то поскольку придется признать, что истинное определение не может быть перенесено на ложное, объясняемое этим определением, оно может быть постигнуто, а этого они вовсе не хотят. То же самое можно будет сказать и обо всех остальных частях рассуждения.

44. Ведь если они скажут, что воспринимают совершенно ясно то, о чем рассуждают, и что им не мешает никакое наложение представлений²⁹⁰, то они должны будут признать, что способны постигать их. Если же они станут отрицать возможность отличить истинные представления от ложных, то как же смогут они продвигаться далее? Ведь они столкнутся с тем, с чем и столкнулись, ибо доказательство нельзя построить, если то, что будет использовано для заключения, явно не будет таковым, что не сможет оказаться ложным. Следовательно, если рассуждение, опирающееся на *постигнутое* и *воспринятое*, приведет к выводу, что невозможно никакое познание (*nihil posse comprehendere*), то

- Cumque ipsa natura accuratae orationis hoc
 profiteatur, se aliquid patefacturam quod non appareat
 et, quo id facilius adsequatur, adhibituram et sensus
 et ea quae perspicua sint, qualis est istorum oratio, qui
 5 omnia non tam esse quam videri volunt? Maxime autem
 convincuntur, cum haec duo pro congruentibus sumunt
 tam vehementer repugnantia: primum esse quaedam
 falsa visa, quod cum volunt, declarant quaedam esse
 vera, deinde ibidem inter falsa visa et vera nihil
 10 interesse: at primum sumpseras tamquam interesset;
 ita priori posterius, posteriori superius non iungitur.
 (45) Sed progrediamur longius et ita agamus, ut nihil
 nobis adsentati esse videamur; quaeque ab his dicuntur,
 sic persequamur ut nihil in praeteritis relinquamus.
 15 Primum igitur perspicuitas illa quam diximus satis
 magnam habet vim, ut ipsa per sese ea, quae sint,
 nobis ita ut sint indicet. Sed tamen ut maneamus in
 perspicuis firmitus et constantius, maiore quadam opus
 est vel arte vel diligentia, ne ab iis quae clara sint ipsa
 20 per sese quasi praestigiis quibusdam et captionibus
 depellamur. Nam qui voluit subvenire erroribus
 Epicurus iis, qui videntur conturbare veri cognitionem,
 dixitque sapientis esse opinionem a perspicuitate
 seiungere²⁹¹, nihil profecit: ipsius enim opinionis
 25 errorem nullo modo sustulit.

- xv. (46) Quam ob rem cum duae causae perspicuis et
 evidentibus rebus adversentur, auxilia totidem sunt
 contra comparanda. Adversatur enim primum, quod
 parum defigunt animos et intendunt in ea, quae
 30 perspicua sunt, ut quanta luce ea circumfusa sint,
 possint agnoscere²⁹²; alterum est quod fallacibus et
 captiosis interrogationibus²⁹³ circumscripti atque
 decepti quidam, cum eas dissolvere non possunt,
 desciscunt a veritate. Oportet igitur et ea, quae pro
 30 perspicuitate responderi possunt, in promptu habere,

может ли быть что-то, что бы более противоречило самому себе? Так как сама природа тщательно построенного рассуждения заявляет, что она намерена открыть нечто такое, что не проявляется тотчас, и что она использует чувства и очевидные вещи, дабы легче достичь этой цели, то как же назвать речь этих людей, которые утверждают, что все не столько существует, сколько кажется существующим? Более же всего изобличает их то, что они принимают как согласующиеся между собой такие резко противоречащие друг другу положения, как, во-первых, то, что некоторые *представления* являются ложными (а это предполагает, что некоторые являются истинными), а во-вторых, то, что между истинными и ложными *представлениями* нет никакого различия. Но если взять в качестве посылки первое положение, то такое различие как будто бы существует. В результате второе с первым, а последующее с предыдущим не вяжутся. 45. Но пойдем дальше и будем действовать таким образом, чтобы казалось, что между собой мы ни в чем не соглашаемся, а все, что они говорят, будем рассматривать таким образом, чтобы ничего не оставить без внимания. Прежде всего, та самая *очевидность* (*perspicuitas*) обладает достаточной силой, чтобы уже сама по себе она указывала нам, что существующее существует именно таким образом. Однако же для того, чтобы мы прочнее и надежнее опирались на очевидное, требуется какое-то особое искусство и большее внимание, дабы не дать увести себя с помощью всяких соблазнов и хитростей от того, что ясно само по себе. Ибо [Эпикур?] — тот, кто хотел избавить от ошибок, мешающих, как представляется, познанию истины, и который говорил, что мудрец должен отличать *предположения* (*opiniones*) от *очевидности*²⁹¹, ничего не достиг, потому что никоим образом не смог устранить ошибочность самого *предположения*.

XV. 46. Поэтому, коль скоро ясности и очевидности противопоставляются два рода возражений, столько же надлежит подготовить и средств защиты. Первое возражение состоит в том, что недостаточно обращают внимание на очевидность, чтобы иметь возможность понять, какую ясность несет она с собой²⁹²; а во-вторых, они отказываются от [поисков] истины, обманутые и запутанные коварными, сбивающими с толку умозаклечениями²⁹³, будучи неспособными разрешить их. Следовательно, всегда нужно иметь наготове то, что можно ответить в защиту очевидности, о чем мы уже говорили, и быть во всеоружии, дабы иметь возможность противостоять

de quibus iam diximus, et esse armatos, ut occurrere
possimus interrogationibus eorum captionesque
(47) discutere, quod deinceps facere constitui.
Exponam igitur generatim argumenta eorum, quoniam
5 ipsi etiam illi solent non confuse loqui. Primum
conantur ostendere multa posse videri esse, quae omnino
nulla sint, cum animi inaniter moveantur eodem modo
rebus iis, quae nullae sint, ut iis, quae sint. Nam cum
dicatis, inquiunt, visa quaedam mitti a deo, velut ea quae
10 in somnis videantur quaeque oraculis, auspiciis, extis
declarentur (haec enim aiunt probari Stoicis, quos
contra disputant), quaerunt quonam modo falsa visa
quae sint, ea deus efficere possit probabilia, quae autem
plane proxime ad verum accedant, efficere non possit,
15 aut si ea quoque possit, cur illa non possit quae
perdifficiliter, internoscantur tamen, et si haec,
(48) cur non inter quae nihil sit omnino. Deinde, cum
mens moveatur ipsa per sese, ut et ea declarant quae
cogitatione²⁹⁴ depingimus et ea, quae vel dormientibus
20 vel furiosis videntur non numquam, veri simile est sic
etiam mentem moveri ut non modo non internoscat vera
illa visa sint anne falsa, sed ut in iis nihil intersit omnino:
ut si qui tremere et exalbescere vel ipsi per se motu
mentis aliquo vel obiecta terribili re extrinsecus, nihil
25 ut esset, qui distingueretur tremor ille et pallor, neque
ut quicquam interesset inter intestinum et oblatum²⁹⁵.
Postremo si nulla visa sunt probabilia quae falsa sint,
alia ratio est; sin autem sunt, cur non etiam quae non
facile internoscantur? cur non ut plane nihil intersit?
30 praesertim cum ipsi dicatis sapientem in furore
sustinere se ab omni adsensu, quia nulla in visis
distinctio appareat.

xvi. (49) Ad has omnes visiones inanes Antiochus
quidem et permulta dicebat et erat de hac una re unius
35 diei disputatio; mihi autem non idem faciendum puto,
sed ipsa capita dicenda. Et primum quidem hoc

их софизмам и разрушить их подвохи и ловушки, что я и решил сделать вслед за этим. 47. Поэтому я в общем виде изложу их аргументы, тем более, что они сами имеют обыкновение выражаться ясно. Прежде всего, они пытаются показать, что многое может представляться существующим, не существуя вообще, ибо ум действует под влиянием как вещей несуществующих, так и существующих. Они говорят: поскольку вы заявляете, что некоторые *представления* посылаются богом, такие как образы сновидений или те, что открываются в оракулах, ауспигиях и жертвоприношениях (а с этим, как они утверждают, соглашаются стоики, с которыми они ведут спор), — то, спрашивают они, каким образом бог может превратить ложные представления в вероятные (*probabilia*), а те, что вплотную приближаются к истинным, не может, или, если он и может это, почему же не может [сделать таковыми] те, что хотя и с очень большим трудом, но все же различаются, и если и эти [может сделать такими], то почему не те, между которыми вообще нет никакого различия? 48. Далее, поскольку ум сам приводит себя в движение, как об этом свидетельствуют картины, рисуемые в воображении²⁹⁴, и те, что возникают во сне или в бреду умалишенных, то правдоподобно (*verisimile*), что ум приходит в движение таким образом, что не только не различает, истинны или ложны представления, но и то, что в них вообще есть какое-либо различие, как, например, если кто-то дрожит от ужаса и бледнеет от какого-то внутреннего движения ума или от какого-то страшного видения, явившегося ему извне, и не было бы никакой возможности отличить друг от друга эти дрожь и бледность, ни какого-то различия внутренней и внешней [причины]²⁹⁵. Наконец, если никакие представления, будучи ложными, не являются вероятными, это — одно, если же они являются таковыми, то почему таковыми не являются те, что различаются с трудом, и почему не те, что совершенно не различаются? Тем более, что вы сами же говорите, что мудрец в состоянии аффекта должен воздерживаться от всякого согласия, ибо между *представлениями* в этом случае не возникает никакого различия.

XVI. 49. Обо всех этих пустых видениях очень много говорил Антиох, и одному этому вопросу был посвящен целый день. Я думаю, что мне не следует поступать подобным образом, но самое главное сказать будет нужно. И прежде всего следует упрекнуть их за то, что они прибегают к

reprehendendum, quod captiosissimo genere interrogationis utuntur, quod genus minime in philosophia probari solet, cum aliquid minutatim et gradatim additur aut demitur. Soritas hoc vocant, quia acervum efficiunt
 5 uno addito grano²⁹⁶. Vitiosum sane et captiosum genus! Sic enim adscenditis: Si tale visum obiectum est a deo dormienti ut probabile sit, cur non etiam ut valde veri simile? Cur deinde non ut difficiliter a vero internoscatur? Deinde ut ne internoscatur quidem? Postremo ut nihil
 10 inter hoc et illud intersit? Huc si perveneris me tibi primum quidque concedente, meum vitium fuerit; sin ipse (50) tua sponte processeris, tuum. Quis enim tibi dederit aut omnia deum posse aut ita facturum esse, si possit? quo modo autem sumis ut, si quid cui simile esse possit,
 15 sequatur ut etiam difficiliter internosci possit? deinde, ut ne internosci quidem? postremo, ut eadem sint? ut, si lupi canibus similes, eosdem dices ad extremum. Et quidem honestis similia sunt quaedam non honesta et bonis non bona et artificiosis minime artificiosa; quid dubitamus
 20 igitur adfirmare nihil inter haec interesse? Ne repugnantia quidem videmus? Nihil est enim quod de suo genere in aliud genus transferri possit. At si efficeretur ut inter visa differentium generum nihil interesset, reperirentur quae et in suo genere essent et in alieno; quod fieri (51) qui
 25 potest? Omnium deinde inanium visorum una depulsio est, sive illa cogitatione²⁹⁷ informantur, quod fieri solere concedimus, sive in quiete sive per vinum sive per insaniam: nam ab omnibus eiusdem modi visis perspicuitatem, quam mordicus tenere debemus, abesse
 30 dicemus. Quis enim, cum sibi fingit aliquid et cogitatione depingit, non simul ac se ipse commovit atque ad se revocavit, sentit quid intersit inter perspicua et inania? Eadem ratio est somniorum. Num censes Ennium, cum in hortis cum Servio Galba vicino suo ambulavisset,
 35 dixisse: Visus sum mihi cum Galba ambulare? At cum somniavit, ita narravit:

visus Homerus adesse poeta²⁹⁸.

крайне коварному роду полемики, совершенно неприемлемому для философии — когда что-то незаметно, шаг за шагом прибавляется [к тезису] или отнимается от него. Это то, что называют *соритами*, потому что последовательным прибавлением одного за другим зерен создается куча²⁹⁶. Это порочный и коварный метод! Ведь вы продвигаетесь таким образом: „Если какое-то видение, посланное богом человеку во сне, представляется вероятным, то почему не совершенно правдоподобным, почему не таким, чтобы с трудом отличаться от истинного, или даже не отличаться, наконец, чтобы — между ними вообще не было никакого различия?“ Если ты доберешься до этого пункта из-за того, что я приму твою первую посылку, это будет моя вина, если же ты придешь туда самостоятельно — твоя. 50. Кто согласится с тобой в том, что бог все это может сделать, и что если бы и мог, то сделал бы именно так? Откуда ты берешь, что, если что-то подобно чему-то, из этого следует, будто их трудно различать; более того, что их даже невозможно отличить друг от друга, наконец, что они тождественны? Например, если волки похожи на собак, то ты в конце концов скажешь, что они — одно и то же, а ведь и нечто недостойное похоже на достойное, и то, что не является благом, похоже на благо, и нечто, весьма неискusstное, схоже с искусным; так почему же мы не решаемся утверждать, что между ними нет никакого различия, и даже не видим здесь противоречия? Ведь не существует ничего, что могло бы переноситься из своего рода в другой. Но если бы случилось так, что между представлениями, принадлежащими к различным родам, не было бы никакого различия, то оказалось бы, что они находятся и в собственном, и в чужом роде. Но как это может быть? 51. Все пустые (*inania*) представления могут быть отвергнуты одним способом, идет ли речь о том, что создано воображением²⁹⁷ (и мы согласны, что подобное случается) или возникает во сне или в состоянии опьянения или безумия. Ибо всем видениям подобного рода не присуща очевидность, которой мы всеми силами должны придерживаться. Действительно, кто же, представляя и рисуя нечто в своем воображении, придя после волнения в себя, не понимает тотчас же, какое различие существует между очевидным и пустым? Точно так же дело обстоит и со сновидениями. Уж не думаешь ли ты, что Энний, совершив прогулку в саду с Сервием Гальбой, своим соседом, сказал бы: „Мне показалось, что я гуляю с Гальбой“? Но когда он рассказывает о своем сне, он говорит так:

...Мне привиделось, что явился поэт Гомер²⁹⁸.

Idemque in Epicharmo:

Nam videbar somniare me ego esse mortuom²⁹⁹.

Itaque, simul ut experrecti sumus, visa illa contemnimus neque ita habemus, ut ea, quae in foro gessimus.

- XVII. 5 (52) At enim dum videntur, eadem est in somnis species eorumque, quae vigilantes videmus! Primum interest; sed id omittamus, illud enim dicimus: non eandem esse vim neque integritatem dormientium et vigilantium nec mente nec sensu³⁰⁰. Ne vinulenti
10 quidem quae faciunt, eadem adprobatione faciunt qua sobrii; dubitant, haesitant, revocant se interdum, iisque quae videntur imbecillius adsentiuntur, cumque edormiverunt, illa visa quam levia fuerint, intellegunt. Quod idem contingit insanis, ut et incipientes furere
15 sentiant et dicant aliquid, quod non sit, id videri sibi, et cum relaxentur sentiant atque illa dicant Alcmaeonis:

Sed mihi ne utiquam cor consentit cum oculorum aspectu...³⁰¹

- 20 (53) At enim ipse sapiens sustinet se in furore, ne adprobet falsa pro veris. Et alias quidem saepe, si aut in sensibus ipsius est aliqua forte gravitas aut tarditas, aut obscuriora sunt quae videntur, aut a perspicendo temporis brevitatem excluditur. Quamquam totum hoc,
25 sapientem aliquando sustinere adsensionem, contra vos est; si enim inter visa nihil interesset, aut semper sustineret aut numquam. Sed ex hoc genere toto perspicere potest levitas orationis eorum, qui omnia cupiunt confundere. Quaerimus gravitatis, constantiae,
30 firmitatis, sapientiae iudicium, utimur exemplis somniantium, furiosorum, ebriosorum. Illud attendimus in hoc omni genere quam inconstanter loquamur? Non enim proferremus vino aut somno oppressos aut mente captos tam absurde, ut tum
35 diceremus interesse inter vigilantium visa et sobriorum

Точно так же в „Эпихарме“:

...Ибо привиделось мне во сне, что я умер²⁹⁹.

Поэтому, как только мы просыпаемся, мы уже не думаем об этих видениях и не ставим их наравне с тем, что мы делали на форуме.

XVII. 52. Но в то время как они нам представляются, облик того, что мы видим во сне, не отличается от того, что мы видим бодрствуя. Но, во-первых, такое отличие существует, но не будем сейчас об этом говорить; мы только скажем, что мысли и чувства спящих и бодрствующих обладают не одинаковой силой и ценностью³⁰⁰. Да и пьяные все свои поступки совершают не столь же уверенно, как трезвые: колеблются, сомневаются, временами приходят в себя и весьма нерешительно принимают то, что им представляется, а когда отоспятся, понимают, сколь неосновательны были эти представления. То же самое происходит с душевнобольными, когда они, впадая в приступ безумия, чувствуют и говорят, что им представляется нечто, хотя этого на самом деле и нет. Когда же приступ проходит, они испытывают чувства подобные тому, о котором говорит Алкмеон:

Но сердце мое никак не соглашается с тем, что видят глаза...³⁰¹

53. Но ведь сам мудрец должен воздерживаться от того, чтобы в состоянии аффекта принимать ложное за истинное. Часто и в других случаях, когда, например, его собственные чувства как бы тяжелеют и становятся неповоротливыми, или то, что представляется, слишком смутно, или недостаточно времени, чтобы внимательно рассмотреть это. Впрочем, все это, а именно: что мудрец иногда воздерживается от выражения согласия, — против вас. Ведь если бы между представлениями не было никакого различия, он воздерживался бы [от суждения] или всегда, или — никогда. Но во всем этом можно видеть несерьезность рассуждений людей, стремящихся все смешать. Мы ищем критерий (*iudicium*) убедительности, твердости, непоколебимости, мудрости, а прибегаем к примерам сновидений, бреда сумасшедших или пьяных; разве не видно, как во всем этом мы непоследовательны в наших рассуждениях? Ведь мы не должны были бы столь неумно приводить в пример то сумасшедших, то пьяных, то спящих, чтобы утверждать, что между представлениями людей бодрствующих, находящихся в здравом уме и трезвых, с одной стороны, и тех, кто находится в противополож-

- et sanorum et eorum qui essent aliter (54) adfecti, tum nihil interesse. Ne hoc quidem cernunt, omnia se reddere incerta, quod nolunt (ea dico incerta quae ἄδηλα Graeci)? si enim res se ita habeant, ut nihil
- 15 intersit utrum ita cui videantur ut insano, an sano, cui possit exploratum esse de sua sanitate? quod velle efficere non mediocris insaniae est. Similitudines vero aut geminorum aut signorum anulis impressorum pueriliter consecantur ³⁰². Quis enim nostrum
- 10 similitudines negat esse, cum eae plurimis in rebus appareant? Sed si satis est ad tollendam cognitionem similia esse multa multorum, cur eo non estis contenti, praesertim concedentibus nobis, et cur id potius contenditis, quod rerum natura non patitur, ut non
- 15 in suo quidque genere sit tale quale est, nec sit in duobus aut pluribus nulla re differens ulla communitas ³⁰³? Ut si sint et ova ovorum et apes apium simillimae, quid pugnas igitur? Aut quid tibi vis in geminis? Conceditur enim similes esse, quo
- 20 contentus esse potueras; tu autem vis eosdem plane (55) esse, non similes, quod fieri nullo modo potest. Dein confugis ad physicos, eos qui maxime in Academia inridentur, a quibus ne tu quidem iam te abstinebis, et ais Democritum dicere innumerabiles esse mundos ³⁰⁴,
- 25 et quidem sic quosdam inter sese non solum similes, sed undique perfecte et absolute pares, ut inter eos nihil prorsus intersit [et eo quidem innumerabiles ³⁰⁵], itemque homines. Deinde postulas ut, si mundus ita sit par alteri mundo ut inter eos ne minimum quidem
- 30 intersit, concedatur tibi, ut in hoc quoque nostro mundo aliquid alicui sic sit par, ut nihil differat, nihil intersit; cur enim, inquires, cum ex illis individuus, unde omnia Democritus gigni adfirmat, in reliquis mundis et in iis quidem innumerabilibus innumerabiles Q. Lutatii
- 35 Catuli non modo possint esse, sed etiam sint, in hoc tanto mundo Catulus alter non possit effici?

ном состоянии, иногда существует различие, а иногда не существует никакого. 54. И они даже не видят того, что делают все неопределенным, чего сами же не хотят (я называю неопределенным (*incerta*) то, что греки называют ἄδῳλα), ведь если бы дело обстояло таким образом, что не существовало бы разницы между тем, что представляется безумному, а что — человеку в здравом уме, то кто бы мог быть уверен в здравости своего рассудка? Уже само желание такого рода свидетельствует о немалом безумии. Они, как дети, носятся со сходством близнецов или отпечатков перстней³⁰². Действительно, кто станет отрицать существование схождения, тем более, что оно совершенно очевидно во множестве вещей. Но если для устранения познания достаточно существования множества подобий множества вещей, почему вы не удовлетворяетесь этим, тем более, что в этом мы с вами согласны? И почему вы настаиваете прежде всего на том, чего не приемлет природа вещей, отрицая, что каждая вещь в своем роде такова, каковой она является, и что не существует двух или более вещей, совершенно ничем не отличающихся? ³⁰³ Даже если совершенно сходны между собой яйца с яйцами и пчелы с пчелами, зачем же из-за этого драться? И что тебе дают двойники? 55. Ведь с тобой согласны, что они подобны, и ты вполне мог бы этим удовлетвориться. Ты же хочешь, чтобы они были совершенно тождественны, а не подобны, а это вовсе невозможно. Далее, ты ищешь убежище у естествоиспытателей, над которыми более всего насмеются в Академии и которых даже ты не оставляешь в покое, ссылаясь на Демокрита, который говорил о бесчисленности миров³⁰⁴, и что некоторые из этих миров не только схожи друг с другом, но и настолько во всех отношениях абсолютно и совершенно одинаковы, что между ними вообще не существует никакого различия³⁰⁵, и что то же самое бывает и среди людей. Далее, ты требуешь, чтобы с тобой согласились в том, что если один мир настолько подобен другому миру, что между ними ни в чем нет ни малейшей разницы, то и в этом нашем мире нечто настолько совпадает с чем-то, что ни в чем не отличается и между ними нет ни малейшего различия. „Действительно, — говоришь ты, — почему, если из тех *неделимых* (*individua*), из которых, по словам Демокрита, рождается все, в остальных мирах (а они бесчисленны) не только могли бы возникнуть, но и действительно существуют бесчисленные Квинты Лутации Катуты, а в этом нашем столь огромном мире не мог бы возникнуть другой Катул?“

- xviii. (56) Primum quidem me ad Democritum vocas; cui non adsentior potiusque refello propter id, quod dilucide docetur a politioribus physicis, singularum rerum singulas proprietates ³⁰⁶ esse. Fac enim antiquos
5 illos Servilios, qui gemini fuerunt, tam similes quam dicuntur: num censes etiam eosdem fuisse? Non cognoscebantur foris, at domi; non ab alienis, at a suis. An non videmus hoc usu venisse ut, quos numquam putassemus a nobis internosci posse, eos consuetudine
10 adhibita tam facile internosceremus, uti ne minimum quidem similes (57) viderentur? Hic pugnes licet, non repugnabo; quin etiam concedam illum ipsum sapientem, de quo omnis hic sermo est, cum ei res similes occurrant, quas non habeat dinotatas, retenturum
15 adsensum nec umquam ulli viso adsensurum, nisi quod tale fuerit, quale falsum esse non possit. Sed et ad ceteras res habet quandam artem, qua vera a falsis possit distinguere, et ad similitudines istas usus adhibendus est: ut mater geminos internoscit
20 consuetudine oculorum, sic tu internoscas, si adsueveris. Videsne ut in proverbio sit ovorum inter se similitudo ³⁰⁷? Tamen hoc accepimus, Deli fuisse complures salvis rebus illis qui gallinas alere permultas quaestus causa solerent; ii cum ovum inspexerant, quae id gallina
25 (58) peperisset dicere solebant. Neque id est contra nos, nam nobis ³⁰⁸ satis est ova illa non internoscere; nihil enim magis adsentiri par est hoc illud esse, quasi inter illa omnino nihil interesset; habeo enim regulam, ut talia visa vera iudicem, qualia falsa esse non possint;
30 ab hac mihi non licet transversum, ut aiunt, digitum discedere, ne confundam omnia. Veri enim et falsi non modo cognitio sed etiam natura tolletur, si nihil erit quod intersit, ut etiam illud absurdum sit, quod interdum soletis dicere, cum visa in animos imprimantur,
35 non vos id dicere, inter ipsas impressiones nihil interesse, sed inter species et quasdam formas eorum. Quasi vero non specie visa iudicentur, quae fidem nullam habebunt sublata veri et falsi nota. (59) Illud vero perabsurdum

XVIII. 56. Итак, ты прежде всего, зовешь меня к Демокриту, с которым я не согласен и которого я даже опровергаю из-за того, чему так ясно учат нас более тонкие естествоиспытатели, а именно: что единичным вещам присущи свои единичные свойства³⁰⁶. Даже если допустить, что те древние близнецы Сервилины были настолько схожи друг с другом, как об этом говорят, то неужели же ты думаешь, что они были совершенно одинаковы? Их не различали на улице — но дома-то различали. Их не узнавали чужие, но свои-то узнавали. А разве мы не видим, как порой случается, что тех, кого мы никогда не надеялись отличить друг от друга, привыкнув, отличали так легко, как будто бы они даже ни в малейшей степени не казались нам похожими. 57. Здесь ты можешь вступать в сражение, но я не стану тебе отвечать; более того, соглашусь с тобой, что тот самый мудрец, о котором мы ведем речь, если ему встретятся вещи, которые он не может различить, воздержится от одобрения и никогда не признает истинности ни одного представления, если оно не будет таким, каким не может быть ложное. Но как по отношению к остальным вещам он обладает неким навыком (*ars*), позволяющим ему отличать истинное от ложного, так относительно подобного сходства необходим опыт (*usus*). Как мать привычно различает близнецов, так и ты сможешь различать подобные вещи, если привыкнешь к ним. Разве ты не знаешь, похожесть яиц друг на друга стала пословицей³⁰⁷. А тем не менее известно, что на Делосе в годы его процветания было очень много людей, которые разводили на продажу множество кур, и эти люди, взглянув на яйцо, могли сказать, какая курица его снесла. 58. И в этом нет ничего, что говорило бы против нас. Ведь нам³⁰⁸ достаточно того, что мы не различаем эти яйца, ибо согласиться, что *это есть то*, равнозначно тому, что они вообще ничем не отличаются одно от другого. Ведь у меня есть мерило: „Истинные представления таковы, каковыми не могут быть ложные“. От этого мерил я мне нельзя отступать, как говорится, ни на пядь, чтобы ничего не спутать. Ведь если не будет ничего, что бы их различало, исчезнет не только познание истинного и ложного, но и сама их сущность. Так что абсурдно утверждать, как вы иногда это делаете, что, поскольку *представления* запечатлеваются в уме, нет никакого различия не между самими *впечатлениями* (*impressiones*), а нет их между некими *видами* (*species*), то есть формами *представлений*. Как будто бы представления определяются не видом! Если уничтожить признаки истинного и ложного, эти

quod dicitis probabilia vos sequi, si nulla re impediamini. Primum qui potestis non impediri cum a veris falsa non distent? Deinde quod iudicium est veri cum sit commune falsi? Ex his illa necessario
 5 nata est ἐποχή, id est adsensionis retentio, in qua melius sibi constitit Arcesilas, si vera sunt quae de Carneade non nulli existimant ³⁰⁹. Si enim percipi nihil potest, quod utrique visum est, tollendus adsensus est; quid enim est tam futtile quam quicquam adprobare
 10 non cognitum? Carneadem autem etiam heri audiebamus solitum esse eo delabi interdum, ut diceret opinaturum, id est peccaturum, esse sapientem ³¹⁰. Mihi porro non tam certum est esse aliquid, quod comprehendi possit, (de quo iam nimium etiam diu
 15 disputo), quam sapientem nihil opinari, id est numquam adsentiri rei vel falsae eo vel incognitae. (60) Restat illud quod dicunt veri inveniundi causa contra omnia dici oportere et pro omnibus. Volo igitur videre, quid invenerint. Non solemus, inquit, ostendere. Quae sunt
 20 tandem ista mysteria, aut cur celatis quasi turpe aliquid sententiam vestram? — Ut qui audient, inquit, ratione potius quam auctoritate ducantur. Quid si utroque? Num peius est? Unum tamen illud non celant, nihil esse quod percipi possit. An in eo auctoritas nihil obest?
 25 Mihi quidem videtur vel plurimum; quis enim ista tam aperte perspicueque et perversa et falsa ³¹¹ secutus esset, nisi tanta in Arcesila, multo etiam maior in Carneade et copia rerum et dicendi vis fuisset?

XIX.

(61) Haec Antiochus fere et Alexandreae tum
 30 et multis annis post multo etiam adseverantius, in Syria cum esset mecum paulo ante quam est mortuus. Sed iam confirmata causa te hominem amicissimum — me autem appellabat — et aliquot annis minorem natu non dubitabo monere: Tune, cum tantis laudibus

представления не будут обладать никакой достоверностью. 59. И уже совершенно абсурдны ваши заявления о том, что вы следуете *вероятному*, „если вам ничто не мешает“. Но, во-первых, как может быть, чтобы вам ничто не мешало, если ложное не отличается от истинного? Далее, какой может быть критерий истинного, если он общий и для ложного? Отсюда неизбежно рождается знаменитое *ἐποχή*, то есть воздержание от выражения одобрения, в чем наиболее последователен Аркесилай, если верно то, что некоторые думают о Карнеаде³⁰⁹. Ведь если ничто не может быть постигнуто, а так думали и тот и другой, неизбежно должно исчезнуть и одобрение. Действительно, что может быть глупее, чем выражение одобрения тому, чего не знаешь! Но мы еще вчера слышали, что Карнеад не раз доходил до того, что утверждал, будто мудрец может *предполагать* (*ορίναγί*), то есть *ошибаться*³¹⁰ (*ρессаре*). Я же уверен не столько в том, что существует нечто непознаваемое, о чем я слишком пространно рассуждаю, сколько в том, что мудрец ничего не может *предполагать*, то есть никогда не выражать одобрение ничему ложному или непознанному. 60. Остается их положение о том, что ради нахождения истины следует относительно любой вещи высказываться и за, и против. Хотел бы я увидеть, что обрели они [таким образом]. Мне отвечают: „Мы этого никогда не показываем“. „Так что же это за таинства, и почему вы скрываете, как нечто позорное, ваши собственные взгляды?“ „А это для того, чтобы наши ученики руководствовались своим разумом (*ratio*), а не [чужим] авторитетом“. „А если и тем и другим одновременно, разве это хуже?“ Однако единственное, что они не скрывают, это: „ничто не может быть постигнуто“. А разве в этом вопросе авторитет ничему не мешает? Мне так кажется, что даже очень. Кто бы последовал за этим столь несомненно и явно ложным и извращенным учением³¹¹, если бы Аркесилай, а еще в большей степени Карнеад не обладали бы столь обширными знаниями и такой силой красноречия?

XIX. 61. Так рассуждал Антиох и в Александрии, а спустя много лет он еще настойчивее развивал ту же мысль в Сирии, когда я был там незадолго до его кончины. Но вот теперь, когда вопрос ясен, я не могу не обратиться к тебе (это он обращался ко мне), человеку весьма мне дружественному и к тому же на несколько лет младше меня, со следующими словами: „Неужели же ты, превозносивший в величайших похвалах фи-

- philosophiam extuleris Hortensiumque nostrum
dissentientem commoveris, eam philosophiam sequere,
quae confundit vera cum falsis, spoliat nos iudicio,
privat adprobatione, omnibus orbat sensibus? Et
5 Cimmeriis quidem, quibus aspectum solis sive deus
aliquis sive natura ademerat sive eius loci, quem
incolebant, situs, ignes tamen aderant, quorum illis uti
lumine licebat ³¹²; isti autem, quos tu probas, tantis
offusis tenebris ne scintillam quidem ullam nobis ad
10 dispiciendum reliquerunt; quos si sequamur, iis vinclis
simus adstricti ut nos commovere nequeamus.
(62) Sublata enim adsensione omnem et motum
animorum et actionem rerum sustulerunt; quod non
modo recte fieri, sed omnino fieri non potest. Provide
15 etiam ne uni tibi istam sententiam minime liceat
defendere; an tu, cum res occultissimas aperueris in
lucemque protuleris iuratusque dixeris ea te comperisse ³¹³
(quod mihi quoque licebat, qui ex te illa cognoveram),
negabis esse rem ullam quae cognosci comprehendì percipi
20 possit? Vide quaeso etiam atque etiam ne illarum quoque
rerum pulcherrimarum a te ipso minuatur auctoritas».
Quae cum dixisset ille, finem fecit.
- (63) Hortensius autem vehementer admirans, quod
quidem perpetuo Lucullo loquente fecerat, ut etiam manus
25 saepe tolleret (nec mirum, nam numquam arbitror contra
Academiam dictum esse subtilius), me quoque, iocansne an
ita sentiens (non enim satis intellegebam), coepit hortari ut
sententia desisterem. Tum mihi Catulus, «Si te», inquit,
«Luculli oratio flexit, quae est habita memoriter accurate
30 copiose, taceo, neque te, quo minus, si tibi ita videatur,
sententiam mutes, deterrendum puto. Illud vero non
censuerim, ut eius auctoritate moveare. Tantum enim te non
modo monuit», inquit adridens, «ut caveres, ne quis
improbis tribunus plebis, quorum vides quanta copia
35 semper futura sit, arriperet te et in contione quaereret, qui
tibi constares, cum idem negares quicquam certi posse
reperiri, idem te comperisse dixisses. Hoc, quaeso, cave ne
te terreat; de causa autem ipsa malim quidem te ab hoc

лософию и переубедивший нашего Гортенсия, дотоле с тобою не согласного, пойдешь за той философией, которая смешивает истинное и ложное, отнимает у нас *суждение*, лишает всякой [возможности] *одобрения*, отбирает у нас все чувства? Даже у киммерийцев, которых то ли некий бог, то ли природа, то ли расположение населяемых ими мест лишили возможности видеть солнце, даже у них все же были светочи, которыми они могли пользоваться³¹², а вот эти твои философы, с которыми ты соглашаешься, оказавшись в крошечной тьме, не оставили нам ни единой искры, чтобы разглядеть хоть что-нибудь; если мы будем следовать им, то окажемся скованными такими цепями, что не сможем и пошевелиться. 62. Ибо, уничтожив *согласие*, они тем самым вообще уничтожили и всякое движение ума, и всякую деятельность, что не только не может быть правильным, но и вообще не может быть. Подумай о том, что именно тебе менее всего подобает отстаивать это положение! Разве ты, открыв явления, остававшиеся дотоле сокровеннейшими, выведя их на свет и клятвенно заверив, что ты их познал³¹³ (а это дозволялось и мне, поскольку я это узнал от тебя), ты станешь утверждать, что нет таких вещей, которые могли бы быть познаны, поняты, восприняты? Подумай, пожалуйста, еще и еще раз, не умалил ли ты сам значение этих прекраснейших вещей». С этими словами он замолчал.

63. Гортенсий же в сильном восхищении, что с ним постоянно случалось, когда он слушал Лукулла (он даже то и дело всплескивал руками; и неудивительно, потому что, полагая, никто не возражал Академии столь умно), то ли в шутку, то ли всерьез (я не очень хорошо понял) стал убеждать меня отказаться от своего мнения. Тогда Катул сказал мне: «Если речь Лукулла с таким знанием дела, столь обстоятельно и прекрасно произнесенная, произвела на тебя впечатление, я молчу и не считаю необходимым заставлять тебя изменить свое мнение (*sententia*), раз тебе представляется именно так. Но я бы не советовал тебе уступать его авторитету». И со смехом добавил: «Ведь он лишь напомнил тебе, чтобы ты был осторожен и не позволил бы какому-нибудь бессовестному народному трибуну (а ты видишь, сколько их теперь разведется) придратись к тебе и спросить на сходке, как это тебе удастся не противоречить самому себе, если ты утверждаешь, что невозможно найти хоть что-то достоверное, и сам же заявляешь, что удостоверился в этом. Так смотри, как бы он не запугал тебя этим. Что же до самого существования дела, я бы предпочел, чтобы ты не согласился со сказанным,

dissentire, sin cesseris non magnopere mirabor. Memini enim Antiochum ipsum, cum annos multos alia sensisset, simul ac visum sit, sententia destitisse». Haec cum dixisset Catulus, me omnes intueri.

- xx. 5 (64) Tum ego, non minus commotus quam soleo in causis maioribus, huius modi quandam oratione³¹⁴ sum exorsus. «Me, Catule, oratio Luculli de ipsa re ita movit ut docti hominis et copiosi et parati et nihil praetereuntis eorum quae pro illa causa dici possent, 10 non tamen ut ei respondere posse diffiderem; auctoritas autem tanta plane me movebat, nisi tu opposuisses non minorem tuam. Adgrediar igitur, si (65) pauca ante quasi de fama mea dixero. Ego enim, si aut ostentatione aliqua adductus aut studio certandi ad hanc potissimum 15 philosophiam me adplicavi, non modo stultitiam meam sed etiam mores et naturam condemnandam puto. Nam si in minimis rebus pertinacia reprehenditur, calumnia etiam coercetur, ego de omni statu consilioque totius vitae aut certare cum aliis pugnaciter aut frustrari 20 cum alios tum etiam me ipsum velim? Itaque, nisi ineptum putarem in tali disputatione id facere quod, cum de re publica disceptatur, fieri interdum solet, iurarem per Iovem deosque penates³¹⁵ me et ardere studio veri (66) reperiendi et ea sentire quae dicerem. 25 Qui enim possum non cupere verum invenire, cum gaudeam si simile veri quid invenerim? Sed, ut hoc pulcherrimum esse iudico, vera videre, sic pro veris probare falsa turpissimum est. Nec tamen ego is sum qui nihil umquam falsi adprobem, qui numquam 30 adsentiar, qui nihil opiner, sed quaerimus de sapiente. Ego vero ipse et magnus quidem sum opinator (non enim sum sapiens) et meas cogitationes sic derigo, non ad illam parvulam Cynosuram³¹⁶ qua
fidunt duce nocturna Phoenices in alto³¹⁷,
35 ut ait Aratus, eoque directius gubernant quod eam tenent quae

и если ты отступишь от него, то я не слишком удивлюсь. Ведь я помню, что сам Антиох после того, как в течение многих лет придерживался одного мнения, поняв его ошибочность, отказался от него». После этих слов Катуга все взоры обратились на меня.

XX. 64. Тогда я, взволнованный не меньше, чем это обычно происходило со мной в делах более важных, начал приблизительно так³¹⁴: «Речь Лукулла об этом предмете, Катуг, произвела на меня впечатление, ибо это была речь человека ученого, красноречивого, хорошо подготовленного и не пропустившего ничего из того, что могло бы быть сказано по этому поводу, однако не настолько, чтобы я не был в состоянии ответить на него; и конечно, столь большой авторитет произвел бы на меня впечатление, не противопоставь ты ему твой собственный, отнюдь не меньший. 65. Итак, я возьмусь за эту тему, но сначала скажу несколько слов о своей репутации. Ведь если бы я последовал именно за этой философией из некоего тщеславия или из любви к спорам, я безусловно считал бы заслуживающим осуждения не только собственную глупость, но и свой природный характер. Ведь если даже в самых маловажных делах упрямство вызывает осуждение, а клевета наказуема, то неужели, когда речь идет вообще о самом предназначении и смысле всей жизни, я пожелал бы вступать в битву с другими или вводить их в заблуждение, да и самого себя? Поэтому, если бы я не считал неподходящим в подобных дискуссиях поступать так, как иной раз случается в делах государственных, я бы поклялся Юпитером и богами Пенатами³¹⁵, что горю желанием найти истину и думаю именно то, что говорю. 66. Как мог бы я не жаждать найти истину, когда я радуюсь, если мне удастся найти хоть какое-нибудь подобие ее? Но как я считаю прекраснейшим видеть истину, так самым отвратительным для меня является выдавать ложное за истинное. Я, однако, не хочу сказать, что никогда не одобрял ничего ложного, никогда не соглашался, никогда ничего не предполагал; но ведь у нас-то речь идет о мудреце! Я и сам великий любитель строить предположения (opinator), ведь я же не мудрец и свои размышления направляю не по этой маленькой Киносуре³¹⁶,

за которой следуют в открытом море ночью финикийцы³¹⁷, —

как говорит Арат. И тем надежнее правят кораблем, что держатся ее, которая

cursu interiore brevi convertitur orbe,
 sed Helicen et clarissimos Septemtriones ³¹⁸, id est
 rationes has latiore specie, non ad tenue elimatas. Eo
 fit ut errem et vager latius; sed non de me, ut dixi, sed
 5 de sapiente quaeritur. Visa enim ista cum acriter mentem
 sensumve pepulerunt accipio, iisque interdum etiam
 adsentior (nec percipio tamen, nihil enim arbitror posse
 percipi). Non sum sapiens, itaque visis cedo neque
 possum resistere. Sapientis autem hanc censet Arcesilas
 10 vim esse maximam, Zenoni adsentiens, cavere ne
 capiat, ne fallatur videre; nihil est enim ab ea
 cogitatione ³¹⁹, quam habemus de gravitate sapientis,
 errore, levitate, temeritate diiunctius. Quid igitur loquar
 de firmitate sapientis? quem quidem nihil opinari ³²⁰ tu
 15 quoque, Luculle, concedis. Quod quoniam a te probatur
 (ut praepostere tecum agam; mox referam me ad
 ordinem), haec primum (67) conclusio quam habeat
 vim considera:

XXI. „Si ulli rei sapiens adsentietur umquam, aliquando
 20 etiam opinabitur; numquam autem opinabitur; nulli
 igitur rei adsentietur ³²¹“. Hanc conclusionem Arcesilas
 probabat, confirmabat enim et primum et secundum
 (Carneades non numquam secundum illud dabat,
 adsentiri aliquando: ita sequebatur etiam opinari, quod
 25 tu non vis, et recte, ut mihi videris). Sed illud primum,
 sapientem, si adsensurus esset, etiam opinaturum,
 falsum esse et Stoici dicunt et eorum adstipulator
 Antiochus ³²²; posse enim eum falsa a veris et quae
 non possint percipi ab iis quae possint distinguere.
 30 (68) Nobis autem primum, etiam si quid percipi possit,
 tamen ipsa consuetudo adsentiendi periculosa esse
 videtur et lubrica, quam ob rem, cum tam vitiosum esse
 constet adsentiri quicquam aut falsum aut incognitum,
 sustinenda est potius omnis adsensio, ne praecipitet, si
 35 temere processerit; ita enim finitima sunt falsa veris
 eaque quae percipi non possunt eis quae possunt

внутренний путь совершает по краткой орбите,

но по Гелике и яркому Семизвездию³¹⁷, то есть опираясь на основания более широкого характера, а не на разработанные до мельчайших тонкостей. Поэтому я иногда заблуждаюсь и захожу слишком далеко. Но речь идет, как я сказал, не обо мне, а о мудреце. Ведь когда эти *представления* сильно поражают ум и чувства, я принимаю и иногда соглашаюсь с ними, однако же не *постигаю* их, ибо я полагаю, что ничто не может быть *постигнуто*. Я не мудрец и поэтому уступаю *представлениям* и не могу сопротивляться им. Аркесилай, соглашаясь с Зеноном, считает, что главная сила мудреца состоит в том, чтобы не дать перехитрить себя, следить, чтобы не быть обманутым, ибо нет ничего более далекого от нашего представления³¹⁹ о достоинстве (*gravitas*) мудреца, чем заблуждение, легкомыслие, необдуманность. А что сказать о твердости мудреца? Впрочем, и ты, Лукулл, согласен, что мудрец никогда ничего не *предполагает*³²⁰. Поскольку ты это понимаешь (а я сейчас говорю с тобой, забегаая вперед, а потом восстанавливаю порядок изложения), подумай прежде всего о том, насколько убедительно следующее умозаключение:

XXI. 67. „Если мудрец когда-нибудь согласится с чем-то, он тем самым выскажет *предположение*; но он никогда не станет *предполагать*, следовательно, он не согласится ни с чем“³²¹. Аркесилай принимал этот вывод, ибо одобрял и первую, и вторую посылку, Карнеад же в качестве второй посылки вводил: „Иногда выражает *согласие*“. Отсюда следует также, что мудрец *предполагает*; но ты с этим не согласен, и, как мне представляется, правильно». «Но твоя первая посылка: „Если мудрец *согласится*, он выскажет *предположение*“, — ложно: так говорят и стоики, и поддерживающий их Антиох³²², — ведь мудрец может отличать истинное от ложного и то, что не может быть *постигнуто*, от того, что может. 68. Нам же прежде всего, даже если что-то может быть постигнуто, опасным и рискованным представляется само обыкновение *давать согласие*. Так как известно, сколь ошибочно выражать согласие в чем-то сложном или непознанном, лучше воздержаться от любого выражения *согласия*, чтобы не сорваться неосторожно в пропасть, если неосторожно шагнуть вперед. Ведь истинное и ложное столь близко соседствуют друг с другом, равно как и то, что не может быть познано, с тем, что может (если только это вообще суще-

(si modo ea sunt quaedam: iam enim videbimus)
ut tam in praecipitem locum non debeat se sapiens
committere. Sin autem omnino nihil esse quod percipi
possit a me sumpsero et quod, tu mihi das, accepero,
5 sapientem nihil opinari, effectum illud erit, sapientem
adsensus omnes cohibiturum, ut videndum tibi sit, idne
malis an aliquid opinaturum esse sapientem. „Neutrum“,
inquires, „illorum“. Nitamur igitur nihil posse percipi;
etenim de eo omnis est controversia.

XXII. 10 (69) Sed prius pauca cum Antiocho, qui haec ipsa
quae a me defenduntur et didicit apud Philonem tam diu,
ut constaret diutius didicisse neminem, et scripsit de his
rebus acutissime, et idem haec non acrius accusavit in
senectute quam antea defensitaverat. Quamvis igitur
15 fuerit acutus, ut fuit, tamen inconstantia levatur
auctoritas. Quis enim iste dies inluxerit quaero, qui illi
ostenderit eam, quam multos annos esse negitavisset,
veri et falsi notam. Excogitavit aliquid? Eadem dicit
quae Stoici. Paenituit illa sensisse? Cur non se
20 transtulit ad alios, et maxime ad Stoicos? Eorum enim
erat propria ista dissensio. Quid? Eum Mnesarchi
paenitebat? Quid? Dardani³²³? Qui erant Athenis
tum principes Stoicorum. Numquam a Philone
discessit, nisi postea quam ipse (70) coepit qui se
25 audirent³²⁴ habere. Unde autem subito vetus Academia
revocata est? Nominis dignitatem videtur, cum a re ipsa
descisceret, retinere voluisse — quod erant qui illum
gloriae causa facere dicerent, sperare etiam ut ii qui se
sequerentur Antiochii vocarentur. Mihi autem magis
30 videtur non potuisse sustinere concursum omnium
philosophorum (etenim de ceteris sunt inter illos non
nulla communia, haec Academicorum est una sententia
quam reliquorum philosophorum nemo probet); itaque
cessit, et, ut ii qui sub Novis³²⁵ solem non ferunt, item
35 ille, cum aestuaret, veterum, ut Maenianorum³²⁶, sic
Academicorum (71) umbram secutus est. Quoque
solebat uti argumento tum, cum ei placebat nihil posse

ствуем, но это мы еще увидим), так что мудрец не должен вставать на таком крутом обрыве. Если же я сам скажу, что вообще не существует ничего, что могло бы быть постигнуто, и приму то, что ты мне предлагаешь, то есть что мудрец ничего не предполагает, то выводом из этого будет, что мудрец воздержится от всякого согласия. Так что тебе придется поразмыслить, предпочитаешь ли ты этот вывод или считаешь, что мудрец все же что-то будет предполагать. Ты скажешь: „Ни то, ни другое“. Так постараемся доказать, что ничто не может быть постигнуто, ведь именно об этом у нас идет весь спор.

XXII. 69. Но сначала несколько слов в связи с Антиохом, который и то, что я сейчас защищаю, узнал от Филона, у которого он учился так долго, как, пожалуй, не учился никто другой, и с большой проницательностью написал об этом предмете, но и он же не менее резко обвинял в старости то, что прежде защищал. И сколь бы ни был он проницателен, а он был таким, его непоследовательность все же наносит ущерб его авторитету. Скажи, пожалуйста, что это за свет вдруг воссиял и указал ему признак (*nota*) истинного и ложного, существование которого он столь долго отрицал. Он что-то придумал сам? Но ведь он говорит то же, что и стоики. Он разочаровался в своих прежних представлениях? Так почему же не перешел он к другим [философам], к тем же стоикам? Ведь именно для них характерны эти разногласия [с Филоном]. Так почему же ему не нравится Мнесарх? Или Дардан?³²² Они в то время в Афинах были первыми среди стоиков. Он никогда не покидал Филона и сделал это лишь тогда, когда у него появились собственные слушатели³²⁴. 70. С чего это вдруг возникла вновь Старая Академия? Как мне кажется, он хотел сохранить уважаемое имя, хотя по существу расходился с ними, и были люди, утверждавшие, что он делал это ради собственной славы и даже надеялся, что его последователи станут называться *антиоховцами*. Мне же скорее кажется, что он не смог противостоять дружному натиску всех философов, хотя у них есть кое-что общее, в этом же академики остаются в одиночестве, и ни один философ не соглашается с ними. Поэтому он отступил и, подобно тем, кто спасается от солнца в Новых лавках³²⁵, когда почувствовал жару, укрылся в тени Старой Академии, как в тени Мениева³²⁶ портика. 71. В то время, когда он утверждал, что ничто не может быть постигнуто (*nihil posse percipi*), он прибегал к следующему аргументу, спрашивая, что постиг знаменитый Дионисий из Гераклеи³²⁷ с помо-

percipi, cum quaereret, Dionysius ille Heracleotes ³²⁷
 utrum comprehendisset certa illa nota qua adsentiri
 dicitis oportere — illudne quod multos annos tenuisset
 Zenonique magistro credidisset, honestum quod esset
 5 id bonum solum esse, an quod postea defensitavisset,
 honesti inane nomen esse, voluptatem esse summum
 bonum? — qui ex illius commutata sententia docere
 vellet nihil ita signari in animis nostris a vero posse quod
 non eodem modo posset a falso, is curavit, quod
 10 argumentum ex Dionysio ipse sumpsisset, ex eo ceteri
 sumerent. Sed cum hoc alio loco plura, nunc ad ea
 quae a te, Luculle, dicta sunt.

xxiii. (72) Et primum quod initio dixisti videamus quale sit,
 similiter a nobis de antiquis philosophis commemorari
 15 atque seditiosi solerent claros viros sed tamen populares
 aliquos nominare. Illi cum res non bonas tractent, similes
 bonorum videri volunt; nos autem ea dicimus nobis videri
 quae vosmet ipsi nobilissimis philosophis placuisse
 conceditis. Anaxagoras ³²⁸ nivem nigram dixit esse: ferres
 20 me si ego idem dicerem? Tu ne si dubitarem quidem. At
 quis est hic? Num sophistes (sic enim appellabantur ii qui
 ostentationis aut quaestus causa philosophabantur)?
 (73) Maxima fuit et gravitatis et ingenii gloria. Quid
 loquar de Democrito? Quem cum eo conferre possumus
 25 non modo ingenii magnitudine sed etiam animi, qui ita sit
 ausus ordiri, „Haec loquor de universis“ ³²⁹? Nihil excipit
 de quo non profiteatur: quid enim esse potest extra
 universa? Quis hunc philosophum non anteponit Cleanthi
 Chrysippo reliquis inferioris aetatis, qui mihi cum illo collati
 30 quintae classis videntur ³³⁰? Atque is non hoc dicit quod
 nos, qui veri esse aliquid non negamus, percipi posse
 negamus; ille verum plane negat esse ³³¹; sensusque idem
 non obscuros dicit sed tenebricosos — sic enim appellat
 eos. Is qui hunc maxime est admiratus, Chius
 35 Metrodorus ³³², initio libri qui est de natura, „Nego“ inquit
 “scire nos, sciamusne aliquid an nihil sciamus, ne id ipsum
 quidem, nescire aut scire, scire nos, nec (74) omnino sitne

щью того надежного признака, который помогает, как вы утверждаете, выразить согласие, — то ли то, чего он [Дионисий] придерживался долгие годы, следуя своему учителю Зенону, а именно: „только то, что нравственно (honestum), есть благо“, или же то, что он отстаивал впоследствии: „нравственное (honestum) — это пустой звук, а высшим благом является наслаждение“. И он [Антиох], ссылаясь на изменившееся мнение Дионисия и желая доказать, что истинное не может оставить в наших душах никакого отпечатка, отличного от того, который может оставить ложное, хотел, чтобы доказательство, заимствованное им у Дионисия, послужило бы и для других. Но поскольку об этом в другом месте говорится подробно, сейчас я ограничусь только тем, что имеет отношение к твоим словам.

XXIII. 72. Сначала рассмотрим, что представляет собой сказанное тобой вначале: ты сказал, что мы так же упоминаем о древних философах, как политические интриганы обычно стараются ссылаться на знаменитых, но известных своей симпатией к народу (populares) мужей. Совершая неблагоприятные дела, они хотят казаться похожими на порядочных людей; мы же говорим, что придерживаемся тех взглядов, которых, по вашим собственным словам, придерживались самые знаменитые философы. Анаксагор³²⁸ говорил, что снег черен. Ты бы согласился со мной, если бы я сказал то же самое? Ты бы [не согласился], даже если бы я всего лишь сомневался. Но кто же этот Анаксагор? Неужели софист? Ведь именно так называли тех, кто занимался философией из тщеславия или ради заработка. 73. Нет. Велика была его слава и мощь таланта. А что сказать о Демокрите? Кого могли бы мы сравнить с ним, не только по величию таланта, но и по величию духа? Ведь он дерзнул начать так: „Сие я говорю о вселенной“³²⁹. Он ничего не оставляет без внимания, ибо что может располагаться вне вселенной? Кто не поставит этого философа выше Клеанфа, Хрисиппа, других философов более позднего времени? Если их сравнить с ним, то они представляются мне принадлежащими к пятому классу³³⁰. Но он говорит не то же, что и мы, не отрицающее существования чего-то истинного, но не признающее возможности его постижения. Он же совершенно отрицает истину³³¹, чувства наши называет не смутными, а „полными мрака“ (tenebricosi), именно так он их называет. Хиосец Метродор³³², более всех восхищающийся им в начале книги о природе, говорит: „Я заявляю, что мы не знаем, знаем ли мы что-нибудь, или ничего не знаем, даже само это знаем

aliquid an nihil sit“. Furere tibi Empedocles ³³³ videtur, at mihi dignissimum rebus iis de quibus loquitur sonum fundere; num ergo is excaecat nos aut orbat sensibus si parum magnam vim censet in iis esse ad ea, quae sub eos
 5 subiecta sunt, iudicanda? Parmenides, Xenophanes ³³⁴, minus bonis quamquam versibus sed tamen illi versibus, increpant eorum adrogantiam quasi irati, qui cum sciri nihil possit audeant se scire dicere. Et ab eis aiebas removendum Socratem et Platonem. Cur? An de ullis
 10 certius possum dicere? Vixisse cum iis equidem video: ita multi sermones perscripti sunt ³³⁵ e quibus dubitari non possit quin Socrati nihil sit visum sciri posse; exceptit unum tantum, scire se nihil se scire, nihil amplius. Quid dicam de Platone ³³⁶? Qui certe tam multis libris haec
 15 persecutus non esset nisi probavisset: ironiam enim alterius, perpetuam praesertim, (75) nulla fuit ratio persequi.

xxiv. Videorne tibi non ut Saturninus nominare modo inlustres homines, sed etiam imitari numquam nisi
 20 clarum, nisi nobilem? Atqui habebam molestos vobis, sed minutos, Stilponem Diodorum Alexinum, quorum sunt contorta et aculeata quaedam sophismata (sic enim appellantur fallaces conclusiunculae); sed quid eos colligam, cum habeam Chrysippum ³³⁷, qui fulcire
 25 putatur porticum Stoicorum? Quam multa ille contra sensus, quam multa contra omnia quae in consuetudine probantur! «At dissolvit idem». Mihi quidem non videtur; sed dissolverit sane: certe tam multa non collegisset quae nos fallerent probabilitate magna, nisi
 30 videret (76) iis resisti non facile posse. Quid Cyrenaici tibi videntur, minime contempti philosophi? qui negant esse quicquam quod percipi possit extrinsecus: esse sola percipere quae tactu intumo sentiant, ut dolorem, ut voluptatem, neque se, quo quid colore aut quo sono sit,
 35 scire, sed tantum sentire adfici se quodam modo ³³⁸.

Satis multa de auctoribus ³³⁹. Quamquam ex me quaesieras nonne putarem post illos veteres tot saeculis

и не знаем, и вообще, существует ли что-нибудь или не существует ничего“. Тебе Эмпедокл³³³ представляется безумным, мне же — поющим песнь, достойнейшую тех вещей, о которых он говорит. Неужто же ослепляет нас и лишает чувств тот, кто считает, что в них заключена меньшая сила, чем необходимо, чтобы судить о том, что является их объектом. Парменид, Ксенофан³³⁴, не в столь прекрасных, но все же стихах, гневно осуждают наглость тех, кто, не имея возможности знать что-либо, осмеливаются говорить, что они знают. Ты говорил, что от них следует отделить Сократа и Платона, почему? Могу ли я сказать о ком-либо с большей уверенностью? Мне кажется, что я прожил с ними жизнь; сохранилось так много бесед³³⁵, не оставляющих сомнения, что Сократ считал, что ничего нельзя знать, лишь за единственным исключением: он знает, что ничего не знает, и ничего больше. А что сказать о Платоне?³³⁶ Он не стал бы писать об этом столько книг, если бы не соглашался с этой мыслью. Следовать же за иронией другого, тем более, что она была постоянной, не имело никакого смысла.

XXIV. 75. Не кажется ли тебе, что я не только, подобно Сатурнину, поименно перечисляю знаменитых мужей, но и стараюсь подражать только славным, только знаменитым? А ведь до меня были и такие неприемлемые для вас, хотя и ничтожные, философы, как Стилпон, Диодор, Алексин, которым принадлежат некие мудреные и хитроумные софизмы (ибо так называются их ложные и мелочные умозаключения (conclusiunculae)). Но к чему мне приводить их, если у меня есть Хрисипп³³⁷, признанный столп Портика стоиков! Сколько у него выпадов против чувственного восприятия, против всего, что одобряется в обыденной жизни!» — «Но ведь он же и опроверг их». — «А мне так не кажется; но пусть опроверг. И, конечно, он не стал бы собирать столько фактов, которые обманывают нас своим великим правдоподобием, если бы не понимал, что им нелегко противостоять. 76. Ну, а что киренаики? Это философы отнюдь не ничтожные. Они отрицают существование чего бы то ни было вне нас, что может быть познано; они говорят, что воспринимают только то, что ощущают неким внутренним осязанием — боль, удовольствие, — и заявляют, что они не знают, какого цвета предмет или какой это звук, а лишь ощущают определенное воздействие³³⁸.

Но об авторитетах сказано достаточно³³⁹. Впрочем, ты спрашивал меня, неужели я считаю, что невозможно было найти истину, если такое число древних ученых в течение стольких веков с огром-

- inveniri verum potuisse tot ingeniis tantis studiis
quaerentibus. Quid inventum sit paulo post videro,
te ipso quidem iudice. Arcesilan vero non obtrectandi
causa cum Zenone pugnavisse, sed verum (77) invenire
5 voluisse sic intellegitur. Nemo umquam superiorum non
modo expresserat sed ne dixerat quidem posse hominem
nihil opinari, nec solum posse sed ita necesse esse
sapienti; visa est Arcesilae cum vera sententia tum
honestae et dignae sapientiae. Quaesivit de Zenone fortasse
10 quid futurum esset si nec percipere quicquam posset
sapientis nec opinari sapientis esset. Ille, credo, nihil
opinaturum, quoniam esset, quod percipi posset. Quid
ergo id esset? Visum, credo. Quale igitur visum? Tum
illum ita definisse, ex eo quod esset, sicut esset,
15 impressum et signatum et effectum. Post requisitum,
etiamne si eiusdem modi esset visum verum quale vel
falsum. Hic Zenonem vidisse acute nullum esse visum
quod percipi posset, si id tale esset ab eo quod est ut
eiusdem modi ab eo quod non est posset esse. Recte
20 consensit Arcesilas ad definitionem additum³⁴⁰, neque
enim falsum percipi posse neque verum si esset tale
quale vel falsum; incubuit autem in eas disputationes
ut doceret nullum tale esse visum a vero ut non eiusdem
modi etiam a (78) falso³⁴¹ possit esse. Haec est una
25 contentio quae adhuc permanserit. Nam illud, nulli rei
adsensurum esse sapientem, nihil ad hanc controversiam
pertinebat; licebat enim nihil percipere et tamen opinari,
quod a Carneade dicitur probatum, equidem
Clitomacho plus quam Philoni aut Metrodoro³⁴² credens
30 hoc magis ab eo disputatum quam probatum puto. Sed
id omittamus. Illud certe opinione et perceptione
sublata sequitur, omnium adsensionum retentio, ut, si
ostendero nihil posse percipi, tu concedas numquam
adsensurum esse.

ными усилиями искали ее. Что было найдено, мы увидим немного позже, и ты сам будешь при этом судьей. 77. То, что Аркесилай выступал против Зенона не из желания умалить его заслуги, а потому что хотел найти истину, становится понятным из следующего. Ни один из его предшественников не только никогда ясно не заявлял, но и вскользь не упоминал, что человек может вообще ничего не *предполагать* (*nihil opinari*), и не только может, но для мудреца это необходимо. Взгляд Аркесилая представляется не только верным, но и благородным, и достойным мудреца. Быть может, он спросил у Зенона, что будет, если мудрец не сможет ничего *постигнуть*, а *предполагать* ему не пристало. Тот, полагая, ответил бы, что мудрец не будет ничего *предполагать*, потому что существует *постигаемое*. А что же это такое? Полагая, *представление*. Какое же это *представление*? На это тот дал бы следующее определение: „Представление, запечатленное, отпечатанное, образованное (*effictum*) из того, что существует и как существует“. Потом, отвечая на вопрос „И даже в том случае, если верное представление будет таким же точно, что и ложное?“, — Зенон со своей проницательностью понял бы, что не существует такого *представления*, которое могло бы быть постигнуто, если это *представление*, исходящее из того, что существует, может совпадать с исходящим из не существующего. Аркесилай справедливо согласился с этим, добавив к определению следующее³⁴⁰: „потому что не может быть постигнуто ни ложное, ни истинное, если оно таково, каким является ложное“. Он опирался на эти рассуждения, чтобы показать: нет *представления*, отражающего истинное, которое не могло бы совпадать с таким же, исходящим от ложного³⁴¹. 78. Этот спор продолжается до сих пор. А то положение, что мудрец никогда не выскажется ни о чем утвердительно, к этому спору не имело никакого отношения. Ибо можно ничего не *постигать* и все же *предполагать*, что, как говорят, принимал Карнеад. Впрочем, я, доверяя больше Клитомасу, чем Филону или Метродору³⁴², полагая, что он скорее просто обсуждал этот вопрос, а не выражал своего *согласия*. Но оставим это. Во всяком случае, если устранить *предположение* (*opinatio*) и *постижение*, за этим следует необходимость воздерживаться от всякого выражения *согласия*. Так что, если я докажу, что ничто не может быть постигнуто, ты признаешь, что никогда [ни с чем] не выразишь *согласия*.

- xxv. (79) Quid ergo est quod percipi possit, si ne sensus quidem vera nuntiant? Quos tu, Luculle, communi loco³⁴³ defendis; quod ne ita facere posses, idcirco heri non necessario loco contra sensus tam multa dixeram.
- 5 Tu autem te negas infracto remo neque columbae collo commoveri. Primum cur? Nam et in remo sentio non esse id quod videatur, et in columba pluris videri colores nec esse plus uno³⁴⁴. Deinde nihilne praeterea diximus? Maneant illa omnia, iacet ista causa. Veraces suos esse
- 10 sensus dicit. Igitur semper auctorem habes, et eum qui magno suo periculo causam agat! eo enim rem demittit Epicurus, si unus sensus semel in vita (80) mentitus sit, nulli umquam esse credendum³⁴⁵. Hoc est verum esse, confidere suis testibus et in pravitate insistere³⁴⁶! Itaque
- 15 Timagoras Epicureus³⁴⁷ negat sibi umquam, cum oculum torsisset, duas ex lucerna flammulas esse visas; opinionis enim esse mendacium, non oculorum³⁴⁸. Quasi quaeratur quid sit, non quid videatur³⁴⁹! Sit hic quidem maiorum similis; tu vero, qui visa sensibus alia
- 20 vera dicas esse, alia falsa, qui ea distinguis? Et desine, quaeso, communibus locis; domi nobis ista nascuntur! Si, inquis, deus te interroget sanis modo et integris sensibus num amplius quid desideres, quid respondeas? Utinam quidem roget! audiret quam nobiscum male
- 25 ageret! Ut enim vera videamus, quam longe videmus? Ego Catuli Cumanum ex hoc loco cerno et e regione video, Pompeianum non cerno, neque quicquam interiectum est quod obstat, sed intendi acies longius non potest. O praeclarum prospectum! Puteolos
- 30 videmus, at familiarem nostrum C. Avianium fortasse in porticu Neptuni ambulanti non (81) videmus; at ille nescio qui, qui in scholis³⁵⁰ nominari solet, mille et octingenta stadia quod abesset videbat³⁵¹: quaedam volucres longius. Responderem igitur
- 35 audacter isti vestro deo me plane his oculis non esse contentum. Dicet me acrius videre quam illos pisces fortasse qui neque videntur a nobis et nunc quidem sub oculis sunt neque ipsi nos suspicere possunt; ergo

XXV. 79. Так что же тогда постижимо, если даже чувства не сообщают нам истинного? Ты, Лукулл, защищаешь их, прибегая к общим местам³⁴³, и чтобы не дать тебе возможности делать это, я вчера, хоть и не в подходящий момент, привел множество аргументов против чувственных восприятий. Ты говоришь, что тебя не волнуют ни предомненное весло, ни шея голубки. Во-первых, почему? Ведь я понимаю, что весло не таково, каким представляется, и у голубки нам видится много цветов, а на самом деле их не более одного³⁴⁴. Во-вторых, разве мы ничего не сказали, кроме этого? Если все это остается в силе, то ваше дело проиграно. Он утверждает, что его чувства дают достоверные показания; таким образом, у тебя всегда есть поручитель, ведущий дело с величайшим риском для себя; ведь Эпикур решает дело так: „если какое-то чувство хоть один раз солжет, то в дальнейшем не должно доверять ни одному чувству“³⁴⁵. 80. Так вот оказывается, что правильно — полагаться на своих свидетелей и упорствовать в неправильном!³⁴⁶ Поэтому-то эпикуреец Тимагор³⁴⁷ и говорит, что, когда он прищурит глаз, ему никогда не видятся два огонька в лампе; ведь обман исходит не от глаз, а от *предположения*³⁴⁸. Как будто бы речь о том, что есть [на самом деле], а не о том, что *представляется*³⁴⁹. Ну, этот пусть подражает в этом своим предшественникам, а ты-то, утверждающий, что из того, что являют нам чувства, — одно истинно, а другое ложно, — как различаешь ты одно от другого? И прекрати, пожалуйста, прибегать к общим местам. Это и мы можем. Ты говоришь: „Если бы бог спросил тебя, чего ты желаешь еще, коль скоро все чувства твои здоровы и полноценны, что бы ты ответил ему?“ Если бы он спросил меня! Он бы услышал, как плохо он поступил с нами. Ведь чтобы видеть истинное, как далеко [должны] мы видеть! Я, например, отсюда отчетливо вижу Куманское поместье Катула, а Помпеянского не вижу, и дело не в том, что перед глазами моими какое-то препятствие, но просто зрение не может простирается так далеко. О, какое прекрасное зрелище! ПUTEОЛЫ мы видим, а приятеля нашего Гая Авиания, который, быть может, прогуливается сейчас в Портике Нептуна, не видим. 81. А между тем некто, кого обычно упоминают в школах³⁵⁰, видел предметы, отстоявшие от него на 1800 стадиев³⁵¹. Некоторые же птицы видят еще дальше. Поэтому я бы смело ответил этому вашему богу, что меня совершенно не удовлетворяют мои глаза. Он скажет, что мое зрение острее, чем, может быть, у тех рыб, которых ни мы не видим (а они у нас сейчас перед глазами), ни сами они не могут видеть

ut illis aqua, sic nobis aer crassus offunditur³⁵².

At amplius non desideramus! Quid? Talpam num desiderare lumen putas? Neque tam quererem cum deo, quod parum longe, quam quod falsum viderem.

- 5 Videsne navem illam? stare nobis videtur, at iis qui in navi sunt, moveri haec villa. Quaere rationem cur ita videatur; quam ut maxime inveneris, quod haud scio an non possis, non tu verum te testem habere, sed eum non sine causa falsum testimonium dicere
10 (82) ostenderis.

- xxvi. Quid ego de nave? Vidi enim a te remum contemni; maiora fortasse quaeris. Quid potest esse sole maius, quem mathematici amplius duodeviginti partibus confirmant maiorem esse quam terram? Quantulus
15 nobis videtur! mihi quidem quasi pedalis³⁵³. Epicurus autem posse putat etiam minorem esse eum quam videatur, sed non multo; ne maiorem quidem multo putat esse, vel tantum esse quantus videatur³⁵⁴, ut oculi aut nihil mentiantur aut non multum³⁵⁵. Ubi igitur illud
20 est „semel“? Sed ab hoc credulo, qui numquam sensus mentiri putat, discedamus, qui ne nunc quidem, cum ille sol, qui tanta incitatione fertur ut celeritas eius quanta sit ne cogitari quidem possit, tamen nobis (83) stare videatur³⁵⁶. Sed ut minuam controversiam,
25 videte quaeso quam in parvo lis sit. Quattuor sunt capita quae concludant nihil esse quod nosci percipi comprehendere possit, de quo haec tota quaestio est: e quibus primum est esse aliquod visum falsum, secundum non posse id percipi, tertium, inter quae visa
30 nihil intersit, fieri non posse ut eorum alia percipi possint, alia non possint, quartum nullum esse visum verum a sensu profectum, cui non adpositum sit visum aliud quod ab eo nihil intersit quodque percipi non possit. Horum quattuor capitum secundum et tertium omnes
35 concedunt; primum Epicurus non dat, vos quibuscum res est, id quoque conceditis; omnis (84) pugna de quarto est. Qui igitur P. Servilium Geminum

нас. Следовательно, как им мешает вода, так и нам плотный воздух³⁵². Но ведь большего мы и не желаем. Как, неужели ты полагаешь, что крот нуждается в свете? И я бы стал жаловаться богу не столько на то, что вижу недостаточно далеко, сколько на то, что вижу ложное. Видишь тот корабль? Нам кажется, что он стоит на месте, а тем, кто находится на корабле, кажется, что наша вилла движется. Задайся вопросом, почему так кажется? И как только ты найдешь основание этому (а я не вполне уверен, удастся ли тебе это сделать), ты скажешь, что у тебя ненадежный свидетель и что этот свидетель не без причины дает ложные свидетельства.

XXVI. 82. Зачем я говорю тебе о корабле? Ведь, как я же вижу, ты пренебрегаешь и веслом. Может быть, ты ищешь чего-нибудь позначительнее? Но что может быть больше солнца? Ученые утверждают, что оно более чем в 18 раз превышает размеры земли. А каким маленьким оно представляется нам! Мне оно представляется чуть ли не в фут³⁵³, Эпикур же считает, что оно может быть даже меньше, чем представляется, но ненамного; и ненамного больше, считает он, или точно такое, каким оно представляется³⁵⁴, так что зрение или вообще не обманывает, либо обманывает совсем немного³⁵⁵. Так где же это „хоть один раз“? Но оставим столь доверчивого человека, полагающего, что чувства никогда не лгут, даже в том случае, когда это солнце, мчащееся с такой скоростью, что невозможно и вообразить, представляется нам, однако, стоящим на месте³⁵⁶. 83. Но чтобы спор наш стал не таким ожесточенным, обратите внимание, пожалуйста, на то, о сколь малом идет наша тяжба. Есть четыре основных положения, на которых строится заключение, что ничто не может быть постигнуто, познано, понято, к чему и сводится весь этот вопрос. Первое из них гласит: некое представление может быть ложным. Второе: оно не может быть постигнуто. Третье: невозможно, чтобы из тех представлений, между которыми нет никакого различия, одни бы могли постигаться, а другие не могли. Четвертое: не существует такого истинного представления, возникающего из чувственного восприятия, рядом с которым не было бы такого же, совершенно не отличающегося от первого, но непостижимого. Из этих четырех положений второе и третье принимаются всеми, первое не принимает Эпикур, как и вы, с кем мы имеем дело. Все сражение развертывается вокруг четвертого. 84. Таким образом, тот, кто видел Публия Сервилия Гемина и полагал при этом, что он видит Квинта, сталки-

- videbat, si Quintum se videre putabat, incidebat in eius modi visum quod percipi non posset, quia nulla nota verum distinguebatur a falso; qua distinctione sublata quam haberet in C. Cotta qui bis cum Geminio consul
- 5 fuit, agnoscendo eius modi notam, quae falsa esse non posset? Negas tantam similitudinem in rerum natura esse. Pugnas omnino, sed cum adversario facili; ne sit sane: videri certe potest, fallit igitur sensum, et si una fefellerit similitudo, dubia omnia reddiderit; sublato
- 10 enim iudicio illo quo oportet agnosci, etiamsi ipse erit quem videris qui tibi videbitur, tamen non ea nota iudicabis, qua dicis oportere, ut non possit esse (85) eiusdem modi falsa. Quando igitur potest tibi P. Geminus Quintus videri, quid habes explorati cur
- 15 non possit tibi Cotta videri qui non sit, quoniam aliquid videtur esse quod non est? Omnia dicis sui generis esse, nihil esse idem quod sit aliud. Stoicum est istuc quidem nec admodum credibile, nullum esse pilum omnibus rebus talem qualis sit pilus alius, nullum granum³⁵⁷.
- 20 Haec refelli possunt, sed pugnare nolo; ad id enim, quod agitur, nihil interest omnibusne partibus visa res nihil differat, an internosci non possit, etiamsi differat. Sed si hominum similitudo tanta esse non potest, ne signorum quidem? Dic mihi, Lysippus eodem aere,
- 25 eadem temperatione, eodem caelo atque ceteris omnibus centum Alexandros³⁵⁸ eiusdem modi facere non posset? Qua igitur (86) notione discerneres? Quid si in eiusdem modi cera centum sigilla hoc anulo impressero, ecquae poterit in agnoscendo esse distinctio? an tibi erit
- 30 quaerendus anularius aliqui, quoniam gallinarium invenisti Deliacum illum qui ova cognosceret?

- xxvii. Sed adhibes artem advocatam etiam sensibus. Pictor videt quae nos non videmus, et simul inflavit tibicen, a perito carmen agnoscitur. Quid? hoc nonne videtur
- 35 contra te valere, si sine magnis artificiis, ad quae pauci

вался с таким представлением, которое не могло быть постигнуто, потому что не было никакого признака, который отличал бы истинное от ложного. Если не будет этого различия, то какой признак, который не может быть ложным, был бы у него, чтобы узнать Гая Котту, дважды бывшего консулом вместе с Геминим. Ты заявляешь, что подобного рода сходство не существует в природе, хоть ты и продолжаешь сражаться, но с легким противником. Хорошо, пусть не будет такого сходства, но представляется-то оно может? Значит, оно вводит в заблуждение чувство, и если подобное сходство обманет единожды, то тем самым оно сделает сомнительным и все остальное. Ведь если отсутствует критерий (*iudicium*), необходимый для узнавания, то даже если тот, кого ты увидишь, будет именно тем, кто тебе представляется, ты все равно не сможешь судить [об этом] с помощью того признака, который, как ты говоришь, нужен для тебя, то есть признака, который не может быть таким, каким может быть и ложный. 85. Если Публий Гемин может тебе показаться Квинтом, то почему не может показаться тебе Коттой тот, кто им не является, поскольку тебе представляется существующим нечто, чего нет? Ты утверждаешь, что все существует в *своем роде* (*sui generis*) и ни одна вещь не тождественна другой, что является иным. Это стоическое положение, к тому же не слишком убедительное, о том, что в природе нет ни одного во всех отношениях одинакового волоса, ни одного одинакового зернышка³⁵⁷. Это можно опровергнуть, но я не хочу воевать, ведь для того, о чем идет речь, не имеет никакого значения, во всех ли отношениях совершенно не отличается видимая вещь [от другой], или ее нельзя отличить, хотя бы она имела отличия. Но если невозможно такое сходство людей, то можно ли сказать это и о статуях? Скажи, пожалуйста, а что, Лисипп из той же самой бронзы, теми же самыми средствами, в тех же условиях не мог бы сделать сто одинаковых Александров? ³⁵⁸ С помощью чего ты бы различал их? 86. Ну, а если на одном и том же воске с помощью этого перстня я сделаю сто отпечатков? Что поможет различить их? Или тебе придется искать какого-нибудь резчика, как ты нашел твоего знаменитого делосского птицевода, который умел распознавать яйца?

XXVII. Но ты обращаешься к искусству, призывая его на помощь чувствам. Художник видит то, чего мы не видим, и стоит флейтисту издать первый звук, как опытное ухо распознает мелодию. А не кажется ли тебе, что против тебя говорит и то обстоятельство, что без помо-

- accedunt, nostri quidem generis admodum, nec videre nec audire possumus? Iam illa praeclara, quanto artificio esset sensus nostros mentemque et totam constructionem hominis (87) fabricata natura. Cur non extimescam
 5 opinandi temeritatem? Etiamne hoc adfirmare potes, Luculle, esse aliquam vim, cum prudentia et consilio scilicet, quae finxerit vel, ut tuo verbo utar, quae fabricata sit hominem? Qualis ista fabrica est? Ubi adhibita? Quando? Cur? Quo modo³⁵⁹? Tractantur ista
 10 ingeniose, disputantur etiam eleganter; denique videantur sane, ne adfirmantur modo. Sed de physicis mox (et quidem ob eam causam ne tu, qui id me facturum paulo ante dixeris, videre mentitus); sed ut ad ea, quae clariora sunt, veniam, res iam universas profundam, de quibus
 15 volumina impleta sunt, non a nostris solum sed etiam a Chrysippo, de quo queri solent Stoici, dum studiose omnia conquisierit contra sensus et perspicuitatem contraque omnem consuetudinem contraque rationem, ipsum sibi respondentem inferiorem fuisse, itaque ab eo
 20 armatum (88) esse Carneadem³⁶⁰. Ea sunt eius modi, quae a te diligentissime tractata sunt. Dormientium et vinulentorum et furiosorum visa imbecilliora esse dicebas quam vigilantium siccorum sanorum. Quo modo? Quia, cum expectatus esset Ennius, non diceret se vidisse
 25 Homerum sed visum esse, Alcmaeo autem

sed mihi ne utiquam cor consentit³⁶¹...

- Similia de vinulentis. Quasi quisquam neget et qui expectatus sit, eum somniasse se³⁶², et cuius furor consederit, putare non fuisse ea vera, quae essent sibi
 30 visa in furore! Sed non id agitur; tum cum videbantur quo modo viderentur, id quaeritur. Nisi vero Ennium non putamus ita totum illud audivisse

o pietas animi...,

- si modo id somniavit, ut si vigilans audiret; expectatus enim
 35 potuit illa visa putare, ut erant, somnia, dormienti vero aequae ac vigili probabantur. Quid? Iliona somno illo

щи большого искусства, доступного лишь немногим, а в особенности у нас, мы не можем ни видеть, ни слышать? А эти знаменитые рассуждения о том, с каким искусством природа смастерила наши чувства, ум и весь организм человека! 87. Так почему мне не бояться опрометчивости *предположения*? И ты, Лукулл, сможешь утверждать, что существует некая сила, разумеется наделенная благоразумием и осмотрительностью (*consilium*), которая создала или, чтобы воспользоваться твоим выражением, „смастерила“ человека? Что же это за мастерская, где, когда, почему, как она возникла? ³⁵⁹ Эти вопросы умно трактуются и обсуждаются даже утонченно, в конце концов, пусть они такими и представляются, лишь бы не утверждались наверняка. Но о естествоиспытателях я скажу потом (и прежде всего затем, чтобы ты не оказался лжецом, поскольку незадолго до этого ты обещал, что я это сделаю). Но чтобы перейти к вещам более ясным, я изложу сначала общие положения, о которых написаны целые книги, и не только нашей школой, но и Хрисиппом, о котором стоики обычно с огорчением говорят, что он, тщательно собрав все аргументы против чувственных восприятий и против *очевидности*, против всякого повседневного опыта и против разума, в своих собственных возражениях оказался слабее и тем самым вооружил Карнеада ³⁶⁰. А это те самые доводы, 88. что самым тщательным образом изложены тобою: ты говорил, что видения, возникающие у спящих, пьяных и безумных, слабее, чем представления бодрствующих, трезвых, находящихся в здравом уме. Но каким же образом? Ведь Энний, очнувшись ото сна, не говорит, что он видел Гомера, но что ему представилось, что он видит его, Алкмеон же:

Но мое сердце никак не согласно... ³⁶¹

То же самое говорится о пьяных, как будто бы кто-нибудь, проснувшись, отрицает, что во сне грезил ³⁶², а тот, чей душевный припадок прошел, не считает, что образы, возникшие у него в припадке безумия, были ложными. Но речь-то идет не об этом; мы хотим знать, как представлялось это, когда представлялось. Если только мы не считаем, что Энний все это так и слышал:

О, благочестие души..., —

если только он видел это во сне так, как слышал бы бодрствующим. Проснувшись же, он мог считать эти образы сновидениями, как это и было на самом деле, спящему же ему это представлялось подлин-

mater, te appello

nonne ita credidit filium locutum ut experrecta etiam
crederet? Unde enim illa

age adsta, mane, audi; iteradum eadem istaec
5 mihi ³⁶³?

num videtur minorem habere visis quam vigilantes
fidem?

xxviii. (89) Quid loquar de insanis? Qualis tandem fuit
adfinis tuus, Catule, Tuditanus? Quisquam sanissimus
10 tam certa putat, quae videt, quam is putabat quae
videbantur ³⁶⁴? Quid ille qui:

video, video te. Vive,
Ulixes, dum licet ³⁶⁵,

nonne etiam bis exclamavit se videre cum omnino
15 non videret? Quid? Apud Euripidem Hercules cum,
ut Eurysthei filios, ita suos configebat sagittis, cum
uxorem interemebat, cum conabatur etiam patrem,
non perinde movebatur falsis ut veris moveretur ³⁶⁶?
Quid? Ipse Alcmaeo tuus, qui negat „cor ³⁶⁷ sibi
20 cum oculis consentire“, nonne ibidem incitato
furore

unde haec flamma oritur?

et illa deinceps

incedunt, incedunt, adsunt, me expetunt.

25 Quid cum virginis fidem implorat?

fer mi auxilium, pestem abige a me, flammiferam hanc
vim quae me excruciat!
caeruleo incinctae angui incedunt, circumstant cum
ardentibus taedis.

30 Num dubitas quin sibi haec videre videatur? Itemque
cetera:

ным, как если бы он бодрствовал. Ну, а разве не верит Илиона тому, что говорит ее сын в том сне:

Мать, тебя зову я..., —

как верила бы она, очнувшись ото сна? Ведь она говорит:

Постой, послушай; повтори мне это еще раз!..³⁶³ —

и неужели нам кажется, что она меньше доверяет своим видениям, чем бодрствующая — своим?

XXVIII. 89. А что сказать о безумцах? Каков, в конце концов, был твой, Катул, родич Тутидан? Разве кто-нибудь в здравом уме считает в такой же мере достоверным то, что видит, как считал тот, кому это лишь представлялось?³⁶⁴ Ну, а тот, который говорит:

Вижу, вижу тебя,

Живи, Улисс, пока можно...³⁶⁵ —

разве не восклицает дважды, что он „видит“ нечто, хотя он вообще ничего не видел? Ну, а у Еврипида Геркулес, поражая стрелами детей Еврисфея и своих собственных, когда пытается убить жену и даже отца, разве не действует под влиянием ложных видений, совершенно так же, как действовал бы под влиянием истинных представлений?³⁶⁶ Ну, а сам этот твой Алкмеон, который утверждает, что „Сердце³⁶⁷ его не согласно со взором“. Разве не говорит он там же, когда впадает в безумие:

Откуда является это пламя? —

и потом:

Идут, идут, вот они ждут меня.

А когда он просит защиты у девы:

Помоги мне, отгони от меня напасть, эту огненную силу,
которая терзает меня!

Сюда приближаются те, чьи головы увиты черными змеями,
они окружают меня, их факелы пылают.

Неужели же ты сомневаешься, что ему кажется, будто он все это видит? И равным образом другое:

intendit crinitus Apollo
 arcum auratum laeva innixus,
 Diana facem iacit a laeva.

- (90) Qui magis haec crederet si essent quam
 5 credebat quia videbantur! Apparebat enim iam „cor
 cum oculis consentire“. Omnia autem haec proferuntur,
 ut illud efficiatur, quo certius nihil potest esse, inter visa
 vera et falsa ad animi adsensum nihil interesse. Vos
 autem nihil agitis, cum illa falsa vel furiosorum vel
 10 somniantium recordatione ipsorum refellitis; non enim
 id quaeritur, qualis recordatio fieri soleat eorum, qui
 experrecti sint, aut eorum, qui furere destiterint,
 sed qualis visio fuerit aut furentium aut somniantium
 tum, cum movebantur. Sed abeo a sensibus.
- 15 (91) Quid est quod ratione percipi possit?
 Dialecticam inventam esse dicitis veri et falsi quasi
 disceptatricem³⁶⁸ et iudicem. Cuius veri et falsi, et
 in qua re? In geometriane quid sit verum aut falsum
 dialecticus iudicabit, an in litteris, an in musicis? At ea
 20 non novit³⁶⁹. In philosophia igitur? Sol quantus sit quid
 ad illum? Quod sit summum bonum quid habet ut queat
 iudicare? Quid igitur iudicabit? Quae coniunctio³⁷⁰,
 quae diiunctio³⁷¹ vera sit, quid ambigue dictum sit, quid
 sequatur quamque rem, quid repugnet? Si haec et
 25 horum similia iudicat, de se ipsa iudicat; plus autem
 pollicebatur. Nam haec quidem iudicare ad ceteras res,
 quae sunt in philosophia multae atque (92) magnae
 non est satis. Sed quoniam tantum in ea arte ponitis,
 videte ne contra vos tota nata sit, quae primo progressu
 30 festive tradit elementa loquendi et ambiguum
 intelligentiam concludendique rationem, tum paucis
 additis venit ad soritas, lubricum sane et periculosum
 locum, quod tu modo dicebas esse vitiosum
 interrogandi³⁷² genus.

Длиннокудрый Аполлон натягивает
золотой лук, напрягая левую руку,
Диана с луны бросает факел [*текст сомнителен*].

90. Насколько бы он больше верил в это, если бы это существовало в действительности, чем он верил, потому что это *казалось* ему существующим? Ведь ясно, что „сердце согласно со взором“. Все это приводится для того, чтобы сделать совершенно бесспорным положение о том, что между истинными и ложными представлениями, с точки зрения принятия их человеческим умом, нет никакой разницы. Вы же ничего не достигаете, отвергая эти ложные видения, возникающие у безумных или спящих людей, ссылаясь на их *припоминания*. Ведь важно выяснить не то, как обычно вспоминают об этом очнувшиеся ото сна или от припадка безумия, но то, что *представлялось* безумным или спящим в тот момент, когда они находились в этом состоянии. Но я достаточно сказал о чувственных восприятиях.

91. Ну, а что же может быть *постигнуто* путем размышления (*ratio*)? Вы утверждаете, что диалектика была создана для того, чтобы отличать истинное от ложного³⁶⁸ и судить об этом. Но какого истинного и ложного? В чем? Может быть, диалектик станет судить о том, что является истинным или ложным в геометрии, или литературе, или в музыке? Но он же их не знает³⁶⁹. Значит, в философии? Что ему до того, сколь велико солнце? Что он имеет для того, чтобы судить, что такое высшее благо? О чем же он станет судить? Если диалектика судит о том, какие конъюнкции³⁷⁰ и дизъюнкции³⁷¹ верны, а какие нет, что сказано двусмысленно, что является следствием чего-либо, а что этому противоречит, и о тому подобных вещах, она судит о самой себе. Но она обещала большее. Ибо судить лишь о вещах подобного рода еще недостаточно для суждения об остальных предметах, а их в философии немало, и они весьма важны. 92. Но поскольку вы придаете такое большое значение этому искусству, смотрите, как бы оно не оказалось целиком направленным именно против вас. На первых порах диалектика увлекательно излагает элементы искусства речи, умение разбираться в противоречивых положениях, порядке умозаключений, а потом, мало-помалу (*minutatim*), приходит к соритам, пункту скользкому и опасному, который ты только что назвал порочным родом умозаключений³⁷².

- XXIX. Quid ergo? Istius vitii num nostra culpa est? Rerum natura nullam nobis dedit cognitionem finium, ut ulla in re statuere possimus quatenus; nec hoc in acervo tritici solum unde nomen est, sed nulla omnino in re minutatim
- 5 interrogati, dives pauper, clarus obscurus sit, multa pauca, magna parva, longa brevia, lata angusta, quanto aut addito aut dempto (93) certum respondeamus non habemus. At vitiosi sunt soritae. Frangite igitur eos, si potestis, ne molesti sint; erunt enim, nisi cavetis.
- 10 Cautum est, inquit; placet enim Chrysippo, cum gradatim interrogetur, verbi causa, tria pauca sint anne multa, aliquanto prius quam ad multa perveniat, quiescere, id est quod ab iis dicitur ἡσυχάζειν ³⁷³. „Per me vel stertas licet“, inquit Carneades, „non modo
- 15 quiescas“ ³⁷⁴; sed quid proficit? sequitur enim qui te ex somno excitet et eodem modo interroget: „Quo in numero conticuisti, si ad eum numerum unum addidero, multane erunt?“ Progrediare rursus quoad videbitur. Quid plura? Hoc enim fateris, neque ultimum te
- 20 paucorum neque primum multorum respondere posse; cuius generis error ita manat, ut non videam quo non possit accedere». (94) «Nihil me laedit», inquit, «ego enim, ut agitator callidus, prius quam ad finem veniam, equos sustinebo ³⁷⁵, eoque magis, si locus is, quo ferentur
- 25 equi, praeceptus erit: sic me», inquit, «ante sustineo, nec diutius captiose interroganti respondeo. Si habes quod liqueat neque respondes, superbe; si non habes, ne tu quidem percipis. Si quia obscura, concedo, sed negas te usque ad obscura progredi. Inlustribus igitur rebus
- 30 insistis. Si id tantum modo, ut taceas, nihil adsequeris. Quid enim ad illum, qui te captare vult, utrum tacentem inretiat te an loquentem? Sin autem usque ad novem verbi gratia sine dubitatione respondes pauca esse, in decumo insistis, etiam a certis et inlustrioribus cohibes
- 35 adsensum; hoc idem me in obscuris facere non sinis. Nihil igitur te contra soritas ars ista adiuvat, quae nec augendi nec minuendi quid aut primum sit aut postremum docet. (95) Quid quod eadem illa ars quasi

XXIX. Разве мы виноваты в этом пороке? Природа не дала нам никакого познания пределов, чтобы мы могли в любом случае решить, „до какого предела“; и это не только по отношению к куче зерна, откуда и возникло само это название, но и вообще ни в чем мы не можем дать определенного ответа, когда нас мало-помалу спрашивают, сколько нужно прибавить или отнять, чтобы можно было сказать: „богатый“ — „бедный“, „ясный“ — „темный“, „много“ — „мало“, „большой“ — „малый“, „длинный“ — „короткий“, „широкий“ — „узкий“. Но ведь сориты порочны. 93. Так сокрушите же их, если можете, дабы они не мешали нам; ибо они будут мешать, если не уберечься от них». «Уже все предусмотрено, — отвечает он, — ведь Хрисипп, когда его шаг за шагом (*gradatim*) спрашивали, например: „Три — это много или мало?“, — считал необходимым перед тем, как приступить к „множеству“, „передохнуть“ (*quiescere*), — то, что у них называется: ἡσυχάζειν³⁷³. „А по мне, — говорит Карнеад, — хоть спи, а не то что отдыхай!“³⁷⁴ Но что это дает? Ведь вслед за этим появляется тот, кто будит тебя и точно так же спрашивает: „Если я прибавлю единицу к тому числу, на котором ты остановился, это будет много?“ Продвигайся дальше сколько тебе будет угодно. Ну и что? И ты признаешь только одно: что ты не можешь назвать ни последнее из малого, ни первое из многого. Такого рода заблуждение столь широко распространено, что я не знаю, существует ли что-либо, чего бы оно не касалось». 94. «Это мне совсем не страшно, — говорит он, — ибо я, как опытный возница, прежде чем прибыть к финишу, попридержу коней³⁷⁵, тем более если место, к которому они мчатся, обрывисто. Так, — продолжает он, — и я сдержу себя и не стану отвечать на дальнейшие каверзные вопросы. Если у тебя есть ясный ответ, а ты не даешь его, это — высокомерно, если же у тебя нет его, тогда и ты не знаешь, как быть. Если это потому, что предмет темен, я согласен, но ты говоришь, что не доходишь до темных вещей, следовательно, останавливаешься на ясных. Если это только затем, чтобы молчать, ты ничего этим не достигнешь. Какое имеет значение для того, кто хочет тебя „поймать“, будешь ли ты при этом молчать или говорить? Если же ты, например, будешь отвечать без колебания, вплоть до девяти, что это мало, а на десяти остановишься, то это значит, что ты воздерживаешься от подтверждения, даже определенного и достаточно ясного; мне же ты не разрешаешь сделать то же самое по отношению к вещам темным. Значит, это твое искусство ничем не помогает против соритов, ибо не может назвать ни первого, ни последнего в процессе увеличения или уменьшения. 95. Но что, если то же са-

Penelope telam retexens tollit ad extremum superiora?
 Utrum ea vestra an nostra culpa est? Nempe
 fundamentum dialecticae est, quidquid enuntietur (id
 autem appellant ἄξιωμα, quod est quasi effatum) aut
 5 verum esse aut falsum; Quid igitur? Haec vera an falsa
 sunt: „Si te mentiri dicis idque verum dicis,
 mentiris“ ³⁷⁶? Haec scilicet inexplicabilia esse dicitis,
 quod est odiosius quam illa, quae nos non comprehensa
 et non percepta dicimus.

- xxx. 10 Sed hoc omitto, illud quaero: si ista explicari non possunt,
 nec eorum ullum iudicium invenitur, ut respondere possitis
 verane an falsa sint, ubi est illa definitio, effatum esse id
 quod aut verum aut falsum sit? Rebus sumptis adiungam
 ex iis sequendas esse alias,
 15 alias improbandas, quae sint in (96) genere contrario.
 Quo modo igitur hoc conclusum esse iudicas: „Si dicis
 nunc lucere et verum dicis, lucet; dicis autem nunc
 lucere et verum dicis; lucet igitur“? Probatis certe
 genus et rectissime conclusum dicitis, itaque in docendo
 20 eum primum concludendi modum ³⁷⁷ traditis. Aut
 quidquid igitur eodem modo concluditur, probabitis,
 aut ars ista nulla est. Vide ergo hanc conclusionem
 probaturusne sis: „Si dicis te mentiri verumque dicis,
 mentiris; dicis autem te mentiri verumque dicis; mentiris
 25 igitur“; Qui potes hanc non probare cum probaveris
 eiusdem generis superiorem? Haec Chrysippea sunt, ne
 ab ipso quidem dissoluta. Quid enim faceret huic
 conclusioni: „Si lucet, lucet; lucet autem; lucet igitur“?
 Cederet scilicet, ipsa enim ratio conexi, cum concesseris
 30 superius, cogit inferius ³⁷⁸ concedere. Quid ergo haec
 ab illa conclusione differt: „Si mentiris, mentiris;
 mentiris autem; mentiris igitur“? Hoc negas te posse
 nec adprobare nec improbare; qui igitur magis illud? Si
 ars, si ratio, si via, si vis denique conclusionis (97) valet,
 35 eadem est in utroque. Sed hoc extremum eorum est:
 postulant ut excipiantur haec inexplicabilia. Tribunal
 aliquem censeo videant: a me istam exceptionem ³⁷⁹

мое искусство, подобно Пенелопе, распускающей ткань, уничтожает все предыдущее до основания? Это ваша или наша вина? Действительно, основанием диалектики является то, что высказываемое (они называют это $\alpha\lambda\iota\omega\mu\alpha$, что можно перевести как „высказывание“) или истинно, или ложно. Ну, а такое высказывание истинно или ложно: „Если ты говоришь, что лжешь, и говоришь, что это правда, ты лжешь или говоришь правду?“³⁷⁶ Значит, это вы называете неизъяснимым? Что намного хуже, чем то, что мы называем *непостижимым* и *непознанным*.

XXX. Но оставим это. Я вот о чем спрашиваю: если это неразрешимо и нельзя найти критерия, позволяющего ответить, истинно это или ложно, то где же тогда знаменитое определение, что высказывание является либо истинным, либо ложным? Я добавлю к этому только, что из вещей, противоположных друг другу, одни приемлемы, другие отвергаемы. 96. Как, по-твоему, делается заключение такого рода: „Если ты говоришь, что сейчас светло, и говоришь правду, то [сейчас] светло; но ты говоришь, что сейчас светло, и говоришь правду, следовательно, сейчас светло?“ Вы принимаете такого рода заключение и называете его совершенно правильным, и поэтому, обучая диалектике, вы первым приводите этот способ умозаключения³⁷⁷, следовательно, или вы должны принимать все, что умозаключается подобным образом, или ваше искусство ничего не стоит. Посмотри на такое умозаключение и скажи, согласишься ли ты с ним: „Если ты говоришь, что ты лжешь, и говоришь правду, ты лжешь; но ты говоришь, что ты лжешь, и говоришь правду, следовательно, ты лжешь?“ Как можешь ты не согласиться с ним, если ты принял такого рода предыдущее умозаключение? Это делалось еще Хрисиппом, но и он не разрешил это „затруднение“. Действительно, что бы он сделал со следующим умозаключением: „Если светло, то светло, но светло [сейчас], следовательно, светло?“ Естественно, он согласился бы, ибо сам порядок связи заставляет признать последующее, если принято предыдущее³⁷⁸. Чем же оно отличается от следующего умозаключения: „Если ты лжешь, то ты лжешь, но ты лжешь, следовательно, ты лжешь?“ Ты говоришь, что не можешь ни принять, ни отвергнуть этого заключения, а каким же образом одно положение оказывается сильнее другого? Если навыки (*ars*), если логика (*ratio*), если метод (*via*), если, наконец, доказательность умозаключения имеют силу (*valere*), то они одинаковы в обоих случаях. 97. Но вот их, [стойков], последнее требование —

numquam impetrabunt. Etenim cum ab Epicuro, qui totam dialecticam et contemnit et inridet, non impetrent, ut verum esse concedat quod ita effabimur, „Aut vivet cras Hermarchus³⁸⁰ aut non vivet“, cum dialectici sic
 5 statuunt, omne quod ita diiunctum sit quasi „aut etiam aut non“ non modo verum esse, sed etiam necessarium, vide quam sit cautus is, quem isti tardum putant; „Si enim“, inquit, „alterutrum concessero necessarium esse, necesse erit cras Hermarchum aut vivere aut non vivere;
 10 nulla autem est in natura rerum talis necessitas“³⁸¹. Cum hoc igitur dialectici pugnent, id est Antiochus et Stoici; totam enim evertit dialecticam. Nam si e contrariis disiunctio — contraria autem ea dico, cum alterum aiat, alterum neget — si talis diiunctio falsa
 15 potest esse, nulla vera est; (98) mecum vero quid habent litium, qui ipsorum disciplinam sequor? Cum aliquid huius modi inciderat, sic ludere Carneades solebat: „Si recte conclusi, teneo; sin vitiose, minam Diogenes³⁸² mihi reddet“ (ab eo enim Stoico
 20 dialecticam didicerat, haec autem merces erat dialecticorum). Sequor igitur eas vias, quas didici ab Antiocho, nec reperio quo modo iudicem „Si lucet, lucet“ verum esse ob eam causam, quod ita didici, omne, quod ipsum ex se conexum sit, verum esse, non iudicem
 25 „Si mentiris, mentiris“ eodem modo esse conexum. Aut igitur et hoc et illud, aut, nisi hoc, ne illud quidem iudicabo.

XXXI. Sed ut omnes istos aculeos et totum tortuosum genus disputandi relinquamus, ostendamusque qui simus, iam
 30 explicata tota Carneadis sententia Antiochi ista congruent universa. Nec vero quicquam ita dicam, ut quisquam id fingi suspicetur: a Clitomacho sumam, qui usque ad senectutem cum Carneade fuit, homo et acutus, ut Poenus³⁸³, et valde studiosus ac diligens. Et quattuor
 35 eius libri sunt „de sustinendis adsensionibus“³⁸⁴, haec autem quae iam (99) dicam sunt sumpta de primo.

исключить это *необъяснимое*. Я считаю, что им лучше обратиться к какому-нибудь трибуну, от меня же они никогда не дождутся никакого исключения³⁷⁹. Ведь когда они не могут добиться от Эпикура, презиравшего всю диалектику и смеющегося над ней, признания истинным следующего высказывания: „Гермарх³⁸⁰ завтра будет жив или не будет жив“, — в то время как диалектики считают, что всякая дизъюнкция такого рода — или да, или нет — не только истинна, но и необходима; обрати внимание, сколь ловок тот, кого они считают неповоротливым! „Ведь если, — говорит он, — я допущу, что одно из этих высказываний необходимо, Гермарх или будет, или не будет жить завтра. Но в природе нет никакой подобного рода необходимости“³⁸¹. И пусть с ним сражаются диалектики, то есть Антиох и стоики, ибо он опрокидывает всю диалектику, ведь если дизъюнкция, состоящая из противоположных высказываний (а противоположными я называю те высказывания, из которых одно утверждает, а другое то же самое отрицает), может быть ложной, ни одно из них не истинно. Со мной-то зачем они затевают тяжбу, если я следую их учению? 98. Когда случалось что-нибудь в этом роде, Карнеад обычно шутил: „Если я сделал правильное заключение, я придерживаюсь его, если же умозаключение мое неверно, пусть Диоген³⁸² отдаст мне мину“. Он учился диалектике у этого стоика, а мина — цена за учение у диалектика. Так вот я следую тем же методам, которым я научился у Антиоха, и не понимаю, каким образом смогу судить, что утверждение „Если светло, то светло“ является истинным (потому что меня учили, что всякое заключение, выводимое из самого себя, является истинным), и не могу судить о высказывании „Если ты лжешь, то ты лжешь“, что оно такое же. Либо я буду судить и о том и другом высказывании, либо ни о том, ни о другом.

XXXI. Но если мы расстанемся со всеми этими тонкостями и со всем этим извращенным методом спора и покажем, что мы собой представляем, и когда станет полностью понятной вся мысль Карнеада, то все учение вашего Антиоха рухнет. Я не скажу ничего такого, чтобы кто-нибудь заподозрил, будто я измыслил это; я возьму все у Клитомаха, который до самой старости оставался с Карнеадом и был человеком тонкого ума, как всякий пуниец³⁸³, весьма трудолюбивым и добросовестным. Существует четыре его книги о [необходимости] воздерживаться от суждения³⁸⁴ (*adsensio*); то, что я буду говорить, взято из пер-

- Duo placet esse Carneadi genera visorum, in uno hanc
divisionem: alia visa esse quae percipi possint, alia quae
percipi non possint; in altero autem: alia visa esse
probabilia, alia non probabilia; itaque quae contra
5 sensus contraque perspicuitatem dicantur, ea pertinere
ad superiorem divisionem; contra posteriorem nihil dici
oportere; quare ita placere, tale visum nullum esse ut
perceptio consequeretur, ut autem probatio³⁸⁵, multa.
Etenim contra naturam est probabile nihil esse, et
10 sequitur omnis vitae ea quam tu, Luculle,
commemorabas, eversio; itaque et sensibus probanda
multa sunt, teneatur modo illud, non inesse in iis
quicquam tale, quale non etiam falsum nihil ab eo
differens esse possit. Sic, quidquid acciderit specie
15 probabile, si nihil se offeret quod sit probabilitati illi
contrarium, utetur eo sapiens, ac sic omnis ratio vitae
gubernabitur. Etenim is quoque, qui a vobis sapiens
inducitur, multa sequitur probabilia, non comprehensa
neque percepta neque adsensa sed similia veri³⁸⁶; quae
20 nisi probet, omnis vita tollatur. (100) Quid enim?
Conscendens navem sapiens num comprehensum animo
habet atque perceptum, se ex sententia navigaturum?
Qui potest? Sed si iam ex hoc loco proficiscatur
Puteolos stadia triginta probo navigio, bono gubernatore,
25 hac tranquillitate, probabile ei videatur se illuc venturum
esse salvum. Huius modi igitur visis consilia capiet et
agendi et non agendi, faciliorque erit ut albam esse nivem
probet, quam erat Anaxagoras (qui id non modo ita esse
negabat sed sibi, quia sciret aquam nigram esse, unde illa
30 concreta esset, albam ipsam esse ne videri (101) quidem);
et quaecumque res eum sic attinget, ut sit visum illud
probabile neque ulla re impeditum, movebitur. Non enim
est e saxo sculptus aut e robore dolatus³⁸⁷; habet corpus,
habet animum, movetur mente, movetur sensibus, ut esse
35 ei vera multa videantur, neque tamen habere insignem
illam et propriam percipiendi notam, eoque sapientem non
adsentiri, quia possit eiusdem modi existere falsum
aliquod, cuius modi hoc verum. Neque nos contra sensus

вой книги. 99. Карнеад признает два рода *представлений*, для одного он устанавливает следующее деление: одни *представления* могут быть *постигнуты*, другие *постигнуты* быть не могут. В втором же роде *представления* делятся на *вероятные* и те, которые таковыми не являются. Те *представления*, о которых утверждается, что они противоречат чувственному восприятию и очевидности, относятся к первому роду; против второго рода деления возразить нечего, потому что, по его убеждению, нет такого *представления*, за которым бы следовало *постижение*, но много таких, которые ведут за собой *одобрение*³⁸⁵ (*probatio*). Ведь то, что не существует ничего *вероятного* (*probabile*), противоречит природе, и из этого следует то самое низвержение всей жизни, о котором ты, Лукулл, и говорил. Поэтому во многом должно доверять чувствам, но нужно только помнить, что в чувствах не содержится ничего такого, что не могло бы содержать и ложное, ничем от истинного не отличающееся. Так что, если случится что-то *вероятное* по виду, если не появится ничего, что противоречило бы этой вероятности, мудрец станет пользоваться этим и руководствоваться в организации всей жизни. Ведь изображаемый вами мудрец, которого вы вводите, следует многому такому, что является *вероятным*, но не *постигнутым* и не *понятым* и не *подтвержденным одобрением*, но лишь *правдоподобным*³⁸⁶; и если не принять этого, то исчезает вся жизнь.

100. Ну, например, неужели мудрец, сядя на корабль, понимает своим умом и твердо знает, что он будет плыть так, как ему хотелось бы? Как это возможно? Но если бы он из этого места отправился в Путео-лы, находящиеся отсюда в трехстах стадиях, на надежном корабле, с хорошим кормчим, при таком же, как сейчас, штиле, то *представляется вероятным*, что он благополучно прибудет туда. На основании такого рода *представлений* он будет принимать решения делать что-то или не делать чего-то. И ему будет легче признать, что снег белый, чем Анаксагору (который не только отрицал, что он таков, но и говорил, что он не кажется ему белым, потому что он знает, что вода, из которой получается снег, черная), и какая бы вещь ни коснулась его восприятия, так что это *представление* (при условии, что ему ничто не помешает) будет *вероятным*, — он будет испытывать ее воздействие.

101. Ведь он не вырезан из камня, не выдолблен из дерева³⁸⁷, у него есть тела, есть душа, у него живой ум и восприимчивые чувства, так что многое ему представляется истинным, однако он не обладает отчетливым и собственным признаком *постижения*, а потому мудрец не воздержи-

aliter dicimus ac Stoici, qui multa falsa esse dicunt,
longeque aliter se habere ac sensibus videantur.

xxxii. Hoc autem si ita sit, ut unum modo sensibus falsum
videatur, praesto est qui neget rem ullam percipi posse
5 sensibus. Ita nobis tacentibus ex uno Epicuri capite,
altero vestro, perceptio et comprehensio tollitur. Quod
est caput Epicuri? „Si ullum sensus visum falsum est,
nihil percipi potest“. Quod vestrum? „Sunt falsa sensus
visa“. Quid sequitur? Ut taceam, conclusio ipsa loquitur
10 nihil posse percipi. „Non concedo“, inquit, „Epicuro“.
Certa igitur cum illo, qui a te totus diversus est, noli
mecum, qui hoc quidem certe, falsi esse aliquid in
(102) sensibus, tibi adsentior. Quamquam nihil mihi
tam mirum videtur, quam ista dici, ab Antiocho quidem
15 maxime, cui erant ea, quae paulo ante dixi, notissima.
Licet enim hoc quivis arbitrato suo reprehendat, quod
negemus rem ullam percipi posse, certe levior
reprehensio est; quod tamen dicimus esse quaedam
probabilia, non videtur hoc satis esse vobis. Ne sit; illa
20 certe debemus effugere, quae a te vel maxime agitata
sunt: „Nihil igitur cernis? Nihil audis? Nihil tibi est
perspicuum?“ Explicavi paulo ante Clitomacho auctore,
quo modo ista Carneades diceret; accipe quem ad
modum eadem dicantur a Clitomacho in eo libro,
25 quem ad C. Lucilium ³⁸⁸ scripsit poetam, cum scripsisset
iisdem de rebus ad L. Censorinum, eum qui consul cum
M. Manilio ³⁸⁹ fuit. Scripsit igitur his fere verbis — sunt
enim mihi nota, propterea quod earum ipsarum rerum,
de quibus agimus, prima institutio et quasi disciplina illo
30 libro continetur — sed (103) scriptum est ita:
Academicis placere esse rerum eius modi dissimilitudines
ut aliae probabiles videantur, aliae contra; id autem
non esse satis cur alia posse percipi dicas, alia non posse,
propterea quod multa falsa probabilia sint, nihil autem
35 falsi perceptum et cognitum possit esse. Itaque ait

вается от *согласия*, ибо может существовать нечто ложное того же рода, что и истинное. Возражения наши против чувств не отличаются от того, что говорят стоики, которые утверждают, что многое является ложным и далеко не таким, каким представляется чувствам.

XXXII. А если бы что-то одно представилось чувствам ложным, тотчас же появляется некто и заявляет, что чувства не способны воспринимать что-либо. Таким образом, с нашего молчаливого согласия на основании одного положения Эпикура, да и еще одного вашего, устраняется вообще всякое *постижение* и *понимание*. Каково же это положение Эпикура? „Если какое-то чувственное представление ложно, ничто не может быть постигнуто“. А ваше? „Существуют ложные чувственные представления“. Что же из этого следует? Я промолчу, пусть само умозаключение заявляет: ничто не может быть *постигнуто*. „Но я с Эпикуром не согласен“. Так и спорь с тем, кто придерживается совершенно противоположных с тобой взглядов, зачем воевать со мной, ибо я согласен с тобой, во всяком случае в том, что чувства могут давать и ложные показания. 102. Впрочем, ничто не представляется мне столь удивительным, как то, что это говорится именно Антиохом, которому было прекрасно известно то, о чем я говорил несколько выше. Ведь всякий может, если захочет, критиковать нас за то, что мы отрицаем возможность постижения чего-либо, но эта критика не слишком основательна, потому что мы признаем, что что-то является *возможным*. Вам это не кажется недостаточным. Пусть так. Но во всяком случае мы должны избегать того, что ты особенно настойчиво повторяешь: „Значит, ты ничего не видишь, ничего не слышишь, ничто для тебя не очевидно?“ Я несколько раньше разъяснил, ссылаясь на Клитомаха, как именно говорил об этом Карнеад, а теперь я расскажу, как о том же пишет Клитомах в книге, которую он посвятил поэту Луцилию³⁸⁸ после того, как тот написал об этом же самом в книге, посвященной Л. Цензорино, тому самому, который был консулом вместе с Манием Манилием³⁸⁹. Он писал приблизительно так (мне знаком этот текст, потому что в этой книге содержится первоначальное изложение и как бы систематизация тех самых вещей, о которых мы ведем речь): так вот, там написано следующее: 103. „Академики считают, что различия между вещами сводятся, прежде всего, к тому, что одни вещи представляются *вероятными*, а другие наоборот“. Этого, однако, недостаточно для того, чтобы объяснить, почему (по твоим словам) одни вещи могут быть постигнуты, а другие нет, ибо многое ложное ве-

vehementer errare eos, qui dicant ab Academia sensus eripi, a quibus numquam dictum sit aut colorem aut saporem aut sonum nullum esse, illud sit disputatum, non inesse in iis propriam quae nusquam alibi esset, veri
 5 (104) et certi notam. Quae cum exposuisset, adiungit dupliciter dici adsensus sustinere sapientem, uno modo cum hoc intellegatur, omnino eum rei nulli adsentiri, altero, cum se a respondendo, ut aut adprobet quid aut improbet, sustineat, ut neque neget aliquid neque aiat;
 10 id cum ita sit, alterum placere, ut numquam adsentiat, alterum tenere, ut sequens probabilitatem, ubicumque haec aut occurrat aut deficiat, aut „etiam“ aut „non“ respondere possit. Etenim cum placeat eum, qui de omnibus rebus contineat se ab adsentiendo, moveri
 15 tamen et agere aliquid, relinqui eius modi visa, quibus ad actionem excitemur; item ea quae interrogati in utramque partem respondere possimus, sequentes tantum modo, quod ita visum sit, dum sine adsensu; neque tamen omnia eius modi visa adprobari, sed ea
 20 quae nulla re impedirentur. (105) Haec si vobis non probamus, sint falsa sane, invidiosa certe non sunt; non enim lucem eripimus, sed ea quae vos percipi comprehendique, eadem nos, si modo probabilia sint, videri dicimus.

xxxiii. 25 Sic igitur inducto et constituto probabili, et eo quidem expedito, soluto, libero, nulla re implicato, vides profecto, Luculle, iacere iam illud tuum perspicuitatis patrocinium. Iisdem enim hic sapiens, de quo loquor, oculis quibus iste vester caelum, terram, mare intuebitur, iisdem sensibus
 30 reliqua, quae sub quemque sensum cadunt, sentiet. Mare illud, quod nunc favonio nascente purpureum videtur, idem huic nostro videbitur, nec tamen adsentietur, quia nobismet ipsis modo caeruleum videbatur, mane ravum, quodque nunc qua a sole conlucet albescit et vibrat dissimileque est
 35 proximo et continenti, ut etiamsi possis rationem reddere cur id eveniat, tamen non possis id verum esse quod

роятно, но ничто ложное не может быть постигнуто и познано. Поэтому он говорит, что сильно заблуждаются те, кто утверждает, что Академия отбрасывает чувства, ведь академики никогда не говорили, что не существует никакого цвета, вкуса или звука, а доказывают только то, что они не обладают собственным нигде в ином месте не существующим признаком истинного и достоверного. 104. Изложив это, он замечает также, что воздержание мудреца от согласия может пониматься двояко: во-первых, когда имеется в виду, что он вообще ни с чем не соглашается, во-вторых, когда он воздерживается от ответа на вопрос, одобряет ли он что-то или не одобряет, так что он ничего не отрицает и ничего не утверждает. А поскольку это так, он, с одной стороны, принимает положение никогда не высказывать чему-либо одобрение, а с другой — придерживается положения, требующего, чтобы тот, кто следует вероятному, всюду, где бы оно ни встретилось или, наоборот, отсутствовало, мог ответить, „да“ или „нет“. Но поскольку признано, что тот, кто во всех случаях воздерживается от согласия, тем не менее подвергается воздействию (*moveri*) и что-то делает, остаются представления, побуждающие нас к действию, и будучи спрошенными, мы можем ответить „за“ или „против“, следуя только тому, что нам представляется, не выражая при этом своего одобрения; однако же не все такого рода представления одобряются, но только те, которым ничто не препятствует. 105. Если мы вас не убедили нашими рассуждениями, пусть они даже ложны, во всяком случае они не должны вызывать неприязни. Ведь мы не отнимаем свет, но то, что вы называете: быть постигнутым и понятым, — если это только вероятно, мы называем: представляться.

XXXIII. И вот после того, как мы ввели и установили понятие вероятного, притом совершенно свободного, ничем не связанного и самостоятельного, ты, Лукулл, конечно, понимаешь, что твоя защита очевидности повержена в прах. Ведь тот мудрец, о котором я говорю, будет смотреть на небо, землю, море теми же глазами, что и ваш, и будет воспринимать теми же чувствами остальное, что воспринимается каждым из этих чувств. Это море, которое сейчас кажется пурпурным под легким дуновением Фавония, таким же покажется и нашему мудрецу. Однако он не подтвердит (*non adsentietur*) этого, потому что и нам самим оно только что казалось голубым, а утром — серым, а сейчас оно там, где освещено солнцем, ослепительно блестит и искрится и не похоже на то, как оно выглядит вблизи от берега. Так что, даже если

videbatur oculis (106) defendere. Unde memoria, si nihil percipimus? Sic enim quaerebas. Quid? Meminisse visa nisi comprehensa non possumus? Quid? Polyaeus³⁹⁰, qui magnus mathematicus fuisse dicitur, is posteaquam Epicuro 5 adsentiens totam geometriam falsam esse credidit, num illa etiam, quae sciebat, oblitus est? Atqui, falsum quod est, id percipi non potest, ut vobismet ipsis placet; si igitur memoria perceptarum comprehensarumque rerum est, omnia, quae quisque meminit, habet ea comprehensa atque percepta; 10 falsi autem comprehendere nihil potest, et omnia meminit Siron³⁹¹ Epicuri dogmata; vera igitur illa sunt nunc omnia. Hoc per me licet; sed tibi aut concedendum est ita esse, quod minime vis, aut memoriam mihi remittas oportet et fateare esse ei locum, etiamsi (107) comprehensio 15 perceptioque nulla sit. Quid fiet artibus? Quibus? Iisne, quae ipsae fatentur coniectura se plus uti quam scientia, an iis quae tantum id, quod videtur, sequuntur nec habent istam artem vestram qua vera et falsa diiudicent?

Sed illa sunt lumina duo, quae maxime causam istam 20 continent. Primum enim negatis fieri posse ut quisquam nulli rei adsentiatur, et id quidem perspicuum esse. Cum Panaetius, princeps prope meo quidem iudicio Stoicorum, ea de re dubitare se dicat, quam omnes praeter eum Stoici certissimam putant, vera esse haruspicum responsa, 25 suspicia, oracula, somnia, vaticinationes, seque ab adsensu sustineat, quod is potest facere etiam de iis rebus, quas illi, a quibus ipse didicit, certas habuerunt, cur id sapiens de reliquis rebus facere non possit? An est aliquid quod positum vel improbare vel adprobare possit, dubitare non 30 possit? An tu in soritis poteris hoc cum voles, ille in reliquis rebus non poterit eodem modo insistere, praesertim cum possit sine adsensione ipsam (108) veri similitudinem non impeditam sequi? Alterum est quod negatis actionem ullius rei posse in eo esse, qui nullam rem adsensu suo comprobet; 35 primum enim videri oportet, in quo est etiam adsensus, dicunt enim Stoici sensus ipsos adsensus esse, quos quoniam adpetitio consequatur, actionem sequi, tolli autem omnia si visa tollantur³⁹².

ты сможешь объяснить, почему это происходит, ты, однако же, не сможешь доказать, что является истинным то, что представлялось взору. 106. „Но если мы ничего не постигаем, то откуда же берется память?“ А разве мы можем помнить только *постигнутое*? А разве Полиен³⁹⁰, которого называют великим математиком, с тех пор как, приняв учение Эпикура, стал считать всю геометрию ложной, забыл все, что знал? Но ведь то, что ложно, не может быть постигнуто, как вы и сами считаете; следовательно, если память может хранить только то, что *постигнуто* и *понято*, то все, что каждый помнит, он *постиг* и *понял*; но ничто ложное не может быть *познано*, а Сирон³⁹¹ помнит все мысли Эпикура, следовательно, все они и сейчас истинны. Я это допускаю, но ты или должен согласиться, что это так, чего тебе совсем не хочется, или уступить мне в вопросе о памяти и признать, что ей есть место и тогда, когда отсутствует всякое *постигжение* и *познание*. 107. Ну, а что же станет с „науками“ (*artes*)? С какими? Не с теми ли, которые сами сознаются, что опираются скорее на догадку, чем на знание, или с теми, которые следуют только тому, что им представляется, и не обладают вашим „умением“ (*ars*) различать истинное и ложное?

Но это как раз две важнейшие вещи, которые проливают свет (*lūmina*) на этот вопрос. Во-первых, вы считаете невозможным, чтобы человек не высказывал *согласия* ни с чем, и что это-то во всяком случае очевидно. И если Панетий, самый выдающийся из всех стоиков, по крайней мере по моему мнению, говорит, что он сомневается в истинности ответов гаруспиков, ауспий, оракулов, снов, пророчеств (для всех стоиков, кроме него, все это является совершенно достоверным) и что он воздерживается от *согласия* (что он может сделать даже по отношению к вещам, которые его учителя признавали достоверными), то почему бы мудрец не мог сделать такого же относительно других вещей? А разве существует нечто, что он может либо одобрить, либо не одобрить, а сомневаться не может? Или ты, имея дело с соритами, сможешь это делать, когда захочешь, он же, говоря обо всем остальном, не сможет таким же образом утверждать это, тем более если он способен, не выражая ожобрения, следовать за подобием истины. 108. Во-вторых, вы отрицаете возможность воздействия чего-либо на того, кто не высказывает одобрения и *согласия* ни с чем. Но прежде нужно рассмотреть, в чем заключается это *согласие*. Ведь стоики говорят, что сами чувства являются нам *согласие*. А так как за ним следует *стремление* (*adpetitio*), а за ним — *действие*, то с уничтожением *представлений* уничтожается все³⁹².

xxxiv. Hac de re in utramque partem et dicta sunt et scripta multa, sed brevi res potest tota confici. Ego enim etsi maximam actionem puto repugnare visis, obsistere opinionibus, adsensus lubricos sustinere³⁹³, credoque
 5 Clitomacho ita scribenti, Herculi quendam laborem exanclatum a Carneade, quod, ut feram et immanem beluam, sic ex animis nostris adsensionem, id est opinationem et temeritatem, extraxisset, tamen (ut ea pars defensionis relinquatur) quid impediet actionem eius
 10 qui probabilia sequitur nulla re (109) impediante? „Hoc“, inquit, „ipsum impediet, quod statuet ne id quidem, quod probet, posse percipi“. Iam istuc te quoque impediet in navigando, in conserendo, in uxore ducenda³⁹⁴, in liberis procreandis, plurimisque in rebus
 15 in quibus nihil sequere praeter probabile.

Et tamen illud usitatum et saepe repudiatum refers, non ut Antipater sed ut ais „pressius“. Nam Antipatrum reprehensum, quod diceret consentaneum esse ei, qui adfirmaret nihil posse comprehendere, id ipsum
 20 saltem dicere posse comprehendere. Quod ipsi Antiocho pingue videbatur et sibi ipsum contrarium; non enim potest convenienter dici nihil comprehendere posse, si quicquam comprehendere posse dicatur. Illo modo potius putat arguendum fuisse Carneaden: cum sapientis
 25 nullum decretum esse posset nisi comprehensum perceptum cognitum, ut hoc ipsum decretum quidem, sapientis esse nihil posse percipi, fateretur esse perceptum. Proinde quasi sapiens nullum aliud decretum habeat et sine decretis vitam (110) agere
 30 possit! Sed ut illa habet probabilia non percepta, sic hoc ipsum, nihil posse percipi; nam si in hoc haberet cognitionis notam, eadem uteretur in ceteris; quam quoniam non habet, utitur probabilibus. Itaque non metuit ne confundere omnia videatur et incerta reddere.
 35 Non enim, quem ad modum, si quaesitum ex eo sit stellarum numerus par an impar sit³⁹⁵, item si de officio multisque aliis de rebus, in quibus versatus exercitatusque sit, nescire se dicat; in incertis enim

XXXIV. Об этом было много споров, много было сказано и написано, но все можно решить очень быстро. Ведь хотя я и считаю величайшим делом бороться с *представлениями*, противостоять *предположениям*, воздерживаться от скользкого *согласия*³⁹³ и верю Клитوماху, который пишет, что Карнеад совершил некий Геркулесов подвиг, вырвав из наших умов *согласие*, как некое страшное и дикое чудовище, то есть — безосновательное *предположение* (*opinatio et temeritas*), но (чтобы покончить с этой частью защиты) что может помешать действовать тому, кто следует *вероятному*, которому ничто не препятствует? 109. „Именно то самое его убеждение, — говорит он, — в том, что не может быть постигнуто даже то, с чем он *согласен*“. Но это же мешает и тебе, когда ты поплывешь на корабле, станешь сеять хлеб, соберешься жениться³⁹⁴, родить детей и во множестве иных дел, в которых ты будешь следовать только *вероятному*.

И все же ты вновь приводишь это затасканное и не раз опровергнутое положение, не как Антипатр, но, как ты говоришь, „более точно“ (*pressius*); ибо Антипатру ставили в упрек его слова о том, что для того, кто утверждает, что ничто не может быть постигнуто, было бы логичным, по крайней мере, сказать, что само это утверждение может быть постигнуто. Самому Антиоху это казалось слабым и противоречивым. Ведь невозможно, оставаясь последовательным, говорить, что ничто не может быть постигнуто, если утверждается, что нечто может быть постигнуто. Он полагает, что наступать на Карнеада скорее следовало бы следующим образом: коль скоро любое *решение* (*decretum*) мудреца должно быть результатом постижения, восприятия, познания, он должен признать, что само это *решение*, в силу которого мудрец считает, что ничто не может быть *постигнуто*, является *постигнутым*. Как будто бы мудрец не принимает никакого другого решения и может прожить жизнь без решений! 110. Но подобно тому, как эти решения он принимает как *вероятные*, а не *постигнутые*, так принимает и это самое положение — „нельзя постичь ничего“. Ведь если бы в этом случае он обладал критерием познания, он пользовался бы им и в других случаях, а поскольку он его не имеет, он пользуется *вероятным*. Таким образом, он не боится, как бы не оказалось, что все смешано и неопределенно. Ведь на вопрос о долге и о множестве других вещей, с которыми он имеет дело и хорошо их знает, он не ответит, что не знает этого, подобно тому, как он ответил бы, если бы его спросили, четно или нечетно число звезд³⁹⁵. Ведь в вещах неопределенных ничто не является вероятным; в тех же [вещах], где ве-

nihil est probabile, in quibus autem est, in iis non deerit sapienti nec quid faciat nec (111) quid respondeat. Ne illam quidem praetermisisti, Luculle, reprehensionem Antiochi — nec mirum, in primis enim est nobilis — qua
 5 solebat dicere Antiochus Philonem maxime perturbatum: cum enim sumeretur unum, esse quaedam falsa visa, alterum, nihil ea differre a veris, non attendere superius illud ea re a se esse concessum, quod videretur esse quaedam in visis differentia, eam tolli altero, quo neget
 10 visa a falsis vera differre; nihil tam repugnare. Id ita esset, si nos verum omnino tolleremus; non facimus, nam tam vera quam falsa cernimus. Sed probandi species est, percipiendi signum nullum habemus.

xxxv. (112) Ac mihi videor nimis etiam nunc agere ieiune.
 15 Cum sit enim campus, in quo exsultare possit oratio, cur eam tantas in angustias et Stoicorum dumeta compellimus? Si enim mihi cum Peripatetico res esset, qui id percipi posse diceret, „quod impressum esset e vero“, neque adhiberet illam magnam accessionem,
 20 „quo modo imprimi non posset e falso“, cum simplici homine simpliciter agerem nec magno opere contenderem, atque etiam si, cum ego nihil dicerem posse comprehendere, diceret ille sapientem interdum opinari, non repugnarem, praesertim ne Carneade quidem huic
 25 loco valde (113) repugnante: nunc quid facere possum? Quaero enim quid sit quod comprehendere possit; respondet mihi non Aristoteles aut Theophrastus, ne Xenocrates quidem aut Polemo, sed qui minor est, „tale verum quale falsum esse non possit“. Nihil eius modi invenio;
 30 itaque incognito nimirum adsentiar, id est opinabor. Hoc mihi et Peripatetici et vetus Academia concedit, vos negatis, Antiochus in primis, qui me valde movet, vel quod amavi hominem sicut ille me, vel quod ita iudico, politissimum et acutissimum omnium nostrae
 35 memoriae philosophorum. A quo primum quaero, quo tandem modo sit eius Academiae, cuius esse se profiteatur. Ut omittam alia, haec duo, de quibus

рогатное существует, мудрец всегда найдет и что делать, и что ответить. 111. Ты, Лукулл, не пропустил и того упрека Антиоха (и неудивительно, он же был очень известен), который, по словам самого Антиоха, очень волновал Филона. Ведь когда принимается в качестве посылки прежде всего, что „некоторые представления ложны“, а в качестве второй, что „они ничем не отличаются от истинных“, он не обращает внимания на то, что первое допустил потому, что ему видится в представлениях некое различие; но оно уничтожается вторым положением, в котором он заявляет, что истинные представления не отличаются от ложных, и нет ничего столь противоречивого. И так было бы, если бы мы вообще отбросили истину, но мы этого не делаем, ибо видим как истинное, так и ложное. Одобрение мы можем выразить, но мы не имеем никакого знака постижения.

XXXV. 112. Однако мне кажется, что мы и сейчас говорим слишком сухо, и если перед нами обширное поле, на котором могло показаться себя красноречие, зачем мы загоняем его в такие теснины и дебри стоического спора? Если бы мне пришлось иметь дело с перипатетиком, который бы говорил, что *постигнуто* может быть то, что исходит от истинного, и не прибавлял бы к этому знаменитую оговорку: „таким образом, как не могло бы исходить от ложного“, — я бы попросту вел разговор с простым человеком и не слишком ожесточенно спорил бы с ним, даже если бы в ответ на мои слова о том, что ничто не может быть *постигнуто*, он говорил, что *мудрец* иногда предполагает. Я бы не стал ему возражать, тем более, что Карнеад не очень настойчиво возражает в этом пункте. Ну, а что я могу сказать сейчас? 113. Я задаю вопрос, что же это такое, что может быть *постигнуто*? Мне отвечает не Аристотель и не Феофраст, даже не Ксенократ или Полемон, но тот, кто помоложе: „Это такое истинное, которое не может оказаться ложным“. Но я не нахожу ничего подобного. Значит, я буду выражать согласие с явно не познанным, то есть *предполагать*. В этом со мной соглашаются и перипатетики, и Старая Академия. Вы же не соглашаетесь, и прежде всего Антиох, который имел на меня очень большое влияние, то ли потому, что я любил его так же, как он меня, то ли потому, что, по нашему убеждению, он самый тонкий и самый проницательный из всех философов нашего времени. Прежде всего я спрашиваю у него, каким это образом он принадлежит к той Академии, о причастности к которой он заявляет?

agitur, quis umquam dixit aut veteris Academiae aut Peripateticorum, vel id solum percipi posse quod esset verum tale, quale falsum esse non posset, vel sapientem nihil opinari? Certe nemo: horum neutrum ante
 5 Zenonem magno opere defensum est. Ego tamen utrumque verum puto, nec dico temporis causa, sed ita plane probō.

xxxvi. (114) Illud ferre non possum: tu cum me incognito adsentiri vetes idque turpissimum esse dicas et
 10 plenissimum temeritatis, tantum tibi adroges, ut exponas disciplinam sapientiae, naturam rerum omnium evolvas, mores fingas, fines bonorum malorumque constituas, officia describas, quam vitam ingrediar definias, idemque etiam disputandi et intellegendi iudicium dicas te et
 15 artificium traditurum. Perficies ut ego ista innumerabilia complectens nusquam labar, nihil opiner? Quae tandem ea est disciplina, ad quam me deducas, si ab hac abstraxeris? Vereor ne subadroganter facias, si dixeris tuam; atqui ita dicas necesse est. Neque vero tu solus,
 20 sed ad suam (115) quisque rapiet. Age, restitero Peripateticis, qui sibi cum oratoribus cognationem esse, qui claros viros a se instructos dicant rem publicam saepe rexisse, sustinuero Epicureos, tot meos familiares, tam bonos, tam inter se amantes viros³⁹⁶: Diodoto³⁹⁷
 25 quid faciam Stoico, quem a puero audiui, qui mecum vivit tot annos, qui habitat apud me, quem et admiror et diligo, qui ista Antiochi contemnit? „Nostra“, inquires, „sola vera sunt“. Certe sola, si vera, plura enim vera discrepantia esse non possunt. Utrum igitur nos
 30 impudentes, qui labi nolumus, an illi adrogantes, qui sibi persuaserint scire se solos omnia? „Non me quidem“, inquit, „sed sapientem dico scire“. Optime: nempe ista scire, quae sunt in tua disciplina. Hoc primum quale est, a non sapiente explicari sapientiam? Sed
 35 discedamus a nobismet ipsis, de sapiente loquamur, de quo, ut saepe iam dixi, omnis haec quaestio est.

Не говоря о прочем, вот два вопроса, о которых идет речь: кто из Старой Академии или из перипатетиков когда-нибудь говорил, что *постигнуто* может быть только то, что является истинным, и притом такое, что не может быть ложным, и что мудрец никогда ничего не *предполагает*? Конечно же, никто. Ни то ни другое положение до Зенона, не находило достойной защиты; что же касается меня, я считаю правильным и то и другое и говорю это не применительно к обстоятельствам, но потому что полностью *одобряю*.

XXXVI. 114. Но вот что я не могу стерпеть: когда ты, запрещая мне выражать согласие с непознанным и называя это совершенно отвратительным и безрассудным, берешь на себя смелость излагать науку мудрости, раскрывать природу всего сущего, воспитывать нравы, определять границы добра и зла, формулировать обязанности, указывать мне, какой образ жизни избрать, и говоришь, что ты укажешь даже критерий рассуждения и постижения и научишь этому искусству, добьешься ли ты, чтобы я, охватывая все это бесконечное множество предметов, нигде не ошибся, ни о чем не *предполагал*? Что же это за наука, к которой ты увлекаешь меня, отвращая от нашей? Боюсь, не слишком ли самонадеянно поступишь ты, говоря, что это твоя наука, а ты именно так наверняка и скажешь. И не только ты один, но любой станет тянуть к своему учению. 115. Ну, хорошо, я стану сопротивляться перипатетикам, которые заявляют, что они в родстве с риторами и что они воспитали славных мужей, не раз управлявших государством, выдержу натиск эпикурейцев, среди которых столько моих приятелей, замечательных людей, связанных великой взаимной любовью³⁹⁶, но как мне поступить со стоиком Диодотом³⁹⁷, которого я слушал с самого детства, который столько лет был вместе со мной, жил у меня, которым я так восхищаюсь и которого я так люблю, а ведь он презирует все эти Антиоховы рассуждения. Ты скажешь: „Наше учение единственно верное“. Конечно, если только оно верное. Ибо не может быть нескольких отличающихся друг от друга истин. Что же это, мы бессовестны, поскольку не желаем ошибаться, или они наглы, убедившие себя, что только они одни знают все? „Это не я все знаю, — отвечает он, — а мудрец“. Прекрасно! То есть он знает, что именно представляет собой твое учение. Но, прежде всего, что это такое, если мудрость разъясняется не мудрецом? Однако оставим нас самих, поговорим о мудреце, которому, как я не раз повторял, посвящено все наше исследование.

- (116) In tres igitur partes et a plerisque et a vobismet ipsis distributa sapientia est. Primum ergo, si placet, quae de natura rerum sint quaesita, videamus. At illud ante: estne quisquam tanto inflatus errore, ut sibi se illa
5 scire persuaserit? Non quaero rationes eas, quae ex coniectura pendent, quae disputationibus huc et illuc trahuntur, nullam adhibent persuadendi necessitatem; geometrae provideant, qui se profitentur non persuadere, sed cogere, et qui omnia vobis, quae describunt, probant.
10 Non quaero ex his illa initia mathematicorum, quibus non concessis digitum progredi non possunt, punctum esse quod magnitudinem nullam habeat, extremitatem et quasi libramentum ³⁹⁸, in quo nulla omnino crassitudo sit, lineamentum sine ulla latitudine. Haec cum vera esse
15 concessero, si adigam ius iurandum sapientem, nec prius quam Archimedes eo inspectante rationes omnes descripserit eas quibus efficitur multis partibus solem maiorem esse quam terram, iuraturum putas? Si fecerit, solem ipsum quem deum censet esse, (117) contempserit.
20 Quodsi geometricis rationibus non est crediturus, quae vim adferunt in docendo, vos ipsi ut dicitis, ne ille longe aberit ut argumentis credat philosophorum; aut si est crediturus, quorum potissimum? Omnia enim physicorum licet explicare, sed longum est; quaero tamen quem
25 sequatur. Finge aliquem nunc fieri sapientem, nondum esse; quam potissimum sententiam eliget et disciplinam? Etsi quamcumque eliget, insipiens eliget; sed sit ingenio divino, quem unum e physicis potissimum probabit? Nec plus uno poterit. Non persequor quaestiones
30 infinitas; tantum de principiis rerum, e quibus omnia constant, videamus quem probet; est enim inter magnos homines summa dissensio.

- xxxvii. (118) Princeps Thales, unus e septem, cui sex reliquos concessisse primas ferunt, ex aqua dixit constare omnia.
35 At hoc Anaximandro populari et sodali suo non persuasit; is enim infinitatem naturae ³⁹⁹ dixit esse, e qua omnia gignerentur. Post eius auditor Anaximenes infinitum aera,

116. Итак, мудрость большинством, и в том числе вами самими, подразделяется на три части. Рассмотрим, если угодно, первую часть, касающуюся природы сущего. Но сначала вот что: есть ли хоть кто-нибудь, кто в своем высокомерии заблуждается настолько, что уверен, что он знает все? Я не стану спрашивать о тех теориях, которые покоятся на *предположении*, которые в дискуссиях и спорах трактуются и так и эдак; ведь они не несут с собой никакой необходимой силы убеждения. Пусть уж об этом заботятся геометры, которые не убеждают, а вынуждают и которые доказывают вам все свои построения. Я не спрашиваю у них о тех началах, существующих у математиков, не приняв которых, они не могут продвинуться ни на шаг: „Точка — это то, что не имеет никакой величины“; „Конечность (*extremitas*) и как бы поверхность³⁹⁸ есть то, что вообще лишено какой-либо толщины“; „Линия — это то, что не имеет ширины“. Когда я допущу, что нечто истинно, то, если я приведу к присяге мудреца, ты думаешь, он даст клятву в том, что солнце во много раз больше луны, до того как Архимед на его глазах изложит все основания и доводы в пользу этого? Если он это сделает, он выкажет пренебрежение самому солнцу, которое он считает богом. 117. А если он не намерен верить доводам геометров, дающим, как вы сами говорите, доказательству силу, он, конечно, едва ли поверит аргументам философов, а если и поверит, то кому именно? Можно, конечно, разъяснить все [положения] физиков, но это долго; и все же я спрошу, кому именно он следует? Вообразим, что некто становится сейчас мудрецом, но еще не стал им, какую теорию, какое учение выберет он себе? Впрочем, какое бы учение он ни избрал, он выберет его, не будучи мудрецом. Ну пусть он обладает божественным умом, кого из физиков он предпочтет? Он не сможет выбрать более одного. Я не стану рассматривать другие бесчисленные вопросы. Рассмотрим только вопрос о началах вещей, из которых складывается все, чтобы узнать, какое учение он одобрит, ведь в этом вопросе существуют большие разногласия среди выдающихся мужей.

XXXVII. 118. Говорят, что Фалес, один из семи мудрецов, кому шесть остальных уступили первенство, первым утверждал, что все состоит из воды. Но это не убедило его соотечественника и друга Анаксимандра. Он сказал, что все рождается из беспредельности природы³⁹⁹; а потом ученик его Анаксимен заявлял, что воздух беспределен, но то,

- sed ea, quae ex eo orerentur, definita; gigni autem terram, aquam, ignem, tum ex his omnia. Anaxagoras materiam infinitam, sed ex ea particulas similes inter se, minutas; eas primum confusas, postea in ordinem adductas mente divina ⁴⁰⁰.
- 5 Xenophanes, paulo etiam antiquior, unum esse omnia neque id esse mutabile, et id esse deum, neque natum umquam et sempiternum, conglobata figura; Parmenides ignem, qui moveat terram, quae ab eo formetur; Leucippus plenum et inane; Democritus huic in hoc similis, uberior in ceteris;
- 10 Empedocles haec pervolgata et nota quattuor; Heraclitus ignem; Melissus hoc, quod esset infinitum et immutabile, et fuisse semper et fore. Plato ex materia in se omnia recipiente mundum factum esse censet a deo sempiternum ⁴⁰¹.
- Pythagorei ex numeris et mathematicorum initiis proficisci
- 15 volunt omnia. Ex his eliget vester sapiens unum aliquem, credo, quem sequatur: ceteri tot viri et tanti repudiati (119) ab eo condemnatique discedent. Quamcumque vero sententiam probaverit, eam sic animo comprehensam habebit, ut ea quae sensibus, nec magis adprobabit nunc lucere quam,
- 20 quoniam Stoicus est, hunc mundum esse sapientem, habere mentem, quae et se et ipsum fabricata sit et omnia moderetur moveat regat. Erit ei persuasum etiam solem lunam stellas omnes terram mare deos esse, quod quaedam animalis intelligentia per omnia ea permanet et transeat; fore tamen
- 25 aliquando ut omnis hic mundus ardore deflagret.

XXXVIII. Sint ista vera (vides enim iam me fateri aliquid esse veri), comprehendi ea tamen et percipi nego. Cum enim tuus iste Stoicus sapiens syllabatim tibi ista dixerit, veniet flumen orationis aureum fundens Aristoteles, qui

30 illum desipere dicat; neque enim ortum esse umquam mundum, quod nulla fuerit novo consilio inito tam praeclari operis inceptio, et ita esse eum undique aptum, ut nulla vis tantos queat motus mutationemque moliri, nulla senectus diuturnitate temporum exsistere, ut hic

35 ornatus umquam dilapsus occidat. Tibi hoc repudiare, illud autem superius sicut caput et famam tuam defendere necesse erit, cum mihi ne ut dubitem quidem

что из него возникает, — определено; а рождаются земля, вода, огонь, а потом уж из них все остальное. Анаксагор говорил, что материя беспредельна, но из нее возникают мельчайшие, подобные друг другу частицы, вначале они беспорядочно перемешаны, а затем божественный ум располагает их в определенном порядке⁴⁰⁰; Ксенофан, живший немного ранее него, утверждал, что все есть единое, неизменяемое и что это есть бог, никогда не рождавшийся и вечный, имеющий форму шара; Парменид учил, что начало — это огонь, движущий землю и образующий ее; Левкипп говорил о полном и пустом, Демокрит, близкий к нему в этом, в других вещах был содержательнее; Эмпедокл называл началами эти четыре всем известных элемента; Гераклит — огонь; Мелисс — предельное и неизменное, которое всегда было и будет. Платон считает, что мир создан богом из материи, воспринимающей в себя все, и что он вечен⁴⁰¹. Пифагорейцы предполагают, что все исходит от чисел и математических начал. Я считаю, что ваш мудрец выберет из них кого-нибудь, кому он станет следовать, прочие же мужи, сколь бы замечательны они ни были, будут им отвергнуты и осуждены. 119. Однако, какую бы теорию он ни одобрил, он постигнет (схватит) ее своим умом так же, как то, что он постиг чувствами, и его согласие с тем, что „сейчас светло“, будет не большим, чем его уверенность, — поскольку он стоик, — что этот мир (mundus) мудр, наделен умом (mens), что он создает и его, и самого себя, всем управляет, приводит в движение и властвует. Он будет убежден, что и солнце, и луна, и все звезды, земля и море суть боги, ибо некий одушевленный разум пронизывает их всех; однако когда-нибудь весь этот мир сгорит в огне.

XXXVIII. Но пусть даже все это истинно (как видишь, я уже признаю, что кое-что является истинным), тем не менее я не признаю, что это может быть понято и постигнуто. Ведь стоит только этому твоему стоическому мудрецу по слогам изложить тебе это учение, как тут же явится Аристотель, извергающий потоки блестящего красноречия, и скажет, что тот безумен; ведь мир никогда не возникал, ибо не было никакого начала столь славного творения, осуществленного по новому замыслу, и мир так гармоничен во всех своих частях, что никакая сила не способна произвести такое движение и такие перемены, какое время, сколь бы долгим оно ни было, не может привести к тому, чтобы эта красота когда-нибудь рухнула и рассыпалась в прах от старости. Тебе придется отвергнуть это утверждение и защитить сказанное вы-

(120) relinquatur. Ut omittam levitatem temere
 adsentientium, quanti libertas ipsa aestimanda est non
 mihi necesse esse quod tibi est! Quaero cur deus, omnis
 nostra causa cum faceret (sic enim vultis), tantam vim
 5 natricum viperarumque fecerit, cur mortifera tam
 multa ac pernicioosa terra marique disperserit. Negatis
 haec tam polite tamque subtiliter effici potuisse sine
 divina aliqua sollertia, cuius quidem vos maiestatem
 deducitis usque ad apium formicarumque perfectionem,
 10 ut etiam inter deos Myrmecides ⁴⁰² aliquis minutorum
 opusculorum fabricator fuisse videatur: (121) negas sine
 deo posse quicquam. Ecce tibi e transverso
 Lampsacenus Strato ⁴⁰³, qui det isti deo immunitatem
 magni quidem muneris (et cum sacerdotes deorum
 15 vacationem habeant, quanto est aequius habere ipsos
 deos!); negat opera deorum se uti ad fabricandum
 mundum. Quaecumque sint, docet omnia effecta esse
 natura, nec ut ille qui ex asperis et levibus et hamatis ⁴⁰⁴
 uncinatisque corporibus concreta haec esse dicat interiecto
 20 inani. Somnia censet haec esse Democriti, non docentis
 sed optantis ⁴⁰⁵. Ipse autem singulas mundi partes
 persequens, quidquid aut sit aut fiat, naturalibus fieri
 aut factum esse docet ponderibus et motibus. Ne ille et
 deum opere magno liberat et me timore! Quis enim
 25 potest, cum existimet curari se a deo, non et dies
 et noctes divinum numen horrere et si quid adversi
 acciderit (quod cui non accidit?) extimescere ne id iure
 evenerit ⁴⁰⁶? Nec Straton tamen adsentior nec vero tibi;
 modo hoc, modo illud probabilius videtur.

xxxix.30 (122) Latent ista omnia, Luculle, crassis occultata et
 circumfusa tenebris, ut nulla acies humani ingenii tanta sit,
 quae penetrare in caelum, terram intrare possit. Corpora
 nostra non novimus, qui sint situs partium, quam vim
 quaeque pars habeat ignoramus; itaque medici ipsi,
 35 quorum intererat ea nosse, aperuerunt ut viderentur, nec
 eo tamen aiunt empirici notiora esse illa, quia possit fieri

ше, как защищают собственную жизнь и репутацию, и мне же не разрешается даже сомневаться. 120. Не говоря уже о легкомыслии людей, бездумно соглашающихся с чем-либо, как же высоко должно ценить самое свободу, снимающую с меня необходимость того, что необходимо тебе! Я спрашиваю, почему бог, делая все ради нас (а ведь именно это вы утверждаете) создал такое множество водяных гадов и всяких змей, почему расплодил на земле, и в морях, и в реках столько смертоносного и губительного? Вы говорите, что без некоего божественного мастерства (*sollertia*) создать все это столь совершенно и изящно было бы невозможно; величие этого искусства вы обнаруживаете в совершенстве даже пчел и муравьев, так что даже причисляли к числу богов некоего Мирмекида⁴⁰², мастера, создававшего миниатюрнейшие творения, 121. ибо ты утверждаешь, что без бога не может быть ничего. Но тут вдруг появляется Стратон из Лампсака⁴⁰³, который освобождает этого бога от сей великой его обязанности (коль скоро жрецы богов освобождаются порой от обязанностей, насколько справедливее было бы, чтобы то же самое относилось к самим богам); он говорит, что не нуждается в помощи богов для создания мира. Все, что существует, учит он, создано природой, но не так, как говорит тот, кто полагает, что все образуется сцеплением легких, шероховатых, крючкообразных⁴⁰⁴, изогнутых тел, между которыми находится пустота, — он считает это фантазией Демокрита, ничего не доказывающего, а лишь фантазирующего⁴⁰⁵ (*optans*), сам же он, рассматривая отдельные части мира, показывает, что все, что уже существует или возникает (*fiat*), возникает или возникло благодаря природной силе и тяжести. Поистине он освобождает бога от великого труда, а меня — от страха. Действительно, кто, думая, что бог заботится о нем, смог бы день и ночь не страшиться его и, если случится что-то дурное (а с кем этого не случается!), не бояться того, что это случилось с ним заслуженно⁴⁰⁶. Но я не согласен ни со Стратоном, ни с тобой, и мне представляется более вероятным то одно, то другое.

XXXIX. 122. Все это сокрыто от нас, Лукулл, окутанное густым мраком, и нет такого острого человеческого ума, который был бы способен проникнуть в небеса и в глубины земли; мы не имеем представления о нашем теле, не знаем, как расположены его части, нам неизвестно назначение каждой из них. Поэтому сами врачи, которым важно знать все это, стали делать вскрытие, чтобы увидеть это, однако, как говорят сами же эмпирики, это не сделало предмет более ясным, ибо вполне возмож-

ut patefacta et detecta mutantur⁴⁰⁷. Sed ecquid nos eodem modo rerum naturas persequere aperire dividere possumus, ut videamus terra penitusne defixa sit et quasi radicibus suis haereat an media (123) pendeat? Habitari
 5 ait Xenophanes in luna, eamque esse terram multarum urbium et montium⁴⁰⁸: portenta videntur, sed tamen nec ille qui dixit iurare possit ita se rem habere, neque ego non ita. Vos etiam dicitis esse e regione nobis in contraria parte terrae qui adversis vestigiis stent contra nostra vestigia,
 10 quos antipodas vocatis: cur mihi magis suspensetis, qui ista non aspernor, quam eis qui, cum audiunt, desipere vos arbitrantur? Hicetas Syracusius⁴⁰⁹, ut ait Theophrastus, caelum solem lunam stellas supera denique omnia stare censet neque praeter terram rem ullam in mundo moveri,
 15 quae cum circum axem se summa celeritate convertat et torqueat, eadem effici omnia, quae si stante terra caelum moveretur; atque hoc etiam Platonem in Timaeo dicere quidam arbitrantur, sed paulo obscurius. Quid tu, Epicure? Loquere, putas solem esse tantulum? Ego ne bis quidem
 20 tantum! Et vos ab illo inridemini et ipsi illum vicissim eluditis. Liber igitur a tali inrisione Socrates, liber Aristo Chius⁴¹⁰, qui nihil istorum sciri (124) putant posse. Sed redeo ad animum et corpus. Satisne tandem ea nota sunt nobis, quae nervorum natura sit, quae venarum? Tenemusne
 25 quid sit animus, ubi sit, denique sitne an, ut Dicaearchus⁴¹¹ visum est, ne sit quidem ullus? Si est, trisne partes habeat, ut Platoni placuit, rationis irae cupiditatis, an simplex unusque sit? Si simplex, utrum sit ignis an anima an sanguis an, ut Xenocrates, numerus nullo corpore (quod intellegi
 30 quale sit vix potest)? Et quidquid est, mortale sit an aeternum? Nam utramque in partem multa dicuntur. Horum aliquid vestro sapienti certum videtur, nostro ne quid maxime quidem probabile sit occurrit, ita sunt in plerisque contrariarum rationum paria momenta.

XL. 35 (125) Sin agis verecundius et me accusas non quod tuis rationibus non adsentiar sed quod nullis, vincam animum cuique adsentiar deligam — quem potissimum?

но, что эти части, будучи вскрытыми и оказавшись доступными человеческому взору, подверглись изменению⁴⁰⁷. Но разве можем мы подобным же образом рассечь природу вещей, вскрыть и разделить на части, чтобы увидеть, закреплена ли земля, как бы прочно держась на своих корнях, или висит в пространстве? 123. Ксенофан утверждает, что луна обитаема и что она — такая же земля с множеством городов и гор⁴⁰⁸. Это кажется фантастическим вымыслом, однако же ни тот, кто говорит это, не может поклясться, что дело обстоит именно так, ни я — что это не так. Вы даже говорите, что на противоположной стороне земли живут люди, которые по отношению к нам ходят вниз головой, это те, кого вы называете *антиподами*. Гикет Сиракузский⁴⁰⁹, как утверждает Феофраст, полагает, что небо, солнце, луна, звезды и все, что над ними, неподвижны и во всей вселенной ничто не движется, кроме Земли; когда она с огромной скоростью вращается вокруг своей оси, получается то же самое, как если бы вращалось небо, а земля оставалась неподвижной. Некоторые считают, что Платон в „Тимее“ говорит то же самое, но несколько туманнее. Ну, а ты, Эпикур? Скажи, ты полагаешь, что солнце столь мало? А я так думаю, что оно даже в два раза не превышает то, что мы видим. И он насмехается над вами, да и вы в свою очередь осмеиваете его. Сократ же свободен от подобных насмешек, свободен от них хиосец Аристон⁴¹⁰, считающий, что ничего такого знать невозможно. 124. Но, возвращаясь к разговору о душе и теле, достаточно ли хорошо они нам известны? Знаем ли мы, какова природа жил и сосудов? Знаем ли мы, что такое душа, где она находится? Наконец, существует ли она или, как представляется Дикеарху⁴¹¹, вообще не существует? Если существует, то состоит ли, как полагает Платон, из трех частей — разумной, гневливой и вожделеющей, или же она проста и едина. Если она проста, то что это, огонь, дыхание (*animus*) или кровь, или же, как говорит Ксенократ, это бестелесное число? (Что это такое, понять невозможно.) И какой бы она ни была, смертна она или вечна? В пользу и того и другого сказано немало. Кое-что из этого представляется вашему мудрецу достоверным, наш же не видит даже того, что является весьма вероятным, — настолько в большинстве случаев равносильны противоречащие друг другу доводы.

XL. 125. Если же ты станешь вести себя со мной скромнее и будешь обвинять меня не в том, что я не соглашаюсь с твоими доводами, а в том, что не соглашаюсь ни с чем, я смирю свой дух и выберу того, с кем согла-

quem? Democritum: semper enim, ut scitis, studiosus nobilitatis fui. Urgebor iam omnium vestrum convicio: „Tune aut inane quicquam putes esse, cum ita completa et conferta sint omnia, ut et quidquid movebitur
 5 corporeum cedat et qua quidque cesserit aliud ilico subsequatur ⁴¹²? Aut atomos ullas e quibus quidquid efficiatur illarum sit dissimillimum? Aut sine aliqua mente rem ullam effici posse praeclaram? Et cum in uno mundo ornatus hic tam sit mirabilis, innumerabilis supra
 10 infra, dextra sinistra, ante post, alios dissimiles, alios eiusdem modi mundos esse ⁴¹³? Et ut nos nunc simus ad Baulos Puteolosque videamus, sic innumerabiles paribus in locis esse eisdem nominibus honoribus rebus gestis ingeniis formis aetatibus, eisdem de rebus
 15 disputantes? Et si nunc aut si etiam dormientes aliquid animo videre videamur, imagines ⁴¹⁴ extrinsecus in animos nostros per corpus inrumpere? Tu vero ista ne asciveris neve fueris commenticiis rebus adsensus: nihil sentire est melius quam tam prava (126) sentire!“ Non
 20 ergo id agitur, ut aliquid adsensu meo comprobem, quod tu vide ne impudenter etiam postules, non solum adroganter, praesertim cum ista tua mihi ne probabilia quidem videantur; nec enim divinationem, quam probatis, ullam esse arbitror, fatumque illud esse, quo omnia
 25 contineri dicitis, contemno. Ne exaedificatum quidem hunc mundum divino consilio existimo; atque haud scio an ita sit.

XLI.

Sed cur rapior in invidiam? Licetne per vos nescire quod nescio? An Stoicis ipsis inter se disceptare, cum
 30 iis non licebit? Zenoni et reliquis fere Stoicis aether videtur summus deus, mente praeditus qua omnia regantur. Cleanthes ⁴¹⁵, qui quasi maiorum est gentium Stoicus, Zenonis auditor, solem dominari et rerum potiri putat; ita cogimur dissensione sapientium dominum
 35 nostrum ignorare, quippe qui nesciamus soli an aetheri serviamus ⁴¹⁶. Solis autem magnitudinem — ipse enim hic radiatus me intueri videtur, admonens ut crebro

ситься. Но с кем же в первую очередь? Я выберу, конечно, Демокрита. Ведь, как вам известно, я всегда был равнодушен к знатности. И вот уже все вы готовы обрушиться на меня с попреками: „Ты что же, полагаешь, что существует некая пустота, тогда как все так заполнено и уплотнено, что если одно тело подвинется куда-то, то другое отступит, и куда бы ни отступило одно, другое тотчас же следует за ним?“⁴¹² Или ты полагаешь, что существуют какие-то атомы, а все образующееся из них совершенно от них отлично? Или ты полагаешь, что может возникнуть что-нибудь значительное без какого-либо участия ума (*mens*) и что коль скоро в одном мире существует столь замечательная красота, то существуют выше и ниже его, вправо и влево от него, раньше и позже него бесчисленные другие миры, или совершенно непохожие на него, либо точно такие же?⁴¹³ И как сейчас мы, находясь в Бавлах, видим Путео-лы, так существует бесчисленное множество 'нас' в тех же самых местах, с теми же именами и званиями, с теми же поступками, с теми же характерами, так же выглядящих, в том же возрасте, ведущих спор о том же самом? И если сейчас или даже во сне нечто представляется нашему уму, то эти образы⁴¹⁴ (*imagines*) проникают в наши души через тело? Ты же не должен ни принимать этого, ни соглашаться с вещами вымышленными. Не иметь никакого суждения (*nihil sentire*) лучше, чем иметь искаженное“. 126. Следовательно, речь идет не о том, чтобы я выразил чему-то одобрение своим согласием, чего, боюсь, ты требуешь от меня не только заносчиво, но и бесстыдно, тем более, что приведенные тобою мнения мне не кажутся даже вероятными. Ведь я не признаю никакой дивинации, которую вы одобряете, и презираю рок, всеобъемлющий, по вашим словам, я даже не считаю, что этот мир построен по божественному замыслу, хотя, не знаю, может, это и так?

XLI. Но почему же я попадаю у вас в немилость? Может быть, вы мне разрешите не знать того, чего я не знаю? Или самим стоикам спорить между собой можно, а с ними нельзя? Зенону, да и почти всем остальным стоикам, эфир представляется высшим божеством, наделенным разумом, который управляет всем. Клеанф, этот стоик старшего поколения⁴¹⁵, ученик Зенона, считает солнце владыкой и господином всего сущего. И вот из-за разногласий среди мудрецов мы вынуждены не знать, кто наш господин, ибо нам неизвестно, кому мы служим, солнцу или эфиру?⁴¹⁶ Вы сообщаете нам размеры солнца (а оно само, кажется, своим сияющим ликом взирает на меня, напо-

faciam mentionem sui — vos ergo huius magnitudinem quasi decempeda permensi refertis, ego me quasi malis architectis mensurae vestrae nego credere: dubium est uter nostrum sit — leviter ut dicam — inverecundior?

- 5 (127) Nec tamen istas quaestiones physicorum exterminandas puto. Est enim animorum ingeniorumque naturale quoddam quasi pabulum consideratio contemplatioque naturae; erigimur, altiores fieri videmur, humana despiciamus,
 10 cogitantesque supera atque caelestia haec nostra ut exigua et minima contemnimus. Indagatio ipsa rerum cum maximarum tum etiam occultissimarum habet oblectationem; si vero aliquid occurrit quod veri simile videatur, (128) humanissima completur animus
 15 voluptate. Quaeret igitur haec et vester sapiens et hic noster, sed vester ut adsentiatur credat adfirmet, noster ut vereatur temere opinari praeclareque agi secum putet, si in eius modi rebus veri simile quod sit invenerit.

Veniamus nunc ad bonorum malorumque notionem:

- 20 at paulum ante dicendum est. Non mihi videntur considerare, cum ista valde adfirmant, earum etiam rerum auctoritatem, si quae inlustriores videantur amittere. Non enim magis adsentiuntur nec adprobant lucere nunc, quam, cum cornix cecinerit, tum aliquid
 25 eam aut iubere aut vetare, nec magis adfirmabunt signum illud, si erunt mensi sex pedum esse quam solem, quem metiri non possunt, plus quam duodeviginti partibus maiorem esse quam terram.
 Ex quo illa conclusio nascitur: si sol quantus sit percipi
 30 non potest, qui ceteras res eodem modo quo magnitudinem solis adprobat, is eas res non percipit; magnitudo autem solis percipi non potest; qui igitur id adprobat quasi percipiat, nullam rem percipit.
 Responderint posse percipi quantus sol sit: non
 35 repugnabo dum modo eodem pacto cetera percipi comprehendique dicant; nec enim possunt dicere aliud alio magis minusve comprehendendi, quoniam omnium rerum una est definitio comprehendendi.

миная, чтобы я чаще вспоминал о нем), так вот, вы сообщаете нам его величину, как будто измеренную шестом землемера, а я говорю, что не верю вашим измерениям, как не верил бы дурным строителям. Так кто же из нас, чтобы помягче выразиться, не столь почтителен? 127. И все же я не думаю, что от этих проблем естествоиспытателей нужно отказаться. Ведь рассмотрение и созерцание природы — это как бы некая естественная пища для души и ума; мы выпрямляемся, становимся выше, презираем земное, обращая мысли свои горе, к небесам, пренебрегая здешними нашими делами, как мелкими и ничтожными. Само исследование важнейших и к тому же сокровеннейших вещей доставляет удовольствие; если же встречается что-то, представляющееся *правдоподобным* (*verisimile*), душа наполняется подлинно человеческим (*humanissima*) наслаждением. 128. К этому стремится и мудрец, и ваш, и наш. Но ваш — чтобы принять, поверить, подтвердить, наш же старается избежать опрометчивого *предположения* и полагает, что ему удивительно повезло, если в такого рода вещах он найдет нечто, что окажется близким к истине.

Обратимся теперь к понятию добра и зла. Но предварительно нужно сказать несколько слов. Мне кажется, что, упорно настаивая на этих положениях, они [физики] не замечают, что утрачивают убедительность (*auctoritas*) даже тех вещей, которые представляются достаточно ясными. Ведь их согласие и утверждение, что сейчас светло, ничем не отличается от того, если бы они соглашались с тем, что ворона своим карканьем побуждает или запрещает делать что-то, а их утверждение, что эта статуя, если ее измерить, равна шести футам, ничуть не убедительнее, чем утверждение о том, что солнце, которое они не могут измерить, в 18 раз больше, чем земля. Отсюда появляются такого рода умозаключения: „Если нельзя познать, сколь велико солнце, то соглашающийся со всем остальным так же, как он соглашается с величиной солнца, не *постигает* этих вещей; размеры же солнца не могут быть *постигнуты*, а поэтому тот, кто утверждает, что он якобы *постиг* это, не *постигает* ничего“. Они возразят, что можно познать, каковы размеры солнца, но я не стану с этим спорить при условии, что они заявят, что таким же образом может быть *постигнуто* и *понято* и остальное. Ведь они не могут сказать, что одно постигается больше, а другое меньше, потому что для всех вещей существует одно определение того, что такое познание.

XLII.

- (129) Sed quod coeperam: quid habemus in rebus bonis et malis explorati? Nempe fines constituendi sunt, ad quos et bonorum et malorum summa referatur; quae de re est igitur inter summos viros maior dissensio?
- 5 Omitto illa, quae relictæ iam videntur, ut Erillum ⁴¹⁷, qui in cognitione et scientia summum bonum ponit; qui cum Zenonis auditor esset, vides quantum ab eo dissenserit et quam non multum a Platone.
- Megaricorum fuit nobilis disciplina, cuius, ut scriptum
- 10 video, princeps Xenophanes, quem modo nominavi; deinde eum secuti Parmenides et Zeno (itaque ab his Eleatici philosophi nominabantur), post Euclides, Socratis discipulus, Megareus (a quo idem illi Megarici dicti) ⁴¹⁸; qui id bonum solum esse dicebant, quod esset
- 15 unum et simile et idem semper. Hi quoque multa a Platone. A Menedemo autem, quod is <ex> Eretria fuit, Eretriaci appellati; quorum omne bonum in mente positum et mentis acie, qua verum cerneretur. Erilli similia sed opinor explicata uberius (130) et ornatus.
- 20 Hos si contemnimus et iam abiectos putamus, illos certe minus despicere debemus: Aristonem, qui cum Zenonis fuisset auditor, re probavit ea, quae ille verbis, nihil esse bonum nisi virtutem, nec malum nisi quod virtuti esset contrarium; in mediis ea momenta, quae Zeno voluit,
- 25 nulla esse censuit. Huic summum bonum est in his rebus neutram in partem moveri, quae ἀδιαφορία ab ipso dicitur; Pyrrho ⁴¹⁹ autem ea ne sentire quidem sapientem, quae ἀπάθεια ⁴²⁰ nominatur. Has igitur tot sententias ut omittamus, haec nunc videamus quae diu
- 30 multumque (131) defensa sunt. Alii voluptatem finem esse voluerunt; quorum princeps Aristippus qui Socratem audierat, unde Cyrenaici; post Epicurus, cuius est disciplina nunc notior nec tamen cum Cyrenaicis de ipsa voluptate consentiens. Voluptatem
- 35 autem et honestatem finem esse Callipho ⁴²¹ censuit, vacare omni molestia Hieronymus ⁴²², hoc idem cum honestate Diodorus, ambo hi Peripatetici; honeste autem vivere fruentem rebus iis, quas primas homini

XLII. 129. Но вернемся к тому, с чего я начал: что мы знаем по-настоящему о добре и зле? Безусловно, необходимо установить пределы (*fines*), до которых простираются высшие [проявления] добра и зла. Есть ли что-нибудь, что вызывало бы большие споры среди самых выдающихся умов? Я не стану говорить о том, что, по-видимому, уже забыто, — о том, что Эрилл⁴¹⁷ полагает высшее благо в познании и науке; он был учеником Зенона, но ты сам видишь, как сильно он расходится с ним и как близок он к Платону. Существовала знаменитая Мегарская школа, во главе которой, как я читал, стоял Ксенофан, а после него были Парменид и Зенон (от них философы этой школы назывались *элеатами*). Затем был ученик Сократа, мегарец Евклид, от которого получили название *мегариков*⁴¹⁸ те, которые утверждали, что только единое подобное самому себе и неизменное есть благо. Они взяли также многое у Платона. От Менедема, поскольку он был из Эретрии, получили название *эретрийцев* философы, считавшие благом только ум и его проникаемость, благодаря которой можно увидеть истину; это похоже на учение *элидян*, но, как мне кажется, более полно развито и красноречивее изложено. 130. Но если мы невысоко ставим всех их, считая их устаревшими, то мы должны проявить больше внимания к другим, например к Аристону, который, будучи учеником Зенона, на деле доказал то, что Зенон сформулировал лишь на словах, а именно: только добродетель является благом, злом же лишь то, что противоположно добродетели; а к *промежуточному* (*media*) он не относил ничего из того, что было таковым в представлении Зенона. Ведь для последнего высшим благом является не склоняться ни в ту ни в другую сторону, то есть то, что называется у них *ἀδιαφρία*. Пиррон⁴¹⁹ же полагал, что мудрец даже и не замечает этого, и называл это апатией (*ἀπάθεια*)⁴²⁰. Оставив в стороне все это множество мнений, рассмотрим теперь те положения, которые уже давно и очень настойчиво защищаются. 131. Одни из них считают, что высшим благом является наслаждение; первым здесь был Аристипп, ученик Сократа, затем киренаики, потом Эпикур, учение которого в наше время более известно, однако он расходится с киренаиками в понимании самого наслаждения. Каллифон⁴²¹ считает предельным, то есть высшим, благом сочетание наслаждения и нравственного (*honestas* — букв. честность); Иероним⁴²² — освобождение от всяких тягот, то же самое, но в сочетании с нравственным началом (*honestas*); Диодор (оба последние — перипатетики) — жить достойно, пользуясь тем, что природа с самого начала дала человеку, — так определяет выс-

natura conciliet, et vetus Academia censuit, ut indicant scripta Polemonis, quem Antiochus probat maxime, et Aristoteles eiusque amici huc proxime videntur accedere. Introducebat etiam Carneades, non quo probaret, sed ut
 5 opponeret Stoicis, summum bonum esse frui rebus iis, quas primas natura conciliavisset. Honeste autem vivere, quod ducatur a conciliatione naturae, Zeno statuit finem esse bonorum, qui inventor et princeps Stoicorum fuit.

XLIII. (132) Iam illud perspicuum est, omnibus his finibus
 10 bonorum, quos exposui, malorum fines esse contrarios. Ad vos nunc refero quem sequar, modo ne quis illud tam ineruditum absurdumque respondeat, „Quemlibet, modo aliquem“: nihil potest dici inconsideratius. Cupio sequi Stoicos: licetne — omitto per Aristotelem, meo
 15 iudicio in philosophia prope singularem — per ipsum Antiochum? Qui appellabatur Academicus, erat quidem, si perpauca mutavisset, germanissimus Stoicus. Erit igitur res iam in discrimine, nam aut Stoicus constituatur sapiens aut veteris Academiae. Utrumque
 20 non potest, est enim inter eos non de terminis, sed de tota possessione ⁴²³ contentio, nam omnis ratio vitae definitione summi boni continetur, de qua qui dissident, de omni vitae ratione dissident ⁴²⁴. Non potest igitur uterque esse sapiens, quoniam tanto opere dissentiunt,
 25 sed alter. Si Polemoneus, peccat Stoicus rei falsae adsentiens — nam vos quidem nihil esse dicitis a sapiente tam alienum; sin vera sunt Zenonis, eadem in veteres Academicos Peripateticosque dicenda. Hic igitur neutri adsentietur? Sin, inquam, uter (133) est
 30 prudentior? Quid? Cum ipse Antiochus dissentit quibusdam in rebus ab his, quos amat, Stoicis, nonne indicat non posse illa probanda esse sapienti? Placet Stoicis omnia peccata esse paria ⁴²⁵, at hoc Antiocho vehementissime displicet; liceat tandem mihi considerare
 35 utram sententiam sequar. „Praecide“, inquit, „statue aliquando quidlibet!“ Quid quod quae dicuntur et acuta

шее благо Старая Академия, как о том свидетельствует сочинение Полемона, которого весьма одобрял Антиох; Аристотель со своими последователями, как мне кажется, вплотную подходит к тому же. Карнеад, не столько для того, чтобы утверждать это, сколько чтобы противопоставить стоикам, вводил положение, гласящее, что высшее благо — наслаждение вещами, которые дала нам природа как исходные (*primae*). Зенон же установил, что предел блага — это жить нравственно (*honeste*), что исходит из требований природы. Именно он был создателем школы стоиков и главой ее.

XLIII. 132. Очевидно и то, что для всех перечисленных мною пределов блага существуют противоположные им пределы зла. Я хочу спросить у вас, кому мне следовать; только пусть никто не отвечает мне на это таким невежественным и бессмысленным заявлением: „Следуй кому угодно, но только все же кому-нибудь“. Не может быть ничего более необдуманного. Я желаю следовать стоикам. Дозволено ли мне это сделать (я не говорю: „с разрешения Аристотеля“ — едва ли не самого замечательного, по моему мнению, философа), но с разрешения самого Антиоха? Он называл себя академиком, но был, если не считать совершенно незначительных отличий, чистейшим стоиком. Следовательно, нужно будет сделать выбор: либо мы считаем мудрецом стоика, либо — принадлежащего к Старой Академии; быть одновременно и тем и другим невозможно, ибо тяжба между ними идет не о границах, а обо всем имени⁴²³. Ведь определением высшего блага охватывается все устройство жизни (*ratio vitae*), и если люди расходятся в понимании этого, они тем самым расходятся и в понимании самого устройства жизни⁴²⁴. А поскольку они столь решительно расходятся во взглядах, они оба не могут быть мудрецами, но лишь кто-то один из них. Если это последователь Полемона, тогда стоик совершает ошибку, соглашаясь с ложным (вы же утверждаете, что нет ничего, столь чуждого мудрецу); если же верны мысли Зенона, то это же самое следует сказать и о последователях Старой Академии, и о перипатетиках. Так значит, он, [Антиох], не согласится ни с тем ни с другим? Если же нет, повторяю, то кто из них мудрее?

133. Ну, а когда сам Антиох расходится в некоторых вопросах со своими любимыми стоиками, разве это не говорит нам, что мудрец не может одобрить этого? Стоики считают, что все проступки равны⁴²⁵, Антиох же решительно с этим не согласен. Так пусть, наконец, мне будет позволено поразмыслить над тем, какому положению следовать. „Ну, так решишь

mihi videntur in utramque partem et paria? Nonne caveam ne scelus faciam? Scelus enim dicebas esse, Luculle, dogma prodere; contineo igitur me, ne incognito adsentiar — quod mihi (134) tecum est
 5 dogma commune. Ecce multo maior etiam dissensio: Zeno in una virtute positam beatam vitam putat; quid Antiochus? „Etiam“, inquit, „beatam sed non beatissimam“. Deus ille, qui nihil censuit deesse virtuti, homuncio hic, qui multa putat praeter virtutem homini
 10 partim cara esse, partim etiam necessaria. Sed ille vereor ne virtuti plus tribuat quam natura patiatur, praesertim Theophrasto multa diserte copioseque contra dicente. Et hic, metuo, ne vix sibi constet, qui cum dicat esse quaedam et corporis et fortunae mala, tamen eum qui
 15 in his omnibus sit, beatum fore censeat si sapiens sit. Distrahor: tum hoc mihi probabilius, tum illud videtur. Et tamen, nisi alterutrum sit, virtutem iacere plane puto; verum in his discrepant.

XLIV. (135) Quid, illa in quibus consentiunt num pro veris
 20 probare possumus? Sapientis animum numquam nec cupiditate moveri nec laetitia ecerri? Age, haec probabilia sane sint: num etiam illa, numquam timere, numquam dolere? Sapiensne non timeat ne patria deleatur? Non doleat si deleta sit ⁴²⁶? Durum, sed
 25 Zenoni necessarium, cui praeter honestum nihil est in bonis; tibi vero, Antioche, minime, cui praeter honestatem multa bona, praeter turpitudinem multa mala videntur, quae et venientia metuat sapiens necesse est et venisse doleat. Sed quaero, quando ista fuerint ab
 30 Academia vetere decreta, ut animum sapientis commoveri et conturbari negarent. Mediocritates illi probabant, et in omni permotione naturalem volebant esse quendam modum. Legimus omnes Crantoris ⁴²⁷ veteris Academici „De luctu“; est enim non magnus, verum aureolus et,

же, — говорит он, — и прими в конце концов какое-то решение!“ А что, если то, что говорится „за“ и „против“ в этом споре, мне представляется одинаково тонким и убедительным? Разве не должен я постараться избежать преступления? Ведь ты, Лукулл, называешь преступлением отказ от догмы. Поэтому я постараюсь быть осторожным, дабы не высказывать одобрение тому, чего я не знаю, и это у нас с тобой догма общая. 134. А вот следующее разногласие намного серьезнее. Зенон полагает, что счастливая жизнь целиком заключена в добродетели. А что же Антиох? Да, говорит он, это счастливая жизнь, но не самая счастливая (*beatissima*). Так вот, первый из них — бог, ибо полагает, что добродетель самодостаточна, второй же — лишь жалкий человек, думающий, что и помимо добродетели многое дорого для человека, а многое — необходимо. Но, боюсь, не приписывает ли тот добродетели больше, чем это позволяет природа, тем более, что Феофраст весьма красноречиво и обоснованно возражает против этого. И тут я опасаясь, что и второй вряд ли последователен, когда он заявляет, что существуют некие телесные страдания (*mala*) и бедствия судьбы, но человек, подвергающийся всему этому, по его мнению, все же будет счастлив, если он мудр. Я разрываюсь в нерешительности: то одно мне кажется вероятнее, то второе, и однако же я полагаю, не будь того или другого, добродетель была бы совершенно повержена. Но именно в этом они расходятся.

XLIV. 135. Ну, а то, в чем они согласны, неужели мы можем признать за истину: что дух мудреца никогда не испытывает страсти, никогда не предается радости? Хорошо, пусть это вероятно, но неужели вероятно и то, что он никогда не испытывает страха, никогда не испытывает страдания? Неужели мудрец не боится, что родина может погибнуть? Неужели не страдает, если она разорена?⁴²⁶ Это тягостно, но для Зенона, который считает, что только *нравственное* (*honestum*) является благом, необходимо, а для тебя, Антиох, отнюдь нет — поскольку ты считаешь, что помимо *нравственного* существует множество других благ и кроме *позорного* (*turpitude*) много других зол, которых мудрец должен страшиться, пока они не наступили, и от которых должен страдать, если они пришли. Но я хочу спросить, когда же Старая Академия приняла решение о том, что дух мудреца не испытывает волнений и страданий? Они одобряли „среднее“ и хотели, чтобы всякое волнение знало некую естественную меру. Мы все читали книгу Крантора⁴²⁷, принадлежавшего к Старой Академии, „О горе“. Это небольшая, но поистине за-

ut Tuberoni⁴²⁸ Panaetius praecipit, ad verbum ediscendus libellus. Atque illi quidem etiam utiliter a natura dicebant permotiones istas animis nostris datas, metum cavendi causa, misericordiam aegritudinemque clementiae; ipsam
 5 iracundiam fortitudinis quasi cotem⁴²⁹ esse dicebant, recte secusne, alias (136) viderimus. Atrocitas quidem ista tua quo modo in veterem Academiam intruperit nescio; illa vero ferre non possum, non quo mihi displiceant (sunt enim Socratica pleraque mirabilia Stoicorum, quae παράδοξα
 10 nominantur), sed ubi Xenocrates, ubi Aristoteles ista tetigit (hos enim quasi eosdem esse vultis)? Illi umquam dicerent sapientes solos reges, solos divites, solos formosos, omnia quae ubique essent sapientis esse, neminem consulem praetorem imperatorem, nescio an ne
 15 quinquevirum⁴³⁰ quidem quemquam, nisi sapientem, postremo solum civem, solum liberum, insipientes omnes peregrinos, exsules, servos, furiosos? Denique scripta Lycurgi, Solonis, duodecim tabulas nostras non esse leges? Ne urbes quidem aut (137) civitates, nisi quae
 20 essent sapientium? Haec tibi, Luculle, si es adsensus Antiocho familiari tuo, tam sunt defendenda quam moenia, mihi autem bono modo tantum quantum videbitur.

XLV. Legi apud Clitomachum, cum Carneades et Stoicus Diogenes ad senatum in Capitolio starent⁴³¹,
 25 A. Albinum qui tum P. Scipione et M. Marcello consulibus praetor esset, eum qui cum avo tuo, Luculle, consul fuit, doctum sane hominem, ut indicat ipsius historia scripta Graece, iocantem dixisse Carneadi:
 „Ego tibi, Carneade, praetor esse non videor [quia
 30 sapiens non sum], nec haec urbs, nec in ea civitas?“
 Tum ille: „Huic Stoico non videris“. Aristoteles aut Xenocrates, quos Antiochus sequi volebat, non dubitavisset quin et praetor ille esset, et Roma urbs, et eam civitas incoleret; sed ille noster est plane, ut
 35 supra (138) dixi, Stoicus, perpauca balbutiens. Vos autem mihi verenti ne labar ad opinionem et aliquid adsciscam et comprobem incognitum (quod minime

мечательная книжечка, которую Панетий советовал Туберону⁴²⁸ выучить наизусть. И они ведь говорили, что эти тревожнения даны нам природою даже на пользу: страх, чтобы быть осторожными, жалость и огорчение, чтобы быть милосердными, даже сама гневливость, по их словам, является оселком мужества⁴²⁹, — правильно это или нет, мы рассмотрим в другой раз. 136. Я, право, не знаю, как ты мог так жестоко обрушиться на Старую Академию, но я не могу стерпеть этого, не потому, что мне это не нравится (ведь большинство этих удивительных положений, которые стоики называют парадоксами (*παράδοξα*), являются сократическими), но где Ксенократ, где Аристотель когда-нибудь касались этих вопросов? Ведь вы не желаете видеть никакого различия между ними. Разве они когда-нибудь говорили, что только мудрецы являются царями, только мудрецы богаты, только мудрецы прекрасны? Что все сущее принадлежит мудрецу? Что никто, кроме мудреца, не может быть консулом, претором, полководцем, даже квинквевиром?⁴³⁰ Наконец, что только мудрец является гражданином, только мудрец свободен? Что все лишённые мудрости — чужаки, изгнанники, рабы, безумцы? Наконец, что законы Ликурга и Солона и наши Двенадцать таблицов все и не законы? Более того, даже города и государства вовсе не государства, если не правят ими мудрецы? 137. Все это, Лукулл, если ты согласен со своим другом Антиохом, тебе придется защищать, как стены города, мне же — настолько, насколько представится необходимым.

XLV. Я читал у Клитомаха, что когда Карнеад и стоик Диоген стояли на Капитолии⁴³¹ перед сенатом, а Альбин, бывший в консульство П. Сципиона и М. Марцелла претором, а вместе с твоим дедом, Лукулл, — консулом, человек весьма образованный, как о том свидетельствует написанная им по-гречески история, в шутку сказал Карнеаду: „Так значит, Карнеад, ни я не кажусь тебе претором [потому что я не мудрец], ни этот город, ни его граждане не кажутся таковыми?“ На это Карнеад ответил: „Этому стоику не кажется“. Аристотель или Ксенократ, которым хотел следовать Антиох, не стали бы сомневаться в том, что и тот был претором и Рим — городом, и что его населяют граждане, но этот — наш друг, — как я сказал выше, настоящий стоик, говорящий мало и весьма невразумительно. 138. А что вы можете мне посоветовать, коль скоро я боюсь, как бы не скатиться мне к *предположению* и не выразить *согласия* и *одобрения* тому, чего я не знаю (а этого вы менее всего хотели бы)? Хрисипп неоднократно заявлял, что сущест-

- vultis), quid consilii datis? Testatur saepe Chrysippus tres solas esse sententias quae defendi possint de finibus bonorum, circumcidit et amputat multitudinem; aut enim honestatem esse finem aut voluptatem aut utrumque;
- 5 nam qui summum bonum dicant id esse, si vacemus omni molestia, eos invidiosum nomen voluptatis fugere, sed in vicinitate versari, quod facere eos etiam qui illud idem cum honestate coniungerent, nec multo secus eos, qui ad honestatem prima naturae commoda adiungerent;
- 10 ita tris relinquit sententias quas putet probabiliter posse (139) defendi. Sit sane ita — quamquam a Polemonis et Peripateticorum et Antiochi finibus non facile divellor nec quicquam habeo adhuc probabilius — verum tamen video, quam suaviter voluptas sensibus nostris blandiatur.
- 15 Labor eo ut adsentiar Epicuro aut Aristippo: revocat virtus vel potius repprendit manu, pecudum illos motus esse dicit, hominem iungit deo. Possum esse medius, ut, quoniam Aristippus, quasi animum nullum habeamus, corpus solum tuetur, Zeno, quasi corporis simus
- 20 expertes, animum solum complectitur, ut Calliphontem sequar, cuius quidem sententiam Carneades ita studiose defensitabat, ut eam probare etiam videretur (quamquam Clitomachus adfirmabat numquam se intellegere potuisse quid Carneadi probaretur); sed
- 25 si istum finem velim sequi, nonne ipsa veritas et gravis et recta ratio mihi obversetur: „Tunc, cum honestas in voluptate contemnenda consistat, honestatem cum voluptate (140) tamquam hominem cum belua copulabis?“

XLVI. 30 Unum igitur par quod depugnet relicum est, voluptas cum honestate; de quo Chrysippo fuit, quantum ego sentio, non magna contentio. Alteram si sequare, multa ruunt et maxime communitas cum hominum genere, caritas amicitia iustitia, reliquae virtutes, quarum esse

35 nulla potest, nisi erit gratuita. Nam quae voluptate quasi mercede aliqua ad officium impellitur, ea non est virtus, sed fallax imitatio simulatioque virtutis. Audi contra

вуют только три точки зрения относительно предела блага, которые можно отстаивать, остальное же множество он решительно отбрасывает. Таким предельным благом является или *нравственное* (*honestas*), или — *наслаждение* (*voluptas*), или — и то и другое. Потому что те, кто считают высшим благом свободу от всех тягот и неприятностей, избегают ненавистного для них имени *наслаждения*, но оказываются совсем рядом с ним. То же происходит и с теми, кто пытается соединить свободу от тягот с *нравственностью*. Мало чем отличаются от них и те, кто хотят объединить *нравственность* и *первоначальные блага природы* (*prima naturae commoda*). Таким образом, он оставляет только три основные точки зрения, которые, по его мнению, можно убедительно защищать. 139. Пусть будет так, хотя мне нелегко оторваться от того понимания предельного блага, которое предлагается Полемоном, перипатетиками и Антиохом, и я не знаю ничего более вероятного, однако же я вижу, сколь соблазнительно и сладостно для наших чувств *наслаждение*. Я готов уже согласиться с Эпикуром или Аристиппом; но добродетель зовет меня назад, хватая меня за руку, говорит, что это побуждение скотское, а человек близок к богу. И поскольку Аристипп думает только о теле, как будто бы у нас вообще нет души, Зенон же говорит лишь о душе, как будто бы мы лишены тела, я могу занять среднюю позицию, а именно: следовать Каллифонту, чью точку зрения Карнеад защищал так настойчиво, что складывалось впечатление, будто он ее одобряет, хотя Клитомах и утверждал, что никогда не мог понять, что именно одобряет Карнеад. Но если бы я захотел следовать именно этому пониманию предельного блага, разве сама истина и серьезный и основательный ум (*gravis et recta ratio*) не выступили бы против? И ты, несмотря на то что *нравственное* выражается в презрении к *наслаждению*, хочешь соединить *нравственность* с *наслаждением*! А это то же, что соединять человека и зверя.

XLVI. 140. Остается, таким образом, одна сражающаяся пара: „*нравственное* против *наслаждения*“; и здесь Хрисипп, насколько я понимаю, не прилагал слишком больших усилий. Если же ты выберешь второе — рушится многое, и в первую очередь общность рода человеческого: любовь, дружба, справедливость, прочие добродетели, ни одна из которых не может существовать, если она не бескорыстна. Потому что, если добродетель приходит к исполнению своего долга, подталкиваемая *наслаждением*, как некоей платой, то это не добродетель, а лживая подделка и

illos, qui nomen honestatis a se ne intellegi quidem dicant, nisi forte, quod gloriosum sit in vulgus, id honestum velimus dicere; fontem omnium bonorum in corpore esse, hanc normam, hanc regulam, hanc
 5 praescriptionem esse naturae, a qua qui aberravisset, eum numquam quid (141) in vita sequeretur habiturum. Nihil igitur me putatis, haec et alia innumerabilia cum audiam, moveri? Tam moveor quam tu, Luculle, nec me minus hominem quam te putaveris. Tantum interest,
 10 quod tu, cum es commotus, adquiescis, adsentiris, adprobas, verum illud certum comprehensum perceptum ratum firmum fixum vis esse, deque eo nulla ratione neque pelli neque moveri potes, ego nihil eius modi esse arbitror, cui si adsensus sim, non
 15 adsentiar saepe falso, quoniam vera a falsis nullo discrimine separantur, praesertim cum iudicia ista dialecticae nulla sint.

(142) Venio enim iam ad tertiam partem philosophiae. Aliud iudicium Protagorae est, qui putet
 20 id cuique verum esse, quod cuique videatur, aliud Cyrenaicorum qui praeter permotiones intimas nihil putant esse iudicii, aliud Epicuri qui omne iudicium in sensibus et in rerum notitiis et in voluptate constituit; Plato autem omne iudicium veritatis veritatemque ipsam
 25 abductam ab opinionibus et a sensibus cogitationis (143) ipsius et mentis esse voluit. Num quid horum probat noster Antiochus? Ille vero ne maiorum quidem suorum: ubi enim aut Xenocraten sequitur, cuius libri sunt de ratione loquendi multi et multum probati,
 30 aut ipsum Aristotelem, quo profecto nihil est acutius, nihil politius? A Chrysippo pedem nusquam.

XLVII. Quid ergo Academici appellamur? An abutimur gloria nominis? Aut cur cogimur eos sequi, qui inter se dissident? In hoc ipso, quod in elementis dialectici docent,
 35 quo modo iudicare oporteat verum falsumne sit, si quid ita conexum est ut hoc, „si dies est, lucet“, quanta contentio

видимость добродетели. А с другой стороны, послушай: те, кто уверяют, что они не понимают даже самого слова *нравственность*, если только мы не собираемся называть *нравственным* (букв. почетным — *honestum*) то, что у толпы называется *славным* (*gloriosum*), заявляют, что источник всех благ заключен в теле, что именно оно является мерилom, правилом, предписанием природы, отступление от которого лишает навсегда возможности достичь того, чему нужно следовать в жизни. 141. И вы думаете, что, когда я слышу подобные вещи или бесчисленное множество подобных вещей, я остаюсь равнодушным? И меня это волнует не меньше, чем тебя, Лукулл, и не думай, что я не такой же человек, как и ты. Разница лишь в том, что ты, испытывая это волнение, принимаешь, соглашаешься, одобряешь, считаешь истинным, достоверным, постигнутым, воспринятым, обдуманном, твердым, закрепленным, и это твое убеждение не способны поколебать или изменить никакие доводы, я же считаю, что не существует ничего, *согласие* с которым не приводило бы меня часто к *согласию* с ложным, ибо истинное ничем не отделено от ложного, да и не существует никаких логических критериев этого.

142. Теперь я подхожу к третьей части философии. Протагор полагает, что для каждого истинным является то, что представляется каждому таковым. Киренаики же считают, что не существует иного критерия истины (*iudicium*), кроме глубочайших внутренних движений души, и совсем иначе думает Эпикур, который всякое суждение об истине сводит к чувствам, к понятиям о вещах (*rerum notitiae*) и *наслаждении*. Платон считал, что всякое суждение об истине и сама истина не связаны с *предположениями* и чувственным восприятием, а относятся к деятельности мышления и ума (*cogitationis et mentis*). 143. Разве наш Антиох одобряет что-нибудь из этого? Он даже со своими предшественниками не соглашается. Где он следует, например, за Ксенократом, чьи многочисленные сочинения по логике (об обоснованности высказывания (*ratio loquendi*)) пользуются большим авторитетом, или за Аристотелем, бесспорно самым проницательным и самым блестящим философом? Он ни на шаг не отступает от Хрисиппа.

XLVII. Так почему же мы зовемся академиками? Уж не злоупотребляем ли мы этим славным именем? И почему нас заставляют следовать тем, кто не может прийти к согласию между собой? Даже о том, чему учат диалектики как самому элементарному, — как следует судить о том, истинно или ложно заключение такого рода: „если это день, то свет-

est! Aliter Diodoro, aliter Philoni, Chrysippo aliter placet. Quid? cum Cleanthe doctore suo quam multis rebus Chrysippus dissidet? Quid? Duo vel principes dialecticorum, Antipater et Archidemus⁴³², opiniosissimi
 5 (144) homines, nonne multis in rebus dissentiunt? Quid me igitur, Luculle, in invidiam et tamquam in contionem vocas, et quidem, ut seditiosi tribuni solent, occludi tabernas iubes? Quo enim spectat illud, cum artificia tolli quereris a nobis, nisi ut opifices concitentur? Qui si
 10 undique omnes convenerint, facile contra vos incitabuntur. Expromam primum illa invidiosa, quod eos omnes, qui in contione stabunt, exsules servos insanos esse dicatis; dein ad illa veniam, quae iam non ad multitudinem, sed ad vosmet ipsos, qui adestis, pertinent: negat enim vos Zeno,
 15 negat Antiochus scire quicquam. „Quo modo!“ inquires; „nos enim defendimus etiam insipientem (145) multa comprehendere“. At scire negatis quemquam rem ullam nisi sapientem; et hoc quidem Zeno gestu conficiebat: nam cum extensis digitis adversam manum ostenderat, „visum“
 20 inquebat „huius modi est“; dein cum paulum digitos contraxerat, „adsensus huius modi“; tum cum plane compresserat pugnumque fecerat, comprehensionem illam esse dicebat (qua ex similitudine etiam nomen ei rei, quod ante non fuerat, *κατάληψιν* imposuit); cum autem laevam
 25 manum admoverat et illum pugnum arte vehementerque compresserat, scientiam talem esse dicebat, cuius compotem nisi sapientem esse neminem. Sed qui sapiens sit aut fuerit, ne ipsi quidem solent dicere. Ita tu nunc, Catule, lucere nescis, nec tu, (146) Hortensi, in tua villa
 30 nos esse! Num minus haec invidiose dicuntur? Nec tamen nimis eleganter; illa subtilius. Sed quo modo tu, si comprehendi nihil posset, artificia concidere dicebas, nec mihi dabas id, quod probabile esset, satis magnam vim habere ad artes, sic ego nunc tibi refero artem sine scientia
 35 esse non posse. An pateretur hoc Zeuxis aut Phidias aut Polyclitus, nihil se scire, cum in iis esset tanta sollertia? Quodsi eos docuisset aliquis, quam vim habere diceretur scientia, desinerent irasci: ne nobis quidem suscenserent,

ло“, — какой ожесточенный спор поднимается. Диодор говорит одно, Филон — другое, Хрисипп — третье. А сам Хрисипп как часто расходится со своим учителем Клеанфом! А эти два главных диалектика, Антипатр и Архимед⁴³², закоренелые педанты (*homines opiniosissimi*), разве не расходятся между собой во множестве вопросов? Так зачем же теперь, Лукулл, ты обрекаешь меня на ненависть толпы и вызываешь на сходку и при этом, как обычно поступают мятежные трибуны, требуешь закрыть таверны. Когда ты обвиняешь нас в том, что мы уничтожаем практические науки (*artificia*), что это, как не желание поднять на мятеж мастеровых? Ведь если они соберутся все вместе, их легко будет обратиться и против вас. Я им прежде всего напому ваши способные вызвать неприязнь слова о том, что все участники этой сходки — изгнанники, рабы и безумцы. Затем я перейду к тому, что обращено уже не к толпе, а к вам самим, присутствующим здесь. Ведь и Зенон, и Антиох отрицают, что вы что-то знаете. „Как это так, — скажешь ты, — ведь мы стоим за то, что и немудрый многое понимает (схватывает — *comprehendere*)“.

145. Но вы же не признаете, что кто-нибудь, кроме мудреца, знает хоть что-то. Все это Зенон показывал на жестах. Протягивая раскрытую ладонь с вытянутыми пальцами, он говорил: „*Это представление*“, затем, немножко согнув пальцы, говорил: „*Это согласие (adsensus)*“, а потом, крепко сжав пальцы в кулак, говорил, что „*это понимание (comprehensio)*“. Для этого жеста он придумал имя, которого ранее не существовало: *κατάληψις* — *понимание (схватывание)*. А когда он подносил левую руку, крепко и сильно сжимая ею кулак, он говорил: „Вот это и есть *знание (scientia)*, а владеть им не может никто, кроме мудреца“. Но они и сами не могут сказать, кто же ныне является мудрецом или был им когда-то.

146. И вот оказывается: теперь ты, Катул, не знаешь, что сейчас светло, а ты, Гортенсий, что мы находимся на твоей вилле! Разве эти рассуждения не могут вызвать такую же неприязнь? Хотя последнее, может быть, несколько грубо, предыдущее выглядит тоньше. Но как ты утверждал, что если ничто не может быть познано, тем самым уничтожаются практические науки (*artificia*), и не соглашался со мной, что *вероятное* имеет большое значение для мастерства, так и я говорю тебе, что мастерство не может существовать без знания. Разве Зевксис, или Фидий, или Поликет согласились бы, что они ничего не знают, если они владеют таким мастерством? Но если бы кто-то объяснил им, в каком смысле говорится здесь о знании, они бы перестали возмущаться да и на нас бы больше не гневались, ибо поняли, что мы устраним то, чего во-

cum didicissent id tollere nos, quod nusquam esset, quod autem satis esset, ipsis relinquere. Quam rationem maiorum etiam comprobant diligentia, qui primum iurare „ex sui animi sententia“ quemque voluerunt, deinde ita 5 teneri „si sciens falleret“ (quod inscientia multa versaretur in vita), tum qui testimonium diceret ut „arbitrari“⁴³³ se diceret etiam quod ipse vidisset, quaeque iurati iudices cognovissent, ea non ut „esse facta“, sed ut „videri“ pronuntiarentur.

- XLVIII. 10 (147) Verum quoniam non solum nauta significat, sed etiam favonius ipse insusurrat navigandi nobis, Luculle, tempus esse, et quoniam satis multa dixi, est mihi perorandum. Posthac tamen, cum haec quaeremus, potius de dissensionibus tantis summorum virorum disseramus, de obscuritate naturae 15 deque errore tot philosophorum (qui de bonis contrariisque rebus tanto opere discrepant ut, cum plus uno verum esse non possit, iacere necesse sit tot tam nobiles disciplinas), quam de oculorum sensuumque reliquorum mendaciis et de sorite aut pseudomeno, quas plagas ipsi contra se Stoici (148) 20 texuerunt». Tum Lucullus: «Non moleste», inquit, «fero nos haec contulisse; saepius enim congregantes nos, et maxime in Tusculanis nostris, si quae videbuntur, requiremus». «Optume», inquam, «sed quid Catulus sentit? Quid Hortensius?» Tum Catulus: «Egone?» inquit; «Ad patris 25 revolvor sententiam, quam quidem ille Carneadeam esse dicebat, ut percipi nihil putem posse, adsensurum autem non percepto, id est opinaturum, sapientem existumem, sed ita ut intellegat se opinari sciatque nihil esse quod comprehendere et percipi possit; quare ἐποχὴν illam omnium rerum comprobans, 30 illi alteri sententiae, nihil esse quod percipi possit, vehementer adsentior». «Habeo», inquam, «sententiam tuam nec eam admodum aspernor; sed tibi quid tandem videtur, Hortensi?» Tum ille ridens: «Tollendum!»⁴³⁴ «Teneo te», inquam, «nam ista Academiae est propria sententia». Ita sermone confecto 35 Catulus remansit, nos ad naviculas nostras descendimus.

обще не существует, оставляем же им то знание, которого им вполне достаточно. Этот довод подтверждается осмотрительностью (*diligentia*) наших предков, которые, во-первых, предписывали каждому клясться „по велению собственного сердца“, а за нарушение клятвы наказывали в том случае, если „обманывал сознательно“ (потому что в жизни много непредсказуемого), а затем, чтобы свидетельствующий говорил: он „так считает“⁴³³ (*arbitrari*), даже о том, что видел своими глазами, и чтобы судьи, принеся присягу о том, что они узнали в ходе дела, говорили бы, что это не „произошло“, а „кажется, что произошло“.

XLVIII. 147. Но так как не только корабельщик подает нам уже знак, но и сам Фавоний нашептывает на ухо, Лукулл, что время отплывать — да и сказал я уже достаточно много, — мне пора заканчивать. А потом, когда мы станем вновь рассуждать об этом, нам, пожалуй, будет лучше поговорить о немалых расхождениях среди выдающихся мужей, о тайнах природы, о заблуждениях многих философов, столь сильно расходящихся относительно и того, что такое благо, и того, что противостоит ему; и поскольку не может существовать более одной истины, все эти многочисленные и знаменитые учения неизбежно рассыпаются в прах, и, повторяю, нам лучше рассуждать об этом, чем об обманах зрения и других чувств, о сорите или лжеце, обо всех этих силках, которые сами стоики сплели против самих же себя». 148. Тогда Лукулл сказал: «Я не жалею, что мы об этом говорили. Мы еще не раз соберемся и, конечно, в нашем Тускуле и тогда рассмотрим, если угодно, все это». «Прекрасно, — отвечаю я, — ну, а что думает об этом Катул, что Гортенсий?» На это Катул сказал: «Что я думаю? Я склоняюсь к мнению своего отца, которое он, впрочем, приписывал Карнеаду, и полагаю, что ничто не может быть постигнуто, но я готов считать, что мудрец может выражать согласие с тем, что не постигнуто, то есть *предполагать*, но так, что он понимает, что это только *предположение*, и знает, что не существует ничего, что могло бы быть *постигнуто* и *понято*. Поэтому, не одобряя это их ἐποχὴ применительно ко всему сущему, я совершенно согласен со вторым его положением, что „не существует ничего, что могло бы быть постигнуто“». «Я понял твою мысль, — говорю я, — и не слишком настойчиво отвергаю ее, — ну, а ты, Гортенсий, ты-то что думаешь об этом?» А тот со смехом отвечает: «Пора поднять якорь⁴³⁴ (*Tollendum*)». «Вот ты и попался, — говорю я, — ибо это и есть собственно взгляд Академии». Так завершился разговор. Катул остался, а мы спустились к нашим кораблям.

FRAGMENTA EDITIONIS POSTERIORIS

Libri I

1. Nonius p. 65. *Digladiari dictum est dissentire et dissidere, dictum a gladiis. Cicero Academicorum lib. I: Quid autem stomachatur Mnesarchus? quid Antipater digladiatur cum Carneade tot voluminibus?*
2. 5 Non. p. 43 (s. v. concinnare). *Idem in Academicis lib. I: Qui cum similitudine verbi concinere maxime sibi videretur...*

Libri II

3. Non. p. 65. *Aequor ab aequo et plano Cicero Academicorum lib. II vocabulum accepisse confirmat: Quid tam planum videtur quam mare? E quo etiam*
2. 10 *aequor illud poetae vocant.*
4. Non. p. 69. *Adamare. Cicero Academicorum lib. II: Qui enim serius honores adamaverunt, vix admittuntur ad eos, nec satis commendati multitudini possunt esse.*
5. Non. p. 104. *Exponere pro «exempla boni ostentare».*
- 15 *Cicero Academicis lib. II: Frangere avaritiam, scelera ponere, vitam suam exponere ad imitandum iuventuti.*
6. Non. p. 191. *Hebes positum pro «obscurio» aut «obtusio». Cicero Academ. lib. II: Quid! Lunae quae liniamenta sunt? Potesne dicere? Cuius et nascentis*
- 20 *et senescentis alias hebetiora, alias acutiora videntur cornua.*
7. Non. p. 162. *Perpurascit Cicero Acad. lib. II: Quid? Mare nonne caeruleum? at eius unda, cum est pulsa remis, purpurascit, et quidem aquae tinctum quodam modo*
- 25 *et infectum...*
8. Non. p. 169. *Perpendicularis et normae. Cicero Acad. lib. II: Atqui si id crederemus, non egeremus perpendicularis, non normis, non regulis.*

ФРАГМЕНТЫ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

Книга первая

1. Ноний, р. 65. «Сражаться» (*digladiari*) говорится в смысле «расходиться, не соглашаться», от слова «меч» (*gladius*). Цицерон в Книге первой «Учения академиков»: «На что же гневается Мнесарх? Почему сражается Антипатр с Карнеадом в стольких книгах?»

2. Ноний, р. 43. Он же, в Книге первой «Учения академиков»: «С кем, как ему кажется, он более всего сходится по сходству слова...»

Книга вторая

3. Ноний, р. 65. «Гладь» (*aequor*), как подтверждает Цицерон в Книге второй «Учения академиков», образовано от «ровного» и «гладкого»: «Что можно представить более гладким, чем море, поэтому поэты даже называют его гладью».

4. Ноний, р. 69.6. «Возлюбить» (*adamare*). Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «Те, кто весьма поздно возлюбил почести, с трудом допускаются к ним и не могут стяжать достаточного благоволения толпы».

5. Ноний, р. 104. «Выставлять» (*exponere*) в значении «показывать хороший пример». Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «Сломить алчность, прекратить преступления, сделать жизнь свою предметом для подражания молодежи (*exponere vitam*)».

6. Ноний, р. 121. «Тупой, затупленный» (*obtusus*) употребляется в смысле «слабый». Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «А можешь ли ты сказать, каковы контуры луны? Ведь в одном случае, когда она рождается и когда она идет на убыль, ее рога кажутся то более четкими, то более расплывчатыми».

7. Ноний, р. 162. «Багровеет» (*purpurascit*). Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «Ну, а море, разве оно синее, но его волна под ударом весла багровеет, и окраска и цвет воды...».

8. Ноний, р. 162. «Отвесы» (*perpendiculara*) и «наугольники» (*погтае*). Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «Но если бы мы этому поверили, мы не нуждались бы ни в отвесах, ни в наугольниках, ни в линейках».

9. *Non. p. 394. Siccum dicitur aridum et sine humore. Siccum dicitur et sobrium, immadidum. Cicero Acad. lib. II: Alius (color) adultis, alius adolescentibus, alius aegris, <alius sanis>, alius siccis, alius vinulentis.*
10. 5 *Non. p. 474. Urinantur. Cicero in Academicis lib. II: Si quando enim nos demersimus, ut qui urinantur, aut nihil superum aut obscure admodum cernimus.*
11. *Non. p. 545. Alabaster. Cicero Acad. lib. II: Quibus etiam alabaster plenus unguenti puter esse videtur.*

Libri III

12. 10 *Non. p. 65. Digladiari... idem tertio: Digladiari autem semper et depugnare in facinorosis et audacibus, quis non cum miserrimum, tum etiam stultissimum dixerit?*
13. *Non. p. 65. Exultare dictum est «exilire». Cicero Acad. lib. III: Et ut nos nunc sedemus ad Lucrinum pisciculosque*
15 *exultantes videmus...*
14. *Non. p. 123. Ingeneraretur ut «innasceretur». Cicero Acad. lib. III: In tanta animantium varietate homini ut soli cupiditas ingeneraretur cognitionis et scientiae!*
15. *Non. p. 419. Vindicare, trahere, liberare... Cicero Acad. lib. III: Aliqua potestas sit, vindicet se in libertatem.*
20
16. *Lactant. Inst. vi, 24. Cicero... cuius haec in Academico tertio verba sunt: Quod si liceret, ut iis qui in itinere deerravissent, sic vitam deviam secutis corrigere errorem paenitendo, facilius esset emendatio temeritatis.*
17. 25 *Diomedes p. 377 ed. Keil. Varro ad Ciceronem tertio fixum et Cicero Academicorum tertio malcho in opera adfixa.*

9. Ноний, р. 394. *Siccus* означает «сухой» и «трезвый». Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «Иной цвет у взрослых, иной — у юношей, иной — у здоровых, иной — у больных, иной — у трезвых, иной — у пьяных».

10. Ноний, р. 474. «Нырять» (*uipari*). Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «Ведь если мы погружаемся в воду, например, как те, которые ныряют, мы или не видим наверху вообще ничего, или видим крайне смутно».

11. Ноний, р. 545. «Алавастр» (*alabaster*). Цицерон, Книга вторая «Учения академиков»: «...у которых даже наполненный благоуханием алавастр кажется зловонным».

Книга третья

12. Ноний, р. 65. «Сражаться» (*digladiari*) — то же и в Третьей книге: «Постоянно сражаться и биться до конца среди людей преступных и наглых — кто не назовет это и величайшим несчастьем, и величайшей глупостью?»

13. Ноний, р. 65. «Радоваться» (*exultare*), в значении «выпрыгивать» (*exilire*). Цицерон, Книга третья «Учения академиков»: «И как мы сейчас сидим на берегу Лукринского озера и видим, как выпрыгивают из воды рыбешки...».

14. Ноний, р. 123. «Даваться от рождения» (*ingenerari*) в значении «быть врожденным» (*innasci*). Цицерон, Книга третья «Учения академиков»: «В таком разнообразии живых существ только одному человеку дается от рождения страсть к познанию и науке».

15. Ноний, р. 419.3. «Требовать» (*vindicare*), «влечь» (*trahere*), «освобождать» (*liberare*). Цицерон, Книга третья «Учения академиков»: «...была бы какая-то возможность, он бы освободил себя».

16. Лактанций, «Наставления», VI. «...Цицерон, который говорит в Книге третьей «Учения академиков»: „Если бы это было можно, чтобы подобно заблудившимся в пути люди могли раскаянием исправить заблуждения своей жизни, было бы легко исправить свое необдуманное поведение“».

17. Диомед, р. 377. (изд. Keil). Варрон к Цицерону в Третьей книге использует слово *fixum* — «закрепленное», а Цицерон в Книге третьей «Учения академиков» — *opera adfixa*.

Librorum incertorum

18. *Lactant. Inst. iii. 14. Haec tua verba sunt (Cicero):*
Mihi autem non modo ad sapientiam caeci videmur, sed
ad ea ipsa, quae aliqua ex parte cerni videantur hebetes
et obtusi.
19. 5 *Augustin. c. Academicos II. 26 Talia, inquit*
Academicus, mihi videntur omnia, quae probabilia vel veri
similia putavi nominanda; quae tu si alio nomine vis vocare,
nihil repugno, satis enim mihi est te iam bene accepisse
quid dicam, id est, quibus rebus haec nomina imponam:
10 non enim vocabulorum opificem sed rerum inquisitorem
debet esse sapientem.
20. *August. c. Acad. III. 15 sq. Est in libris Ciceronis quos*
in huius causae patrocinium scripsit locus quidam, ut mihi
videtur, mira urbanitate conditus, ut non nullis autem,
15 *etiam firmitate roboratus. Difficile est prorsus ut*
quemquam nom moveat quod ibi dictum est, Academico
sapienti ab omnibus ceterarum sectarum, qui sibi sapientes
videntur, secundas partes dari, cum primas sibi quemque
vindicare necesse sit; ex quo posse probabiliter confici eum
20 recte primum esse suo iudicio, qui omnium ceterorum
iudicio sit secundus.
21. *August. c. Acad. III. 20. 43 Ait enim (Cicero) illis morem*
fuisse occultandi sententiam suam, nec eam cuiquam, nisi qui
secum ad senectutem usque vixissent, aperire consuesse.
22. 25 *August. de civ. Dei vi. 2 Denique et ipse Tullius huic*
(M. Varroni) tale testimonium perhibet ut in libris
Academicis dicat, eam quae ibi versatur disputationem se
habuisse cum M. Varrone, homine, inquit, omnium facile
acutissimo et sine ulla dubitatione doctissimo.

Из неустановленных книг

18. Лактанций, «Наставления», III. 14. «Вот твои слова: „Мне представляется, что мы не только слепы, если говорить о мудрости, но и тупы, и непроницательны в отношении одного того, что можно различить хоть с какой-нибудь стороны“».

19. Августин, «Против Академиков», II. 26. «Академик говорит: „Мне все представляется таким, что я посчитал возможным назвать вероятным или правдоподобным; и если ты хочешь назвать это каким-то иным именем, я не возражаю, ибо для меня достаточно, что ты прекрасно понимаешь мои слова, то есть к чему именно я применяю эти наименования, ведь мудрецу подобает быть не мастером слова, а исследователем вещей“».

20. Августин, «Против Академиков», III. 15 и сл. «И в книгах Цицерона, которые написал он в защиту этого дела, есть место, которое, как мне кажется, отмечено удивительным изяществом, а некоторым представляется и твердо установленным. Трудно представить, чтобы то, что там сказано, не взволновало бы любого: „Все, принадлежащие к прочим философским школам и представляющиеся себе мудрецами, на второе место поставят академического мудреца, оставив, естественно, первое место себе. Отсюда с полным основанием можно заключить, что тому по праву принадлежит первое место, как и сам полагает тот, кто, по мнению всех остальных, занимает второе“».

21. Августин, «Против Академиков», III. 20. 43. «[Цицерон говорит], что у них в обычае было скрывать свое суждение и не открывать его никому, кроме того, с кем прожил до старости».

22. Августин, «О граде Божием», VI. 2. «Наконец, и сам Туллий дает ему [М. Варрону] следующее свидетельство, говоря в книгах об Академиках, что ту беседу, которая там помещена, он имел с М. Варроном, „самым проницательным и, без сомнения, самым ученым из всех“».

Комментарии

□ □ □ □ □ □

КОММЕНТАРИИ

Латинский текст и комментарий, представленные в настоящей книге, опираются на следующие основные издания:

M. Tulli Ciceronis Academicorum reliquiae cum Lucullo / Ed. Otto Plasberg. Leipzig, 1922. Repr. Stuttgart, 1980. (Стандартное на настоящий момент издание текста «Учения академиков»; цитируется как *Пласберг*).

M. Tulli Ciceronis Academica / Ed. & comm. James S. Reid. London, 1885. Repr. Hildesheim, 1966, 1984. (Это издание с большой вступительной статьей и подробнейшим подстрочным комментарием остается, несмотря на свою более чем вековую данность, непревзойденным подспорьем для понимания трактата; цитируется как *Рид*).

Cicero. De Natura Deorum, Academica / Ed. et transl. H. Rackham. Cambridge; London, 1933 (и последующие переиздания; Loeb classical library).

При комментировании дополнительно привлекались два недавних немецких издания с комментарием и переводом:

Marcus Tullius Cicero. Hortensius. Lucullus. Academici libri / Hrsg., übers. und komment. von L. Straume-Zimmermann, F. Broemser und O. Gigon. München, 1990 (Sammlung Tusculum).

Marcus Tullius Cicero: Akademische Abhandlungen. Lucullus. Text und Übersetzung von C. Schäublin, Anmerkungen von A. Bächli und A. Graeser. Hamburg, 1995.

Основная литература, использовавшаяся при комментировании:

Hülser K. Die Fragmente zur Dialektik der Stoiker. Neue Sammlung der Texte mit deutscher Übersetzung und Kommentaren. Bd. I—IV. Stuttgart; Bad Cannstadt, 1987—1988 (цитируется как *Хюльзер*).

Long A. A. und Sedley D. N. The Hellenistic philosophers. 2 vol. Cambridge, 1987.

Haltenhoff A. Kritik der akademischen Skepsis. Ein Kommentar zu Cicero, Lucullus 1—62. Frankfurt/Main, 1998 (Studien zur klassischen Philologie, Bd. 113) (цитируется как *Хальтенхоф*).

Glucker J. Antiochos and the Late Academy. Göttingen, 1978 (цитируется как *Глюкер*).

Hirzel R. Untersuchungen zu Ciceros philosophischen Schriften. III Theil: Academica Priora. Tusculanae Disputationes. Leipzig, 1883. (Ndr. Hildesheim 1964) (цитируется как *Хирцель*).

Assent and Argument: Studies in Cicero's Academic Books: Proceedings of the VIIth Symposium Hellenisticum (Utrecht, August 21–25, 1995) / Ed. by Brad Inwood and Jaap Mansfeld. Leiden: Brill, 1997 (Philosophia antiqua vol. 76).

Powell J. G. F. (ed.). Cicero the Philosopher. Twelve Papers. Oxford, 1995.

Основные греческие источники по «скептической» философии, с которыми в комментарии постоянно сопоставляется латинский текст Цицерона — это Секст Эмпирик с сочинениями «Против ученых» («Adversus mathematicos») и «Пирроновы положения» («Pyrrhoniae Hypotyposes»), а также биографический компендий Диогена Лаэртия. Сокращаются как Sext. Emp. Adv. math.; Sext. Emp. Pyr. hyp.; D. L. с указанием книги и параграфа.

Другие сочинения Цицерона, цитируемые в комментарии, сокращаются по их латинским названиям, с указанием книги (если их несколько) и параграфа, а именно:

Brut. — Brutus sive de claris oratoribus	Nat. deor. — De natura deorum
De orat. — De oratore	Off. — De officiis
Div. — De divinatione	Orat. — Orator
Fat. — De fato	Rep. — De re publica
Fin. — De finibus bonorum et malorum	Sen. — De senectute
In Verr. — Orationes in Verrem	Top. — Topica
Leg. — De legibus	Tusc. — Tusculanae disputationes

Письма:

Att. — Epistulae ad Atticum
Fam. — Epistulae ad Familiares
Q. fr. — Epistulae ad Quintum fratrem

Переводы латинских и греческих цитат, за исключением особо оговоренных случаев, принадлежат автору комментария. Отдельные короткие цитаты, представляющие собой параллельные места к комментируемому тексту, оставлены без перевода.

1. Это письмо, входящее в сборник цicerоновских «Писем к близким» (ad Familiares), т. е. действительно отправленное Варрону вместе с посылкой ему рукописи трактата, часто помещается издателями перед текстом второй редакции «Учения академиков», хотя не является в собственном смысле частью текста. Подробнее об истории двух изданий «Учения академиков» и посвящения Варрону см. во вступительной статье, с. 4–48.

2. Тит Помпоний Аттик (109—32), римский всадник, ближайший друг и советник Цицерона на протяжении всей жизни, адресат 16 книг его писем. Прозвище «Аттик» получил в связи с тем, что очень долго (88—65) жил в Афинах. Был знатоком литературы, покровителем искусств — и в то же время «серым кардиналом» бурной политической жизни того времени (очень многие деятели тогдашнего Рима пользовались его кредитом). Ему удалось пережить даже период гражданских войн, оставаясь другом всем, и до самой своей смерти пользоваться покровительством Октавиана. Сохранилась его биография, составленная Корнелием Непотом. В философии Аттик причислял себя к последователям Эпикура.
3. Марк Теренций Варрон (116—27), ученик первого римского филолога Луция Элия Стилона, крупнейший специалист по римским древностям и истории латинского языка. В философии — ученик Антиоха Аскалонского (которого непосредственно слушал в Афинах), т. е., по терминологии нашего трактата, представитель «Старой Академии».
4. Большинство рукописей дают чтение *eum* вместо *enim*. В любом случае текст, несомненно, испорчен — выпала часть предложения, объясняющая, к чему относится «довольно долгий промежуток».
5. Ср. *Tusc. I, 6*: «*mandare quemquam litteris cogitationes suas, qui eas nec disponere nec illustrare possit, hominis est intemperanter abutentis et otio et litteris*» [Излагать свои размышления письменно, не умея придать им ни порядка, ни блеска, — это распущенность и злоупотребление как досугом, так и писанием]. *Intemperans* — собственно, «не способный владеть собой», «распущенный» человек. Чаще всего, разумеется, встречается *intemperantia vini* или *libidinum*, а *intemperantia litterarum*, встречающаяся у Сенеки (*Ep. 106, 12*), является производной от них метафорой для графомана (не способного оторваться от писания, как пьяница от вина).
6. Луций Скрибоний Либон (род. ок. 90 — умер после 34 г. до н. э.), тесть Секста Помпея, брат Скрибонии, которая была впоследствии недолгое время (40—39 гг.) женой Октавиана. Сам Либон был в 49—48 гг. офицером флота Помпея, следовательно, принадлежал к той же политической партии, что Цицерон.
7. Рид замечает, что, поскольку Варрон на 10 лет старше Цицерона, он не мог учиться с ним «вместе» в смысле «одновременно», и поэтому *simul* здесь не следует понимать в его обычном смысле, а лишь как указание, что оба они — каждый в свое время — учились одному и тому же. Это замечание кажется не особенно удачным: образованные римляне этой эпохи использовали поездки в Афины для пополнения образования тогда, когда предоставлялась возможность, без специ-

альных возрастных ограничений. Когда Цицерон на два года приехал в Афины в 79 г., вместе с ним там посещал занятия Марк Пупий Пизон, также значительно старше его. Возможно, и Варрон слушал Антиоха не ранее этого времени, поскольку Антиох, вероятно, только к этому времени приобрел достаточную известность и популярность.

8. Цицерон иногда возводит не только «благородную», «подлинную» (эпитеты, по смыслу примерно соответствующие сегодняшнему «научный»), но и вообще всякую философию к Сократу, особенно подробно в *De orat.*, III, 61–62, где даже эпикурейцы (которых Цицерон обычно противопоставляет сократикам как примитивных, ненастоящих философов) подводятся некоторым образом под «сократическое» происхождение: «nam cum essent plures orti fere a Socrate, quod ex illius variis et diversis et in omnem partem diffusis disputationibus alius aliud apprehenderat, proseminatae sunt quasi familiae dissentientes inter se et multum diiunctae et dispaes, cum tamen omnes se philosophi Socraticos et dici vellent et esse arbitrantur. (62) ac primo ab ipso Platone Aristoteles et Xenocrates, quorum alter Peripateticorum, alter Academiae nomen obtinuit, deinde ab Antisthene, qui patientiam et duritiam in Socratico sermone maxime adamarat, Cynici primum, dein Stoici, tum ab Aristippo, quem illae magis voluptariae disputationes delectant, Cyrenaica philosophia manavit, quam ille et eius posterī simpliciter defenderunt, hi, qui nunc voluptate omnia metiuntur, dum verecundius id agunt, nec dignitati satis faciunt, quam non aspernantur, nec voluptatem tuentur, quam amplexari volunt» [Поскольку у Сократа оказалось, так сказать, много потомков — ведь из его многочисленных, разнообразных, во всех направлениях расходящихся рассуждений каждый брал свое — то отсюда пошли как бы целые семейства, между собой очень несхожие, несогласные и враждующие, при том что все философы хотели считаться последователями Сократа и сами считали себя таковыми. (62) Первыми основали свои школы непосредственные ученики Платона, Аристотель и Ксенократ; школа первого стала называться «школой перипатетиков», второго — Академией. Затем от Антисфена, которого в речах Сократа больше всего восхищали выдержка и мужество, пошли сперва киники, а затем стоики. Наконец, от Аристиппа, предпочитавшего беседы, где речь шла об удовольствиях, пошла философия киренайков, которую он и его ученики защищали без обиняков; те же, кто сейчас выбирает всеобщим критерием удовольствие, делают это куда стыдливее; в результате им не удастся ни сохранить достоинство, которое им не безразлично, ни удержать удовольствие, к которому они так стремятся], а также *Rep.* III, 5: «hanc a Socrate adventiciam doctrinam».

9. Цицерон несколько раз в своих трактатах упоминает презрительно этих популяризаторов эпикурейской философии на латинском языке (ср. *Tusc.* I, 6; II, 7; IV, 5–7). Из последнего указанного текста мы узнаем, что Гай Амафиний первым опубликовал философский трактат на латинском языке в то время, когда уже существовали по-латыни трактаты по гражданскому праву, исторические сочинения и опубликованные речи, но лучшие умы были заняты исключительно «важными делами». Это указывает приблизительно на период 130–120 гг. — конец «века Сципионов». К этому же времени относится фрагмент Луцилия, дающий латинскую транслитерацию двух терминов эпикурейской философии (*Sat.*, XXVIII, 753 (Marx)): «*eidola atque atomus vincere Epicuri volam*», так что, по-видимому, эпикуреизм оживленно обсуждался тогда в римских образованных кругах. Ср. также упоминание в письме Кассия к Цицерону в январе 45 г. (*Fam.* XV, 19, 1–3), которое стоит процитировать, как дающее представление о манере, в какой философские темы затрагивались в непринужденном дружеском общении образованных римлян. Наряду с Амафинием здесь упомянут также некий римский эпикуреец Катий: «*Nec tamen hoc usu venit propter „spectra Catiana“; pro quo tibi proxima epistula tot rusticos Stoicos regeram, ut Catium Athenis natum esse dicas. [2] ...; spero enim homines intellecturos quanto sit omnibus odio crudelitas et quanto amor probitas et clementia, atque ea, quae maxime mali retant et concupiscant, ad bonos pervenire. Difficile est enim persuadere hominibus τὸ καλὸν δι' ἑαυτὸ αἰρετόν esse; ἡδονήν vero et ἀταραξίαν virtute, iustitia, τῷ καλῷ parari et verum et probabile est; ipse enim Epicurus, a quo omnes Catii et Amafinii, mali verborum interpretes, proficiscuntur, dicit: οὐκ ἔστιν ἡδέως ἄνευ τοῦ καλοῦ καὶ δικαιοῦ ζῆν. [3] Itaque et Pansa, qui ἡδονήν sequitur, virtutem retinet, et ii, qui a vobis φιλήδονοι vocantur, sunt φιλόκαλοι et φιλοδίκαιοι omnisque virtutes et retinent. itaque Sulla, cuius iudicium probare debemus, cum dissentire philosophos videret, non quaesivit quid bonum esset sed omnia bona coemit...» [Но дело не в Катиевых «видениях». За него я тебе в следующем письме наберу столько стоиков-деревенщин, что ты признаешь Катия афинянином по рождению... Я надеюсь, что люди поймут, как ненавистна всем жестокость и как милы честность и милосердие, и что то, чего больше всего добиваются и жаждут дурные люди, перейдет к порядочным. Ведь нелегко убедить людей в том, что «прекрасное следует избирать ради него самого». Хотя и верно, и убедительно, что «наслаждение» и «безмятежность» приобретаются добродетелью, справедливостью, «прекрасным»; ведь и сам Эпикур, от которого произошли все эти Катии и Амафинии, дурные дослов-*

ные переводчики, говорит: «нельзя жить приятно без прекрасного и справедливого». Так и Панса, стремясь к «наслаждению», сохраняет добродетель, и те, кого вы зовете «любителями наслаждения», являются «любителями прекрасного» и «любителями справедливого», почитая и сохраняя все добродетели. Поэтому и Сулла, которому не откажешь в верности суждения, видя, что философы расходятся между собой во мнениях, не стал задаваться вопросом, что есть благо, а скупил все блага...].

10. То есть не используя логику с ее учением об *ὁρισμός* (определении), *διαίρεσις* (разделении), *ἀποδείξις* (логическом доказательстве). «Определение» и «разделение» упоминаются постоянно вместе, поскольку одно подразумевает другое (так как речь идет о разделении рода на виды (*genus in species*), а определение дается, как известно, *per genus proximum et differentiam specificam*). То же мнение об эпикурейской логике Цицерон высказывает в *Fin. I, 22*: «*iam in altera philosophiae parte, quae est quaerendi ac disserendi, quae λογική dicitur... inermis et nudus est. Tollit definitiones; nihil de dividendo atque partiendo docet; non, quomodo efficiatur concludaturque ratio, tradit*» [Во второй же части философии, называемой по-гречески «логикой», где речь идет о правилах рассуждения... он выступает полностью безоружным. Ведь определения он отвергает, никакого учения о разделении не предлагает; ничего не говорит и о том, как правильно строится силлогизм и выводится заключение]. Ср. *Fin. II, 29*: «*si definire, si dividere didicisset*»; *ibid. III, 40*: «*scio quosdam, qui quavis lingua philosophari possint, nullis enim partitionibus, nullis definitionibus utuntur*» [Я знаю некоторых, которые могли бы философствовать на любом языке: ведь они обходятся вовсе без разделений и определений].
11. *Interrogatio* здесь не означает «вопрос», а передает греческое *ἑρώτημα*, слово, которое уже у Аристотеля (и тем более у более поздних авторов) часто обозначает просто «аргумент», независимо от того, сформулирован он в вопросительной или утвердительной форме. Ср. в примечании Рида к данному месту: «*Interrogatione has exactly the same meaning as ratione, and the use is extremely common*». См. Bonitz, *Index Aristotelicus*, sub vv. *ἑρωτᾶν, ἑρώτεμα, ἑρώτησις*. Ср. также Galen. *De plac. Hipp. et Plat. II, 257* (ed. Müller): *ἔνεστι δὲ καὶ συντομώτερον ἑρωτῆσαι* [можно спросить и короче], далее следует обычный силлогизм в утвердительной форме, а также *II, 259, 260, 273; III, 321, 586*.
12. «Мы» — философы-сократики, в отличие от эпикурейцев.
13. Здесь может показаться затруднительным употребление родительного падежа. Это так называемый *genitivus exexegeticus*, т. е. «поясняющий» или «определяющий» генитив. Что *res efficientes* — синонимическое по-

яснение к слову *causa*, подтверждается сравнением с Топ. 58: «*Proximus est locus rerum efficientium, quae causae appellantur*». Что до *genitivus epeexegeticus*, он встречается не так уж редко. Например, у Цицерона (In Ver. IV, 113): «...*quaecumque accidunt pubice privatimque incommoda, propter eam causam sceleris istius evenire videantur*» [...какие бы ни происходили всеобщие несчастья, казалось, что они происходят именно по той самой причине — из-за его преступления]. Т. е. *causa sceleris* — не «причина преступления» (как в случае более частотного *gen. objectivus*), а «причина, состоящая в преступлении».

14. Этот общий упрек досократикам, искавшим объяснения мира исключительно в его материальном составе, ясно выражен уже у Платона в «Федоне», в рассуждении об Анаксагоре (98а—99с). Анаксагор, говорит там Сократ, объявил устройтелем всего Ум и тем возбудил в молодом Сократе великую надежду на объяснение наконец подлинных причин мироздания. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что Анаксагор недалеко ушел в объяснении от предшествующих «физиков»: «...Ум у него остается без всякого применения и что порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам, но приписывается — совершенно нелепо — воздуху, эфиру, воде и многому иному» (пер. С. П. Маркиша). Аристотель также неоднократно отмечает как общую ошибку всех предшествовавших ему «физиков» (см., напр., «Метафизика» I, 983b—985b), что они рассматривают только «материальную причину», только элементы вещей как способ их объяснения, не объясняя того, что держит элементы вместе, приводит их в движение и т. д.
15. Введение в латинский язык слова *corpusculum* как перевода ἄτομος принадлежит, судя по нашему тексту, Амафинию. Сам Цицерон иногда предпочитает этимологически буквальный перевод *individuum*, как в нашем трактате, II, 55. Ср. Fat. 22: *corpora individua*. Иногда он употребляет и *corpusculum* (Nat. deor. I, 66; II, 94), чаще же всего использует *atomus* как латинизированную форму (Fat. 22, 46; Fin. I, 19; Nat. deor. I, 54 и во многих др. местах). *Corpusculum* продолжал свое существование и в поздней античности. Ср. Amm. Marc. XXVI, 1, 1: *individua illa corpuscula volitantia per inane, atomos ut nos apellamus*; Sen. N. Q. V, 2, 1: *corpuscula* — и вплоть до «корпускулярной теории света».
16. Об «академической» физике см. ниже, § 24. Речь идет о противопоставлении двух начал: «действующей силы» (δύναμις ποιητική) и пассивной «материи» (ύλη). Это противопоставление, равно как и сложные «геометрические» выкладки относительно взаимодействия этих двух начал, восходят к платоновскому «Тимею», остававшемуся в эллинистических школах важнейшим и постоянно комментируемым тек-

стом по физике. Сам Цицерон (очевидно, летом 45 г.) перевел значительный отрывок их из «Тимея» — перевод сохранился. Интересно, что Цицерон колебался для перевода переносных значений ὕλη (в сочинениях по риторике его интересовало значение «материала» речи) между вариантами *materia* и *silva*, а в самом первом своем опыте — в *De inventione* — предлагает оба варианта сразу, что и в поздних сочинениях останется у него приемом первого введения переводного термина (*De inv.* I, 34: «*quandam silvam atque materiam universam ante permixtim et confuse exponere omnium argumentationum*»). Если бы его колебания завершились иначе, мы имели бы, вероятно, в дальнейшей истории философии не «материалистов», а «сильванстов».

17. Цицерон исходит из традиционного деления всякого философского учения на три составляющие: логику, физику и этику. Объяснив, что эпикурейцы обходятся вообще без логики (вместо нее Эпикур предлагал «канонику», учение о мериле), а в физике оставляют без внимания важнейшую и сложнейшую ее часть, он разделяется теперь с их этикой — той частью, которую сами эпикурейцы признавали для себя важнейшей.
18. Эпикурейцы отождествляли «благо», то есть цель стремления, с т. н. «наслаждением» (то есть ощущением удовольствия, в отличие от ощущения боли). Это мнение высказывалось, разумеется, и до них (например, «киренаиками», последователями сократика Аристиппа из Кирены (435—355)), см. выше комм. 8. Аристотель выступает против такого воззрения в «Никомаховой этике», 1095b, 16—20: «а грубоватое большинство считает благом и счастьем наслаждение... так что простонародье, избирая сознательно жизнь скота, проявляет свою совершенно рабскую сущность». Аристотель замечает далее, что люди такого склада встречаются и среди правителей, и бегло упоминает в этой связи царя Сарданапала. Очевидно, он подробнее обсуждал Сарданапала и его эпитафию в каком-то из своих недошедших до нас экзотерических диалогов, поскольку Цицерон говорит в *Tusc.* V, 101: «*Ex quo Sardanapali, opulentissimi Syriae regis, error agnoscitur, qui incidi iussit in busto:*

Haec habeo quae edi quaeque exsaturata libido
Hausit; at illa jacent multa et praeclara relictæ.

Quid aliud, inquit Aristoteles, in bovis non in regis sepulcro inscriberes?» [Вот почему и Сарданапал, богатейший сирийский царь, был неправ, приказав надписать над своей могилой:

То, что я выпил, что съел и чем удовольствовал похоть,
Только лишь это при мне, — все прочие блага остались.

Если бы нужна была надгробная надпись быку, а не царю, — говорит Аристотель, — вряд ли можно было бы написать что-нибудь другое (пер. М. Л. Гаспарова)]. Ср. *Fin.* II, 106: «*corporis autem voluptas si etiam praeterita delectat, non intelligo cur Aristoteles Sardanapalli epigramma tanto opere derideat, in quo ille rex Syriae gloriatur omnes secum libidinum voluptates abstulisse*» [Если телесное наслаждение радует, даже когда уже прошло, то я не понимаю, почему так насмехается Аристотель над эпитафией Сарданапала, в которой этот сирийский царь хвастается, что унес с собой все плотские наслаждения]. Видимо, от этого аристотелевского диалога пошло общее место о наслаждении как благе «скота, а не человека». Приводимое ниже в комм. 21 высказывание Эпикура о наслаждении очень напоминает эту эпитафию.

19. Зенон из Китиона (335—263), основатель стоической школы. Соответственно «следовать за Зеноном» = «избрать стоическую философию».
20. *simplex* «простой» в смысле «цельный», «не имеющий частей». Цицерон обычно поясняет это значение *simplex* (ἀπλοῦς) добавлением еще *unus*. Ср. ниже, § 36, о том же предмете: «*Zeno... idque appelleret honestum, quod esset simplex quoddam et solum et unum bonum*».
21. Ср. *D. L.* X, 6: οὐ γὰρ ἔχω τί νοήσω τὰγαθόν, ἀφαιρῶν μὲν τὰς διὰ χυλῶν ἡδονάς, ἀφαιρῶν δὲ τὰς δι' ἀφροδισίων καὶ τὰς δι' ἀχροαμάτων καὶ τὰς διὰ μορφῆς [Я не могу представить себе блага, если нужно отвлечься от удовольствий, доставляемых вкусом, а также занятием любовью, услаждением слуха и видом красоты]. То же *Atheneus* VII, 278f, 280a. Цицерон дает перевод этого отрывка (притом полнее, чем он приведен у Диогена и Афиней) в *Tusc.* III, 41: «*Nec equidem habeo quod intellegam bonum illud, detrahens eas voluptates quae sapore percipiuntur, detrahens ea quae rebus percipiuntur veneriis, detrahens ea quae auditu e cantibus, detrahens eas etiam quae ex formis percipiuntur oculis, suavis motiones, sive quae aliae voluptates in toto homine gignuntur quolibet sensu; nec vero ita dici potest, mentis laetitiam solam esse in bonis. Laetantem enim mentem ita novi: spe eorum omnium quae supra dixi fore ut natura iis potiens dolore careat*» [Я не могу понять, что такое благо, отвлекаясь от удовольствий, доставляемых вкусом, и от тех, что доставляются занятием любовью, слушанием пения, а также от приятных ощущений, которые лицезрение красоты доставляет глазам, и от прочих удовольствий, доставляемых человеку в целом любым из его чувств. Ведь нельзя же говорить, что единственным благом является душевная радость. Душевная радость, которую я знаю, состоит в надежде на получение вышеперечисленного, чтобы стремящаяся к нему природа не испытывала боли].

22. «Старой Академией» здесь, как и во всем тексте «Академических исследований», называется как раз последняя — антиховская — версия платонизма.
23. Платон, «Тимей» 47b.
24. Варрон говорит о своих разысканиях в «Римских древностях».
25. Луций Элий Стилон (L. Aelius Stilo (Praeconinus)) — один из первых римских грамматиков и антикваров, учитель Варрона и Цицерона, как следует из слов Цицерона в Brut. 205–207: «Cottae pro se lege Varia quae inscribitur, eam L. Aelius scripsit Cottae rogatu. Fuit is omnino vir egregius et eques Romanus cum primis honestus idemque eruditissimus et Graecis litteris et Latinis, antiquitatisque nostrae et in inventis rebus et in actis scriptorumque veterum litterate peritus. Quam scientiam Varro noster acceptam ab illo auctamque per sese, vir ingenio praestans omnique doctrina, pluribus et inlustrioribus litteris explicavit. Sed idem Aelius Stoicus <esse> voluit, orator autem nec studuit unquam nec fuit. Scribebat tamen orationes, quas alii dicerent; ut Q. Metello <Q.> f., ut Q. Caepioni, ut Q. Pompeio Rufo; quamquam is etiam ipse scripsit eas quibus pro se est usus, sed non sine Aelio. His enim scriptis etiam ipse interfui, cum essem apud Aelium adulescens eumque audire perstudiose solem» [Что до речи Коты «В защиту Вариева закона», то ее написал Л. Элий по просьбе Котты. Вообще он был замечательный человек, римский всадник из самых почтенных и в то же время образованнейший человек, знаток как греческой, так и латинской литературы, а также наших древностей, начитанный как в художественной литературе, так и в исторических документах на латинском языке. Но Элий хотел быть стонком, а быть оратором никогда не стремился и не выступал в этом качестве. Он сочинял речи, которые произносили другие, например, для Квинта Метелла, сына Квинта, для Квинта Цепиона, для Помпея Руфа. Впрочем, этот последний и сам сочинял речи для собственных выступлений, но всё же не без помощи Элия. Я даже сам присутствовал при составлении этих речей, потому что юношей находился при Элии и очень прилежно учился у него]. В философии Стилон был, следовательно, стонком. Ему посвящена также 3 глава у Светония, De Grammaticis et Rhetoribus. Он толковал песни салиев и законы 12 таблиц, а из 130 комедий, сохранявшихся под именем Плавта, признавал подлинными только 25.

Свидетельства о нем собраны в: *Grammaticae Romanae Fragmenta / Ed. H. Funaioli. Teubner, 1907* (перепечатывалась в 1969 г.).

26. Менипп из Гадары (1-я половина III в. до н. э.) — ученик киника Метрокла, основоположник «серьезно-комического» (σπουδογέλοιον)

стиля, позволявшего излагать философские проблемы в комической форме. Проза в его сочинениях перемежалась стихами, не ясно, собственного сочинения или цитатами. Варрон перелагает его в своих «Менипповых сатирах». Список его сочинений (несохранившихся) см. у Диогена Лаэртца, VI, 101, ср. также VI, 29.

27. Имеются в виду «Менипповы сатиры» Варрона, сохранившиеся фрагменты см. в: M. Terentius Varro, *Saturarum Menippearum Fragmenta* / Hrsg. v. R. Astbury. Leipzig; Tuebner, 1985.
28. При *laudationibus* подразумевается прилагательное *funebnis*, т. е. «в надгробных речах». Одна такая *laudatio* Варрона упомянута у Цицерона в письме Att. XIII, 48, 2, где он просит Аттика прислать ему это сочинение для повторного прочтения.
29. Каждый раздел «*Antiquitatum*» имел свой «*prooemium*», как и «*De lingua Latina*» и прочие сочинения Варрона; в этих введениях автор, как предполагается, излагал философские принципы, имеющие отношение к рассматриваемому предмету, точно так же, как Цицерон предпосылает своим философским трактатам обоснование своих философских интересов и способа работы.
30. Именно к Варрону восходит традиционно принимаемая до сих пор дата основания Рима, переводимая на наше летоисчисление как 754/3 г. до н. э.
31. По поводу этого выражения в классической филологии прошлого века шел бесконечный спор: можно ли представить себе «разнообразное» стихотворение, написанное сразу «почти всеми размерами» и с чем из дошедшего до нас перечня произведений Варрона можно было бы соотнести это определение. Рид в своем комментированном издании предлагает разумный выход, видя в этой фразе комплимент не одной какой-то поэме Варрона, а сразу всем его поэтическим произведениям, то есть «ты сочинил изящное стихотворение почти каждым размером», «почти на каждый стихотворный размер найдется у тебя изящное стихотворение».
32. Эний (239–169) — «отец латинской литературы», трагики Пакувий (220–130) и, в следующем поколении, Аттий или Акций (170–85) — все они создавали латинскую литературу и латинский литературный язык, переводя или перелагая греческие образцы, то есть решали в этой области задачу, которую (во многом опираясь на сделанное ими) ставит перед собой Цицерон в отношении философии. Ср. подробное обсуждение той же темы — необходимости для образованного римлянина знакомиться не только с греческими образцами, но и с латинскими подражаниями, а также необходимости и возможности

развивать родную словесность так, чтобы по-латыни стало возможно выразить все, что умеют выражать греки — во введении к трактату «О пределах блага и зла» (Fin. I, 4–10). Там встречается исчерпывающая формула (I, 5): «*Rudem enim esse omnino in nostris poetis aut inertissimae segnitiae est, aut fastidii delicatissimi*» [Вообще, полное невежество в отечественной поэзии — признак или крайней лени, или крайне привередливой пресыщенности]. Этот цицероновский подход сыграл в качестве образца огромную роль в период складывания новоевропейских литератур на национальных языках, откликнувшись в таких манифестах национального литературного самосознания, как, например, «Защита и прославление французского языка» Жюашена дю Белле. Интересно также употребление в резко отрицательном смысле слова *delicatus*, окрашенного положительно в поэзии неотериков (ср. 50-е стихотворение Катулла: «*ut convenerat esse delicatos*»). Мало исследованной темой остается скрытая литературная полемика с младшими современниками в трактатах Цицерона (который был во многих своих вкусах «архаистом»). Ср. комм. 82 о Лукреции.

33. Гиперид представляет здесь «азианский», а Демосфен — «аттический» стиль красноречия — две возможные модели для подражания.
34. Имеется в виду смерть дочери в феврале 45 г. Ср. «О природе богов» (Nat. deor. I, 9): «*animi aegritudo fortunae magna et gravi commota iniuria*» [душевная боль, причиненная тяжелой обидой судьбы].
35. Подобная апология философских занятий предпослана почти каждому из цицероновских трактатов и показывает нам, как мало распространены были эти увлечения среди образованных римлян. Задача Цицерона здесь — на самом деле не самооправдание, а просвещение.
36. Марк Юний Брут (85–42) — в близком будущем участник убийства Цезаря (известнейший его участник для современного читателя, благодаря фразе «И ты, Брут!», приписываемой умирающему Цезарю). Брут был образованным человеком, писателем, активным политиком и близким приятелем Тита Помпония Аттика, ближайшего друга Цицерона. Все это, несмотря на разницу в возрасте и периодически возникавшие разногласия, связывало Цицерона и Брута, обеспечивая личную симпатию между ними (ср. Fam. IX, 14, 5: «*Semper amavi M. Brutum propter summum ingenium, suasissimos mores, singularem probitatem atque constantiam*» [Я всегда любил Марка Брута за его большой ум, приятный характер, исключительную порядочность и твердость]), так что Брут, приверженец стоической философии, посвятил Цицерону свои сочинения «О доблести», «Об обязанностях» и «О терпении», в то время как Цицерон ему — «О пределах блага и

зла», «О природе богов», «Тускуланские беседы», «Оратор» и «Брут». Брут, не принявший владычества Октавиана (см. об этом: Тацит, «Анналы», IV, 34), покончил с собой (вместе со своим единомышленником Квинтом Кассием) в 42 г., через год после гибели Цицерона.

37. Об Аристе, брате Антиоха Аскалонского и после его смерти «наследнике Старой Академии» (Brut., 332): см. также ниже, «Лукулл», 12, а о его дружбе с Брутом: Fin. V, 8; Tusc. V, 21. В биографии Брута у Плутарха (Brutus 2) Арист (в рукописях Плутарха Аристон) назван φίλος καὶ συμβιώτης Брута.
38. Этими словами заканчивается «предисловие» (prooemium), не связанное прямо с рассматриваемой в основном тексте философской проблемой. Из переписки Цицерона известно, что у него была заготовлена целая коллекция таких предисловий, и иногда он по рассеянности пытался приставить к новому сочинению prooemium, уже опубликованный с одним из прежних трактатов. «Предисловия» имеют свою специфическую тематику и являются интересным источником о литературных взглядах Цицерона и его позиции в тогдашних литературных спорах. Далее следует изящный переход и краткое историческое «введение».
39. Весь этот абзац построен на игре понятиями «Старая» и «Новая» Академия. При этом под «Старой» подразумевается последняя версия платонизма — антиоховская, поскольку Антиох проповедовал возвращение от скептицизма, возобладавшего в платоновской школе после Карнеада, к учению самого Платона и его непосредственных учеников — Ксенократа, Полемона, а также Аристотеля (антиоховский тезис, что учение Аристотеля и его «перипатетиков» ничем по сути не отличается от «староакадемической» философии, многократно встречается в трактатах Цицерона). Но нередко Цицерон называет «Старой Академией» и непосредственно платоновскую школу до скептических нововведений (от Спевсиппа до Полемона). Очевидно, именно Антиох стал полемически называть современный ему скептический платонизм «Новой» Академией, т. е. восходящей не к Платону, а всего лишь к Карнеаду. Цицерон следует этому (распространившемуся из его трактатов вплоть до современных учебников по истории философии) словоупотреблению только иронически (ср. в посвятельном письме Варрону шутивное «os adulescentioris Academiae», вежливо-ироническая уступка взглядам адресата), или там, где рассказ ведется от лица последователей Антиоха. См. об этом: Глюкер, с. 105—106). Главой Академии (естественно, скептической, т. е. «новой») до захвата Афин Суллой в 87 г. был Филон из Лариссы, которого Цицерон признает своим учителем в философии. Но, как видно из мно-

гократных упоминаний в его сочинениях, он «слушал» (греческий термин для отношений студента и профессора) и Антиоха, в том числе вместе с Варроном в Афинах; судя по данному тексту, в молодости (задолго до начала собственно философского писательства) Цицерон считал себя также учеником Антиоха, так что Варрон воспринимает его нынешние скептические убеждения как перемену взглядов.

40. В связи со сказанным в предыдущем комм. о двусмысленности названия «Старая Академия» замечание о том, что «все новейшее, конечно же, правильное», приобретает иронический смысл — чего и следует ожидать, поскольку в античности схема постепенной порчи изначального идеального состояния преобладала над (также спорадически прорывающейся) схемой прогресса, так что в защиту того или иного учения следовало скорее ссылаться на стоящую за ним долгую традицию, чем на его свежайшую современность. Впрочем, в «Лукулле» мы встретимся и с замечанием, что «не зря же столько великих умов в течение стольких веков обдумывало эти темы — не может быть, чтобы не было достигнуто ничего нового» (т.е. схема прогресса). Что до единства или, наоборот, прерывности традиции в платоновской Академии, оно остается со времен Цицерона и до наших дней излюбленной темой филологических упражнений. Плутарх, согласно каталогу Ламприя (№ 63), написал (несохранившийся) трактат «О том, что платоновская Академия — едина».
41. Атик постоянно выступает у Цицерона как человек, не верящий в возможность адекватно выразить философские идеи греков по-латыни. Ср. *Fin. V*, 96: «*Quae dici Latine posse non arbitrabar, ea dicta sunt a te, nec minus plane quam dicuntur a Graecis*» [Ты сумел сказать то, что я считал невозможным выразить по-латыни, притом не менее ясно, чем излагают эти вещи греки]. Он также упомянут в *Nat. deor. I*, 8 как один из тех, «кто не верит в возможность выразить по-латыни то, чему научились у греков» («*qui illa quae a Graecis acceperissent Latine dici posse diffiderent*»).
42. Равнодушие Сократа к изысканиям физиков единодушно подтверждается источниками, хотя древних иногда и смущало то обстоятельство, что Платон в поздних своих диалогах вложил спекуляции этого рода в уста Сократа. Ср. *Xen. Mem. I*, 1, 11–13; *Arist. Met.* 987b, 1 (*Σωκράτους περὶ τὰ ἡθικὰ πράγματευσμένον, περὶ τῆς ὅλης φύσεως οὐδέν*); *D. L. II*, 21. Тем не менее подчеркивание исключительно этических интересов Сократа служит антиховской тенденции, см. комм. 44.
43. Правдоподобна конъектура *hominis* вм. *omnis*. Пласберг принимает ее в основной текст.

44. Единство академической школы до времени Аркесилая с перипатетической — одна из основных доктрин Антиоха Аскалонского, которую Цицерон часто излагает и от собственного имени (см. *Fin.* IV, 5; *Leg.* I, 38, 55; *De orat.* III, 67). В эту изначальную единую академико-перипатетическую школу включались обычно пять философов: Аристотель, Теофраст, Спевсипп, Ксенократ, Полемон. Это объединение удавалось Антиоху на основании его представления о том, что единственная по-настоящему важная часть философии — этика, различиями же в логике и физике можно пренебречь (ср. *Off.* I, 20; *Fin.* V, 21; *Leg.* I, 55). Гармония была впервые нарушена при Полемоне его учениками Аркесилаем и Зеноном.
45. *heres* является здесь переводом греческого *διάδοχος*, применяемого как термин о преемственности схолахов в греческих философских школах. *Quasi* обычно является у Цицерона сигналом того, что стоящее далее слово нужно понимать не в его обычном латинском значении, а как эквивалент греческого термина.
46. *Res expetendae fugiendaeque* — стандартный цicerоновский перевод этических терминов (использовавшихся в эллинистическую эпоху всеми философскими школами) *αἰρετά* и *φευχτά*. Поскольку из *αἰρετά* составляется то, что греки называли *τέλος*, а Цицерон переводит это слово по-латыни то *summum bonum*, то *finis bonorum*, то, возможно, именно наличие антонима *φευχτά* привело его к несколько неожиданному переводу *περὶ τελῶν* как «*de finibus bonorum et malorum*». Многие читатели задавались вопросом, что может подразумеваться под выражением *finis malorum*. Очевидно, не что иное как совокупность всех *φευχτά*. Поскольку вопрос *περὶ τελῶν* охватывал всю этику, Цицерон хочет сказать, что в этике две эти школы придерживались одних и тех же взглядов.
47. На самом деле из платоновских текстов достаточно трудно вычитать подобное трехчастное деление философии, однако античные авторы часто приписывают его Платону. У Аристотеля в «Топике» (I, 14) упоминается мимоходом, что одни *πρωτάσεις* являются *φυσικαί*, другие *ἠθικαί*, третьи *λογικαί*. Секст Эмпирик (*Adv. math.* VII, 16) приписывает эту классификацию стоикам и перипатетикам после Аристотеля. Особое значение это деление приобрело, очевидно, лишь с появлением стоиков, помогая подчинить второстепенное в философии (физику и логику) первостепенному (этике).
48. «Природа» как основание этики — это принято считать чистейшим стоицизмом и подтверждением общеизвестной зависимости Антиоха от стоиков. Тем не менее приписывание этого взгляда Полемону и

Феофрасту и возведение его к Аристотелю не лишено оснований. Другое дело, что «природа» — слово, допускающее различные толкования, и здесь мы не получаем его однозначного определения. Цицерон приписывает этот взгляд («ut finem bonorum dicerent secundum naturam vivere») «древним академикам и перипатетикам» также в Fin. II, 34.

49. Трудный для латинской передачи и центральный для греческой этики термин τέλος Цицерон переводит здесь сразу тремя способами, каждый из которых он употребляет в дальнейшем и по отдельности. Это его стандартный переводческий прием. Здесь мы имеем сразу *summum bonum*, *extremum rerum expetendarum* и *finis bonorum* (ср. комм. 46).
50. Мы имеем здесь *trilogia* или *τριάς* или *τριγένεια τῶν ἀγαθῶν*, восходящую еще к Платону (см. Leg. 697b: *πρῶτα τὰ μὲν περὶ τὴν ψυχὴν ἀγαθὰ, δεύτερα τὰ περὶ τὸ σῶμα καὶ τρίτα τὰ περὶ τὴν οὐσίαν καὶ χρήματα* [Из благ первые — это относящиеся к душе, вторые — к телу, а третьи — к имуществу и деньгам]), которая приписывается обычно перипатетикам (ср. Fin. III, 43 и Sext. Emp. Pyg. hyp. III, 3, 180). Само деление, не будучи догматически фиксированным, существовало, однако, намного раньше. В «Никомаховой этике» (1098b) Аристотель называет его *παλαιὰ δόξα καὶ ὁμολογουμένη ὑπὸ τῶν φιλοσοφούντων* [древнее мнение, в котором философы согласны].
51. *quasi* снова указание на перевод трудного для передачи греческого термина. *Consuetudo* здесь передает ἥθος.
52. Ср. Fin. V, 36, где подробнее изложено разделение душевных добродетелей на два основных рода (*animi... et eius animi partis, quae princeps est quaeque mens nominatur, plures sunt virtutes, sed duo prima genera*): врожденные (*quae ingenerantur suapte natura* — этимологическое раскрытие *ingenium*) и «произвольные» (*voluntariae*), которые и являются добродетелями в собственном смысле (*magnarum verarumque virtutum*). К первому роду, который, как замечает Цицерон, можно обозначить одним словом *ingenium* (*quae fere omnia appellantur uno ingenii nomine*), относятся *docilitas* (= *celeritas ad discendum*) и *memoria*, а ко второму — *prudentiam*, *temperantiam*, *fortitudinem*, *iustitiam* et *reliquas generis eiusdem*. В «Большой этике» Аристотеля 1185b, 1–10 (Ἔστι δ' ἡ ψυχὴ... εἰς δύο μέρη διηρημένη, εἰς τε λόγον ἔχον καὶ ἄλογον. Ἐν μὲν δὴ τῷ λόγον ἔχοντι ἐγγίγνεται φρόνησις, ἀρχινοία, σοφία, εὐμάθεια, μνήμη καὶ τὰ τοιαῦτα. ἐν δὲ τῷ ἀλόγῳ αὐταὶ αἱ ἀρῆται λεγόμεναι (опять-таки, «добродетели в собственном смысле»), σωφροσύνη, δικαιοσύνη, ἀνδρία, ὅσαι ἄλλαι τοῦ ἥθους...) можно найти греческие соответствия ключевых латинских слов: *celeritas ad discendum* (*docilitas*) = εὐμάθεια, *memoria* = μνήμη. Замечание, что и *celeritas ad*

docendum и memoria «оба являются свойствами врожденного ума» (quorum utrumque mentis esset proprium et ingenii), становится ясным, если мы учтем, что в «Большой этике» они помещаются в «разумной» (τῷ λόγῳ ἔχοντι) части души, в то время как собственно «моральные» добродетели, как раз те, которые приобретаются сознательным усилием, относятся (сбивающим с толку образом) к «внеразумной» (ἄλογος) ее части. Studia et quasi consuetudinem соответствуют греческому τοῦ ἥθους. Нужно сказать, что у Цицерона деление представлено четче и понятнее, чем в приведенном отрывке из «Большой этики». Несомненно, что это деление от времен Аристотеля и до Цицерона многократно воспроизводилось, пояснялось, комментировалось и что Цицерон мог опираться на собственное внятное понимание и на более четкий источник.

53. quidam (во всех формах) еще один, наряду с quasi, способ привлечь внимание читателя к тому, что стоящее рядом слово следует понимать в «греческом» смысле. Progressio здесь соответствует προκοπή, термину, введенному, судя по всему, Зеноном. Цицерон обычно передает его progressio или progressus.
54. Что «добродетель» (ἀρετή) — это «совершенство», «завершенность» данной природы — основное положение аристотелевской этики. Можно привести параллельное место из «Физики», 246a: ἡ ἀρετὴ ἐστὶ τελείωσις τις· ὅταν γὰρ λάβῃ τὴν ἑαυτοῦ ἀρετὴν, τότε λέγεται τέλειον ἕκαστον [Добродетель есть некое совершенство: всякая вещь называется совершенной тогда, когда она достигла своей добродетели] (здесь не следует забывать, что «добродетель» — условный и нередко сбивающий с толку перевод ἀρετή, слова, означающего внутреннее предназначение, конечную цель существования всякой вещи, то, на что она годна). Итак, quasi perfectio naturae — снова греческий термин: τελείωσις или τελειότης τῆς (ἐκάστου) φύσεως (последнее сочетание встречается у Галена, De plac. Hipp. et Plat. I, 5). Ср. у Цицерона в Leg. I, 25: «est virtus nihil aliud nisi perfecta et ad summum perducta natura» [добродетель — не что иное, как совершенная и достигшая своей вершины природа]. Разумеется, такое определение могло восприниматься в послеаристотелевскую эпоху как характерно стоическое. Но тут-то и становится заметно, как многим стоики обязаны Аристотелю и в сколь большой степени фрагменты древних стоиков имеет смысл трактовать в русле аристотелевского мышления и словоупотребления.
55. См. выше комм. 50.
56. Идея societas humana, подчеркивающая цивилизирующее воздействие человеческого сообщества на природу отдельного человека, не встре-

чается у Платона и Аристотеля, зато играет большую роль у стоиков и у перипатетиков начиная с Феофраста.

57. Строго говоря, «высшее благо» не должно допускать «увеличения». Но поскольку в его определение входят только душевные и телесные, так называемые естественные, блага (поэтому *summo atqui naturali bono*), но не «внешние», то, если признавать за ними какое-то значение, они должны увеличивать «высшее благо». Позиция самого Аристотеля по этому вопросу уже была неустойчивой, а тем более у его разнообразных последователей. Цицерон часто противопоставляет стоиков и перипатетиков на том основании, что первые отрицают значение внешних благ для блаженной жизни, а вторые считают их непременно условием таковой.
58. *officium* — стандартный цicerоновский перевод основного понятия стоической этики: τὸ κατῆχον, «подобающее, надлежащее»; «*ipsius*» подчеркивает известность этого понятия, его центральное место. Принятый русский перевод — «обязанность» или «долг» — часто сбивает с толку. Цицерон посвятил теории надлежащего специальный большой трактат «*De officiis*» (уже у Зенона был трактат под названием περὶ τοῦ κατῆχοντος). Аттик после опубликования трактата *De officiis* порицал этот вариант перевода, но Цицерон его защищает, см. Att. XVI, 14, 3: «sed, ut aliud ex alio, mihi non est dubium quin quod Graeci κατῆχον, nos 'officium'. id autem quid dubitas quin etiam in rem publicam praeclare caderet? nonne dicimus 'consulum officium, senatus officium, imperatoris officium'? praeclare convenit; aut da melius» [но, во всяком случае, я не сомневаюсь, что то, греки называют κατῆχον, соответствует нашему «обязанность». Почему ты сомневаешься, что это слово подходит к государственной деятельности? Разве мы не говорим «обязанность консулов, обязанность сената, обязанность верховного главнокомандующего»? Подходит отлично! Или предложи что-нибудь лучше].
59. Употребление сразу двух синонимов указывает на перевод греческого термина. Rectum honestumque должны вдвоем выразить значение τὸ καλόν, как это слово употреблялось в моральной философии.
60. *morum institutio* передает ἡθικὴ («Такова была их этика»).
61. В эллинистической философии с увлечением спорили, какая из частей философии должна «идти первой» (очевидно, в преподавании, а отсюда и во всяком систематическом изложении). При этом постановка на первое место иногда трактовалась как признание данной части наиважнейшей, а иногда — как наиболее легкой, пригодной для «введения». Здесь постановка этики на первое место подчеркивает ее важнейшую роль.
62. От этики Варрон переходит к физике.

63. Из пары противоположных греческих понятий — ποιητική и παθητική (sc. δύναμις или φύσις) (активное и пассивное, действующее и претерпевающее начала) первое легко поддается однозначному переводу — *efficiens*, а второе описывается перифразой (*huic se graebens*), за которой читатель непременно должен увидеть греческий оригинал — об этом сигнализирует *quasi*. Противоположность этих двух принципов сформулирована в платоновском «Теэтете» 156а, 157а, где они описывались как τὸ μὲν ποιεῖν ἔχον δύναμιν, τὸ δὲ πάσχειν [одно — обладающее способностью воздействия, второе — претерпевания] или τὸ ποιοῦν, τὸ πάσχον [воздействующее, претерпевающее]. В «Тимее» Платон применил эти принципы к описанию физических явлений, а у Аристотеля они были развиты в классическую теорию материи и формы.
64. *Aliquid* здесь не просто местоимение, а философский термин, τί или τόδε τι Аристотеля, обозначающее у последнего конкретный предмет, объединение материи и формы.
65. Здесь латинская конструкция создает ненужную двусмысленность: «сила» (δύναμις) и «материя» (ὕλη) не «присутствуют» в «действующем» и «претерпевающем», а тождественны с ними, являются другим обозначением для этих начал.
66. Трудное выражение; воспользуемся толковым разъяснением Рида: *utroque* здесь воспроизводит аристотелевское τὸ σύνολον или ἡ σύνολος οὐσία, т. е. конкретный предмет, а *utrumque* обозначает его составляющие, формальную и материальную, которые в нем нераздельно слиты, так что расчленив их можно только в уме, и сам предмет представляет из себя неразрывное единство обеих.
67. Ср. Платон, «Тимей», 52b: φάμεν ἀναγκαῖον εἶναι πού τὸ ὄν ἅπαν ἐν τινὶ τόπῳ [мы утверждаем, что всякое сущее необходимо должно существовать в каком-нибудь месте]. Судя по замечанию Варрона, Антиох принимал отождествление платоновской материи с «местом» (пространством). Рид видит подтверждение этому в утверждении Диогена Лаэртция (введение, 21), где он говорит о Потамоне Александрийском, философе августовской эпохи, многое позаимствовавшем у Антиоха: ἀρχὰς τε τῶν ὄλων τήν τε ὕλην καὶ τὸ ποιοῦν, ποίησιν τε καὶ τόπον [началами же всего являются материя и действующее, а также воздействие и место]. Ср. Cic. De orat. II, 358: «corpus intellegi sine loco non potest» [невозможно помыслить тело без места] и Arist. Met. 1067a, 28: πᾶν σῶμα αἰσθητὸν ἐν τόπῳ [всякое чувственно воспринимаемое тело находится в каком-либо месте].
68. Здесь при *qualitatem* стоят и *quasi*, и *quandam* сразу — как если бы русский автор поставил при своем смелом неологизме «как бы» и ка-

вычки. Далее следует оправдывающееся замечание о «неслыханных словах». О *qualitas* — ποιότης см. ниже, § 25 и 26. Строго говоря, то, что имеет здесь в виду Варрон, а именно «нечто, обладающее определенными качествами», называлось у греков τὸ ποῖόν — «некое»: так еще Платон называл единичные предметы. Но уже у Аристотеля в техническом языке философии ποιότης и τὸ ποῖόν часто употребляются безразлично, а латынь, ввиду отсутствия артикля, тем более предпочитает абстрактное существительное.

69. Цицерон (или его персонажи) часто настаивают на необходимости избегать, насколько возможно, употребления греческих слов в латинском изложении — очевидно, многие его современники не давали себе труда подыскивать латинские эквиваленты, предпочитая щегольнуть иностранным словом, как это часто случается и в современном «научном дискурсе». Ср. *Tusc. I, 15; Off. I, 111.*
70. ποιότης впервые встречается у Платона в «Теэтете», 182а, где Платон извиняется за это ἀλλόχотόν τι ὄνομα [несколько странное слово].
71. Аристотель, «Никомахова этика», 1108а, 16—18: «Мы попытаемся и тут, как и в других случаях, сами изобрести новые слова, чтобы сделать наше изложение ясным и понятным». Ср. *Fin. I, 3: «Stoicorum autem non ignoras quam sit subtile vel spinosum potius disserendi genus, idque cum Graecis tum magis nobis, quibus etiam verba parienda sunt imponendaque nova verbis novis nomina. Quod quidem nemo mediocriter doctus mirabitur, cogitans, in omni arte, cuius usus vulgaris communisque non sit, multam novitatem nominum esse, cum constituentur earum rerum vocabula, quae in quaque arte versentur»* [Тебе неизвестно, сколь отточен, а точнее, сколь тернист стиль стоических рассуждений. Он таков и для греков, а уж тем более для нас, поскольку приходится создавать слова и подбирать новым вещам новые названия. Ни один мало-мальски образованный человек не станет этому удивляться, сообразив, что во всяком не вполне обычном и общедоступном ремесле встречается множество новых слов, поскольку приходится изобретать названия для употребительных в этом ремесле вещей]. И далее, § 5, о Зеноне: «*Zeno... non tam rerum inventor fuit quam verborum novorum. Quod si in ea lingua, quam plerique uberiorem putant, concessum est, ut doctissimi homines de rebus non pervagatis inusitatis verbis uterentur, quanto id nobis magis est concedendum, qui ea nunc primum audemus attingere?*» [Зенон, который изобретал не столько новые вещи, сколько новые слова. Если в том языке, который большинство считает более богатым, допустимо, чтобы ученые мужи употребляли для неизведанных вещей непривычные слова, то насколько допустимее это должно быть для нас: ведь мы впервые осмеливаемся коснуться этих предметов].

72. *unius modi et simplices* могут вдвоем передавать греческое ἀπλοῦς в его философском смысле. Однако для передачи этого смысла просто-ты как цельности и греческий нередко прибегает к перифразам, так что, возможно, *unius modi* = κατὰ ταῦτ' ἔχοντα ср. Plato. Tim. 35a κατὰ ταῦτ' ἐχούσης οὐσίας, что в цицероновском переводе «Тимея», 21 передано как *materia quae est simplex unius modi*.
73. *quasi* при *multiformes* указывает на перевод с греческого. Это, надо полагать, встречающееся как у Платона, так и у Аристотеля πολυειδής. Как обычно, рядом с этим нововведением стоит привычное латинское *variae*. Взаимно поясняя друг друга, эти слова передают один греческий термин.
74. Ср. Nat. deor. II, 91: «aer, Graecum illud quidem sed perceptum iam tamen usu a nostris; tritum est enim pro latino». Во времена Энния это слово еще казалось странным: Ann. 149 (Vahl.): «vento quem perhibent Graium genus aera lingua». Латинскими синонимами были тогда *spiritus*, *caelum*, *anima*. Зато Плиний Старший, судя по двум местам в Nat. Hist. (2, 10 и 2, 102), уже вовсе не воспринимал это слово как заимствование.
75. *initium* соответствует ἀρχή, *elementum* — στοιχεῖον. Цицерон, очевидно, считает эти понятия синонимами. Они, несомненно, были взаимозаменяемы для древних физиков, для которых четыре «стихий» и были последними «началами» вещей, но уже для Аристотеля, а тем более для стоиков, «началами» являются материя и форма, а «стихиями» — состоящие из этих начал четыре (или пять) элемента. Однако и сам Аристотель использует эти слова не вполне последовательно, отдавая дань традиции.
76. «эфир», знаменитая *quinta natura*, или, в средневековой терминологии, *quinta essentia* (квинтэссенция), которую признавал Аристотель, в то время как в платоновском «Тимее» она отсутствует.
77. = ὑποκειμένην, как сказали бы сейчас, переводя дословно с греческого на латынь, «является субстратом».
78. = ἀειδής.
79. Судя по всему, передает ἄποιος, слово, зафиксированное в сочетании с ὕλη во фрагментах Зенона (SVF, I, 24) и Хрисиппа (SVF, 2, 1), а также у поздних авторов. См. словарь LSJ, s. v.
80. В платоновском «Тимее», 50b, о материи говорится, что она δέχεται γὰρ αἰεὶ τὰ πάντα [всегда принимает всё]. Там же, 51a, она характеризуется как εἶδος πανδεχές [всё приемлющий род].
81. Ср. Аристотель, Met. 983b, 8 (изложение мнения «первых философов», признававших лишь материальные начала, однако в собственно аристотелевской терминологии): ἐξ οὗ γίγνεται τὰ ὄντα πρῶτον καὶ εἰς ὃ φθείρεται τελευτατόν, τῆς μὲν οὐσίας ὑπομενούσης, τοῖς δὲ πάθεσι μεταβαλλούσης, τοῦτο στοιχεῖον καὶ ταύτην ἀρχὴν φασιν εἶναι τῶν

ὄντων· καὶ διὰ τοῦτο οὔτε γίγνεσθαι οὐθὲν οἶονται οὔτε ἀπόλλυσθαι, ὡς τῆς τοιαύτης φύσεως αἰεὶ σωζομένης [...то, из чего как первого они <все вещи> возникают и во что как последнее они, погибая, превращаются, причем сущность, хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях, — это они считают элементом и началом вещей. И потому они полагают, что ничто не возникает и не исчезает, ибо такое естество всегда сохраняется (пер. А. В. Кубицкого)]. Интересно, что и по-гречески применена не вполне обыденная конструкция «погибать во что-то» (εἰς ὃ φθείρεται), т. е. «разлагаться на такие-то части». Видимо, она и стоит за неожиданным *interire in partes*.

82. Полемика с атомистами, которая сквозит в этом замечании, — это полемика с эпикурейцами. Ср. Epicurus, Epist. ad Herod., 39: καὶ εἰ ἐφθείρετο δὲ τὸ ἀφανιζόμενον εἰς τὸ μὴ ὄν, πάντα ἅν ἀπωλώλει τὰ πράγματα, οὐκ ὄντων εἰς ἃ διελύετο [и если бы исчезающее распадалось в ничто, то все вещи сгинули бы, раз не существует того, во что бы они распадались]. Ср. Лукреций, I, 215—225:

Huc accedit uti quidque in sua corpora rursum
Dissolvat natura neque ad nihilum interimat res.
Nam si quid mortale e cunctis partibus esset,
Ex oculis res quaeque repente erepta periret.
Nulla vi foret usus enim, quae partibus eius
Discidium parere et nexus exsolvere osset.
Quod nunc aeterno quia constat semine quaeque,
Donec vis obiiit quae res diverberet ictu
Aut intus penetret per inania dissolvatque,
Nullius exitium patitur natura videri.

Надо добавить еще: на тела основные природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего не приводит.
Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая.
Не было б вовсе и нужды в какой-нибудь силе, могущей
Их по частям разорвать и все связи меж ними расторгнуть;
Но, так как все состоят из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя сила,
Или такая, что их изнутри сквозь пустоты разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустит природа.

(Здесь и далее перевод Ф. А. Петровского)

Итак, и по Лукрецию материальные вещи распадаются не в ничто, а на составные части, но таковыми являются неделимые атомы. Именно неделимость атомов является для него гарантией вечности материи. Ср. его полемику в I, 746 с теми, кто считает, что *finem non esse secandis*

corponibus. Munro, издатель и комментатор Лукреция (Lucretius. De Rerum Natura / Ed. et transl. H. A. J. Munro. Cambridge, 1886), предполагает в примечании к последней строке, что наш текст Цицерона может содержать аллюзию на эти строки Лукреция.

83. Это продолжение полемики с атомистами — ответ на (невывказанное здесь) замечание последних, что доказательством существования пустоты является возможность движения. Аристотель возражал на это, что пустоты не существует, что пространство бесконечно делимо и что движение осуществляется благодаря тому, что одна вещь уступает место другой, что и выражено здесь словом *intervallis* (промежутки). Лукреций так формулирует мнение противников (I, 372—76):

Cedere squamigeris latices nitentibus aiunt
et liquidas aperire vias, quae post loca pisces
linquant, quo possint cedentes confluere undae.
Sic alias quoque res inter se posse moveri
et mutare locum, quamvis sint omnia plena.

Так, говорят, что вода, уступая чешуйчатым рыбам
Путь им во влаге дает, ибо сзади они оставляют
Место, где могут опять сливаться отшедшие струи;
Так же и прочим вещам, взаимно меняясь местами,
Двигаться можно, хотя и заполнено всюду пространство.

84. Вновь полемика с эпикурейцами, утверждавшими, что число атомов бесконечно и может существовать бесчисленное количество миров.
85. Излагаемое здесь учение о мире имеет характерно стоические черты, в то же время очевидны ассоциации с «Тимеем», где тоже речь идет о мировой душе. Очевидно, Антиоху не сложно было увидеть здесь в стоиках непосредственных продолжателей «Старой Академии». Параллельный текст из Хрисиппа по-гречески (особ. к *natura sentiente*) предлагает Диоген Лаэртский (VII, 139): *θεὸν λέγουσιν αἰσθητικῶς ὥσπερ κηχωρημένοι διὰ τῶν ἐν ἀέρι καὶ διὰ τῶν ζώων ἀπάντων καὶ φυτῶν* [они <стоики> говорят, что бог чувственно воспринимаемым образом как бы распространен по тому, что находится в воздухе, и по всем живым существам и по всем растениям]. То же учение о мире Цицерон излагает во 2-й кн. «О природе богов» устами стоика Бальба, в особ. 84—85: «Sic naturis is ex quibus omnia constant sursus deorsus ultro citroque commeantibus mundi partium coniunctio continetur. Quae aut sempiterna sit necessest hoc eodem ornatu quem videmus, aut certe perdiuturna, permanens ad longinquum et immensum paene tempus quorum utrumvis ut sit, sequitur natura mundum administrari... Aut igitur nihil omnino est quod sentiente natura regatur, aut mundum regi confiten-

dum est» [Так связь частей мира удерживается благодаря тому, что элементы, из которых всё состоит, движутся вверх-вниз и из стороны в сторону. Причем эта связь необходимо должна быть вечной именно в таком порядке, в каком мы ее видим, или, во всяком случае, очень прочной, сохраняющейся долгое, почти бесконечное время. Какой бы из двух вариантов мы ни выбрали, из него следует, что мир управляется природой... Следовательно, нужно признать, что либо нет ничего, что управлялось бы чувствующей природой, либо что ей управляем мир]. Цицерон не зря говорит об Антиохе, что он в физике был «чистой воды стоик»; в то же время подобная космология была не столько нововведением стоиков, сколько скорее *lingua franca* эллинистической космологии, так или иначе возводившей себя к Платону и противостоявшей эпикурейцам, обращавшимся через голову Платона к древним атомистам, и «скептикам», настаивавшим на недоказуемости подобных построений. Этот язык и набор основных аргументов пригодились впоследствии и христианским философам.

86. *inter* чтение рукописей. Пласберг считает текст испорченным, предлагая *sit, <interdum> ** quasi...* Рид сохраняет «*inter*» со следующим комментарием (с. 135, *ad loc.*): «*Inter*: такое употребление этого слова, вводящее соображение, обосновывающее или подтверждающее предыдущее утверждение, редко у Цицерона и не встречается ни у Цезаря, ни у Непота. У Саллюстия имеется несколько примеров, а у более поздних авторов такое употребление становится достаточно частым».
87. Это стоическое учение о необходимости и судьбе, которые определялись как непрерывная цепь причин (ср. *Plac. Phil. I, 29: συμπλοκήν αἰτιῶν τεταγμένην ... εἰρμόν αἰτιῶν, τάξιν καὶ ἐπισύνδεσιν ἀπαραβάτων* [выстроенное в ряд сплетение причин... сцепление причин, неколебимый строй и связь]), в силу которых все будущие события полностью определены прошлыми, то есть нынешнее состояние мира полностью определяет его будущее состояние, так что если бы кто был способен охватить всю цепь причин, ничего не упуская, он был бы способен вычислить следующее состояние мира на основании наличного. Этим пояснялась и возможность дивинации — предсказания будущего. «Случайность-судьба» (*fortuna*, от *fors* «случай») объяснялась стоиками как «причина, не открытая человеческому разуму». Но, говоря о «характерно стоическом учении», не следует забывать, что уже Аристотель в «Физике» приводит это определение случайности-судьбы (*τύχη*) как «мнение некоторых» (196b): *εἰσὶ δὲ τινες οἷς δοχεῖ εἶναι αἰτία μὲν ἡ τύχη, ἄδελος δὲ ἀνθρωπίνῃ διανοίᾳ ὥς θεῖόν τι οὔσα καὶ δαιμονιώτερον* [некоторые же считают, что случайность-судьба —

это причина, но поскольку она не очевидна человеческому разуму, то кажется чем-то божественным и сверхъестественным].

88. Стандартный перевод *χρήριον τῆς ἀληθείας*, ключевого понятия эллинистической эпистемологии, которая по античной классификации относится к разделу «логика».
89. Здесь ряд синонимичных оборотов со смыслом «несоставной и неизменный» соответствует также целому ряду выражений, стандартно со времен Платона употреблявшихся для выражения этого представления по-гречески, см. в качестве образцового примера «Федон» 78d: *μονοειδὲς ὃν αὐτὸ κατ' αὐτό, ὡσαύτως καὶ κατὰ ταῦτ' ἔχει...*
90. *recipere* соответствует греческому *καταλαμβάνεσθαι* и означает не просто «воспринимать чувствами», как во многих позднейших латинских текстах, а « постигать », « схватывать с полной отчетливостью, дающей знание ». Это один из основных терминов в эпистемологическом споре «скептической» Академии и догматиков, которому и посвящены в основном «Академические исследования» (как станет ясно из помещенной ниже части «Лукулл»).
91. Ср. выражение *τὰ ὑποκείμενα ταῖς αἰσθήσεσι* у Секста Эмпирика (Руг. hyp. I, 47).
92. *opinabilis* соответствует греческому *δοξαστός* — предмет мнения (а не знания). Так Цицерон передает это слово и в своем переводе «Тимея», § 3.
93. В рукописях вместо *notionibus* стоит *motionibus*. *Motio animi* означает «эмоцию, чувство», такие, например, как радость или печаль, что не дает здесь смысла. Исправление *notionibus* предложил уже Ламбин, ссылаясь на некую виденную им (но неизвестную последующим ученым) рукопись. Как Рид, так и Поленц принимают это очевидное исправление в основной текст своих изданий. Рид замечает, что *animi potio* — стандартный перевод *ἐννοια* (понятие) и что в «послезеноновскую эпоху» никто уже не видел разницы между платоновскими идеями и аристотелевскими общими понятиями.
94. Со времен Хрисиппа этимология стала считаться особой специальностью стоиков. Но, чтобы возвести ее к древней Академии, достаточно было вспомнить платоновского «Кратила». Само слово *ἐτυμολογία* не встречается в классической прозе, и ранние стоики также называли этот предмет скорее *ὀνομάτων ὀρθότης* (ср. «Кратил», 422b). *Verborum explicatio* — не первый вариант перевода, пришедший Цицерону. В Тор. 35 он колеблется между вариантами *veriloquium* и *notatio*: «*Ea est autem, cum ex vi nominis argumentum elicitor; quam Graeci ἐτυμολογίαν appellant, id est verbum ex verbo veriloquium; nos autem*

novitatem verbi non satis apti fugientes genus hoc notationem appellamus, quia sunt verba rerum notae» [Это тот случай, когда доказательство черпается из смысла имени. Греки называют это «этимологией», то есть в дословном переводе «подлиннословием»; мы же, не желая вводить такой неуклюжий неологизм, называем этот род доказательства «обозначением» (notatio), поскольку слова здесь являются знаками (notae) вещей]. Квинтилиан сообщает (I, 6, 28), что некоторые предлагали вариант originatio. Прижилась в конце концов латинская транслитерация греческого слова, ср. Сенека, Epist. 95, 65: «causarum inquisitionem etymologiam». Фраза «sunt verba rerum notae» важна для понимания следующего «quasi rerum notis», относящегося также к этимологии.

95. quibusdam и quasi при паре синонимов вновь указывают, что Цицерон пытается адекватно передать непростой греческий термин, в данном случае σύμβολον.
96. Ср. первую фразу «Риторики» Аристотеля: ἡ ῥητορικὴ ἀντίστροφός ἐστι τῇ διαλεκτικῇ [Риторика есть отражение диалектики]. Что эта фраза активно использовалась в традиции, чтобы обосновать включение в философию риторики как раздела логики, свидетельствует Секст Эмпирик (Adv. math. VII, 6): Ἐμπειροκλέα μὲν γὰρ ὁ Ἀριστοτέλης φησὶ πρῶτον ῥητορικὴν κελινηχέαι, ἧς ἀντίστροφον εἶναι τὴν διαλεκτικὴν, τοὔτεστιν ἰσόστροφον, διὰ τὸ περὶ τὴν αὐτὴν ὕλην στρέφεσθαι, ὥς καὶ ἀντίθεον ὁ ποιητὴς ἔφη τὸν Ὀδυσσεα, ὅπερ ἦν ἰσόθεον [Аристотель говорит, что Эмпедокл первый стал разрабатывать риторику, которая является «отражением» диалектики, то есть «равноснайна» ей в том смысле, что занимается теми же самыми вещами, как Гомер называет Одиссея «отражением бога» в смысле «богоравный»]. Далее у Секста, как и в нашем тексте, говорится о том, как Платон изображает Сократа разработчиком всех частей философии, в том числе логики, поскольку «выводит его рассуждающим об определениях, разделах и этимологии, что относится к логике» (τοῦ μὲν λογικοῦ παρόσον περὶ ὄρων καὶ διαίρέσεων καὶ ἐτυμολογίας παρεπιστῆται ζητῶν, ἅπερ ἐστὶ λογικά).
97. Рукописи дают бессмысленное disputationes. Рид принимает в свой текст конъектуру immutationes, предложенную в XVIII в. Davisius (Дэвисом), а Поленц — dissipationes, предложенное Baiter в 1863 г. (орфографический вариант к dissipatio).
98. «Сладость» речи Феофраста была для него таким же постоянным признаком, как для гомеровского Нестора. «Сладким» он назван в анекдоте, который Авл Геллий (Gell. XIII, 5) рассказывает об умирающем Аристотеле. Тот якобы во время последней болезни на вопро-

сы о преемнике отвечал: «в свое время», и вот перед самой смертью велел, чтобы ему принесли не местного вина, а родосского или лесбосского. И, попробовав и похвалив оба, сказал: ἡδίων ὁ Λέσβιος [но лесбосец — слаще]. А поскольку лучших учеников в Ликее было два — Евдем Родосец и Фефраст Лесбосец, то все поняли, на кого пал выбор учителя. Есть также традиция, будто Теофраста звали на самом деле Тиртам, а Теофрастом («божественно говорящим») прозвал его за сладость речи Аристотель. Ср. Цицерон, *De orat.* I, 4: «Theophrastus... Cameades in dicendo suaves»; *Brut.* 121: «Quis Theophrasto dulcior?»; *Orat.* 62: «Theophrastus divinitate loquendi nomen invenit».

99. Т. е. Теофраст считал «внешние блага», за которыми стоики вообще отказывались признать статус «благ», называя их «безразличным», необходимым условием достижения конечного блага — счастья, которое, таким образом, оказывалось не тождественно добродетели (счастье, по Теофрасту, = добродетель + «внешние блага»), что соответствует и мнению Аристотеля в «Никомаховой этике».
100. *beate vivere* или *beata vita* — стандартный цicerоновский перевод для важного этического понятия εὐδαιμονία (полного счастья), названного в «Никомаховой этике» Аристотеля высшим благом.
101. Переводит ἀχουστής в смысле «ученик».
102. *virtute et moribus* вместе переводят ἡθικά. Цицерон почти никогда не ограничивается для передачи понятия «этика» только *mores*: мы имеем *de vita et moribus*, *de virtute et moribus* (*Tusc.* V, 10; *Rep.* I, 16; *Brutus* 31 etc). Впрочем, в *Fin.* V, 12 он переводит название трактата Аристотеля «Никомахова этика» как «*de moribus libri*». А в начале трактата «О судьбе» (*De fato*, 1) мы читаем: «*eam partem philosophiae „de moribus“ appellare solemus; sed decet augentem linguam latinam nominare „moraalem“*». Однако сам Цицерон этим своим нововведением не пользуется, оно вновь появляется у Сенеки и Квинтилиана и с этого времени становится употребительным.
103. Тем не менее Диоген Лаэртций (V, 58–59) сообщает нам названия по крайней мере 6 этических трактатов Страбона.
104. Эта метафора была принята, очевидно, как в греческом, так и в латыни. У Цицерона см. также: 12-я Филиппика, 8: «*legionum nervos his consiliis incidemus*», «Тускуланские беседы», II, 27: «*poetae omnis nervos virtutis elidunt*». Ср. Платон, «Государство», 411b: ἐκτέμνειν ὥσπερ νεῦρα ἐκ τῆς ψυχῆς.
105. *Honestum* передает греческое τὸ χαλόν.
106. *simplex* в смысле ἀπλοῦς, то есть не поддающееся расчленению на части, цельное.

107. передает ἀδιάφορα «безразличное». В Fin. III, 53 Цицерон передает тот же термин как indifferentia, но это остается единственным употреблением.
108. передает κατὰ φύσιν.
109. передает παρὰ φύσιν.
110. Sumenda — λεπτά, синоним к προηγμένα, т. е. «подлежащее приятию», например, такие вещи, как здоровье или богатство.
111. «противоположное» — в данном случае такие вещи, как болезнь, бедность и т. д.
112. neutra — καθάπαξ ἀδιάφορα — полностью безразличные обстоятельства, классический пример «четное или нечетное число волос на голове» приведен у D. L. VII, 104.
113. т. е. ἐν ἀδιαφόροις. Ср. Gell. XII, 5, 7: «voluptas et dolor... in mediis relictæ, et neque in bonis neque in malis iudicata».
114. Praeposita и reiecta — προηγμένα и ἀποπροηγμένα, ср. Fin. III, 15: «Et tamen puto concedi nobis oportere, ut graeco verbo utamur, si quando minus occuret latinum, ne hoc ephippiis et acratophoris potius quam proegmenis et aporoproegmenis concedatur. Quamquam haec quidem praeposita recte et reiecta dicere licebit» [тем не менее, я считаю, что нам должно быть позволено использовать греческое слово, если не находится подходящего латинского; а то выходит, что это позволительнее в случае «эфиппиев» <род конской попоны, заменявшей седло> и «акратофоров» <сосуд для несмешанного вина>, чем в случае «проэгменов» и «апопроэгменов»; впрочем, эти последние вполне можно называть «предпочитаемым» и «отвергаемым»].
115. Это этическое разделение подробно разъясняется в Fin. III, 50–53: «itaque cum esset satis constitutum, id solum esse bonum, quod esset honestum, et id malum solum, quod turpe, tum inter illa, quae nihil valerent ad beate misereve vivendum, aliquid tamen quod differet esse voluerunt, ut essent eorum alia aestimabilia, alia contra, alia neutrum. (51) Quae autem aestimanda essent, eorum in aliis satis esse causae, quam ob rem quibusdam anteponerentur, ut valetudine, ut integritate sensuum, ut in doloris vacuitate, ut gloriae, divitiarum, similium rerum, alia autem non esse eiusmodi; itemque eorum, quae nulla aestimatione digna essent, partim satis habere causae, cur reicerentur, ut dolorem, morbum, sensuum amissionem, paupertatem, ignominiam, similia horum, partim non item. Hinc est illud exortum, quod Zeno προηγμένον, contraque quod ἀποπροηγμένον nominavit, cum uteretur in lingua copiosa factis tamen nominibus ac novis, quod nobis in hac inopi lingua non conceditur; ...Sed non alienum est, quo facilius vis verbi intellegatur, rationem huius verbi faciendi Zenonis exponere. (52) Ut enim, inquit, nemo dicit, in regia regem ipsum

quasi productum esse ad dignitatem (id est enim προηγμένον), sed eos, qui in aliquo honore sunt, quorum ordo proxime accedit, ut secundus sit, ad regium principatum, sic in vita non ea, quae primario loco sunt, sed ea, quae secundum locum obtinent, προηγμένα, id est, producta nominentur; quae vel ita appellemus (id erit verbum e verbo) vel promota et remota, vel, ut dudum diximus, praeposita vel praecipua, et illa reiecta. Re enim intellecta, in verborum usu faciles esse debemus» [поэтому, твердо установив, что благом является лишь достойное, а злом — лишь недостойное, они тем не менее считали, что то, что не существенно с точки зрения блаженной или несчастной жизни, тоже не вполне однородно: часть таких вещей предпочтительна, другая — напротив, третья — ни то, ни другое. Что до вещей предпочтительных, то из них одни в самих себе заключают достаточную причину, почему их следует предпочитать чему-то другому: таково здоровье, неповрежденные органы чувств, отсутствие боли, а также слава, богатство и тому подобные вещи; другие же не таковы. Точно также из вещей, ни в коем случае не заслуживающих предпочтения, одни заключают в самих себе достаточную причину отвержения, каковы боль, болезнь, утрата одного из чувств, бедность, бесчестие и прочее в том же роде; другие же не так. Поэтому Зенон и назвал первое προηγμένον, а противоположное ему — ἀποπροηγμένον — ведь он пользовался на своем богатом языке новыми словами собственного сочинения, чего не позволяют нам на нашем бедном языке... Но для того, чтобы легче было понять смысл этого слова, уместно будет объяснить, почему Зенон создал этот неологизм. Он говорит, что как в царском дворце никто не говорит о самом царе, что он «выдвинулся» на вершины власти (таков собственный смысл слова προηγμένον), а употребляют это выражение о тех, кто по рангу ближе всего стоит к первенствующему положению царя, занимая второе после него место, так и в жизни προηγμένα, т. е. «выдвинувшееся вперед» — это не первостепенное, а второе по значению. Так что мы можем использовать этот дословный перевод, или говорить о «первоочередном» и «последнем», или, как я уже говорил, называть одно «предпочтительным» и «первостепенным», а второе — отвергаемым. Если смысл ясен, то мы не должны быть слишком строги к словам].

Греческие параллели мы имеем у Стобея (Ecl. eth., p. 156): Οὐδὲν δὲ τῶν ἀγαθῶν εἶναι προηγμένον, διὰ τὸ τὴν μέγιστην ἀξίαν αὐτὰ ἔχειν, τὸ δὲ προηγμένον, τὴν δεύτεραν χώραν καὶ ἀξίαν ἔχον, συνεγγίξειν πῶς τῇ τῶν ἀγαθῶν φύσει. Οὐδὲ γὰρ ἐν αὐλῇ τῶν προηγμένων εἶναι τὸν βασιλέα, ἀλλὰ τοὺς μετ' αὐτὸν τεταγμένους [блага никогда не называются «предпочтенными», поскольку блага — это то, что имеет высо-

чайшую ценность; «предпочтенным» же называется то, что занимает второе место по ценности, как бы приближаясь к природе блага. Так и при дворе к «предпочтенным» принадлежит не царь, а те, кто стоит по рангу непосредственно за ним] и у Секста Эмпирика, Adv. math. XI, 59—63: καὶ ὁ μὲν Κράντωρ τὴν ὑγίαν ἐν δευτέρᾳ μοίρᾳ ἐτίθετο, στοιχῶν τοῖς προειρημένοις φιλοσόφοις οὐκ ἀγαθὸν δ' οἱ ἀπὸ τῆς Στοᾶς ἔλεξαν αὐτὴν ἀλλ' ἀδιάφορον. τὸ δ' ἀδιάφορον οἴονται λέγεσθαι τριχῶς... <сперва разъясняют-ся два значения слова «безразличное», не имеющие отношения к этике> ...κατὰ δὲ τὸν τρίτον καὶ τελευταῖον τρόπον φασὶν ἀδιάφορον τὸ μῆτε πρὸς εὐδαιμονίαν μῆτε πρὸς κακοδαιμονίαν συλλαμβανόμενον, καὶ ὃ σημα- νόμενόν φασι τὴν τε ὑγίαν καὶ νόσον καὶ πάντα τὰ σωματικὰ καὶ τὰ πλεῖστα τῶν ἐκτὸς ἀδιάφορα τυγχάνειν διὰ τὸ μῆτε πρὸς εὐδαιμονίαν μῆτε πρὸς κακοδαιμονίαν συντείνειν. ᾧ γὰρ ἔστι εὖ καὶ κακῶς χρῆσθαι, τοῦτ' ἂν εἴη ἀδιάφορον. διὰ παντὸς δ' ἀρετὴ μὲν καλῶς, κακία δὲ κακῶς, ὑγίαι δὲ καὶ τοῖς περὶ σώματι ποτὲ μὲν εὖ, ποτὲ δὲ κακῶς ἔστι χρῆσθαι, διὸ ταῦτ' ἂν εἴη ἀδιάφορα. ἥδη δὲ τῶν ἀδιαφόρων φασὶ τὰ μὲν εἶναι προηγμένα, τὰ δ' ἀποπροηγμένα, καὶ προηγμένα μὲν εἶναι τὰ ἱκανὴν ἀξίαν ἔχοντα, ἀποπροηγμένα δὲ τὰ ἱκανὴν ἀπαξίαν ἔχοντα, μῆτε δὲ προῆχθαι μῆτε ἀποπροῆχθαι, οἷον τὸ ἐκτείνειν ἢ συγκαμψαὶ τὸν δάκτυλον καὶ πᾶν ὃ τοῦτω παραπλήσιόν ἐστι. τάττεσθαι δ' ἐν μὲν τοῖς προηγμένοις τὴν τε ὑγίαν καὶ τὴν ἰσχὺν καὶ τὸ κάλλος πλοῦτόν τε καὶ δόξαν καὶ τὰ ἐοικότα, ἐν δὲ τοῖς ἀποπροηγμένοις νόσον καὶ πενίαν καὶ ἀλγὴδονα καὶ τὰ ἀνάλογα [Крантор ставит здоровье на второе место, как и названные выше философы. Ведь стоики называли его не благом, а безразличным. «Безразличное» же употребляется в трёх смыслах: ...в третьем же и последнем смысле они называют безразличным то, что не способствует ни блаженной, ни несчастной жизни. Они говорят, что в этом смысле безразличны здоровье и болезнь и всё относящееся к телу, и большая часть внешнего, поскольку они не затрагивают блаженной или несчастной жизни. Ведь то, чем можно воспользоваться и во благо, и во зло — безразлично. Добродетель может быть только во благо, а порок — только во зло, а здоровье и прочее, относящееся к телу, может оказаться и на благо, и во зло. И потому эти вещи, по их словам, безразличны. Но из безразличного, говорят они, одно предпочтительно, другое отвергаемо; предпочтительное — это то, что включает в себе достаточную ценность, а отвергаемое — то, что включает в себе достаточную вредность, а есть еще не предпочтительное и не отвергаемое, как, например, выпрямить или согнуть палец и всё в этом роде. К предпочтительному они причисляют здоровье, силу, красоту и богатство, а также славу и прочее подобное, а к отвергаемому — болезнь, бедность, боль и сходное с ними].

116. О том, что стоики отличаются от прежних школ, восходящих к Платону, академиков и перипатетиков, только введением новых терминов для старых понятий, Цицерон говорит в своих трактатах очень часто, как от лица персонажей, выражающих мнение Антиоха, так и от своего собственного. См. в особенности: Fin. III, 5: «Zeno non tam rerum inventor fuit quam verborum»; V, 74: «atqui ut reliqui fures earum rerum quas ceperunt, signa commutant, sic illi (sc. Stoici), ut sentiis nostris pro suis uterentur, nomina tamquam rerum notas mutaverunt»; Tusc. V, 34: «Zeno ignobilis verborum orifex». Диоген Лаэртций (VII, 25) рассказывает историю о том, как Полемон шутливо обвинял Зенона в краже своего учения.
117. Цицерон регулярно использует *recte factum* и *peccatum* для передачи пары стоических противопоставленных этических терминов — *κατὸρθωμα* и *ἀμαρτημα*.
118. В качестве антонима к *τὸ κατῆχον* (*officium*) стоики регулярно употребляли *παρὰ τὸ κατῆχον*, что Цицерон и передает как *contra officium*.
119. *medium* здесь — не то же самое, что чуть выше в § 36–37, где это слово использовалось при описании *ἁδιάφορα* — морально безразличного. Выполнение или невыполнение долга отнюдь не относится к морально безразличному, а является средним между «правильным поступком» и «прегрешением» только в том смысле, что дорога к тому либо другому лежит не иначе как **через** выполнение или невыполнение обязанности.
120. Сами стоики могли видеть в этом тезисе возвращение к чистому этическому интеллектуализму Сократа (всякий порок есть неведение) и исправление более пессимистических взглядов Аристотеля и позднейших философов на человеческую природу.
121. Аристотель подчеркивал, что добродетель есть лишь «расположение» (*ἕξις*), которое реализуется (актуализируется) в своем применении, и только в нем обретает ценность (см. в особенности «Никомахову этику», 1099, 3–6). Из этого следовало, в частности, что если расположенный к «добродетели» человек в силу неблагоприятных жизненных условий не может реализовать свои прекрасные задатки, то тем самым и его «евдемония», счастье, остается нереализованной, а следовательно, «внешние блага» суть необходимая принадлежность счастливой жизни. В противоположность этому здесь утверждается, что сама «расположенность», *habitus*, уже «прекрасна», т. е. является самостоятельной ценностью.
122. В этом он мог опираться на авторитет Платона («Федон» 83b): «Вот то освобождение, которому не считает нужным противиться душа истинного философа, и потому она бежит от радостей, желаний, печалей и страхов, насколько это в ее силах...» (пер. С. П. Маркиша).

123. voluntarias («произвольные») означает не «свободу воли» в собственном смысле, называвшуюся по-латыни позже *liberum arbitrium*, а то, что по-гречески уже у Аристотеля выражается фразой τὰ ἐφ' ἡμῖν — «зависящее от нас». Так, Аристотель в «Никомаховой этике» поясняет разницу между «желанием» и «стремлением» так, что второе из этих понятий может относиться только к τὰ ἐφ' ἡμῖν — как бы человек ни желал стать бессмертным или чтобы на состязании победил именно атлет из его родного города, бессмысленно говорить, что он к этому стремится. Цицерон часто переводит это выражение «in nostra potestate (sita)», так, например, в *Tusc. IV, 14*, где речь идет о том же, что и в нашем тексте: «sed omnes perturbationes animae iudicio censent fieri et opinione. Itaque eas definiunt pressius, ut intellegatur, non modo quam vitiosae, sed etiam quam in nostra sint potestate». Разумеется, если эмоции суть результат (неверного) мнения, то они «зависят от нас», но «свобода воли» здесь ни при чем. Они зависят от нас, потому что это наше мнение, хотя, согласно сократовскому принципу, «никто не ошибается добровольно». Смешение τὰ ἐφ' ἡμῖν с проблемой свободы воли заставляет Рюда видеть в данном месте непоследовательность и ссылаться на Целлера для попыток ее устранения: «Yet the Stoics accepted the Socratic maxim that virtue is Knowledge and Vice is Ignorance; the reconciliation of this maxim with the statement in the text may be seen in Zeller, III, 1, 235». Однако проблема возникает здесь из интерпертации, а не из самого текста.
124. iudicium является здесь переводом κρίσις, ср. *D. L. VII, 111*: δοχεῖ δ' αὐτοῖς (sc. Stoicis) τὰ πάθη κρίσεις εἶναι [они считают, что страсти — это суждения]. Ср. *Tusc. IV, 14*: «sed omnes perturbationes iudicio censent fieri et opinione».
125. = οὐσίαις, слово, которое часто употребляется по-гречески в смысле «элемент». Ср. *Nat. deor. II, 84*: «naturis his ex quibus omnia constant».
126. Не вполне ясно, действительно ли Аристотель считал свой пятый элемент, эфир, тем, из чего состоят «чувства и ум», поскольку иногда он заявляет, что ум нематериален. В то же время и πέμπτον σῶμα наделяется у него такими эпитетами, как ἀγένετον, ἄφθαρτον, ἀναυξές, ἀναλλοίωτον, что делает его заявленную материальность сомнительной. Скорее всего, Аристотель действительно считал эфир субстанцией по крайней мере индивидуального ума, и те, кому это учение кажется с философской точки зрения сомнительным, должны обвинять Стагирита, а не компиляторскую поспешность Цицерона.
127. Ср. *D. L. VII, 156*: Δοχεῖ δ' αὐτοῖς τὴν μὲν φύσιν εἶναι πῦρ τεχνικόν, ὁδῶ βαδίζον εἰς γένεσιν, ὅπερ ἐστὶ πνεῦμα πυροειδές καὶ τεχνοειδές τὴν

δὲ ψυχὴν αἰσθητικὴν φασιν [они считают, что природа — это творящий огонь, на своем пути порождающий сущее, и что этот огонь — некое огненное и творящее дыхание; душа же, по их мнению, это то, что обладает способностью ощущения].

128. sc. natura.

129. О том, что стоики отказывались признавать существование чего бы то ни было нематериального, ср. по-гречески: Sext. Emp. Adv. math. VII, 116: τὸ γὰρ ἀσώματον κατ' αὐτοὺς οὔτε ποιεῖν τι πέφυκεν οὔτε πάσχειν [бестелесное же, по их мнению, по своей природе не может ни воздействовать, ни подвергаться воздействию].

130. Здесь в латинском тексте анаколуп (сбой конструкции): Цицерон начал говорить, что чувства складываются из некоего импульса, который... Пояснения к слову *impulsione* оказались настолько долгими, что второй член этого сложения, а именно «согласие ума», присоединяется уже не с помощью союза «и» и однородного аблатива, а в отдельной фразе с повторением глагола *adiungit* уже в личной форме и в действительном залоге. Нормальное строение фразы было бы: «складываются из некоего импульса... и согласия ума».

131. *adsensio* передает συνκατάθεσις, «согласие», одно из основных понятий Зеноновой эпистемологии, которое будет подробно раскрываться в дальнейшем тексте.

132. *in nobis positam et voluntariam* «зависящее от нас», снова пара синонимов для передачи греческого τὰ ἐφ' ἡμῖν, ср. комм. 123. Ср. ниже, «Лукулл», 37 «*ea quae est in nostra potestate sita assensio*».

133. Снова косвенная полемика с эпикурейцами, которые утверждали, что всякое чувственное восприятие истинно. Это их утверждение восходит, как и многое другое в их учении, к Демокриту, см. Аристотель, *Метафизика*, 1009b: ὅλως δὲ διὰ τὸ ὑπολαμβάνειν φρόνησιν μὲν τὴν αἴσθησιν, ταύτην δ' εἶναι ἀλλοίωσιν, τὸ φαινόμενον κατὰ τὴν αἴσθησιν ἐξ ἀνάγκη ἀληθὲς εἶναι φασιν· ἐκ τούτων γὰρ καὶ Ἐμπεδοκλῆς καὶ Δημόκριτος καὶ τῶν ἄλλων ὥς ἔπος εἰπεῖν ἕκαστος τοιαύταις δόξαις γεγενῆνται ἔνοχοι [В целом, из-за того, что они считали, будто чувственное восприятие — это мышление и что оно является изменением, они утверждали, что все, показавшееся чувствам, по необходимости истинно. Из-за этого подобные мнения появлялись у Эмπεдокла, у Демокрита, да, пожалуй, и у каждого, кого ни возьми]. Правда, непосредственно перед этим Аристотель говорит, что из-за противоречивости чувственных восприятий Демокрит утверждал, что истины либо вообще нет, либо нам она не открыта; в этой связи, говоря о противоречивых ощущениях, Аристотель применяет то οὐδὲν μᾶλλον,

которое станет у Секста Эмпирика основным «речением» (φωνή) скептиков: 1009b, 9–10: ποῖα οὖν τούτων ἀληθῆ ἢ φευδῆ, ἄδηλον· οὐδὲν γὰρ μᾶλλον τάδε ἢ τάδε ἀληθῆ, ἀλλ' ὁμοίως [какие из них ложны, какие истинны, неясно: ведь одно несколько не более истинно, чем другое, а все они одинаково].

134. Комментаторы обычно поясняют, что *declaratio* передает греческое ἐνάργεια — «очевидность». Однако для ἐνάργεια, как мы увидим ниже, «Лукулл», 17, Цицерон предлагает два других варианта: *perspicuitas* и *evidentia*, оба, как и греческое ἐνάργεια, существительные с общим значением качества, образованные от прилагательного, в то время как *declaratio* — отглагольное существительное и означает действие. Выяснить, действительно ли мы имеем здесь дело с ἐνάργεια, существенно потому, что вообще применение ἐνάργεια как критерия для ранних стоиков прямо не зафиксировано; похоже, что это был поначалу специфически эпикурейский термин, который стоики лишь позднее, по мере развития дискуссии с академиками о «критерии», о том, что может отличать специфически «постигающее» показавшееся от прочего. Если понимать наше место так, как предлагает, например, Рид, то оно оказывается едва ли не единственным свидетельством, позволяющим приписать Зенону «очевидность» как критерий. Так оно, хотя и очень осторожно, воспринимается, например, в последнем немецком комментарии к «Лукуллу» Хальтенхофа. Комментируя § 17 об очевидности (с. 113), Хальтенхоф, ссылаясь на Рида и в самой предположительной форме говорит о вышеупомянутой возможности: «Möglich also, daß man bereits damals die Eigentümlichkeit der κατὰληπτικὴ φαντασία mit ihrer „Evidenz“ erklärte (dem steht auch die Formulierung Varros in seinem Zenon-Referat ac. I, 41 nahe: (цитируется данное место). Reid zur Stelle übersetzt „clear evidence concerning those objects from which the impressions come“ and versteht *declaratio* als ἐνάργεια. Freilich ist dies eine Auskunft, die Varro von Antiochos übernimmt)». Но, возможно, Антиох не виноват, а Зенон все же не пользовался понятием «очевидности» (о котором см. ниже, комм. 234). В сборнике фрагментов по стоической диалектике Хюльзера среди определений φαντασία имеется выписка из Псевдо-Галена: [Galenus], Hist. Philos. 93, р. 638, 8–18 Diels (Huelser, fr. 269): Φαντασία μὲν οὖν ἐστὶ πάθος ἐν τῇ ψυχῇ γινόμενον καὶ ἐνδείκνυμενον αὐτό τε καὶ τὸ πεποιητός [Показавшееся — это возникшее в душе претерпевание, которое изобличает как самое себя, так и то, что произвело воздействие]. Мне кажется, что *declaratio* в точности соответствует τὸ ἐνδείκνυμαι, тем более что оба глагола имеют общий юридический аспект «изобличения», почти «доноса», очень важ-

ный в данном определении. «Показавшееся, доступное постижению» (καταληπτική φαντασία), следовательно, непременно особым образом обнаруживает, выявляет, изобличает те вещи, которые его вызвали, но как именно — это здесь не уточняется. Необходимость точно определить этот изобличающий признак возникла лишь позднее в ходе дискуссии, и тогда «очевидность» оказалась хотя одним из первостепенных, но не единственным предложением. О том, что эпикурейская ἐνάργεια как признак «показавшегося» означает в точности то же, что Зенон хотел выразить прилагательным καταληπτική, что и сделало возможным с течением времени заимствование термина, см.: Sandbach F. H. Ennoia and Prolepsis in the Stoic Theory of Knowledge / Long A. A. (ed.) // Problems in Stoicism. London, 1971. P. 32.

135. Здесь имеется в виду, собственно, объект, вызвавший «показавшееся», но именно с точки зрения произведенного им воздействия, поэтому он также называется visum. Эта нечеткость разграничения «предмета, вызвавшего воздействие», и «результата воздействия» проходит через весь текст «Академических исследований» (была не чужда, очевидно, и греческим источникам Цицерона) и является одной из причин трудностей в понимании текста для современного читателя, изученного позднейшей философией эти вещи различать очень строго.
136. Comprehensio соответствует греческому κατάληψις, также означающему не только абстрактный процесс постижения, но и единичное постижение, как синоним к καταληπτική φαντασία.
137. См. комм. 71. Ср. Nat. deor. I, 44: «sunt enim rebus novis nova ponenda nomina, ut Epicurus ipse πρόληψιν appellavit, quam antea nemo eo verbo nominarat». В обоих случаях подчеркивается, что философы не придумали новое слово, а скорее придали ему новый смысл, перенесли в новый контекст. καταλαμβάνω встречается в греческом языке начиная с Гомера в значении «захватывать» (например, город), или о смерти или болезни, которые «захватили» человека, «овладели» им. Этот активный аспект глагола, энергия и окончательность передаваемого им действия важны для понимания смысла зеноновской терминологии.
138. Как и κατάληψις (см. выше), αἴσθησις (греческое слово, стоящее за sensus) могло означать как процесс чувственного восприятия, так и его результат (а также органы чувств). Вызываемые этим сложности при подробном описании процесса познания и всех его стадий ощущаются уже у Аристотеля в трактате «О душе»; а аристотелевская теория чувственного восприятия и разработанная им терминология оказали решающее влияние на позднейшую академическую и стоическую эпистемологию.

139. *Scientia* передает греческое ἐπιστήμη. Это определение многократно зафиксировано в греческих источниках. См. Stob. Ecl. II, 128: εἶναι δὲ τὴν ἐπιστήμην κατὰληψιν ἀσφαλῆ καὶ ἀμετάπτωτον ὑπὸ λόγου· ἐτέραν δὲ ἐπιστήμην σύστημα ἐξ ἐπιστήμων τοιούτων [знание — это твердое и непоколебимое рассуждением постижение. Далее, знанием называют построение из таких знаний]; Sext. Emp. Adv. math. VII, 151: ἐπιστήμην εἶναι ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν καὶ ἀμετάθετον ὑπὸ λόγου κατὰληψιν [знание — это прочное, твердое, неопровержимое рассуждением постижение]; D. L. VII, 47: ἐπιστήμην φασὶν ἢ κατὰληψιν ἀσφαλῆ ἢ ἔξιν ἐν φαντασιῶν προσδέξει ἀμετάπτωτον ὑπὸ λόγου [знание — это либо прочное постижение, или такое состояние <знания>, которое с приходом новых впечатлений по-прежнему не опровержимо рассуждением]. Здесь прослеживается все та же двойственность (поздними авторами уже отмечаемая как «два значения») ἐπιστήμη — это и единичное знание, «κατὰληψις», «постижение», «не опровержимое доводами разума», и возникшее на основе суммы таких «постижений» состояние «знания» о предмете. Ср. с вышеприведенными определение знания, упоминаемое Аристотелем в его «Топике», 130b: ὑπόληψις ἀμετάπειστος ὑπὸ λόγου.
140. Как антоним к ἐπιστήμη стоики обычно использовали ἄγνοια.
141. *Opinio* передает греческое δόξα, со времен Платона служившее в греческой философии (отрицательно окрашенным) антонимом к ἐπιστήμη. Если основные эпитеты знания — непоколебимость, неизменность, неопровержимость, надежность, то мнение традиционно описывается как неустойчивое, изменчивое, обманчивое. Эти основные признаки сохраняются, хотя представление об «областях» мнения и знания, об их взаимном отношении, о происхождении того и другого от Платона до Зенона сильно меняется.
142. С этим текстом стоит сопоставить то, что мы читали выше, § 37, об officium (и комм. 19): «sic inter recte factum atque peccatum officium et contra officium media locabat quaedam, recte facta sola in bonis actionibus ponens, prave, id est peccata, in malis; officia autem servata praetermissaque media». Здесь inter тоже, очевидно, надо понимать в том смысле, что путь к знанию или мнению лежит через «показавшееся, доступное постижению». Как чистое «средство» (тоже выражаемое по-латыни как medium), comprehensio, точно так же, как officium, не относится «ни к хорошему, ни к дурному», так как все зависит от употребления средства. Последнее замечание о neque in rectis neque in gravis проясняется благодаря тексту Секста Эмпирика, где говорится, что «постижение» обще для мудреца и не мудреца (Adv. math. VII, 152): ὦν τὴν μὲν ἐπιστήμην ἐν μόνοις ὑφίστασθαι λέγουσι τοῖς σοφοῖς, τὴν δὲ δόξαν ἐν μόνοις

τοῖς φαυλοῖς, τὴν δὲ κατὰληψιν κοινὴν ἀμφοτέρων εἶναι [они (sc. стоики) говорят, что знание бывает только у мудрецов, мнение — только у глупцов, а постижение обще для тех и других]. Там же (151) находится точная греческая параллель к нашему месту: ἐπιστήμην καὶ δόξαν καὶ τὴν ἐν μεθορίᾳ τούτων τεταγμένην κατὰληψιν [знание, мнение и лежащее посередине между ними постижение]. ib. κατὰληψιν δὲ τὴν μεταξύ τούτων [постигание же посередине между ними].

143. Имеется в виду, что, хотя, возможно, наши чувства открывают нам не все свойства вещей (возможность, специально отвергаемая Аристотелем в «О душе» (III, 3), как и возможность существования «шестого чувства»), то, что они нам открывают относительно объектов, для восприятия которых каждое из них специально предназначено, непременно истинно. На этой истинности показаний каждого чувства внутри его собственной сферы действия Аристотель также особо настаивает в этом трактате. Об этом «non omnia, quae essent in re, comprehenderet» ср. у Беркли («On the principles of human knowledge», § 77): «but, say you, there may be some... substance or substratum of some other qualities, as incomprehensible to us as colors are to a man born blind, because we have not a sense adapted to them». Примером таких «невоспринимаемых субстратов качеств» могут служить радиоактивное излучение или ультрафиолетовые лучи. Хорошее пояснение имеется у Секста Эмпирика, где выдвигается и еще одна возможность: может быть, предмет обладает на самом деле лишь «одним качеством», и только устройство наших чувств заставляет воспринимать качественную природу, например, яблока как состоящую отдельно из гладкого, благоуханного, сладкого, желтого (Руг. hyp. I, 94): φαίνεται τὸ μῆλον λεῖον εὐῶδες γλυκὺ ξανθόν· ἄδηλον οὖν πότερον ποτε ταύτας μόνας ὄντως ἔχει τὰς ποιότητας, ἢ μονόποιον μὲν ἐστὶ, παρὰ δὲ τὴν διάφορον κατασκευὴν τῶν αἰσθητηρίων διάφορον φαίνεται, ἢ καὶ πλείονας μὲν τῶν φαινομένων ἔχει ποιότητας, ἡμῖν δ' οὐχ ὑποπίπτουσί τινες αὐτῶν; ibid. 97: καὶ ἡμᾶς οὖν ἐνδέχεται τὰς πέντε μόνας αἰσθήσεις ἔχοντας μόνον ἀντιλαμβάνεσθαι, ἐκ τῶν περὶ μῆλον ποιότητων, ὧν ἐσμὲν ἀντιληπτικοί· ὑποχεῖσθαι δὲ ἄλλας οἷον τέ ἐστι ποιότητας, ὑποπιπτούσας ἑτέροις αἰσθητηρίοις, ὧν ἡμεῖς οὐ μετεσχήκαμεν [Яблоко кажется гладким, благоуханным, сладким, золотистым; но при этом не ясно, обладает ли оно на самом деле только этими качествами, или оно по сути однокачественно, а кажется обладающим разными качествами только потому, что наши органы чувств устроены по-разному, или, может быть, качеств у него больше, чем нам кажется, но некоторые из них нам недоступны. (97) можно допустить, что мы, с нашими

пятью органами чувств, воспринимаем из качеств яблока только те, которые мы способны воспринять; и, возможно, у яблока есть и другие качества, которые подлежат восприятию другими органами чувств — такими, какими мы не обладаем]. Здесь видно и происхождение цинцероновского оборота *quod cadere in eam posset*: «быть собственным объектом (какого-либо чувства)», «подпадать под компетенцию (кого-л., чего-л.)» выражается по-гречески в первом случае (как состояние) через ὑποχεῖσθαι, а во втором (как активное действие) через ὑποπίπτειν, буквальный соответствием которого и является *cadere*. Ср. комм. 91 к § 31.

144. *potam scientiae et principium sui* — несколько запутанный оборот, где, как мне кажется, сложность возникает от необычного порядка слов, который в обычном, не эмфатическом виде, был бы таким: *potam et principium scientiae sui* [мерилом и началом познания себя]. Очевидно, так же понимает смысл и Рид, который говорит, что после *sui* подразумевается *cognoscendae*.
145. Перевод ἔννοιαι.
146. *temeritas*, προπέτεια, «опрометчивость, чрезмерная поспешность» — постоянный упрек догматикам у Секста Эмпирика как раз в связи с тем, что они опрометчиво спешат объявить знаниями не до конца проверенные показания как чувств, так и ума. См., напр., Руг. hyp. I, 20, 177, 186; III, 280 и т. д.
147. *orinatio* — οἷσις, ср. D. L. VII, 23: ἔλεγε δὲ Ζήνων μηδὲν εἶναι τῆς οἰσσεως ἀλλοτριώτερον πρὸς κατάληψιν τῶν ἐπιστημῶν [Зенон говаривал, что нет большей помехи постижению познанного, чем наличие мнений].
148. Антиох устами Варрона снова подчеркивает, что Аркесилай ввел «новое», что его Академия, следовательно, «новая».
149. О «начатках скептицизма» или возможности скептического толкования досократиков (Гераклита, Демокрита, Протагора) см., например, в последних разделах 1-й книги «Пирроновых положений» Секста Эмпирика.
150. *cohibere* (sc. *assensionem*) — стандартный перевод ἐπέχειν «воздерживаться» (от согласия с воспринятым), которое в скептических текстах часто употребляется и абсолютно, как и его производное ἐποχή «воздержание» (от согласия и тем самым «от суждения», как это чаще всего переводят). Здесь *cohibere* формально сочетается с *temeritatem* — «воздерживаться от опрометчивости», т. е. от опрометчивого, слишком поспешного согласия.
151. *rapia momenta rationum* соответствует греческому ἰσοσθένεια τῶν λόγων (Sext. Emp. Руг. hyp. I, 9; то же у Диогена Лаэртца, IX, 101). Ср. также: Sext. Emp. Adv. math. IX, 207: ἰσοσθενεῖς λόγοι; Нумений

у Евсевия, Praer. ev. XIV, 4, 15 об Аркесилае: εἶναι πάντα ἀκατάληπτα καὶ τοὺς εἰς ἑκάτερα λόγους ἰσοκρατεῖς ἀλλήλοις [все непостижимо, и противоположные аргументы равносильны между собой].

152. Очевидно, что Цицерону известно только полемическое обозначение «скептической» Академии от Аркесилая и до последнего времени как «новой», естественное в устах реформатора Антиоха, который хочет через голову непосредственных учителей обратиться к «изначальной» чистоте учения. Деление на 3 (Древнюю, Среднюю и Новую), или даже 4 либо 5 Академий, о котором сообщает нам Секст Эмпирик — очевидно, позднейшее переосмысление, когда полемический смысл первоначальных именовании утратился (см. Sext. Emp. Rur. hyp. I, 220: Ἀκαδημαῖοι δὲ γεγόνασιν, ὥς φασὶν οἱ πλείους, τρεῖς, μία μὲν καὶ ἀρχαιοτάτη ἢ τῶν περὶ Πλάτωνα, δεύτερα δὲ καὶ μέση ἢ τῶν περὶ Ἀρχεσίλαον τὸν ἀκουστὴν Πολέμωνος, τρίτη δὲ καὶ νέα ἢ τῶν περὶ Καρνεάδην καὶ Κλειτόμαχον· ἐνιοὶ δὲ καὶ τεταρτὴν προστιθέασιν τὴν περὶ Φίλωνα καὶ Χαρμίδαν, τινὲς δὲ καὶ πέμπτῃν καταλέγουσι περὶ Ἀντίοχον [Академий же, как говорит большинство, было три: первая самая древняя, последователей Платона; вторая средняя, последователей Аркесилая, ученика Полемона; третья новая, последователей Карнеада и Клитомаха. Некоторые же добавляют и четвертую, последователей Филона и Хармида, а есть такие, что присчитывают и пятую — последователей Антиоха]).

153. dicere или disputare или disserere in utramque partem — техническое выражение, означающее, что относительно одного и того же предмета приводятся сперва все возможные аргументы в его защиту, а затем — в его опровержение. Ср. D. L. IV, 28, где об Аркесилае говорится, что он «первым взялся за рассуждения в обе стороны» (πρῶτος εἰς ἑκάτερον ἐπεχείρησε). Это изобретение академической школы произвело огромное впечатление на римлян во время знаменитого «посольства философов» 155 г., когда Карнеад в первый день произнес речь о том, что справедливость является основой всей государственной жизни, а во второй — не менее убедительную речь о том, что справедливость не играет в государственных делах никакой роли. Интеллигентная молодежь была в восторге, а хранители традиционной нравственности — в образцовом ужасе. Цицерон многократно упоминает об этом эпизоде. В «О пределах блага и зла» обыкновение рассуждать «за и против» возводится к Аристотелю и противопоставляется манере Аркесилая выступать «против всего» (Fin. V, 10): «ab Aristotele principe de singulis rebus in utramque partem dicendi exercitatio est instituta, ut non contra omnia semper, sicut Arcesilas, diceret, et tamen in omnibus

rebus, quidquid ex utraque parte dici posset, expromeret». Ср. ниже, «Лукулл», § 7, а также *Fin. II, 2*, где конкретно описывается практика академических бесед при Аркесилае и в настоящее время, причем аркесилаевская манера называется возвращением к обыкновению Сократа: «*Qui mos cum a posterioribus non esset retentus, Arcesilas eum revocavit instituitque, ut eum qui se audire vellent, non de se quaerent, sed ipsi dicerent, quid sentirent; quod cum dixissent, ille contra. Sed eum qui audiebant, quoad poterant, defendebant sententiam suam; apud ceteros quidem philosophos, qui quaesivit aliquid, tacet; quod quidem iam fit etiam in Academia. Ubi enim is, qui audire vult, ita dixit: Voluptas mihi videtur esse summum bonum, perpetua oratione contra disputatur, ut facile intellegi, eos, qui aliquid sibi videri dicat, non ipsos in ea sententia esse, sed audire velle contraria*» [Это обыкновение не было удержано позднейшими философами, Аркесилай же вернулся к нему и установил, чтобы те, кто хотят быть его учениками, не его спрашивали, а сами высказывали свое мнение по каждому предмету. Выслушав их мнение, он опровергал его; ученики же по мере сил защищали высказанное ими мнение. У других же философов задавший вопрос затем молчит — и так сейчас ведется преподавание и в Академии. В таком случае желающий выслушать поучение на определенную тему говорит, например: я считаю, что высшее благо — наслаждение. Преподаватель в непрерывной речи опровергает это рассуждение, так что совершенно ясно, что выдвигающие тот или иной тезис вовсе не придерживаются его, а хотят услышать опровержение].

154. Предполагается, что следующее слово было *dicendi*, по аналогии с *De orat. II, 161*: «*Carneadi vis incredibilis dicendi*». Впрочем, Карнеад (214—129), глава академической философии II в., придавший скептическому направлению новый блеск, поразил римлян при первом знакомстве во время знаменитого «посольства философов» 155 г. не только силой красноречия, но и силой ума, как видно из фрагмента Луцилия (№ 14 Lachmann), сохраненного Лактанцием: «*Lucilii, apud quem disserens de re difficillima ostendit non posse id explicari nec si Carneaden ipsum Orcus remittat*» [Луцилий, у которого рассуждающий об очень трудном предмете заявляет, что это невозможно разъяснить, разве что Орк отдаст обратно самого Карнеада].
155. «Лукулл», иначе «*Academica Priora*» — уцелевшая вторая книга первой редакции трактата. Она состоит из введения — похвалы Лукуллу, речи Лукулла в защиту «догматической» антиоховской теории познания, основанной на убеждении, что человеку доступно окончательное знание о мире, и речи самого Цицерона, опровергающего его доводы со скептических позиций Новой Академии.

156. В «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха все желающие могут прочесть биографию исторического Луция Лукулла; нужно, впрочем, отметить, что Плутарх чрезвычайно не критически подходит к Цицерону как источнику и приписывает Лукуллу как биографические факты занятия и интересы, которые тому, как выражается Цицерон, «и во сне не снились», однако приписаны ему здесь в чисто литературных целях.
157. 87–77 гг.
158. *indocilis* употреблено здесь в страдательном смысле, «неизученный, непройденный». Т. е. огромный талант Лукулла не нуждался в не пройденной им выучке опыта. Такое страдательное употребление этого прилагательного редко в прозе, но часто в поэзии, ср. Проперций I, 2, 12: «et sciat indocilis / currere lymphas vias» (то есть «дорогой, которую ей никто не показывал») и Овидий, *Tristia*, IV, 1, 16: «cur cantet uinctus quoque compede fossor, / indocili numero cum graue molli opus» (т. е. «размером, которому он не учился»). Это замечание и примеры взяты у Рида. *Oxford Latin Dictionary* приводит данное место Цицерона как пример на значение 1b: impossible to teach (by precepts), т. е. «наука опыта, которую невозможно преподавать (с помощью уроков)», перевод, который, как кажется, не учитывает контекст, а оба поэтических примера — на значение 2 «uninstructed, untrained, ignorant», где первое, буквально-страдательное *uninstructed* и является подлинным значением, которое справедливо отмечает старый комментатор.
159. Цицерону случалось высказывать и другое мнение о том, кто среди греков первый. Ср. *Tusc.* I, 4: «*Eramonondas, princeps meo iudicio Graeciae*», а также *De orat.* III, 139: «*Eraminondan, haud scio an summum virum unum omnis Graeciae*; *Off.* II, 60: *Periclen principem Graeciae*».
160. Тот же анекдот рассказан в *Fin.* II, 104.
161. Митридат Понтийский.
162. Лукулл вернулся из своей провинции в конце 67 г., а триумф получил лишь в начале 63 г., когда консулом стал Цицерон.
163. Лукулл был среди тех, кто безусловно поддержал Цицерона в его быстрой расправе с захваченными участниками заговора Катилины и внес предложение почтить его по поводу подавления этого заговора титулом «Отец отечества».
164. Под греческими сочинениями имеются в виду, скорее всего, эпос поэта Архия, который в молодости жил в доме Лукуллов, упомянутый в речи Цицерона «За поэта Архия», и «История» Посидония. Что до латинских — возможно, имеются в виду мемуары Суллы, издание которых было поручено Лукуллу, а также упомянутое в одном из писем Цицерона (*Fam.* V, 12, 2) историческое сочинение Луция Лукция (*Lusceius*), если

оно в самом деле было завершено. Сам Цицерон уже прежде воздавал Луцилию хвалу в речи «За Манилиев закон» и «За поэта Архия».

165. О том, что Лукулл вовсе не был знатоком философии и что его заслуги в этой области Цицерон в данном введении сознательно преувеличивает в литературных целях, — об этом в переписке с Аттиком имеются однозначные свидетельства. См. ad Att. XIII, 19, 5: «Haec Academica, ut scis, cum Catulo, Lucullo, Hortensio contuleram. Sane in personas non cadebant; erant enim λογικώτερα quam ut illi de iis somniasse umquam viderentur» [Как ты знаешь, в этих «Академических исследованиях» я взял в качестве персонажей Катула, Лукулла, Гортенсия. Но рассуждения очень плохо подходили к этим лицам — ведь в них столько логики, что этим людям такое и во сне не могло привидеться].
166. Ср. Цицерон Rep. I, 17: «Rutilius quidem noster etiam sub ipsis Numantiae moenibus solebat mecum interdum eiusmodi aliquid conquirere» [А наш друг Рутилий даже под стенами Нуманции порой заводил со мной рассуждения об этих предметах].
167. Подробное обоснование того, почему Лукулл является надежным источником информации об учении Антиоха (он отличался отличной памятью, он провел с Антиохом очень много времени, он слушал его рассуждения многократно, хотя при своей отличной памяти мог бы запомнить и с первого раза, он не только воспринимал учение Антиоха со слуха, но и читал его книги) напоминает введение к платоновскому «Теэтету». Оно в целом имеет аналогичное построение: начинается с laudatio («хвалебной речи») в честь того, кому предстоит быть главным собеседником Сократа в этом диалоге, а затем следует подробное обоснование достоверности сообщаемой беседы, несмотря на то что происходила она давно (142d—143a): «(Евклид): Когда я был в Афинах, Сократ слово в слово передал мне те беседы, которые он вел с ним (Теэтетом)... <Терпсион спрашивает, не может ли Евклид пересказать эти беседы> ...наизусть, клянусь Зевсом, конечно, нет. Но я записал все это по памяти тогда же, сразу по приезде домой. Впоследствии, вспоминая на досуге что-то еще, я вписывал это в книгу, и к тому же всякий раз, бывая в Афинах, я снова спрашивал у Сократа то, чего не помнил, а дома исправлял. Так что у меня теперь записан почти весь этот разговор». Учитывая, что в «Теэтете» речь тоже идет о возможности и источниках знания, возможно, Цицерон сознательно стремился вызвать у читателя эти ассоциации.
168. Марк Порций Катон Старший Цензор (234—149), одна из самых выдающихся личностей «века Сципионов», государственный деятель, оратор и писатель, прославившийся, среди прочего, настойчивым требованием

- «Карфаген должен быть разрушен», один из любимых персонажей Цицерона. В диалоге «Катон Старший, или О старости» Цицерон создает его впечатляющий образ, явно вобравший многие черты платоновского Сократа. Катон был известным эллинофобом, защитником старых римских традиций, врагом всего греческого, в частности греческих врачей (множество анекдотов собрано в его биографии у Плутарха). Однако его презрение относилось к современным ему грекам, а не к классической греческой литературе, достоинства которой этот покровитель Энния не мог не признавать, и Цицерон утверждает даже (очевидно, на основании доступной ему традиции), что на старости лет, освободившись несколько от государственных дел, он засел за изучение греческого языка (Sen. 26).
169. Публий Корнелий Сципион (236—184), прозванный Африканским за победу над Ганнибалом.
170. *historiae* во множественном числе встречается в общем смысле «история», ср. Att. II, 5, 1: «quid historiae de nobis ad annos DC praedicarint?» [Какой приговор вынесет нам история через 600 лет?].
171. Панетий Родосец (185—109) — философ-стоик, в 144 г. приехал в Рим и сблизился с кругом римской эллинофильской знати, собиравшейся вокруг Сципиона Эмилиана. В 129 г. сменил Антипатра как глава стоической школы и оставался им до самой смерти. Был страстным поклонником Платона и Аристотеля и черпал у них новые идеи для развития стоического учения. Сочинения не сохранились, фрагменты собраны в: *Van Straaten. Panaetii Rhodii fragmenta. Leyde, 1962.*
172. В диалоге «Гортенсий», жанр которого определялся как «протрептик», то есть побуждение к философии.
173. См. выше комм. 164. Ср. введение к трактату «Катон Старший, или О старости» с пояснением, почему Катон выбран в качестве героя, и с оправданием греческой учености, которой он располагает в диалоге и которая не соответствует его биографическому и писательскому образу (Sen. 3): «*Omnem autem sermonem tribuimus non Tithono, ut Aristoteli Cuius — parum enim esset auctoritatis in fabula — sed M. Catoni seni, quo maiorem auctoritatem haberet oratio... Qui si eruditius videbitur disputare quam consuevit ipse in suis libris, attribuito litteris Graecis, quarum constat eum perstudiosum fuisse in senectute*» [А все рассуждение мы вложили в уста не Тифону, как Аристон Хиосский — ведь сказка выглядела бы недостаточно авторитетно — а старцу Марку Катону, чтобы придать этой речи большую авторитетность... А если покажется, что он проявляет здесь большую эрудицию, чем в своих книгах, то пусть это будет приписано занятиям греческой литературой, к которым он, как известно, чрезвычайно пристрастился в ста-

рости]. Очевидно, что в обоих случаях Цицерон не пытается переубедить своих слушателей относительно биографической достоверности своих персонажей, а напоминает им в изящной риторической форме о правилах жанра и литературной условности.

174. К этому месту может относиться фрагмент из Августина, где говорится, что академик признается всеми философскими школами вторым по мудрости после мудрецов той школы, к которой они сами принадлежат. Тот же, кого все остальные признают вторым после себя самих, с большой вероятностью может считаться первым (с. acad. III, 15). Здесь, конечно, обыгрывается анекдот из Геродота (VIII, 123), где рассказывается о голосовании греческих вождей на Истме после Саламинской битвы о том, кому должна принадлежать первая награда за доблесть и мудрость. Каждый назвал первым — себя, а вторым — Фемистокла. Фемистокла и признали первым.
175. Текст в этом месте вызывает сомнения, в рукописях имеются расхождения. Пласберг отмечает место как испорченное и приводит в аппарате еще один весьма правдоподобный вариант, вписанный на полях одной из рукописей: «contra omnes dicere qui scire sibi videntur» (т. е. «высказываться против всех, кто считает себя обладающими знанием»). Это чтение получает поддержку чуть дальше, в начале § 8 (nec inter nos et eos qui se scire arbitrantur...), но именно поэтому может быть и глоссой. На мой взгляд, напрашивается исправление omnes на omnia, которое тогда было бы правильно согласовано с quae, что дает вполне удовлетворительный смысл «мы, всегда выступающие против „показавшегося“»; ср. определение скептической философии у Секста Эмпирика, Руг. нур. I, 8: Ἔστι δὲ ἡ σκεπτικὴ δόξα μὲν ἀντιθετικὴ φαίνομένων τε καὶ νοουμένων... [Скепсис — это способность противопоставлять кажущееся чувствам и уму], причем подразумевается, что «феномены» противопоставляются не только «ноуменам», но и между собой, то есть против каждого «феномена» выдвигается нечто противоречащее ему, будь то другие «феномены» или «ноумены». Ср. Fin. V, 10: «ut non contra omnia semper, sicut Arcesilas, diceret».
176. Цицерон подчеркивает, что суть академической философии не в том, чтобы отказаться от понятия истины (обычный упрек «скептикам»), а в том, чтобы оставаться неутомимыми в ее поиске, не подменяя ее системой догм. Поскольку аналогичные высказывания встречаются у Секста Эмпирика, можно думать, что это не личное мнение Цицерона по данному вопросу, а один из основных тезисов самой академической школы. В таком случае нельзя не признать, что «академики» ближе всех античных (и многих более поздних) школ подошли к современ-

ному понятию научного знания — не набора сведений или догм, а метода критического мышления, и истины — не достигнутого результата, а «предела» в математическом смысле, к которому знание стремится. Позднее Секст Эмпирик будет пытаться обосновать различие между «академической» и «скептической» философией тем, что «академики» якобы уже (догматически) признали истину ненаходимой, а скептики «продолжают искать» (Рут. hyp. I, 2–3).

177. См. выше комм. 153.

178. *elicere* и *exprimere* — синонимы. Оба глагола обозначают примерно «выпытывать», «вытягивать» («*exprimere*» через значение «выжимать»). *Elicere* у Цицерона — основной термин для таких случаев, но, как всегда, когда он вводит латинский эквивалент слова, относящегося к специфическому словарю греческой философии, он поясняет его еще одним латинским синонимом и вводит модальное слово-сигнал, в данном случае *tamquam* (мы уже встречали в этом значении *quasi* и *quisquam*). Специфическое употребление *elicere* у Цицерона повлияло на судьбу этого слова в новых европейских языках: так, английское *elicit* восходит именно к этому «академическому» употреблению данного глагола. Стоит отметить в этой связи, что в *Oxford Latin Dictionary* «to elicit» предлагается для перевода соответствующих контекстов как для *elicere*, так и для *exprimere*. *Elicere* употреблено в сходном контексте в *De finibus*, II, 2: «*Is (sc. Socrates) enim percontando atque interrogando elicere solebat eorum opiniones, quibusdam disserebat, ut ad ea, quae ii respondissent, si quid videretur, diceret*» [Он (Сократ) обычно подробными расспросами вытягивал из своих собеседников их мнения, чтобы затем возражать на их ответы, если у него были возражения]. Ср. *Brut.* 231: «*ne vos curiosius eliceretis quid de quoque iudicaretur*» [Не пытайтесь с излишним любопытством вытянуть из меня, каково мое суждение о том или ином предмете].

179. Вновь указание на понимание истины как «предела», см. выше комм. 176.

180. *probabilia* передает греческое *πιθανά*.

181. Эта «свобода» и «скромность» скептической позиции выступает самой убедительной ее положительной чертой и у позднейших авторов, особенно выразительно у Монтеня. Сам Цицерон тоже многократно подчеркивает эту свободу мысли от догмы и авторитета, ср. *Tusc.* II, 5: «*eamque (philosophiam) nos adiuvemus nosque ipsos redargui refellique patiamur. Quod ei ferunt animo iniquo, qui certis quibusdam destinatisque sententiis quasi adducti et consecrati sunt, eaque necessitate constricti ut etiam quae non probare soleant, ea cogantur constantiae causa defendere;*

nos, qui sequimur probabilia nec ultra quam id quod veri simile occurrit, progredi possumus, et refellere sine pertinacia, et refelli sine iracundia parati sumus» [Будем же защищать ее (философию), а самих себя позволим и критиковать, и опровергать. Этого не могут вынести те, кто как бы присягнул и поклялся в верности неким заранее определенным мнениям, так что теперь они принуждены, чтобы быть последовательными, защищать даже то, что им не всегда кажется убедительным. Мы же, следующие убедительному и полагающие, что невозможно продвинуться за пределы правдоподобного в данном случае, готовы и возражать без упрямства и принимать возражения без гнева]. Возможно, Публилий Сир имел в виду именно эту философскую дискуссию в своей сентенции «*incertus animus dimidium est sapientiae*» [колеблющийся ум — половина мудрости]. Ср. также ниже, § 120: «*quantum libertas ipsa existimanda est, non mihi necesse esse quod tibi est*»; *Nat. deor.* I, 17: «*auditem aequum, libero iudicio, nulla eius modi adstrictum necessitate, ut mihi velim nolim sit certa quaedam tuenda sententia*» [слушателя справедливого, чье суждение свободно, не связанного необходимостью хочешь — не хочешь придерживаться какого-то определенного мнения]; *Tusc.* IV, 47: «*digladientur illi per me licet, cui nihil est necesse*» [они, по мне, пусть сражаются, а я это делать не обязан].

182. Направлено против эпикурейцев, где авторитет учителя считался божественным. Это очень ярко выражено повсюду в поэме Лукреция.
183. Ср. *Plin. Ep.* I, 10, 4: «*ut enim in pictore, sculptore, fictore nisi artifex iudicare, ita nisi sapiens non potest perspicere sapientem*» [Как о художнике, гравере, скульпторе может судить лишь собрат по ремеслу, так и мудреца может распознать только мудрец]. Общий смысл напоминает также анекдот об Анахарсисе, рассказанный у Диогена Лаэртца, I, 103: Анахарсис удивлялся, что у греков состязаются мастера, а судят профаны: θαυμάζειν δὲ ἔφη πῶς παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν ἀγωνίζονται μὲν οἱ τεχνῖται, κρίνουσι δὲ οἱ μὴ τεχνῖται.
184. В рукописях — непонятное *ut potuerunt omnibus...* Поленцу принимает такой текст: *Sed ut potuerint, <aut> omnibus...* Замену индикатива на конъюнктив предложил еще Ламбин. Наш текст — основанное на предложении Ламбина исправление Мадвига, которое и Рид принимает в основной текст. *Ut* трактуется здесь как уступительное («но пусть бы даже они были на это способны...»).
185. *pugnacissime, pertinacia* (φιλονειχία) — лексика, выражающая традиционные упреки догматикам в том, что они по обязанности цепляются за принятые ими мнения, не заботясь об истине. Этому противопоставляется «мягкость» и «уступчивость» скептика.

186. *constanter* употребляется у Цицерона в смысле логической последовательности, непротиворечивости. Ср. *Fin. V, 79*: «*quaerere quid constanter dicatur*» и *Tusc. V, 26*: «*sibi constanter convenienterque dicere*».
187. Квинт Лутаций Катул был главным действующим лицом названной по нему первой, утраченной книги первой редакции нашего трактата. Однако скептические взгляды он высказывал не от своего лица, а пересказывая слышанное им от отца, Катула Старшего — так Цицерон стремился смягчить неправдоподобие философской начитанности своих персонажей. Как мы знаем из переписки с Аттиком (*XIII, 19, 4*), Цицерон с удовольствием сделал бы участником диалога непосредственно Катула-отца, которого превозносит во многих своих сочинениях как одного из самых образованных людей своего времени, но тогда он, по хронологическим причинам, мог бы играть в диалоге только роль почти бессловесного юнца, а не одного из протагонистов. Соответствие роли каждого из собеседников их возрасту и рангу строго соблюдается в *цицероновских диалогах*, поэтому фиктивная дата нашего текста достаточно ясна — после 63 г., т. к. Цицерон здесь, как и его собеседники, «консуляр», и до осени 61 г., даты смерти Катула Младшего. Как и Лукулл, Катул принадлежал к тем влиятельным представителям сенатской партии в Риме, которые безоговорочно поддержали быструю расправу консула Цицерона с участниками заговора Катилины в 63 г., более того, он первым предложил наградить Цицерона титулом «отца отечества». Он выступал также защитником философии в утраченном диалоге «Гортенсий», к которому «Учение академиков» примыкает по составу действующих лиц и обстановке.
188. *xystus* — длинная, открытая с одной стороны колоннада, украшавшаяся статуями и цветами, предназначенная для гимнастических упражнений в дождь или как убежище от жары. Описание имеется у Витрувия (*VI, 7, 5*).
189. «Вчерашняя» беседа содержалась в утраченном диалоге «Катул».
190. Известное риторическое правило, что большие ожидания слушателей вредят оратору, так как повышают их требовательность и легко сменяются разочарованием.
191. Об этом традиционном во введениях «заверении достоверности источника» см. выше комм. 167.
192. зимой 87/86 г.
193. помимо этого упоминания неизвестен.
194. Клитомах (187/86–110/9) — ученик Карнеада, излагавший письменно его взгляды, поскольку сам Карнеад ничего не писал. Традиция сообщает, что он составил около 400 сочинений. Со 127 г. был главой Академии.

195. Филон из Лариссы (160–80) — сменил Клитوماха на посту главы Академии в 110 г. В 88 г., с началом Митридатовой войны, бежал в Рим, где быстро приобрел известность и влиятельных учеников, среди которых был и сам Цицерон.
196. Т. е. философии скептической Академии. Ср. *Nat. deor.* I, 6: «*Multis enim sensi mirabile videri eam nobis potissimum probatam esse philosophiam, quae lucem eriperet et quasi noctem quandam rebus offunderet, desertaeque disciplinae et iam pridem relictae patrocinium necopinatum a nobis esse susceptum*» [Я заметил, что многим кажется удивительным наша приверженность к той философии, что отнимает свет и как бы покрывает всё тьмою, а также что мы вдруг взялись защищать школу, уже опустевшую и уже прежде покинутую]. *Ibid.* 11: «*Qui autem admirantur nos hanc potissimum disciplinam secutos, his quattuor Academicis libris satis responsum videtur. Nec vero desertarum relictarumque rerum patrocinium suscepimus; non enim hominum interitu sententiae quoque occidunt, sed lucem auctoris fortasse desiderant ut haec in philosophia ratio contra disserendi nullamque rem aperte iudicandi profecta a Socrate repetita ab Arcesila confirmata a Carneade usque ad nostram viguit aetatem; quam nunc prope modum orbam esse in ipsa Graecia intellego*» [Тем, кто удивляется, что мы следуем именно этой философской школе, мы, как кажется, достаточно ответили в четырех книгах «Академических исследований». Мы вовсе не взяли на себя защиту уже оставленного и покинутого: ведь со смертью людей их мысли не погибают, им только может не хватать защитника, который показал бы их всем. Так и в этой философской школе метод рассуждения против выдвинутого положения и воздержания от прямого суждения о чем бы то ни было, начатый Сократом, возобновленный Аркесилаем, разработанный Карнеадом, оставался в силе до нашего времени. Но сейчас он, насколько я знаю, осиротел и в самой Греции]. Поскольку Антиох — видимо, единственный значительный ученик Филона — обратился к догматическому философствованию, учение Карнеада и Клитوماха осталось без последователей.
197. Об этих двух книгах Филона (т. н. «Римские книги») и содержащихся в них новых взглядах автора мало что известно, кроме того, что можно извлечь из самого «Учения академиков». Заслуживает внимания пассаж из Секста (*Руг. Нур.* I, 235): *Οἱ δὲ περὶ Φίλωνα φασὶν ὅσον μὲν ἐπὶ τῷ Στωϊκῷ κριτηρίῳ, τοῦτέστι τῇ καταληπτικῇ φαντασίᾳ, ἀκατάληπτα εἶναι τὰ πράγματα, ὅσον δὲ ἐπὶ τῇ φύσει τῶν πραγμάτων αὐτῶν, καταληπτὰ* [Последователи Филона говорят, что вещи непостижимы по стоическому критерию, то есть постигающему представлению, но постижимы по своей собственной природе]. То есть Филон

считал скептические утверждения академиков релевантными лишь в контексте полемики со стоическим «критерием» — «показавшимся, доступным постижению», то есть академики, по его мнению, отрицают не возможность познания вообще, а лишь возможность познания на основании «показавшегося». Что подразумевается под «природой вещей как таковых», неясно, но Филон, как мы читали выше (Ас. I, 13), настаивал на единстве Академии от Платона до своего времени и уже С. Ф. Нерманн'у приходило в прошлом веке в голову, что, возможно, Филон обосновывал знание, возвращаясь к платоновской теории идей. Материала для уверенных суждений в источниках недостаточно. Датировать появление этих книг можно приблизительно 87 г., т. е. временем, когда Филон находился в Риме (обоснование этой датировки см. во введении к изданию Рида, с. 59–60). См. также: Глюкер, особ. с. 64–88, с подборкой свидетельств, и с. 393–398).

198. Эти персонажи ближе неизвестны. Рид подозревает в последнем имени ошибку рукописной традиции, см. с. 184 его издания.
199. Дателный падеж *Philoni* вызывает недоумение. Оно сформулировано уже в примечании к этому месту в издании Рида. Рид пишет (с. 184): «эти слова не обязательно подразумевают личную беседу между Филоном и Католом старшим. Дат. пад. может означать просто „по поводу Филона“, ср. Федр, I, 7, 3: „hoc illis dictum est“ — „эта басня рассказана по поводу этих людей“. *Philoni* может быть и просто глоссой». Действительно, по удалении неудобного слова фраза становится осмысленнее и естественнее, поэтому мы заключаем его в угловые скобки. Содержание речи Катуга отчасти восстанавливается по гл. 18 ниже.
200. Об этом сочинении Антиоха более ничего неизвестно. Предполагается, что Сос, чье имя использовано в заглавии, мог быть «перебежчиком» от академиков к стоикам. Впрочем, Глюкер, с. 415–420, считает именно диалог «Сос» источником большей части речи Лукулла (13–39) в настоящем сочинении.
201. Об Аристее см. выше комм. 37.
202. Перипатетик из Александрии, упомянут у Диогена Лаэртца (VII, 164).
203. Дион из Александрии, академик. В 57 г. прибыл в Рим послом жаловаться на Птолемея Авлета и был убит в доме принимавшего его Луция Лукция. См. речь Цицерона «За Целия» (23, 24, 51–55).
204. По поводу значения прелого *secundum* ср. Att. XII, 15: «*secundum te nihil est mihi amicus solitudine*» [Самый большой мой друг после тебя — одиночество].
205. Аркесилай (315–241/240) — основатель Скептической Академии. См. о нем: D. L. IV, 28 слл. Родом из Питаны в Эолии. Приехав в

Афины, стал учеником Феофраста. Затем Крантор убедил его перейти в Академию. Он дружил с Крантором, а также Полемоном и Кратетом, которые были последовательно главами Академии. После смерти Кратета (прибл. 268—265 гг.) стал его преемником. Основной своей задачей он считал полемику со стоической теорией познания, с предложенным стоиками «критерием». Опровергая стоическое представление о восприятии, он отрицал возможность достоверного познания вообще. Представление о том, что на Аркесилая повлиял скепсис его старшего современника Пиррона, как кажется, не подтверждается источниками (Пиррон, судя по всему, имел в виду исключительно этические цели — достижение безмятежности духа, основанное на понимании относительности всех человеческих радостей и горестей, и не занимался разработкой возникающих тут логических вопросов. Цицерон упоминает его только один раз, исключительно как автора этической максимы). Зато позднейшие пирроники, начиная с Энесидема, и наш основной источник по «пирронизму», Секст Эмпирик, наверняка очень многим обязаны Аркесилаю.

206. О Карнеаде см. выше комм. 154.

207. Сама мысль, что ссылка на более старых философов делается ради их авторитета, ради того, чтобы сомнительные новшества подкрепить ссылкой на «славных мужей», была, видимо, общим местом и в греческих текстах, особенно в связи с отношением «новой» Академии к Сократу и Платону. Ср. Плутарх, *adv. Coloth.* 1121F—1122A: ὁ δὲ Ἀρχεσίλαος τοσοῦτον ἀπέδει τοῦ καινοτομίας τινὰ δόξαν ἀγαπᾶν καὶ ὑποποιεῖσθαι τι τῶν παλαιῶν ὥστε ἐγκαλεῖν τοὺς τότε σοφιστὰς ὅτι προστρίβεται Σωκράτει καὶ Πλάτῳ καὶ Παρμενίδῃ καὶ Ἡρακλείτῳ τὰ περὶ τῆς ἐποχῆς δόγματα καὶ τῆς ἀκαταληψίας οὐδὲν δεομένοις, ἀλλὰ οἷον ἀναγωγὴν καὶ βεβαίωσιν αὐτῶν εἰς ἄνδρας ἐνδόξους ποιούμενος [Аркесилай был так далек от того, чтобы стремиться прослыть новатором и приписывать себе что-либо, взятое у древних философов, что тогдашние софисты обвиняли его в том, что он приписывает без всякого основания свои учения о воздержании от суждения и о непостижимости Сократу, Платону, Пармениду и Гераклиту только затем, чтобы подкрепить их возведением к славным мужам].

208. Публий Валерий Публикола или Попликола, консул 509—507 и 504 гг. В первый год своего консульства он внес закон *de provocationibus* (об апелляции к народному собранию) (*Plut. Popl.* 11, *Liv.* II, 7—8). Этот *lex Valeria* принес Попликоле славу «народного» политика и соответствующее прозвище. Цицерон, однако, говорит о нем устами Сципиона в «Государстве» (55): «modica libertate populo data facilius tenuit auctoritatem principum». Таким образом, когда «мятежные» граждане вроде Катилины ссылаются на этого и прочих перечисленных ниже мужей как на своих

идейных предшественников, они, по мнению всех участников диалога — сторонников сенатской партии, демагогически искажают историю.

209. Известны Луций Валерий Потит и Марк Гораций Барбат, консулы 449 г. (Liv. III, 55, 4), внесшие вместе *lex consularis de provocatione*.
210. Гай Фламиний, консул 223 и 217 гг., защищал как народный трибун раздел *ager Picenus Gallicus* на небольшие наделы для безземельных римских граждан (*lex Flaminia de agro Gallico viritim dividundo*, Val. Max. V, 4, 5). Согласно Цицерону (Sen. 11), против этого особенно возражал Кв. Фабий Максим, *consul iterum*. Это дает датировку 228 г. Однако более вероятной считается датировка 232 г.
211. Луций Кассий Лонгин Равилла, консул 127 г., внес в 137 г. в качестве народного трибуна *lex Cassia tabellaria*. Этот закон предписывал в публичных процессах тайное письменное голосование. В «Законах» Цицерона Кв. Цицерон говорит по этому поводу так: «*quis autem non sentit omnem auctoritatem optimatorum tabellariam legem abstulisse?*» (III, 34). Там же, 35, говорится: «*a nobili homine lata (sc. lex) L. Cassio, sed, pace familiae dixerim, dissidente a bonis atque omnis rumusculos populari ratione aucupante*».
212. Консул 141 г.
213. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Нумантийский Африканский Младший (185/184—129), которого Цицерон в «Государстве» изобразил как идеального политика-философа. Сципион, если верить Цицерону (Leg. III, 37) поддерживал упомянутый выше Кассиев закон. Однако «популярном» в собственном смысле он не был, о чем свидетельствует его реакция на гибель Тиберия Гракха: он, сообщает Плутарх (Ti. Gracch. 21, 3f), процитировал по этому поводу Гомера («Одиссея», I, 47) об Эгисфе: «Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет / каждый подобный злодей».
214. Публий Лициний Красс Муциан, консул 131 г., был усыновленным в род Лициниев родным братом Публия Муция Сцеволы, консула 133 г., понтифика и знатока права, и тестем Гая Гракха. Оба принадлежали к многочисленным сторонникам братьев Гракхов в среде оптиматов. Упомянутый здесь Публий Сцевола — отец того Сцеволы, которого Цицерон упоминает во многих своих сочинениях, называя постоянно «Сцевола Понтифик», чтобы отличить от его родственника «Сцеволы Авгура».
215. Тиберий Семпроний Гракх — трибун 133 г., великий реформатор и основатель партии «популяров». Будучи воспитан на греческой литературе и политической теории, пытался приложить концепции греческой демократии к римской политике. Его аграрный закон был направлен на то, чтобы вывести огромные площади общественной земли из-под контроля сенаторов и раздать ее в виде участков в аренду бедным гражда-

нам. Доходы от аренды должны были поступать в казну, а в Риме тем самым возрождался класс среднего крестьянства, которое традиционно было костяком римской армии. В этой связи Тиберий внес плебисцит, по которому часть наследства Аттала Пергамского, завещавшего свое царство Риму, должна быть использована именно таким образом. Тем самым он вмешивался в сферу финансового и, возможно, внешнеполитического влияния Сената, что вызвало ожесточенное сопротивление и породило кризис и смуту. Тиберий был обвинен в стремлении к царской власти и убит, несмотря на трибунскую неприкосновенность. Цицерон последовательно неодобрителен в отношении этой яркой фигуры римской истории. См. также биографии братьев Гракхов у Плутарха.

216. Гай Марий (157—86), шестикратный консул, победитель кимвров, тевтонов и Югурты, к тому же земляк Цицерона — из Арпина, и, как и он, homo novus среди римских политических деятелей, претерпевавший всякие превратности в своей политической карьере, однако умерший своей смертью на вершине власти (и среди потоков крови в результате объявленных им проскрипций), всегда занимал воображение Цицерона, он даже написал (не дошедшую до нас) поэму «Марий». Ср. также: Fin. II, 105; Post red. ad Quir., 19 sq.
217. Луций Апулей Сатурнин, трибун 103 и 100 гг., которого сохранившиеся источники (все враждебные ему) описывают как беспринципного демагога. Он «недруг» Лукулла, т. к. Лукулл — племянник Метелла Нумидийского. Метелл, будучи цензором в 102 г., пытался исключить Сатурнина и его соратника Главцию из Сената, а когда в 100 г. Сатурнин провел законопроект об основании заморских колоний в Сицилии, Греции и Македонии, к которому был добавлен пункт о принесении клятвы о повиновении этому закону, Метелл отправился в изгнание, чтобы не произносить эту клятву. В конце концов Сатурнин, захваченный своим прежним союзником Марием, был убит по решению сословия всадников.
218. Демокрит вообще пользуется особой любовью Цицерона, возможно унаследованной от Аристотеля, который также, даже критикуя Демокрита, не скрывает восхищения. Цицерон постоянно противопоставляет Демокрита Эпикуру — Эпикур не придумал ничего нового, а лишь испортил заимствованное у Демокрита. Ср. Div. II, 30 sqq.
219. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта (Mem. I, 1, 13) Сократ говорит о физиках: τοῖς μαίνομένοις ὁμοίως διαχεῖσθαι πρὸς ἀλλήλους [они относились друг к другу, как безумцы].
220. Эмпедокл (прибл. 493 — прибл. 433) из сицилийского Акраганта славился экстравагантным поведением и претендовал на сверхчеловеческие способности.

221. Ср. 10-ю главу I книги «Метафизики» Аристотеля по поводу «начал у физиков» (993a, особ. *φελλιζομένη γὰρ ἔοικεν ἡ πρώτη φιλοσοφία περὶ πάντων, ἅτε νέα τε κατ' ἀρχὰς οὖσα καὶ τὸ πρῶτον...* [рассуждения первых философов обо всем были вроде детского лепета, поскольку философия была тогда молода, при самом своем начале...]).
222. *explicare* содержит метафору «разворачивания»; аналогично неизвестное часто именуется у Цицерона «свернутым», «*involuta*», ср. *De orat.* 102: «*res involutas definiendo explicavimus*» и ниже § 26: «*quasi involuta*». Идея постепенного прогресса в человеческом познании мира встречается уже у досократиков, например, в сохраненном у Стобея (I, 94, 2–3; III, 635, 11–12) фрагменте Ксенофана Колофонского (DK fr. 18): *οὗτοι ἀπ' ἀρχῆς πάντα θεοὶ θνητοῖσ' ὑπέδειξαν / ἀλλὰ χρόνῳ ζητοῦντες ἐφευρίσκουσιν ἄμεινον* [Боги не с самого начала открыли всё смертным, но со временем они в своих поисках находят лучшее].
223. Ср. *Brut.* 299, *De Orat.* II, 270; *Off.* I, 108. Гай Фанний, консул 122 г., был автором «Анналов», краткое изложение которых составил Брут, см. *Att.* XII, 5, 3. «Анналы» включали речи персонажей и живое изображение значительных современников Фанния.
224. Эта метафора часто встречается у Цицерона, когда речь идет о критике Новой Академии со стороны ее противников: Ср. здесь § 30: *lucem eripere, Nat. deor.* I, 16: *noctem offundere*. Ср. у Августина (с. *acad.* II, 29): *tenebrae quae patronae Academicorum solent esse*.
225. Лакид из Кирены сменил Аркесилая на посту главы Академии в 241–240 г. и оставался схолархом по крайней мере до 224–223 г. Он умер в 206–205 г. Лакид излагал письменно скептические взгляды Аркесилая, который сам ничего не писал (как Клитомах излагал Карнеада).
226. О Гегесине и Евандре, кроме имен, ничего не известно.
227. О философе Гагноне больше ничего не известно (есть лишь упоминание какого-то Агнона у Квинтилиана (II, 17, 5)). Рид считает, что его имя здесь — неправильная интерпретация рукописной традиции (текст в этом месте в любом случае испорчен), и предполагает, что следует читать «Эсхин», основываясь на пассаже из *De orat.* I, 45: «*florente Academia, cum eam Charmadas et Clitomachus et Aeschines obtinebant; erat etiam Metrodorus, qui cum illis una ipsum illum Carneadem diligentius audierat*».
228. Хармад (fl. c. 107) — Секст Эмпирик называет его, вместе с Филоном из Лариссы, основателем «4-й Академии» (*Рут. хур.* I, 220, 8). Он неоднократно упоминается Цицероном как образец истинного академического красноречия: убедительного, но не выдающего отношения говорящего к излагаемым взглядам (*De orat.* I, 84; ср. также: *ibid.* I, 46; II, 359; *Or.* I, 51).

229. Помимо этого упоминания неизвестен.
230. Метродор из Стратоникен, бывший сначала эпикурейцем, затем учеником Карнеада, упомянут у Диогена Лаэртца (X, 9) и у Цицерона (*De orat.* I, 45).
231. Эта фраза предполагает, что после смерти Филона такой недостаток возник. Наряду с прочими свидетельствами эта фраза цитируется Глюкером в обоснование его (на мой взгляд, чрезвычайно убедительного) тезиса, что живая школьная традиция в Академии, с преемственностью схолархов, обрывается на Филоне (т. е., видимо, с захватом Афин Суллой).
232. Антипатр из Тарса (II в.) — преемник Диогена Вавилонского в качестве главы стоической школы и учитель Панетия. Фрагменты собраны в *SVF* III, 244–258.
233. Для такого важного и трудного для передачи термина, как *κατάληψις*, Цицерон употребляет комбинацию даже не двух, а трех синонимов. Так же он поступает в *Fin.* III, 17: «*Rerum autem cognitiones (quas vel comprehensiones vel perceptiones vel, si haec verba aut minus placent aut minus intelliguntur, κατὰλήψεις apellemus licet)*». Затруднение, с которым сталкивается здесь Цицерон, не потеряло силы и для современных переводчиков, поскольку понятие, выражаемое словом *κατάληψις*, включает в себя и непосредственное восприятие предмета, и знание о нем — это такое ясное и полное восприятие, которое полностью и без искажений вбирает в себя воспринимаемый предмет, но при этом нужно еще помнить о его не-тождественности знанию, от которого оно отличается своей непосредственностью, в то время как знание есть результат сознательной обработки «каталепсиса», т. н. «согласия». Ср. *Fin.* V, 76: «*An... quisquam potest probare, quod perceptum, quod comprehensum, quod cognitum non habet*».
234. Грамматически любопытный оборот. Его греческий оригинал — *ἐνἀργέστερον τῆς ἐνἀργείας*. Поскольку греческому Genitivus comparationis соответствует по-латыни Ablativus, а соответствием латинского аблатива в большинстве функций является греческий дательный падеж, Цицерон и ставит греческое слово в дательном, имея в виду латинский *ablatus comparationis*.
235. Проблема «очевидности» (*ἐνἀργεία*) играла большую роль в споре о возможности познания через «показавшееся». Стоики исходили из того, что часть «показавшегося нам», будь то представшее чувству или уму, обладает неким особым признаком несомненности, который и может служить критерием их истинности и основанием для согласия, а следовательно, и для знания. Академики оспаривали наличие такого признака вообще; тем самым возникал прежде всего вопрос о природе

этого «критерия». Среди предлагавшихся вариантов видную роль играла «очевидность». У Платона и Аристотеля хотя и встречается прилагательное *ἐναργής* в смысле «сам собой разумеющийся, не требующий доказательств, ясный», а у Аристотеля и существительное *ἐνάργεια* (напр., *De ap.* 418b, 24: *παρὰ τὴν τοῦ λόγου ἐνάργειαν*) однако эти выражения совершенно не имеют технического значения и не связаны с теорией познания. Вообще *ἐνάργεια* считалась специфически эпикурейским понятием. Об этом свидетельствует и реферат на эту тему у Секста Эмпирика, *Adv. math.* VII, 203 sqq. Он начинается словами: *Ἐπίκουρος δὲ дуεῖν ὄντων τῶν συζυγούντων ἀλλήλοις πραγμάτων, φαντασίας καὶ δόξης, τούτων τὴν φαντασίαν, ἣν καὶ ἐνάργειαν καλεῖ, διὰ παντὸς ἀληθῆ φησιν ὑπάρχειν. ... (216) πάντων δὲ χρητῆς καὶ θεμέλιος ἡ ἐνάργεια* [Эпикур говорит, что при том, что есть две связанные друг с другом вещи, а именно, «показавшееся» и мнение, одна из них, а именно «показавшееся», которое он называет также «очевидностью», является всегда истинной... (216) А фундаментом и основанием всего является очевидность]. Но в продолжении своего рассказа Секст приписывает терминологическое употребление *ἐναργής* «ученикам Аристотеля и Феофраста и вообще перипатетикам» (*ibid.* 217): *Τοιοῦτο μὲν καὶ κατὰ τὸν Ἐπίκουρόν ἐστι χρητῆριον οἱ δὲ περὶ τὸν Ἀριστοτέλη καὶ Θεόφραστον καὶ κοινῶς οἱ Περιπατητικοί, διττῆς οὔσης κατὰ τὸ ἀνωτάτω τῆς τῶν πραγμάτων φύσεως, ἐπεὶ τὰ μὲν, καθὼς προεῖπον, αἰσθητὰ ἐστί, τὰ δὲ νοητά, διττὸν καὶ αὐτοὶ τὸ χρητῆριον ἀπολείπουσιν, αἰσθῆσιν μὲν τῶν αἰσθητῶν, νόησιν δὲ τῶν νοητῶν, κοινὸν δὲ ἀμφοτέρων, ὥς ἔλεγεν ὁ Θεόφραστος, τὸ ἐναργές* [Итак, таков критерий по Эпикуру. А ученики Аристотеля и Феофраста, и в целом перипатетики, поскольку, как говорилось выше, вещи бывают двоякой природы (ведь одни, как я уже упоминал, чувственно воспринимаемые, а другие — умопостигаемые), считают, что и критерий двоякий: для чувственно воспринимаемого — чувственное восприятие, для умопостигаемого — мышление, но общим для обоих, как говаривал Феофраст, является очевидное]. История, рассказанная у Диогена Лаэртция (VII, 162), где стоик Аристон Хиосский восклицает при виде быка, у которого (очевидно, при рассечении для жертвоприношения) обнаружилась матка: *οἴμοι, ἔφη, δέδοται Ἀρκεσιλάῳ ἐπιχείρημα κατὰ τῆς ἐναργείας* [Горе мне! Аркесилай получил аргумент против очевидности!], как будто показывает, что во времена Аркесилая стоики уже аргументировали против скептической позиции с точки зрения «очевидности» (которая является, собственно, точкой зрения обыденного «здравого смысла», как свидетельствует история об Аристоне, следующая у Диогена непо-

средственно вслед за этой (ibid. 163): «А когда один академик уверял, будто нет постигающих представлений, он спросил: «Так и соседа своего ты не видишь?» Тот ответил: «Нет», а Аристон сказал: «Кто же тебя ослепил? Кто отнял сияние зренья?»). Для более поздних времен ср. также утверждение, что Антиох перешел от скептицизма к догматизму, «побежденный очевидностью», например, Плутарх в биографии Цицерона (4, 1–2): Ἦδη γὰρ ἐξίστατο τῆς νέας λεγομένης Ἀχαδημείας ὁ Ἀντίοχος καὶ τὴν Καρνεάδου στάσιν ἐγκατέλειπεν, εἴτε χαμπτόμενος ὑπὸ τῆς ἐναργείας καὶ τῶν αἰσθήσεων, εἴτε... [Тогда Антиох уже вышел из так называемой новой Академии и оставил сторону Карнеада, то ли убежденный очевидностью и показаниями чувств, то ли...]. Аналогичным образом отступление Филона в его «Римских книгах» от прежней позиции объясняется во фрагменте Нумения, сохраненном у Евсевия (Ргаер. ev. XIV, 9, 1–2), тем, что «его отвратила очевидность и согласованность впечатлений» (ἡ δὲ τῶν παθημάτων αὐτὸν ἀνέστρεφεν ἐναργεῖά τε καὶ ὁμολογία).

236. Подборку и интерпретацию свидетельств о «римских новшествах» Филона см. у Глюкера, с. 64–90. О них, очевидно, вкратце шла речь в утраченной предыдущей книге «Катул», но в целом, как специально указывает Цицерон, они не являются предметом рассмотрения в настоящем трактате.
237. Это ключевое определение «показавшегося, доступного постижению» приводится многократно у Секста Эмпирика (Adv. math. VII, 248, 255, 402, 410; XI, 183, Руг. hyp. II, 4, а также VIII, 86 и Руг. hyp. III, 42 в сокращенной форме), а также у Диогена Лаэртция (VII, 46, 50). Подборку фрагментов с расширенным контекстом см. у Хьюлзера, fr. 329–341. Греческий текст по Adv. math. VII, 248: καταληπτικὴ δὲ ἐστὶ ἡ (sc. φαντασία) ἀπὸ ὑπάρχοντος καὶ κατ' αὐτὸ τὸ ὑπάρχον ἐναπομεμαγμένη καὶ ἐναπεσφραγισμένη, ὅποια οὐκ ἂν γένοιτο ἀπὸ μὴ ὑπάρχοντος.
238. iudicium переводит κριτήριον. «Καταληπτικὴ φαντασία» считалась «критерием познания», т. е. способом отличать истинное от неистинного в опыте и тем самым приходить к знанию. Филон защищал, очевидно, в своих «римских книгах» возможность «интуитивного» познания, независимого от опыта. Этот «платоновский» язык в I в. был, видимо, уже почти непонятен. Антиох возражает, что если опыт не открывает путей к знанию (а именно это отрицают те, кто отрицает существование καταληπτικὴ φαντασία), то, следовательно, никакое знание человеку и недоступно.
239. Классические примеры недостоверности чувственного восприятия, дожившие от глубочайшей древности до философии Нового времени: наполовину погруженное в воду весло, которое зрению кажется сло-

манным, в то время как осязание способно подтвердить, что оно целое и прямое, и шея голубя, которая в разных поворотах отликает разными цветами, в то время как древние были убеждены, что каждая вещь имеет свой «естественный», «настоящий» цвет.

240. Здесь поднимается вопрос о «стандартных условиях» восприятия, которые могли бы гарантировать необманность получаемых при этих условиях впечатлений. Принципиальное существование таких условий — ответ стоиков на многочисленные примеры обмана чувств, но более точное их определение наталкивается на многочисленные трудности.
241. Ср. у Sext. Emp. Adv. math. VII, 258, в связи с тем, что не всякая *καταληπτικὴ φαντασία* является критерием познания, а только «если ей ничто не препятствует»; смысл аргумента в том, что всякий человек «от природы» стремится достичь именно такого постижения: *πᾶς ἄνθρωπος, ὅταν τι σπουδάζῃ μετὰ ἀκριβείας καταλαμβάνεσθαι, τὴν τοιαύτην φαντασίαν ἐξ ἑαυτοῦ μεταδιώκειν φαίνεται, οἷον ἐπὶ τῶν ὁρατῶν, ὅταν ἀμυδρὰν λαμβάνῃ τοῦ ὑποκειμένου φαντασίαν. ἐντείνει γὰρ τὴν ὄψιν καὶ σύνεγγυς ἔρχεται τοῦ ὁρωμένου ὡς τέλεον μὴ πλανᾶσθαι, παρὰ τρέβει γὰρ τοὺς ὀφθαλμοὺς, καὶ καθόλου πάντα ποιεῖ μέχρις ἂν τρανὴν καὶ πληκτικὴν σπάσῃ τοῦ κρινόμενου φαντασίαν, ὡς ἐν ταύτῃ κειμένην θεωρῶν τὴν τῆς καταλήψεως πίστιν* [Всякий человек, судя по всему, сам по себе стремится именно к такому видению, когда хочет узнать что-нибудь точно. Вот, например, когда речь идет о видимых вещах и человек видит нужный ему предмет неясно. В таком случае он напрягает зрение, подходит поближе к предмету, чтобы не ошибиться издалека, и протирает глаза, и вообще делает все, пока не добьется ясного и несомненного видения предмета, как бы видя в нем гарантию постижения].
242. Стоическую защиту совершенства человеческих чувств см. в Цицероновском трактате «О природе богов» (II, 142—146).
243. *eminentia* употребляется в значении «ярко освещенного», а потому «выступающего» места на картине, в то время как «тень» иногда обозначается как «впадина», *recessum*. См. De orat. III, 101: «habeat illa in dicendo admiratio et summa laus umbram aliquem et recessum, quo magis illud quod erit illuminatum, exstare atque eminere videatur» [Пусть это восхищение и высшая похвала красноречию <имеется в виду восклицание «лучше не скажешь!»> стоят рядом с теньвыми, низинными местами, чтобы то, что ярче всего освещено, сильнее выделялось и выступало]; Tusc. III, 3: «nullam eminentem effigiem virtutis, sed adumbratam imaginem gloriae» [не сияющее отображение добродетели, а тусклое подобие славы].
244. Трагедия Пакувия.
245. Трагедия Энния.

246. *tactus interior* — понятие философии киренаиков, которые считали, что единственное, в чем мы не можем обманываться, есть наши внутренние ощущения боли или наслаждения, которые они описывали как продолжение внутри нас чувства осязания, вероятно, потому, что осязание, по Аристотелю, единственное наше в буквальном смысле непосредственное чувство, в том смысле, что оно осуществляется, по его мнению, через прямой контакт субъекта и объекта, без посредующей среды. Что понятие «внутреннего осязания» может служить аргументом в споре о достоверности впечатлений, сомнительно, поскольку речь явно идет о разной достоверности (субъективной и объективной), тем не менее можно утверждать, что боль и наслаждение суть два рода чувственных впечатлений, которые ни при каких обстоятельствах нельзя представить неразличенными — а именно аргумент о неразличимости восприятий и опровергает сейчас Лукулл.
247. Собственно чувства воспринимают только «белизну», «сладость» и т. п. Связать их с определенным предметом есть уже суждение (ἀξίωμα), т. е. дело разума. И только суждение может быть истинным или ложным. Это подробно объясняет уже Аристотель в 3-й книге «О душе». В том же аристотелевском трактате обсуждается и возможность *sensus communis* — чувства, обобщающего показания отдельных чувств. Ср. *Sext. Emp. Adv. math.* VII, 345 sq: αἰσθήσεις μὲν οὖν μόναίς λαβεῖν τάληθές οὐ δύναται... φύσει γάρ εἰσιν ἄλογοι καὶ πλεον τοῦ τυποῦσθαι πρὸς τῶν φανταστῶν μὴ δυνάμενοι παντελῶς ἄθετοι καθεστᾶσι πρὸς εὐρεσιν τάληθους· οὐ γὰρ μόνον λευκαντικῶς ἢ γλυκαντικῶς δεῖ κινεῖσθαι τὸ ληφόμενον τάληθές ἐν τοῖς ὑποκειμένοις, ἀλλὰ καὶ εἰς φαντασίαν ἀχθῆναι τοῦ τοιούτου πράγματος «τοῦτο λευχόν ἐστι», καὶ «τοῦτο γλυκὺ ἐστι»... τῷ δὲ τοιούτῳ πράγματι οὐκέτι τῆς αἰσθήσεως ἔργον ἐστὶν ἐπιβάλλειν... συνθέσεώς τε δεῖ καὶ μνήμης πρὸς ἀντίληψιν τῶν ὑποκειμένων, οἷον ἀνθρώπου, φυτοῦ, τῶν ἐοικότων. χρώματος γὰρ μετὰ μεγέθους καὶ σχήματος καὶ ἄλλων τινῶν ιδιωμάτων σύνθεσις ἐστὶ ὁ ἄνθρωπος, συνθεῖναι δὲ τι μνημονικῶς οὐ δύναται ἡ αἴσθησις διὰ τὸ μήτε χρῶμα μήτε χυμὸν μήτε φωνὴν εἶναι τὴν ἐπισύνθεσιν, ὧν μόνον ἀντιληπτικὴ ἐστὶ ἡ αἴσθησις [чувства сами по себе не способны воспринимать истинное... ведь они по природе своей лишены разума и ни на что не способны, кроме того, чтобы воспринимать отпечатки того, что им предстает; поэтому они совершенно не приспособлены для того, чтобы отыскивать истину: ведь то, что могло бы воспринимать истинность в предметах восприятия, должно не просто испытывать ощущение белизны или сладости, но и приходить к такому представлению: «это — белое» или «это — сладкое»... Но такого рода предметы —

вовсе не дело чувств... Для того, чтобы воспринять предмет, т. е. человека, растение и т. п., нужны способность сочетания и память. Ведь «человек» — это сочетание цвета с размером, формой и прочими свойствами, чувство же не способно сочетать все это с помощью памяти, поскольку результат такого сочетания — не цвет, не вкус, не звук, а чувство способно воспринимать только такие вещи].

248. Это традиционное определение, встречающееся во многих греческих текстах: ἄνθρωπος = ζῶον λογικὸν θνητὸν, νοῦ καὶ ἐπιστήμης δεκτικὸν [человек — разумное смертное живое существо, способное приобрести ум и знание].
249. Память о ложном невозможна потому, что «ложное» в этих текстах трактуется как «несуществующее». Эти проблемы обсуждал еще Платон в «Софисте» и «Теэтете».
250. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 37: ἀναιρεῖται μὲν μνήμη, θησαυρισμὸς οὐσα φαντασιῶν, ἀναιρεῖται δὲ πᾶσα τέχνη· σύστημα γὰρ ἦν καὶ ἄθροισμα καταλήψεων [уничтожается память, поскольку она — копилка представлений, уничтожается и всякое ремесло: ведь оно представляет из себя систему и набор представлений].
251. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VIII, 280: οὐδὲν διοίσει τῆς ἀτεχνίας ἡ τέχνη [искусность не будет ничем отличаться от неискусности]. Не следует забывать, что artifex — это не русское «ремесленник», а любой «специалист», будь то сапожник или геометр. Так и для ars самым близким, хотя и стилистически невозможным, переводом было бы, наверное, «специальность».
252. Деление τέχναι на «теоретические» и «практические» можно найти уже у Платона и Аристотеля.
253. cognitio здесь передает греческое θεωρία, а не κατάληψις.
254. Здесь идея κατάληψις передается уже четырьмя синонимами!
255. adsensus «согласился» употреблено здесь в техническом смысле эллинистического определения (см. ниже, § 145).
256. С этим описательным обозначением τέλος ср. Fin. I, 11: «qui sit finis, quid extremum, quid ultimum quo sint omnia... consilia referenda».
257. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 259–260: φαντασίαν εἶναι κριτήριον, τῆς φύσεως οἰονεῖ φέγγος ἡμῖν πρὸς ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας τὴν αἰσθητικὴν δύναμιν ἀναδούσης καὶ τὴν δι' αὐτῆς γινομένην φαντασίαν ἄτοπον οὖν ἐστὶ τοσαύτην δύναμιν ἀθετεῖν καὶ τὸ ὥσπερ φῶς αὐτῶν ἀφαιρεῖσθαι [...представление есть критерий, поскольку природа одарила нас способностью чувственного восприятия и возникающим благодаря ей представлением словно светом для распознавания истины. Так что нелепо было бы отвергать столь важную способность и как бы лишать самих себя света].

258. Ср. определение логического вывода в посвященной стоикам книге Диогена Лаэртция (VII, 45): λόγον διὰ τῶν μᾶλλον καταλαβανομένων τὸ ἥττον καταλαβανόμενον περαίνοντα [рассуждение, определяющее менее ясное через более ясное]. В цицероновском переводе теряется сравнительная степень, общая у Диогена с классическим аристотелевским определением во «Второй аналитике» (71b, 17–22), где говорится, что предпосылки γνωριμώτερα и πρότερα по сравнению с выводом.
259. Антипатр из Тарса, стоик.
260. Гортенсий говорил об этом, очевидно, в несохранившейся книге «Катул». Ср. кн. 1, § 45: «itaque Arcesilas negabat esse quicquam quod sciri posset, ne illud quidem ipsum quod Socrates sibi reliquisset, ut nihil scire se sciret». Ср. также Sext. Emp. Adv. math. VIII, 281, а также (один из многих возможных примеров) Руг. hyp. I, 14: καὶ ἡ φωνὴ «οὐδὲν μᾶλλον» μετὰ τῶν ἄλλων καὶ ἑαυτὴν φησι μὴ μᾶλλον εἶναι καὶ διὰ τοῦτο τοῖς ἄλλοις ἑαυτὴν συμπεριγράφει [Речение «не более (одно, чем противоположное)» говорит, что и оно само, вместе со всеми остальными, «не более», и тем самым отменяет само себя вместе со всеми остальными]. Ср. также ibid. 206: περὶ πασῶν γὰρ τῶν σκεπτικῶν φωνῶν ἔχειν χρὴ προειληφέναι, ὅτι περὶ τοῦ ἀληθεῖς αὐτὰς εἶναι πάντως οὐ διαβεβαιούμεθα, ὅπου γε καὶ ὑφ' ἑαυτῶν αὐτὰς ἀναιρεῖσθαι λέγομεν δύνασθαι, συμπεριγραφομένας ἐκείνοις περὶ ὧν λέγονται [Обо всех скептических речениях следует заранее знать, что мы совершенно не утверждаем, будто они истинны, поскольку мы же сами говорим, что они способны уничтожать сами себя, отменяя себя вместе с тем, к чему они применяются].
261. pressius здесь в смысле большей логической строгости. Ср. сохранный у Нония Марцелла фрагмент цицероновского «Гортенсия» (Non. p. 364, 21): «quis te aut est aut fuit umquam in partiundis rebus, in definiundis, in explicandis pressior?» Также Tusc. IV, 14: «itaque eas definiunt pressius». Ср. также употребление самого глагола «premere» (Nat. deor. II, 20): «Haec enim quae dilatantur a nobis Zeno hic premebat» (следует сведение проблемы к силлогизму). Ниже в § 109 Цицерон в своей ответной речи иронически сошлется на это «pressius»).
262. Это определение χριτήριον как того, из чего философия должна исходить (а τέλος как того, к чему она должна приходить), может служить одним из объяснений того, почему Academica оказались первыми в ряду трактатов, которые были задуманы как систематическое изложение всех «частей философии» на латинском языке.
263. Это нужно, видимо, понимать как указание на порядок аргументов в том сочинении Антиоха, которое Лукулл излагает в своей речи (или, придерживаясь условий игры, порядок аргументов в его конспектах),

а также характеристику этих аргументов, «несомненно, красноречивых, но несколько более сложных, так как использующих также физику».

264. Ср. выше § 16 и комм. 224.

265. Выше Цицерон сообщил нам, что *adpetitio* переводит стоический термин *ὄρεσις*. Но о «стремлении» в аналогичной связи рассуждал еще Аристотель, у которого оно именуется *ὄρεξις*. О том, что всякое движение предполагает стремление, а всякое стремление — воздействие на чувствующую способность («показавшееся», «фантазия» — Аристотель использует то же самое слово), читаем в трактате «О душе», 433b: *ὅλως μὲν οὖν... ἢ ὄρεχτικὸν τὸ ζῶον, αὐτῇ ἑαυτοῦ κινήτικόν· ὄρεχτικὸν δὲ οὐκ ἄνευ φαντασίας· φαντασὶς δὲ πᾶσα ἢ λογιστικὴ ἢ αἰσθητικὴ. αὐτῆς μὲν οὖν καὶ τὰ ἄλλα ζῶα μετέχει* [В целом живое существо постольку способно к самодвижению, поскольку обладает способностью стремления. Способность же стремления не может существовать без «показавшегося». А всякое показавшееся есть показавшееся либо разуму, либо чувству. Это последнее свойственно и прочим <помимо человека> живым существам].

266. *Mens* здесь не просто «ум», а целиком «душа» — ср. сохраненную у Стобея (Ecl. I, 828) цитату из стоика Аристона: *ψυχὴν... πηγὴν αἰσθήσεων*. Душа, то есть принцип жизни, разумеется, является источником ощущений, поскольку неживое не ощущает. Ср. цитату из «Тускуланских бесед» в следующем комментарии.

267. Аристотель неоднократно говорит, что древние философы отождествляли мышление с ощущением. См. Met. 1009b, 12, приведенное в комм. 133. В трактате «О душе» он решительно высказывается против этого мнения, говоря, что мышление и ощущение отнюдь не одно и то же, и в то же время неоднократно рассуждает о том, что «показавшееся» для ума — то же, что ощущение для способности чувственного восприятия, т. е. что мышление происходит не иначе, чем в формах «показавшегося», а источник «показавшегося» лежит в ощущениях. Неудивительно, что последующие философы часто вычитывали из Аристотеля не столько декларативное отделение ума от прочих способностей души, сколько убедительное обоснование его зависимости от них. Что касается текстов, где понятия души и ощущения не разделяются, см. еще D. L. IX, 51 о Протагоре: *ἐλεγέ τε μηδὲν εἶναι ψυχὴν παρὰ τὰς αἰσθήσεις, καθὰ καὶ Πλάτων φησὶ ἐν Θεαιτήτῳ* [Он говорил, что душа не является чем-то еще помимо чувств, как говорит и Платон в «Теэтете»], Sext. Emp. Adv. math. VII, 350: *οἱ μὲν διαφέρειν αὐτὴν τῶν αἰσθήσεων, ὥς οἱ πλείους, οἱ δὲ αὐτὴν εἶναι τὰς αἰσθήσεις καθάπερ διὰ τινῶν ὁπῶν τῶν αἰσθητηρίων προκύπτουσιν, ἥς στάσεως ἤρξε Στράτων τε ὁ φυσικὸς καὶ*

Αἰνσιδῆμος [Одни, и таких большинство, считали, что она отличается от чувств, а другие — что чувства — это и есть душа, которая выглядывает из органов чувств, словно из окон; эту партию возглавили физик Стратон и Энесидем]. С этим ср. Tusc. I, 46: «ut facile intellegi potest animum et videre et audire; non eas partes quae quasi fenestrae sunt animi, quibus tamen sentire nihil queat mens, nisi id agat et adsit» [Так что легко можно понять, что видит и слышит душа, а не те части, которые являются как бы окнами души и через которые ум ничего не может ощутить, если не будет активно участвовать и присутствовать]. Любопытно место у Секста Эмпирика, где он на необходимой связи мышления и ощущения строит (для опровержения догматиков) парадокс, состоящий в том, что если мышление приводится в движение ощущением, а следовательно, является само чувственным восприятием, то, будучи чувственным восприятием, оно непричастно разуму; тем самым достигается противоречие с определением. См. Sext. Emp. Adv. math. VII, 356: καὶ ἡ διάνοια, εἰ τὸ ἐκάστης αἰσθέσεως ἀναλαμβάνει πάθος, αἰσθητικῶς κινεῖται, αἰσθητικῶς δὲ κινουμένη αἴσθησις ἐστὶ, αἴσθησις δὲ οὐσα ἄλογός ἐστι. В этом рассуждении видно, как многим вся дискуссия в своей терминологии и подходах обязана Аристотелю, той части его учения, которая до нас дошла в трактатах «О душе» и *Parva Naturalia*.

268. Ср. Fin. III, 33: «cumque rerum notiones in animis fiant, si aut usu aliquid cognitum sit, aut coniunctione, aut similitudine, aut collatione rationis...».

269. Ср. Cic. Top. 31: «*notionem appello quod Graeci tum ἔννοιαν, tum πρόληψιν vocant*». В XIX в. принято было упрекать Цицерона в философском невежестве за объединение под одним латинским словом, т. е. утверждение синонимичности, этих двух понятий; так, в частности, Мадвиг в своем издании *De finibus*. Но уже Рид в комментарии к нашему месту замечает, что, хотя стоики и различали *πρόληψεις* как понятия, которые неизбежно формируются у людей с самого раннего возраста на основании опыта, без специальных усилий разума, и *ἐννοιαί*, которые непременно этого усилия требуют, но это не мешало им определять *πρόληψεις* как *φυσικάί* (естественные) или *κοιναί* (общие всем людям) *ἐννοιαί*, и затем употреблять для них при случае просто слово *ἐννοιαί*, без (подразумеваемых) прилагательных. F. H. Sandbach посвятил этим понятиям специальную статью (*Ennoia and prolepsis in the Stoic Theory of Knowledge / A. A. Long (ed.) // Problems in Stoicism*. London, 1971. P. 22—37), также подтверждающую законность цicerоновского употребления. Sandbach обращает внимание также на то, что термин *πρόληψις* — по происхождению эпикурейский и может служить примером того, как эллинистические школы в ходе полемики

заимствовали друг у друга термины; в самом деле, очевидно, что для Цицерона существует некое философское «койне», *lingua franca*, на котором стоик может беседовать с академиком и эпикурейцем, и именно аналог этого языка Цицерон стремился создать на латыни. Sandbach приводит интересный пассаж из Аэтия (Plac. IV, 11 = SVF II, 83), в котором разъясняется разница между *ἔννοια* и *πρόληψις*. Вообще, этот отрывок, объясняющий, как создаются понятия, представляет близкую параллель к нашему месту, поэтому имеет смысл привести греческий текст: Οἱ Στωικαὶ φασι· ὅταν γεννηθῇ ὁ ἄνθρωπος, ἔχει τὸ ἡγεμονικὸν μέρος τῆς ψυχῆς ὥσπερ χαρτίον εὐεργὸν εἰς ἀπογραφήν. εἰς τοῦτο μίαν ἐκάστην τῶν ἐννοιῶν ἐναπογράφεται. πρῶτος δὲ τῆς ἀναγραφῆς τρόπος ὁ διὰ τῶν αἰσθήσεων· αἰσθανόμενοι γάρ τινος οἷον λευκοῦ, ἀπελθιόντος αὐτοῦ μνήμην ἔχουσιν· ὅταν δ' ὁμοειδεῖς πολλὰ μῆμια γένωνται, τότε φάμεν ἔχειν ἐμπειρίαν· ἐμπειρία γάρ ἐστὶ τὸ τῶν ὁμοειδῶν <φαντασιῶν> πλῆθος. τῶν δ' ἐννοιῶν αἱ μὲν φυσικῶς γίνονται κατὰ τοὺς εἰρημένους τρόπους καὶ ἀνεπιτεχνήτως, αἱ δ' ἤδη δι' ἡμετέρας διδασκαλίας καὶ ἐπιμελείας· αὗται μὲν οὖν ἐννοιαὶ χαλοῦνται μόνον, ἐκεῖνοι δὲ καὶ προλήψεις. ὁ δὲ λόγος, καθ' ὃν προσαγορευόμεθα λογικοί, ἐκ τῶν προλήψεων συμπληροῦσθαι λέγεται κατὰ τὴν πρώτην ἑβδομάδα [Стоики говорят: у человека при рождении ведущая часть души представляет собой словно бы лист бумаги, пригодный для письма. На нем он записывает каждое отдельное понятие. Первый способ такой «записи» — через чувства: ведь когда люди воспринимают что-нибудь чувствами, например белое, то, когда само белое исчезает, остается воспоминание. А когда возникает много однородных воспоминаний, мы говорим, что имеем опыт: ведь множество однородных восприятий — это и есть опыт. А из понятий одни возникают естественно вышеописанными способами, без специальных приемов, а другие требуют, чтобы мы специально учились и прилагали усилия. При этом первые называются всегда только «понятиями» (*энноиа*), а другие также и «предпонятиями» (*пролепис*). А тот разум, по которому мы и называемся разумными существами, складывается, как они говорят, из предпонятий в первое семилетие жизни]. *Similitudines* нашего текста соответствуют здесь *ὁμοειδεῖς μῆμια*, в других источниках этот способ образования понятий называется *καθ' ὁμοιότητα*.

Πρόληψις как эпикурейский термин Цицерон упоминает в *Nat. deor.* I, 43 с определением: «anteceptam animo rei quandam informationem, sine qua nec intellegi quicquam nec quaeri nec disputari potest» [как бы предвосхищаемые душой очертания вещи, без которых невозможно ни понимание, ни исследование, ни обсуждение чего бы то ни было].

270. Также и в Fin. III, 17 сказано, что *καταλήψεις* «*propter se asciscendas*», то есть они, по стоической терминологии, относятся к δι' αὐτὰ ληπτὰ (Stob. Ecl. II 13) или προηγμένα, из которых, как объясняет Диоген Лаэртский (VII, 107), τὰ μὲν δι' αὐτὰ προῆχται, τὰ δὲ δι' ἕτερα, τὰ δὲ καὶ δι' αὐτὰ καὶ δι' ἕτερα [одно предпочтительно само по себе, другое — ради чего-то другого, третье — и само по себе и ради другого].
271. «Безрассудство» (*temeritas*, *προπέτεια*), любимое обвинение скептиков в адрес догматиков, здесь переадресуется им самим.
272. Ср. D. L. IX, 72: ἐν βυθῷ γὰρ ἡ ἀλήθεια.
273. Ср. (из Карнеада) Numen. ap. Euseb. Pr. Eu. XIV, 7, 15: διαφορὰν εἶναι ἀδήλου καὶ ἀκαταλήπτου, καὶ πάντα μὲν εἶναι ἀκατάληπτα, οὐ πάντα δὲ ἄδηλα [есть разница между неясным и непостижимым: всё непостижимо, но не всё неясно].
274. *incerta* передает греческое ἄδηλα, ср. ниже § 54: «*ea incerta dico quae ἄδηλα Graeci*».
275. Встречается многократно и у латинских, и у греческих авторов, как пример вопроса, не поддающегося решению и решительно ни для одного человека не представляющего интереса.
276. Как обычно, два синонима, один из них с *quasi*, передают у Цицерона один греческий термин: πιθανόν. Впрочем, Глюкер доказывал в относительно недавней статье (возвращаясь к давнему предположению С. F. Hermann'a), что во многих контекстах это слово скорее соответствует εἰχός и что между двумя этими греческими терминами существует разница в значении, которую следует учитывать и при толковании латинских текстов. См.: Glucker J. Probabile, Veri Simile and Related Terms // Cicero the philosopher. Twelve Papers / Ed. and introduced by J. G. F. Powell. Oxford, 1999.
277. Ср. для выражения «общее для истинного и ложного представления» Sext. Emp. Adv. math. VII, 165: πάλιν οὖν ἐπεὶ οὐδεμία ἐστὶν ἀληθὴς τοιαύτη οἷα οὐκ ἂν γένοιτο ψευδής, ἀλλὰ πάσῃ τῇ δοουκῶσῃ ἀληθεῖ καθεστάναι εὐρίσκεται τις ἀπαράλλακτος ψευδής, γενήσεται τὸ κριτήριον ἐν κοινῇ φαντασίᾳ τοῦ τε ἀληθοῦς καὶ ψεύδους. ἡ δὲ κοινὴ τούτων φαντασία οὐκ ἐστὶ καταληπτικὴ, μὴ οὖσα δὲ καταληπτικὴ οὐδὲ κριτήριον ἔσται [Опять-таки, если нет такого истинного показавшегося, чтобы не могло возникнуть и точно такого же ложного, и для всякого показавшегося, представляющегося истинным, найдется неотличимое от него ложное, то критерием окажется показавшееся, общее для истинного и ложного. Но общее для того и другого показавшееся не может быть доступным постижению, а не будучи доступно постижению, оно не будет и критерием].

278. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 260: ὃν τρόπον ὁ χρώματα μὲν ἀπολείπων, καὶ τὰς ἐν τούτοις διαφοράς, τὴν δὲ ὄρασιν ἀναιρῶν ὡς ἀνύπαρκτον ἢ ἄπιστον, καὶ φωνὰς μὲν εἶναι λέγων, ἀκοὴν δὲ μὴ ὑπάρχειν ἄξιῶν, σφόδρα ἐστὶν ἄτοπος (δι' ὧν γὰρ ἐνοήσαμεν χρώματα καὶ φωνάς, ἐκείνων ἀπόντων οὐδὲ χρῆσθαι δυνατοὶ χρώμασιν ἢ φωναῖς), οὕτω καὶ τὰ πράγματα μὲν ὁμολογῶν, τὴν δὲ φαντασίαν τῆς αἰσθήσεως, δι' ἧς τῶν πραγμάτων ἀντιλαμβάνεται, διαβάλλων, τέλειος ἐστὶν ἐμβρόντητος καὶ τοῖς ἀψύχοις ἴσον αὐτὸν ποιῶν [Ведь как чрезвычайно нелепое впечатление производит тот, кто, признавая цвета и их различия, при этом отменяет зрение, считая его несуществующим либо недостоверным, или утверждает, что звуки существуют, не признавая при этом существования слуха (ведь без того, благодаря чему и образовались у нас понятия о цветах и звуках, мы не могли бы пользоваться ни цветами, ни звуками), так и признающий существование вещей, а показавшемуся через чувство, благодаря которому он и воспринимает вещи, не доверяющий, видимо, совершенно свихнулся и делает из себя подобие неодушевленного предмета].
279. Также со ссылкой на Карнеада говорит о «показавшемся правдоподобно» и о «показавшемся правдоподобно и при отсутствии препятствий» и Секст Эмпирик (Adv. math. VII, 166 сл.), добавляя к ним еще третью степень надежности: «показавшееся правдоподобно, при отсутствии препятствий и проверенное»: ὁ Καρνεάδης... προσλαμβάνων τὴν τε πιθανὴν φαντασίαν καὶ τὴν πιθανὴν ἄμα καὶ ἀπερίσπαστον καὶ διεξωδευμένην.
280. т. е. от καταληπτικὴ φαντασία.
281. О распространении во всех школах эпикурейского понятия ἐναργής ср. комм. 134. Под упомянутыми сторонниками такого различия комментаторы XIX в., начиная с К. Ф. Германна, продолжая Хирцелем и заканчивая Ридом в комментариях ad loc., склонны понимать Филона из Лариссы. Sandbach в цит. статье (см. комм. 134), опираясь на Целлера, также принимает это как факт, см. с. 32: «The word *enarges*, *enargeia* provide a good example of the way the schools borrowed one another's vocabulary, for not only did the Stoiacs take them from the Epicureans, but the later Academy took them over also; Philo of Larisa agreed that some things had this clearness and were certainly true, though he denied that clearness implied comprehensibility, as Stoics maintained» (со ссылкой на наше место). Глюкер (с. 77–79) оспаривает это мнение. Он предполагает, что под «некоторыми» мы должны понимать некую, отделившуюся от «клитоматовцев» группу учеников Карнеада, скорее всего ту, вождем которой был Метродор. Но интересны не столько предполагаемые имена, сколько предположительно восста-

навливаемый контекст этого утверждения (с. 78, прим. 224): у Секста (*Adv. math.* 402 sqq.) приводится от имени «карнеадовцев» аргумент, подобный тому, который мы встретим ниже в § 53: представления, происходящие от реальных и нереальных предметов, никак не различаются в отношении своей «очевидности и силы воздействия», то есть испытывающий во сне жажду или страх или Геракл, принимающий в исступлении своих детей за детей Еврисфея и убивающий их, испытывают самые что ни на есть «очевидные и действенные» впечатления, точно так же побуждающие к соответственным действиям: *τούτων δὲ τὰ μὲν ἄλλα λέγουσι οἱ περὶ τὸν Καρνεάδην συγχωρήσειν τοῖς ἀπὸ τῆς Στοᾶς, τὸ δὲ «οἷα οὐκ ἂν γένοιτο ἀπὸ μὴ ὑπάρχοντος» ἀσυγχώρητον εἶναι. γίνονται γὰρ καὶ ἀπὸ μὴ ὑπαρχόντων φαντασίαι ὡς ἀπὸ ὑπαρχόντων. καὶ τεκμήριον τῆς ἀπαρallaξίας τὸ ἐπ' ἴσης ταύτας ἐναργεῖς καὶ πληκτικὰς εὐρίσχεσθαι, τοῦ δὲ ἐπ' ἴσης ταύτας ἐναργεῖς καὶ πληκτικὰς εἶναι τὸ τοὺς ἀκολούθους πράξεις ἐπιζεύγνυσθαι* [Карнеадовцы говорят, что все прочее в этом определении они готовы уступить стоикам, но только не «такое, какое не может возникнуть от несуществующего» — с этим согласиться невозможно. Ведь и от несуществующего бывает показавшееся, точно также как и от существующего. Свидетельством их неразличимости является то, что они оказываются в равной мере очевидными и действенными. А свидетельством того, что они в равной мере очевидны и действенны, является то, что они вызывают соответственные действия» (далее следуют вышеназванные примеры)]. Глюкер предполагает, что этим «строгим» карнеадовцам, не желавшим признавать различия в очевидности между восприятием наяву и сонной грезой, противостояла более умеренная группа, признававшая различия, существующие с точки зрения обыденного здравого смысла между нормальными, «очевидными» восприятиями здорового человека наяву и всяческими патологическими видениями. Эту уступку здравому смыслу и можно назвать *convicio veritatis coacti*.

282. Как обычно, пара синонимов *adsensione atque adprobatione* передает один греческий термин, *συγκατάθεσις*.
283. См. выше комм. 123.
284. Ср. *Sext. Emp. Adv. math.* VII, 257: (ο καταληπτικὴ φαντασία) αὕτη γὰρ ἐναργὴς οὖσα καὶ πληκτικὴ μόνον οὐχι τῶν τριχῶν, φασί, λαμβάνεται, κατὰσπῶσα ἡμᾶς εἰς συγκατάθεσιν [она, будучи очевидной и поражающей, только что не за волосы, по их словам, хватает нас и влечет к согласию].
285. О значении «согласия» в стоической философии и о намеченном здесь переходе от гносеологии к этике см. параллельный текст у Плутарха,

De stoic. repugn. 47, 1057A—B (= Хюльзер fr. 363A. Фрагментом 363 является в этом собрании наш текст, 37—39): Καὶ μὴν ἔν γε τοῖς πρὸς τοὺς Ἀκαδημαῖκούς ἀγῶσιν ὁ πλεῖστος λόγος αὐτῷ τε Χρυσίπῳ καὶ Ἀντιπάτρῳ περὶ τίνος γέγονε; περὶ τοῦ μήτε πράττειν μηθ' ὁρμᾶν ἀσυγκαταθέτως ἀλλὰ πλάσματα λέγειν καὶ κενὰς ὑποθέσεις τοὺς ἀξιούοντας οἰκειάς φαντασίας γενομένης εὐθὺς ὁρμᾶν μὴ εἴξαντας μηδὲ συνκαταθεμένους. αὖθις δέ φησι Χρυσίππος καὶ τὸν θεὸν ψευδεῖς ἐμποεῖν φαντασίας καὶ τὸν σοφόν, οὐ συγκατατιθεμένων οὐδ' εἰκόντων δεομένους ἡμῶν ἀλλὰ πραττόντων μόνον καὶ ὁρμώντων ἐπὶ τὸ φαίνόμενον, ἡμᾶς δὲ φαύλους ὄντας ὑπ' ἀσθενείας συγκατατίθεσθαι ταῖς τοιαύταις φαντασίαις [О чем же больше всего спорили с академиками Хрисипп и Антипатр? О том, что без согласия не бывает ни действия, ни устремления и что те, кто утверждает, что при появлении согласного с природой представления непосредственно, без уступки и без согласия с нашей стороны, возникает устремление, высказывают выдумки и пустые предположения. Хрисипп, опять-таки, говорит, что и бог, и мудрец могут внушать нам ложные представления, вовсе не желая, чтобы мы соглашались с ними или уступали им, но только чтобы мы действовали и испытывали стремление на основании того, что нам показалось. А мы, поскольку мы не мудрецы, по нашему бессилию соглашаемся с подобными представлениями]. Очевидно, академики (в аристотелевском духе) использовали понятие οἰκεῖον, «подходящего», т. е. соответствующего природе данного существа, чтобы объяснить ὁρμή, устремление, без того, чтобы прибегать к стоическому понятию «согласия» (а что без устремления немыслимо никакое действие, а без действия — жизнь и что чувства и «фантазии» даны всякому живому существу прежде всего как основа устремления к тому, что необходимо для его самосохранения, прежде всего к пище, — это исчерпывающе объяснял еще Аристотель. Собственно, и само понятие οἰκεῖον возникло, надо полагать, сперва применительно к пище: у разных живых существ пища разная, то, что для одних является пищей, для других может ею и не быть, и всякое существо от природы устремляется именно к тому, что «подходит» в пищу именно для него — этот ход мысли связан с аристотелевским выделением «питающейся природы» как общего знаменателя всех живых существ). При этом в цицероновском тексте хорошо видно, что речь опять же не о «свободной воле»: душа, поскольку она здорова, не может не согласиться с «подходящим» и «очевидным» — вопрос в поддержании ее здоровья. Связь с этикой хорошо видна во фрагменте Эпиктета у Авла Геллия (XIX, I, 4, 14—21) (Хюльзер fr. 366), хотя нужно иметь в виду, что Эпиктет был заинтересован

исключительно в этике и многие понятия к его времени получили новые оттенки значения: «ex sarcinula sua librum protulit Epicteti philosophi quintum διαλέξεων, quas ab Arriano digestas congruere scriptis Ζήνωνος et Chrysippi non dubium est. In eo libro Graeca scilicet oratione scriptum ad hanc sententiam legimus: „Visa animi, quas φαντασίας philosophi appellant, quibus mens hominis prima statim specie accidentis ad animum rei pellitur, non voluntatis sint neque arbitraria, sed vi quadam sua inferunt sese hominibus noscitantia; probationes autem, quas συγκαταθέσεις vocant, quibus eadem visa noscuntur ac diiudicantur, voluntariae sunt fiuntque hominum arbitratu. Propterea cum sonus aliquis formidabilis aut caelo aut ex ruina aut repentinus nescio cuius periculi nuntius vel quid aliud est eiusmodi factum, sapientis quoque animum paulisper moveri et contrahi et pallescere necessum est non opinione alicuius mali praecepta, sed quibusdam motibus rapidis et inconsultis officium mentis atque rationis praevententibus. Mox tamen ille sapiens ibidem τὰς τοιαύτας φαντασίας, id est visa ista eae animi sui terrifica, non adprobat, hoc est οὐ συγκατατίθεται οὐδὲ προσεπιδοξάζει, sed abicit respuitque, nec ei metuendum esse in his quicquam videtur. At hoc inter insipientis sapientisque animun differe dicunt, quod insipiens, qualia sibi esse primo animi sui pulsu visa sunt saeva et aspera, talia esse vero putat et eadem incepta, tamquam si iure metuenda sint, sua quoque adsensione adprobat καὶ προσεπιδοξάζει — hoc enim verbo Stoici, cum super ista re disserunt, utuntur, — sapiens autem, cum breviter et strictim colore atque vultu motus est, οὐ συγκατατίθεται, sed sstatum vigoremque sententiae suae retinet, quam de huiusmodi visis semper habuit ut de minime metuendis, sed fronte falsa et formidine inani terretantibus“. Haec Epictetum philosophum ex decretis Stoicorum sensisse atque dixisse in eo, quo dixi, libro legimus» [достал из своего чемоданчика пятую книгу «Рассуждений» философа Эпиктета, которые, собранные Аррианом, без сомнения не расходятся с сочинениями Зенона и Хрисиппа. В этой книге мы читаем следующее — написанное, разумеется, на греческом языке, но смысл такой: «Показавшееся душе, то, что философы называют „фантазиями“, благодаря которым человеческий дух бывает сразу же затронут при первом появлении приближающегося к душе предмета, не являются зависящими от нас и произвольными, но как бы силой составляют человека ознакомиться с ними. Зато согласия, которые они называют „синкататесис“ и благодаря которым показавшееся познается и различается, зависят от нас и происходят по человеческому произволу. Поэтому когда с неба или от падения чего-либо раздастся какой-нибудь ужасающий звук или когда является внезапная весть о какой-нибудь опасности или еще что-нибудь в этом роде, то и душа мудреца неиз-

бежно приходит в небольшое волнение, он вздрагивает и бледнеет, но не потому, что у него заранее возникает мнение, что налицо некое зло, а из-за неких быстрых, бесконтрольных эмоций, которые опережают деятельность духа и разума. Но вскоре вышеупомянутый мудрец „на подобные фантазии“, то есть на это показавшееся, испугавшее его душу, „не соглашается“, т. е. οὐ συγκατατίθεται οὐδὲ προσεπιδοξάζει, и он отвергает и отбрасывает его, и не видит во всем этом ничего страшного. Они говорят, что в том-то и разница между душой мудреца и не-мудреца, что не-мудрец считает, что как вещи показались ему при первом сотрясении его души страшными и ужасными, такие они и есть на самом деле, и эти первоначальные представления одобряет своим согласием как такие, которых следует бояться, и присоединяет к ним свое мнение (προσεπιδοξάζει) — этим словом пользуются стоики, когда говорят на эту тему. Мудрец же, после того как ненадолго и мимолетно побледнеет и переменится в лице, не дает согласия, а сохраняет прочность и силу того убеждения, которое он всегда имел относительно такого показавшегося, а именно, что оно нисколько не заслуживает боязни, а только пугает ложной внешностью и пустым страхом». Вот что читаем мы в названной мною книге о мнениях и речах философа Эпиктета о стоических принципах]. Интересно сопоставить с этим то, что говорит Аристотель о том, что в процессе восприятия и мышления зависит, а что не зависит от нас, ср. *De an.* 427b, 14–21: φαντασία γὰρ ἕτερον καὶ αἰσθήσεως καὶ διανοίας· αὐτὴ τε οὐ γίγνεται ἄνευ αἰθήσεως, καὶ ἄνευ ταύτης οὐκ ἔστιν ὑπόληψις. ὅτι δ' οὐκ ἔστιν ἡ αὐτὴ νοήσις καὶ ὑπόληψις, φανερόν. τοῦτο μὲν γὰρ τὸ πάθος ἐφ' ἡμῖν ἐστίν, ὅταν βουλώμεθα (πρὸ ὁμμάτων γὰρ ἔστι τι ποιήσασθαι, ὥσπερ οἱ ἐν τοῖς μνημονικοῖς τιθέμενοι καὶ εἰδολοποιοῦντες), δοξάζειν δ' οὐκ ἐφ' ἡμῖν· ἀνάγκη γὰρ ἢ ψεύδεσθαι ἢ ἀληθεύειν) [ведь впечатление — нечто отличное как от ощущения, так и от мысли. Оно не может возникнуть без ощущения, а без него не может возникнуть мнение. А что мысль и мнение — не одно и то же, это ясно. Ведь первое состояние зависит от нас, мы можем вызывать его, когда пожелаем (ведь можно вызвать нечто в воображении, как делают те, кто располагает образы предметов в воображении в мнемонических целях), а мнение от нас не зависит: ведь мы необходимо имеем либо ложное, либо истинное мнение].

286. Т. е. καταληπτικὴ φαντασία.

287. Проблема состоит в том, что, каково бы ни было представление, его свойства ничего не говорят нам о его отношении к вызвавшему его объекту — а именно к этому отношению только и могут относиться понятия «истинно» и «ложно». Ср. *Sext. Emp. Pуг. hyp.* I, 22: περὶ

μὲν τοῦ φαίνεσθαι τοῖον ἢ τοῖον τὸ ὑποκείμενον οὐδεὶς ἴσως ἀμφισβητεῖ, περὶ δὲ τοῦ εἰ τοιοῦτον ἔστι ὁποῖον φαίνεται ζητεῖται [О том, что предмет *кажется* таким или иным, никто, пожалуй, не спорит, а вот о том, *есть* ли он такой, каким *кажется*, ведут разыскания]. Рид цитирует к этому месту Беркли (Principles, § 89): «all scepticism arises from a supposition of a difference between *things* and *ideas*».

288. Рид предполагает здесь за *lumen* значение греческого σχῆμα в техническом риторическом смысле — фигура речи; но приведенные им параллельные места не убеждают. Правильнее представляется толкование в Oxford Latin Dictionary: «strong point in an argument». Ср. ниже § 107: «illa sunt lumina duo quae maxime causam eam continent», а также Fin. II, 70: «at negat Epicurus — hoc enim verstrum lumen est — quemquam, qui honeste non vivat, iucunde posse vivere».
289. О скептическом «речении» nihil magis (οὐδὲν μᾶλλον) см. выше в комм. 133 и 260.
290. См. комм. 277 и далее § 34.
291. Эпикур считал, что так называемые «обманы чувств» суть обманы «мнения», а не чувств, ср. ниже § 80: «opinionis enim esse mendacium, non oculorum», то есть в случае ошибки дело всегда в неправильной интерпретации показавшегося, которое само по себе таково, каково оно есть, то есть всегда истинно. Хальтенхоф предполагает, что Августин опирается на это место, когда говорит (с. acad., III, 11, 26): «ergone verum est quod de remo in aqua vident <sc. oculi>? prorsus verum. nam causa accedente, quare ita videretur, si demersus unda remus rectus appareret, magis oculos meos falsae renuntiationis arguerem. non enim viderent, quod talibus existentibus causis videndum fuit» [Так что же, верно то, как они (т. е. глаза) видят весло в воде? Совершенно верно. Ведь, учитывая причину, почему весло видится именно так, если бы весло, погруженное в воду, показалось прямым, я бы сильнее упрекал мои глаза за неверное донесение. Ведь они бы не видели того, что следовало увидеть при наличии данных причин].
292. Об убежденности стоиков, что при надлежащем внимании и умении человеческий ум не может не заметить существующую между «постижимыми» и ложными впечатлениями разницу, более того, что эта разница, как ни часто люди упускают ее из виду, на самом деле поразительна, очень заметна (quanta luce нашего текста), ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 252: ἐκεῖνοι (sc. Stoici) μὲν γάρ φασι ὅτι ὁ ἔχων τὴν καταληπτικὴν φαντασίαν τεχνικῶς προσβάλλει τῇ ὑπόουσι τῶν πραγμάτων διαφορᾶ, ἐπεὶ περ καὶ εἶχε τι τοιοῦτον ἰδίωμα ἢ τοιαύτη φαντασία παρὰ τὰς ἄλλας φαντασίας καθάπερ οἱ κερᾶσται παρὰ τοὺς ἄλλους ὄφεις· οἱ δὲ

ἀπὸ τῆς Ἀκαδημίας τοῦναντίον φασὶ δύνασθαι τῇ καταληπτικῇ φαντασίᾳ ἀπαράλλαχτον εὐρεθῆσθαι φεῦδος [Ведь они говорят, что тот, кто получает постижимое впечатление, схватывает как специалист разницу, лежащую в основе вещей, поскольку такое впечатление по отношению ко всем другим впечатлениям имеет столь же заметный отличительный признак, как рогатые змеи по отношению ко всем остальным змеям. Академики же, напротив, утверждают, что может найтись ложное впечатление, неотличимое от постижимого]. По поводу τεχνικῶς ср. выше § 20 о том, как много видят художники в живописи и слышат музыканты в музыке, чего не различают неспециалисты.

293. interrogatio в значении «аргумент», см. выше комм. 11.
294. Как справедливо замечает Рид, cogitatio и διάνοια по-гречески — почти единственный способ выразить на классических языках понятие «воображения», для которого еще не существовало специального слова.
295. На современном языке это, вероятно, назвали бы разницей между субъективным и объективным. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 241: ἤτοι τῶν ἐκτὸς ἢ τῶν ἐν ὁμῶν παθῶν.
296. «Сорит» — один из древнейших софизмов, от греческого слова σωρός, «куча», особ. «куча зерна». Спрашивается, создает ли одно зерно кучу? Ответ вопрошаемого, естественно, нет. Затем, спрашивают, создают ли 2, 3 и так вплоть до какого-то числа n зерен кучу, до тех пор, пока отвечающий на вопрос об $n+1$ зерен не скажет, что они составляют кучу. Тогда ему будет указано, что разница между n и $n+1$ зерен как раз в одно зерно, которое, следовательно, и создало кучу, что противоречит первому ответу. В Div. II, 11 Цицерон предлагает переводить *sonites* как *acervalis*, хотя замечает «*sonites satis latino sermone tritus est*». Ср. Fin. IV, 50: «iam ille sonites est, quo nihil putatis (sc. Stoici) esse vitiosius» [а это ведь сорит, способ аргументации, который вы считаете наиболее порочным]. Речь идет там о доказательстве положения «только прекрасное есть благо», и сходство с нашим местом состоит в том, что сами стоики отнюдь не считали предложенное ими доказательство соритом; так же и здесь аргументация академиков не задумана как сорит, но должна еще быть к нему сведена (в целях отвода аргумента).
297. «воображение», ср. выше комм. 294.
298. Этот сон рассказывался в начале «Анналов» Энния, во вступлении; Гомер в этом сне как бы «передавал свою лиру» Эннию. О нем упоминается в Rep. VI, 10; Lucr. I, 124; Hor. Ep. II, 1, 50 (ann. fr. 6 Vahlen).
299. «Эпихарм» — дидактическая поэма Энния (сохранилось 14 строк), видимо, касавшаяся пифагорейских сюжетов. Контекст данной цитаты неизвестен (var. fr. 45 Vahlen).

300. Ср. Div. II, 126: «praesertim cum Chrysippus Academicos refellens permulto clariora et certiora esse dicat, quae vigilantibus videantur quam quae somniantibus» [в особенности потому, что Хрисипп, опровергая академиков, говорит, что кажущееся бодрствующим намного яснее и отчетливее, чем то, что кажется спящим].
301. Из трагедии Энния «Алкмеон» (saep. fr. 34 Vahlen).
302. Невозможность различить близнецов, яйца, отпечатки одного и того же кольца на воске — любимая тема скептиков. Стоики же настаивали, что при достаточно напряженном вглядывании нет двух вещей, которые были бы действительно неотличимы (см. Sext. Emp. Adv. math. VII, 408–410). Это вызывало множество шуток и практических «опровержений». Так, к Аристону Хиосскому его ученик Персей подослал одного из двух братьев-близнецов, который дал ему сумму денег на хранение, а затем пришел второй и забрал ее, а Птолемей Филопатор предложил стоику Сферу за обедом блюдо с восковыми гранатами, которыми тот и попытался утопиться, не отличив муляж от оригинала (D. L. VII, 162). Здесь замечательно проявляется неотчетливость понятия «здравый смысл»: стоики апеллировали к здравому смыслу против скептической «неуверенности» во всем (см. выше комм. 235), а академики — к нему же для опровержения стоической твердой веры в человеческую способность постигать истину.
303. С этим употреблением *communitas* ср. выше («Лукулл», 34: «visio veri falsique communis») и комм. 277.
304. Фрагменты, говорящие о том, что Демокрит считал, что миры возникают и исчезают, а количество их бесконечно, можно посмотреть в «Демокрите» С. Я. Лурье (фр. 343–360), а также у Дильса-Кранца. Однако данное место Цицерона является единственным, где Демокриту приписывается мысль о существовании бесконечного числа совершенно одинаковых миров.
305. Эти слова есть в рукописях. Пласберг предполагает после *innumera-biles* пропуск следующих слов: <etiam soles lunas maria terras, singulas denique res>.
306. Переводит греческое *ἰδιότης* или *ἰδίωμα*.
307. Неразличимость яиц была настолько дежурным примером скептиков, что, по упоминанию Свиды, некий стоик Гермагор написал книгу «Рассмотрение яиц, или О софизмах, против академиков» («ὥοσχο-πία ἢ περὶ σοφιστείας πρὸς Ἀκαδημαίχους»).
308. Пласберг предлагает читать в этом месте (вместо *nos* и *nobis*) *vos* и *vobis*. В различных рукописях имеются оба варианта.
309. О различии между (не названными по имени) Аркесилаем и Карнеадам см. выше § 32 и комм. 273.

310. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 157: οὐχὶ δὲ γε τῶν δοξαστικῶν ἐστὶν ὁ σοφός (τοῦτο γὰρ ἀφροσύνης ἦν κατ' αὐτοὺς καὶ τῶν ἀμαρτημάτων αἵτιον [Но мудрец не принадлежит к числу «предполага-телей», поскольку предполагать, по их мнению, признак неразумия и причина погрешностей].
311. Ввиду того, что *perspicuitas* постоянно используется в нашем трактате для перевода ἐνάρξεις в его техническом значении, выражение «*perspicue... falsa*» кажется сознательным оксюмороном. Но, возможно, это не имелось в виду: Цицерон использует то же выражение (*Nat. deor.* I, 30): «*quae et per se sunt falsa perspicue et inter se vehementer repugnantia*», где такой эффект возникать не может.
312. См. «Одиссея» XI, 14 слл.
313. Намек на знаменитую историю раскрытия заговора Катилины. Цицерон тогда взял на себя полную ответственность за скорую, без расследования, казнь заговорщиков, заявив, что «разузнал» (*comperisse*) все, что касается их причастности к заговору. Если вначале его деятельность получила одобрение, выраженное в титуле «отца отечества» (где «отец» означает «спаситель», тот, благодаря кому отечество избегло смертельной опасности и, следовательно, «снова родилось»), то затем его враги из цезарианской партии сумели использовать обвинение в казни без суда римских граждан во всей его силе, что повлекло за собой изгнание Цицерона. Значение в этой истории слова «*comperisse*» видно в письме Аттику (I, 14, 5), где говорится, что других сенаторов Клодий на сходках обвинял в разнообразных прегрешениях, а что касается Цицерона, «*tantum „comperisse“ omnia criminabatur*» [все его обвинение состояло в «*comperisse*»].
314. Рид считает, что, поскольку нет других примеров, где *exordior* сочеталось бы с *ablativus*, следует либо читать в этом месте *accusativus* «*orationem*», либо предположить, что в рукописях выпал предлог *ab* (<*ab oratione*>).
315. Клятву приносил римский магистрат (в том числе консул; отсюда выражение *eiurare magistratum*) по сложении полномочий в том, что за время исполнения обязанностей он ни в чем не отступал от закона. Обычно перед произнесением самой клятвы магистрат обращался с речью к народу. Когда сам Цицерон складывал консульские полномочия, трибун Метелл Непот вынудил его приступить сразу к клятве, без предисловий. Цицерон тогда вместо обычной клятвы поклялся, что спас отечество.
316. Созвездие Малой Медведицы.
317. Строка из собственного цicerоновского перевода «Феноменов» Арата, как и следующая ниже.

318. «Гелика» означает по-гречески то же, что «Семизвездие» по-латыни, а именно созвездие Большой Медведицы, так что «et» здесь следует понимать в значении «то есть».
319. «представление», т. е. «мысленный образ», значение, близкое к «воображение» (см. выше комм. 294).
320. То, что мудрец «никогда не предполагает (не мнит)», было твердо установлено в стоической школе еще Зеноном, см. D. L. VII, 121 (о Зеноне): *μὴ δοξάζειν τὸν σοφόν*. Там же, 201 сообщается, что Хрисипп написал *ἀποδείξεις πρὸς τὸ μὴ δοξάζειν τὸν σοφόν* [доказательства, что мудрец не предполагает].
321. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 156—157 (ссылаясь на Аркесилая): *πάντων δὲ ὄντων ἀκαταλήπτων διὰ τὴν ἀνυπαρξίαν τοῦ Στωικοῦ κριτηρίου, εἰ συγκαταθῆσεται ὁ σοφός, δοξάσει ὁ σοφός μηδενὸς γὰρ ὄντος καταλήπτου εἰ συγκατατίθεται τινι, τῷ ἀκαταλήπτῳ συγκαταθῆσεται, ἢ δὲ ἀκαταλήπτῳ συγκαταθήσῃς δόξα ἐστίν. ὥστε εἰ τῶν συγκατατιθεμένων ἐστίν ὁ σοφός, τῶν δοξαστικῶν ἔσται ὁ σοφός* [а поскольку все непостижимо в силу несуществования стоического критерия, если мудрец даст согласие, то мудрец будет предполагать («мнить»): ведь если он, при том, что нет ничего постижимого, с чем-то соглашается, то он соглашается с непостижимым. А согласие с непостижимым есть предположение («мнение»). Поэтому если мудрец принадлежит к числу тех, кто может давать согласие, то он принадлежит и к тем, кто может мнить].
322. Обычно Цицерон отзывался об Антиохе, даже споря с ним, в очень уважительных тонах. Резкость его выражений здесь и в особенности чуть ниже, 69—70, заставляет исследователей предположить, что он буквально следует здесь тексту Филона, вероятнее всего, как предполагает Глюкер, его возражениям на антиоховского «Соса» — легко представить себе, что на негодующий памфлет бывшего ученика учитель ответил резкой отповедью, не стесняясь в выражениях. Глюкер, рассуждая об этом на с. 415, ссылается (примеч. 53) на «отличное замечание» M. Plezia по поводу 69—70 ('De Ciceronis «Academicis» dissertationes' II: Eos 38, 1937, 310—355. II, p. 19): «Hunc locum, quo Antiochus acerbime reprehenditur, Ciceroni adscribi aegre ferrem. Indignum enim mihi videtur humanissimo scriptore acerbimis probris defunctum iam magistrum suum insectari, a quo prorsus numquam sit offensus. Potius igitur Philoni sunt haec tribuenda, cuius contra Antiochum indignationis causae satis sunt perspicuae».
323. Об этих двух стоиках известно только, что они были учениками Панетия.
324. Перифраза для *ἀχροαταί*, «ученики».
325. *Novae tabernae* были (очень старые) ряды ювелиров и менял вокруг форума. См. Varro, L. L. VI, 59: «sub Novis dicta pars in foro aedificio».

- rum, quod nomen ei pervetustum» [«Новыми лавками» называется часть зданий на форуме, и название это — очень древнее].
326. Мениевы портики назывались так по имени Мения, плебейского консула 338 г., цензора 318 г., которым была поставлена также *columna Maenia*.
327. Дионисий (ок. 328—348), по прозвищу «Перебежчик» (ὁ μεταθέμενος), поскольку он в старости, страдая от жестоких болей, обратился от стоического учения (был учеником Гераклида Понтийского, Менедема и Зенона) к киренаикам и эпикурейцам. См. о нем D. L. VII, 166—167; а также Fin. V, 94; Tusc. II, 60; III, 19.
328. Анаксагор не был скептиком, однако собрал немало материала о недостоверности чувственных восприятий. Как все древние, он считал, что всякая вещь сама по себе обладает присущим ей по природе цветом. Природным цветом воды он считал черный, потому что таков ее цвет в реке или море — там, где воды много и глубина большая. Поскольку же снег есть застывшая вода, Анаксагор считал его природным цветом опять же черный, а белизну — обманом чувств.
329. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 265: Δημόκριτος ὁ τῇ Διὸς φωνῇ παρεικασζόμενος καὶ λέγων· «τάδε περὶ τῶν ὑμπάντων». Эти слова были, вероятно, началом сочинения «О природе» (περὶ φύσεως) или «Большой мирострой» (μέγας διάκοσμος), значащегося в каталоге Диогена Лаэртца, IX, 46 сл.
330. Очевидно, поговорка, восходящая к Сервиевой системе классов по имущественному цензу, однако встречается это выражение в сохранившихся текстах только здесь. У Горация упоминается один раз «второй класс» (Sat. I, 2, 47).
331. О том, что Демокрит мог восприниматься как скептик, свидетельствует то обстоятельство, что Секст Эмпирик посвящает специальную главку в первой книге «Пирроновых положений» (213—214) отличию философии Демокрита от Пирронова скепсиса, замечая (214): προδηλοτάτῃ δὲ γίγνεται ἡ διάκρισις ὅταν ὁ Δημόκριτος λέγῃ· «ἐτέτῃ δὲ ἄτομα καὶ κενόν». ἐτέτῃ μὲν γὰρ λέγει ἀντὶ τοῦ ἀληθείᾳ [Разница яснее всего выступает тогда, когда Демокрит говорит: «а на самом деле атомы и пустота»]. Ведь «на самом деле» он говорит вместо «поистине». Аристотель решительно приписывает ему утверждение о недостижимости истины, см. Met. 1009b 11—13: Δημόκριτός γε φησὶν ἤτοι οὐθὲν εἶναι ἀληθὲς ἢ ἡμῖν γ' ἄδηλον [А Демокрит говорит, что либо вообще нет никакой истины, либо нам она не видна]. Ср. D. L. IX, 72, где Демокрит говорит: «а на самом деле мы ничего не знаем».
332. Метродор Хиосский, IV в., ученик Демокрита. В сочинении «О природе» видимо, пытался соединить атомизм с элеатским отрицанием возможности изменения.

333. Секст (Adv. math. VII, 123–124) считает нужным специально пояснить, что Эмпедокл не был скептиком, хотя он много говорил о недостоверности чувств. Тем не менее скептики постоянно ссылались на авторитет Эмпедокла и других «физиков», а также на элеатов и Сократа с Платоном. Ср. D. L. IX, 71–74.
334. Критика знания, основанного на чувственном восприятии, начало которой положили элеаты, сыграла большую роль в становлении скептицизма. Многие скептики называли Ксенофана основателем своей школы.
335. Имеются в виду не только платоновские диалоги, но и многочисленные сочинения других «сократиков», как Эсхин, Федон, Критон, Симон, Главкон, Деметрий Фалерский. Во времена Цицерона они были еще широко известны.
336. Об отношении скептиков к Платону ср. Sext. Emp. Pуг. hyp. I, 221: τὸν Πλάτωνα οὖν οἱ μὲν δογματικὸν ἔφασαν εἶναι, οἱ δὲ ἀπορητικόν, οἱ δὲ κατὰ μὲν τι ἀπορητικόν, κατὰ δὲ τι δογματικόν [Про Платона одни говорили, что он догматик, другие — что он скептик, а третьи — что он в некоторых отношениях догматик, а в некоторых скептик].
337. Хрисипп (ок. 280–207) был следующим после Клеанфа главой Стои (с 232 г.). Он прибыл в Афины ок. 260 г. и учился сначала у Аркесилая, тогдашнего главы Академии. Полученные у него знания по логике и диалектике он применил потом для борьбы с Аркесилаевым скептицизмом. Он оставил огромное количество сочинений (их каталог у D. L. VII, 189–202 сохранился не полностью). Разработанное в них учение стало считаться стоической догмой, причем его взгляды во многом отличались от взглядов его предшественников Зенона и Клеанфа, особенно в логике и теории познания.
338. Киренаики — одна из малых сократических школ, основанная в Кирене Аристиппом («акме» ок. 400–365). По данному вопросу они говорили, согласно D. L. II, 92: τὰ δὲ πάθη κατὰλεπτα. ἔλεγον οὖν αὐτά, οὐκ ἄφ' ὧν γίνεται [Ощущения же постижимы. При этом они имели в виду сами ощущения, а не те предметы, от которых они возникли]. Собственно, скептики говорили почти то же самое (ср. D. L. IX, 103: μόνα δὲ τὰ πάθη γινώσκομεν [мы знаем только ощущения]), однако, как подробно объясняет Секст (Pуг. hyp. I, 215), разница состоит в том, что киренаики говорят «ощущения познаваемы», скептики же отказываются признавать κατὰληψις даже в случае ощущений. Ср. также описание учения киренаиков у Секста, Adv. math. VII, 191 sq.: φασὶν οὖν οἱ Κυρηναῖοι κριτήρια εἶναι τὰ πάθη καὶ μόνα καταλαμβάνεσθαι καὶ ἀδιάφυστα τυγχάνειν, τῶν δὲ πεποιηχότων τὰ πάθη μηδὲν εἶναι καταληπτὸν μηδὲ ἀδιάφυστον. ὅτι μὲν γὰρ λευκαίνόμεθα, φασί, καὶ

γλυχαζόμεθα, δυνατόν λέγειν ἀδιαφεύστως καὶ ἀληθῶς καὶ βεβαίως καὶ ἀνεξελέγκτως· ὅτι δὲ τὸ ἐμποιητικόν τοῦ πάθους λευκόν ἐστὶ ἢ γλυκὺ ἐστὶ, οὐχ οἷον τ' ἀποφαίνεσθαι. εἰκὸς γάρ ἐστι καὶ ὑπὸ μὴ λευκοῦ τινα λευκαντικῶς διατεθῆναι καὶ ὑπὸ μὴ γλυκέος γλυκανθῆναι [Киренаики говорят, что ощущения являются критериями и что они одни постигаются и они одни безобманны, а из того, что вызвало ощущение, нет ничего ни постижимого, ни безобманного. Ведь, говорят они, можно безобманно, истинно, твердо и неопровержимо говорить о том, что мы ощущаем белизну или сладость. А вот что то, что вызвало данное ощущение, белое или сладкое — это невозможно ясно показать. Ведь вполне возможно испытать ощущение белизны от чего-то не белого, и ощущение сладости — от чего-то не сладкого]. Ср. выше комм. 239 о «естественном цвете».

339. Интересно (то есть загадочно), что в этом списке скептических авторитетов отсутствует Пиррон.
340. Фраза «Recte consensit Arcesilas ad definitionem additum» представляет грамматическую и лексическую шероховатость. Рид в примеч. ad locum сформулировал напрашивающиеся варианты: recte; consensit Arcesilas; ad definitionem additum est. Или: recte concessit Arcesilas; ad definitionem additum est (со ссылкой на Fin. I, 39: tibi recte concessum est). Рид указывает также на то, что смешение consensit, consensisse с concessit, concessisse — постоянное явление в рукописях. Но, поскольку рукописи не дают в данном месте разночтений, эти соображения остаются в примечании. Не пытается исправить в этом месте рукописный текст и Пласберг в своем издании.
341. Постоянное смешение «истинный» и «ложный» в логическом смысле и «существующий — несуществующий» отражает аналогичное неразличение и в языке греческой философии, за чем стоит неразличение и самих этих понятий.
342. Поскольку Карнеад, подобно Сократу, сам ничего не писал, ученики, бравшиеся излагать его взгляды, излагали их по-разному и спорили за верное понимание учителя (см. ниже § 139: «Clitomachus adfirmabat numquam se intellegere potuisse quid Carneadi probaretur»). Метродор, согласно Index Academicorum Herculaneensis, XXVI, 4 sqq., считал, что все остальные ученики Карнеада неправильно толковали учителя, и предлагал свою версию, которая по сравнению с последовательным скептицизмом Клитомеха описывается исследователями как «умеренная».
343. Мне кажется, что *communis loco* здесь не имеет отношения ни к «общему месту» в современном понимании, ни к «риторическому» термину

ну τόπος, на который ссылается Рид. Лосо здесь, как и чуть ниже *necessario loco*, употреблено почти как суффикс наречия: Лукулл защищал чувства «вообще», не разбирая конкретных примеров, а Цицерон приводил накануне много примеров обманов чувств «без необходимости», но желая упредить такое поведение Лукулла. Ср. часто встречающиеся в переписке Цицерона выражения *res sunt bono, perbono, meliore, difficile loco* — «дела обстоят прекрасно, хорошо, лучше, трудно» (Att. VI, 1, 3; XI, 13, 4; XIV, 17, 6; Fam. XII, 28, 3 etc.) и *alicui nullo loco deero* — «никоим образом не подведу, не оставлю такого-то» (Or. ad Quint. 18, 4; ad Att. XIV, 15, 2; Fam. V, 17, 5; VI, 13, 4; XI, 6, 5).

344. См. выше комм. 239.

345. С этими рассуждениями Эпикура стоит сравнить то, что говорит Аристотель в *De an.* (II, 6) о том, что каждое чувство не может ошибаться относительно присущего именно ему ощущения, например, глаз относительно ощущения белизны или слух относительно звука, но могут ошибаться в суждении о том, что вызвало эти ощущения. Именно на этом основании он (III, 3, 7) различает αἰσθήσεις и φαντασίαι: αἱ μὲν (sc. αἰσθήσεις) ἀληθεῖς αἰεὶ, αἱ δὲ φαντασίαι γίνονται αἱ πλείους ψευδεῖς [ведь первые (т. е. ощущения) всегда истинны, а показавшееся по большей части бывает ложно].

346. *in pravitate insistere* — конъектура Рида. В рукописях непонятное *inportata insistere*. Пласберг отмечает место как испорченное.

347. Известен только по этому упоминанию.

348. Ср. у Лукреция (IV, 447—452):

At si forte oculo manus uni subdita sup̄ter
pressit eum, quodam sensu fit uti videantur
omnia quae tuimur fieri tum bina tuendo,
bina lucernarum florentia lumina flammis,
binaque ter totas aedis geminare sup̄ellex,
et duplicis hominum facies et corpora bina.

Если же как-нибудь мы, случайно подпершись рукою,
Снизу надавим на глаз, то покажется нам почему-то,
Будто двойными тогда все предметы, какие мы видим.
Станет двоиться в глазах и светильника яркое пламя,
Станет двоиться и вся по дому стоящая утварь.
Так же лица людей и тела их начнут раздвояться.

(Пер. Ф. А. Петровского)

349. Ср. D. L. IX, 106, где говорится, что и для эпикурейцев, и для скептиков критерием является τὸ φαίνόμενον, но только эпикуреец говорит τὸ φαίνόμενον ἔστι, а скептик — τὸ φαίνόμενον φαίνεται.
350. in scholis — «в лекциях», ср. Div. II, 31: «multa eius modi dicuntur in scholis».
351. Плиний (N. H. VII, 85) говорит, что, согласно Варрону, имя этого человека было Страбон и он видел с мыса Лилибей, как пунийский флот отплывает от Карфагена.
352. Ср. мнение Демокрита, цитируемое Аристотелем (De an.): εἰ γένοιτο κενὸν τὸ μεταξὺ, ὁρᾶσθαι ἂν καὶ εἰ μύρμηξ ἐν τῷ οὐρανῷ εἴη [если бы в промежутке была пустота, то можно было бы увидеть и муравья на небе].
353. Ср. Аристотель, De an. 428b, 3: φαίνεται δὲ καὶ ψευδῇ, περὶ ὧν ἅμα ὑπόληψιν ἀληθῆ ἔχει, οἷον φαίνεται μὲν ὁ ἄλιος ποδιαῖος, πεπίστευται δ' εἶναι μείζων τῆς οἴκουμένης [а кажется ложно и то, о чем мы в то же самое время имеем верное мнение, как, например, солнце кажется размером в один фут, а убеждение о нем — что оно больше всей обитаемой земли].
354. То же самое Цицерон сообщает об Эпикуре в Fin. I, 20. Ср. D. L. X, 91 (из 11-й книги περὶ φύσεως Ἐπικουρά): τὸ δὲ μέγεθος ἡλίου τε καὶ τῶν λοιπῶν ἀστρῶν κατὰ μὲν τὸ πρὸς ἡμᾶς τηλικούτον ἐστὶ ἡλίον φαίνεται... κατὰ δὲ τὸ κατ' αὐτὸ ἥτοι μείζων τοῦ ὁρωμένου ἢ ἔλαττον μικρῶ ἢ τηλικούτον ἡλίον ὁρᾶται [Размер солнца и прочих светил по отношению к нам такой, каким он кажется... а сам по себе он или больше того, что видится, или немного меньше, или такой, каким и видится]. Основания этого странного мнения Эпикура относительно величины солнца «самой по себе» остаются неясными, несмотря на довольно значительное число свидетельств. Ср. также Лукреций, V, 564 сл.
355. Ср. Аристотель, De an. 428b, 18: ἡ αἴσθησις τῶν μὲν ἰδίων ἀληθὴς ἐστὶ ἢ ὅτι ὀλίγιστον ἔχουσα τὸ ψεῦδος [показавшееся каждому из отдельных чувств истинно, либо же ложно в минимальной степени].
356. Ср. Sen. N. Q. I, 3, 10: «quem velocissimum omnium scimus, nemo nostrum moveri videt, nec ire crederemus, nisi adparet isse» [хотя мы знаем, что оно быстрее всего, никто из нас не видит, как оно движется, и мы не поверили бы, что оно идет, если бы не было очевидно, что оно прошло свой путь].
357. Стоики настаивали на том, что две вещи, принадлежащие к одному роду, не могут быть принципиально неразличимы. Эта тема была одной из важнейших в полемике со скептиками. Известно (D. L. VII, 178 и 199), что у Хрисиппа и Сфера были сочинения «о схожих вещах» (περὶ τῶν ὁμοίων).

358. Александр Великий запретил всем скульпторам, кроме Лисиппа, ваять свои изображения и всем художникам, кроме Апеллеса, писать свои портреты. Лисипповых статуй Александра было множество. До наших времен дошло большое количество копий и несколько предполагаемых оригиналов.
359. Тот же протест против метафорического языка религиозно окрашенной космогонии см. *Nat. deor.* I, 19: «quibus enim oculis animi intueri potuit vester Plato fabricam illam tanti operis qua construi a deo atque aedificari mundum facit? Quae molitio, quae ferramenta, quae vectes, quae machinae, qui ministri?» (от имени эпикурейца) [какими такими очами души мог ваш Платон увидеть сооружение этого величайшего произведения, которым у него бог создает и строит мир? Что была за подготовка, что за орудия, что за рычаги, что за рабочие?].
360. Об отношениях Хрисиппа и Карнеада — неразделимых, взаимопределяющих противников — сохранилось немало античных свидетельств. Так, Диоген Лаэртский, VII, 183, упоминает похвальную строку о Хрисиппе: εἰ μὴ γὰρ ἦν Χρύσιππος, οὐκ ἂν ἦν Στόα [Если бы не было Хрисиппа, то не было бы Стои], которую Карнеад переименовал так (*D. L.* IV, 62): εἰ μὴ γὰρ ἦν Χρύσιππος, οὐκ ἂν ἦν ἐγώ [Если бы не было Хрисиппа, то не было бы меня]. Диоген рассказывает также (VII, 184): Τέλος δ' Ἀρχεσίλαω καὶ Λαχύδῃ... παραγενόμενος ἐν Ἀκαδημίᾳ συνεφιλοσόφησε· δεῖ ἦν αἰτίαν καὶ κατὰ τῆς συνηθείας καὶ ὑπὲρ αὐτῆς ἐπεχείρησε, καὶ περὶ μεγεθῶν καὶ πληθῶν τῇ τῶν Ἀκαδημαϊκῶν ἐνστάσει χρῆσάμενος [Наконец он стал заниматься философией в Академии вместе с Аркесилаем и Лакидом; и по этой причине он составлял доказательства и против повседневного опыта, и в его защиту, и также относительно размеров и количеств, пользуясь упражнением, принятым у академиков]. *Consuetudo* у Цицерона регулярный перевод греческого συνηθεία в значении «повседневный опыт», ср. *Nat. deor.* I, 83: «non pudet... physicum... ab animis consuetudine inbutis petere testimonium veritatis», где эта реплика принадлежит также представителю скептической философии. В каталоге сочинений Хрисиппа в VII книге Диогена Лаэртского упоминаются его сочинения κατὰ τῆς συνηθείας πρὸς Μητρόδωρον, а также περὶ τῆς συνηθείας πρὸς Горγипπίδην, причем в последнем случае почти все современные издатели склонны принимать конъектуру Кобета ὑπὲρ вм. περὶ, основываясь, очевидно, как раз на процитированном выше месте, так что получаются два симметричных сочинения «опровержение повседневного опыта» и «защита повседневного опыта». О том, что Хрисипп очень часто рассуждал *in utramque partem*, а также о том, что он собрал множество свидетельств

против чувств и опыта, но оказался слабее в их защите, говорит в выражениях, очень напоминающих наш текст (настолько, что нужно, вероятно, предполагать общий источник), Плутарх в своем трактате «О противоречиях стоиков» (*De stoic. gerugn.* 1036b-d): ὅτι δ' αὐτὸς οὐκ ἐν ὀλίγοις ἀλλὰ πολλὰ τοὺς ἐναντίους οἷς δοκιμάζει λόγους κατεσκεύαχεν ἔρρωμένως καὶ μετὰ σπουδῆς καὶ φιλοτιμίας τοσαύτης ὥστε μὴ παντὸς εἶναι καταμαθεῖν τὸ ἀρέσκον αὐτοῖ δῆπου λέγουσι, τὴν δεινότητα θαυμάζοντες τοῦ ἀνδρὸς καὶ τὸν Καρνεάδην οὐδὲν οἰόμενοι λέγειν ἴδιον ἀλλ' ἐξ ὧν ἐπεχείρησε Χρυσίππος εἰς τοὺναντίον ὁρμώμενον ἐπιτίθεσθαι τοῖς λόγοις αὐτοῦ καὶ πολλάκις παραφθέγγεσθαι· δαιμόνιε, φθίσει σε τὸ σὸν μένος, ὡς μεγάλας ἀφορμὰς καθ' ἑαυτοῦ διδόντα τοῖς κινεῖν τὰ δόγματα καὶ διαβάλλειν βουλομένοις. ἐπὶ δὲ τοῖς κατὰ συνηθείας ἐκδοθεῖσιν οὕτως κομῶσι καὶ μεγαλῆγοροῦσι ὥστε τοὺς πάντων ομοῦ τῶν Ἀκαδημαϊκῶν λόγους εἰς ταῦτο συμφορηθέντας οὐκ ἄξιους παραβαλεῖν οἷς Χρυσίππος ἔγραψεν εἰς διαβολὴν τῶν αἰσθήσεων... ἐκεῖνο δ' ἄληθές, ὅτι βουλευθεὶς αὐθις συνεπειν τῇ συνηθείᾳ καὶ ταῖς αἰσθήσεσιν ἐνδεέστερος γέγονεν αὐτοῦ καὶ τὸ σύνταγμα τοῦ συντάγματος μαλακώτερον... τῶν δὲ αὐτοῦ δογμάτων κατήγορον ὄντα δεινότερον ἢ συνήγορον [а что он не в немногих местах, а во многих собрал аргументы, противоположные тому, что считал правильным, причем с такой силой, усердием и честолюбием, что не так-то легко понять, в чем состоит его мнение, как они (т. е. стоики) сами признают, восхищаясь талантами этого человека и считая, что Карнеад ничего не сказал своего, а составил свои сочинения на основании тех аргументов, которые Хрисипп разработал как противоположные <своим убеждениям>, и что он частенько приговаривал «Муж удивительный, губит тебя твоя сила!» («Илиада», VI, 407 — говорит Андромаха Гектору, уговаривая его остаться в Трое), поскольку он создал обширные возможности для нападения для тех, кто хотел опровергнуть и опорочить его учение; что же касается тех книг, которые он опубликовал против повседневного опыта, они хвастливо и нахально утверждают, что все доводы всех академиков, если собрать их в одну кучу, не достойны сравниться с тем, что написал Хрисипп о недостоверности чувств... при этом правда то, что он, желая затем, напротив, защитить повседневный опыт и чувства, он оказался слабее самого себя, и это второе его сочинение хуже первого... он оказался более красноречивым обвинителем, чем адвокатом, собственного учения]. Хрисипп, главный стоический авторитет, с таким усердием пользовался академическим обыкновением аргументировать «за и против» (*in utramque partem*), что издатель XIII тома Плутарховских *Moralia* в серии Loeb предполагает не без основания, что не-

сохранившийся трактат Плутарха, упомянутый в каталоге Ламприя под № 45, *περὶ τῆς εἰς ἑκάτερον ἐπιχειρήσεως* (по-латыни это было бы *de disputatione in utramque partem*), посвящен критике Хрисиппа за его обыкновение рассуждать за и против, не давая возможности понять свое настоящее мнение. Такую критику Плутарх обещает в *De stoic. perugn.* 1036b: *ὅτι μὲν οὖν ἄτοπός ἐστι τοὺς φιλοσόφους τὸν ἐναντίον λόγον οἰόμενος δεῖν τιθέναι μὴ μετὰ συνηγορίας ἀλλὰ ὁμοίως τοῖς διχολόγοις καχοῦντας ὥσπερ οὐ πρὸς τὴν ἀλήθειαν ἀλλὰ περὶ νίκης ἀγωνιζομένους, εἶρηται πρὸς αὐτὸν δι' ἐτέρων* [а что он поступает нелепо, считая, что философы должны выставлять противоположное рассуждение, не защищая его, а пороча, наподобие адвокатов, как будто философы сражаются не ради истины, а ради победы, об этом сказано против него в другом сочинении]. Как видно из сравнения с соответствующими местами у Цицерона, упрек в *φιλονικία*, стремлении к победе любыми средствами, выставлялся и скептиками против догматиков, и догматиками против скептиков, и в оправдание метода рассуждений «в обе стороны», и в его осуждение.

361. См. комм. к § 51.
362. Текст в этом месте испорчен. При данном чтении *somniasse se* зависит от того же *putare*, что *non fuisse*. В рукописях просто *somniare*. Пласберг включает в текст <non> *somniare*, ссылаясь на добавление в худших рукописях. Рид предлагает несколько экзотическую конъектуру *somnia rei*.
363. Цитаты из «Илионы» Пакувия. Последняя строка процитирована также в *Tusc.* II, 44; *Att.* XIV, 14, 1.
364. «*Qui cum palla et cothurnis nummos populo de rostris spargere solebat*», как рассказывает Цицерон в одной из речей (*Phil.* III, 16; ср. *Val. Max.* VII, 8, 1).
365. Слова эти произносит, очевидно, безумствующий Аякс. В «Аяксе» Софокла, 100 сл., есть подходящая ситуация для этой реплики.
366. Еврипид, «Безумствующий Геракл», 921–1015; Это классический пример, ср. *Sext. Emp. Adv. math.* VII, 249, 405.
367. буквально — «сердце», но в классической латыни сердце рассматривается как средоточие мысли.
368. *Quasi*, тем более в контексте ссылки на школьное определение, наводит на мысль, что редкая форма *disceptatrix* должна быть переводом с греческого. См. *Sext. Emp. Pugn. hyp.* II, 229: (о диалектике) *τῶν ἀληθῶν καὶ ψευδῶν λόγων... διαγνωστική... διαχρητική...*
369. Ср. рассуждения о риторике в «Горгии» Платона, 453d. Ср. также аналогичное рассуждение о дивинации, которая неприменима к ве-

- щам, для выяснения которых требуются специальные знания (*artes*), в Div. II, 9—12. Этот текст местами почти дословно совпадает с нашим.
370. Переводит стоический термин *συνημμένον ἀξίωμα*, для гипотетического суждения в форме *si lucet, lucet*.
371. Переводит термин *διεζευγμένον*, для суждения в форме *aut vivet cras Hermarchus, aut non vivet*. Встречается в рукописях также в форме *disiunctio*, от которой и происходит соответствующий современный логический термин.
372. Ср. выше комм. 11.
373. Ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 416: *ὁ σοφός στήσεται καὶ ἡσυχάζει*.
374. Ответ Карнеада основан на игре слов. *ἡσυχάζειν* употреблено здесь как синоним *ἐπέχειν*, «воздерживаться от суждения», а Карнеад толкует это слово в бытовом смысле «прилечь отдохнуть».
375. *sustinebo* соответствует *ἐπέχω*. Ср. Att. XIII, 21, где обсуждаются возможные переводы *ἐπέχω*, и цитируется строка Луцилия «*sustineat currum ut bonu' saepe agitator equosque*», причем Цицерон добавляет: «*semperque Carneades προβολήν pugilis et retentionem aurigae similem facit ἐποχήν*» [Карнеад всегда сравнивает воздержание от суждения с защитной позицией в кулачной борьбе и со сдерживанием колесницы]. Возможно, строка Луцилия относилась непосредственно к Карнеаду. Aug. c. acad. II, 12: «*refrenatio et quasi suspensio assensionis*» для *ἐποχή*.
376. «Лжец» (*ὁ ψευδόμενος*), наряду с «Соритом», один из самых знаменитых софизмов, приписывается Эвбулиду (см. D. L. II, 108). О нем существовала в античности целая литература. Он встречается во множестве вариантов, самый известный следующий: «Эпименид говорит, что все критяне лжецы. Сам он критянин. Лжет Эпименид или говорит правду?»
377. По свидетельству Диогена Лаэртция, Хрисипп выделял 5 видов «не требующих доказательства» (основных) силлогизмов. См. D. L. VII, 79—80 (= Хьюлзер fr. 1036): *εἰσὶ δὲ καὶ ἀναπόδεικτοὶ τινες, τῷ μὴ χρῆζειν ἀποδείξεως, ἄλλοι μὲν παρ' ἄλλοις, παρὰ δὲ τῷ Χρυσίππῳ πέντε, δι' ὧν πᾶς λόγος πλέκεται...* (80) *πρῶτος δὲ ἐστὶ ἀναπόδεικτος, ἐν ᾧ πᾶς λόγος συντάσσεται ἐκ συνημμένου καὶ τοῦ ἡγουμένου, ἀφ' οὗ ἄρχεται τὸ συνημμένον καὶ τὸ λήγων ἐπιφέρει, οἷον «εἰ τὸ πρῶτον, τὸ δεύτερον» ἀλλὰ μὴν τὸ πρῶτον τὸ ἄρα δεύτερον*» [Есть также некоторые недоказываемые аргументы, называемые так потому, что они не нуждаются в доказательстве. Разные <стоики> называют разные подобные аргументы, но у Хрисиппа их пять, из которых складывается всякий силлогизм... Первый недоказываемый аргумент — это такой, при котором любой силлогизм складывается из конъюнкции и из пер-

вого предложения, с которого начинается конъюнкция, а выводом является заключительное предложение конъюнкции, например: если первое, то второе; но, действительно, первое; следовательно, второе]. Ср. Sext. Emp. Pуг. hyp. II, 157, где в качестве примера такого «недоказываемого силлогизма» приводится: εἰ ἡμέρα ἔστι, φῶς ἔστι· ἀλλὰ μὴν ἡμέρα ἔστι· φῶς ἄρα ἔστι.

378. *superius* и *inferius* передают греческие термины τὸ ὑγούμενον и τὸ λήγων (см. текст Диогена в предыдущем примечании), т. е. «первая (условная) часть конъюнкции» и «завершающая» (т. е. следствие из условия) ее часть.
379. «*exceptio*» здесь — понятие римского права. При гражданских исках претор сам не занимался расследованием фактов, а передавал указание (*formula*) подчиненным ему судье или судьям. В «формуле» указывалось, что ответчик должен быть наказан, если подтвердятся такие-то факты, и отпущен, если они не подтвердятся. Но «формула» могла быть и более сложной: претор мог указать, что ответчик должен быть наказан, если подтвердятся такие-то факты, за исключением случая, когда наряду с этими фактами будут доказаны еще некие факты. Именно такого рода добавления к «формуле» назывались «исключениями» (*exceptiones*). Если ответчик считал, что претор несправедливо не включил в формулу благоприятных для него «исключений», он мог апеллировать к трибуну.
380. Гермархом звали эпикурейца, возглавившего школу после смерти Учителя.
381. Эпикур отрицал принцип исключенного третьего, потому что считал, что его признание ведет к фатализму. Эта проблема подробно обсуждается в цицероновском трактате *De fato*, см. особ. § 21: «*Epicurus veretur ne, si hoc concesserit, concedendum sit fato fieri quaecumque fiant*» [Эпикур опасается, что, если он согласится на это допущение, придется допустить и то, что все, что происходит, предопределено судьбой].
382. Имеется в виду Диоген Вавилонский, вместе с Карнеадом участник посольства в Рим 155 г.
383. Сообразительность финикийцев была общим местом, см. *Columella*, I, 3, 8: «*acutissimam gentem Poenos*», и у Цицерона в *Fin.* IV, 56: «*Poenulus, homo acutus*».
384. Περὶ ἐποχῆς.
385. Этимологическое родство *probatio* (συγκτάθεις) и *probabilis* (πιθανός) существует, очевидно, только на латинской почве.
386. В этом предложении похоже, что *probabilia* и *similia veri* выражают хоть и близкие, но не полностью идентичные понятия, так что, возмож-

но, здесь действительно отражается разница между πιθανά и εἰκότα (см. выше комм. 276).

387. Аллюзия на «Одиссею» (XIX, 163: οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἐσσι παλαιφάτου, οὐδ' ἀπὸ πέτρης). Эту строчку цитирует у Платона Сократ («Аполлония» 34d).
388. Гай Луцилий (ок. 180 — ок. 102) — создатель жанра «сатиры», друг многих греческих философов и Сципиона Эмилиана. В эту эпоху многие греческие философы посвящали свои сочинения римским друзьям и покровителям, так поступал, например, знаменитый стоик Панетций.
389. Т. е. в 149 г. до н. э.
390. Полиен из Лампсака, непосредственный ученик Эпикура. Учитель обратил его от математики к философии. Полиен умер раньше Эпикура.
391. Эпикуреец Сирон, современник Цицерона, упомянут также в Fin. II, 119.
392. Цепочку, ведущую у всякого живого существа от ощущения к действию и являющуюся основой его жизнедеятельности, подробно рассматривал еще Аристотель в трактате «О душе». О связи между чувственным восприятием, возникшим на его основе представлением, «согласием» на представление, вызывающим «устремление», и, наконец, следующим из стремления действием, как этот процесс описывался в стоической терминологии, см. следующие близкие данному отрывку греческие тексты: Alex. Aphr. De an. 72, 13–21 (= fr. 293 Хюльзер): Ἐπεταί μὲν οὖν τῇ φαντασίᾳ συγκατάθεσις, οὐ μὴν πάσῃ, ὥσπερ οὖν καὶ τῇ συγκαταθέσει ὁρμῇ, οὐδὲ ταύτῃ δὲ πάσῃ. ἀλλ' οὐδὲ τῇ ὁρμῇ ἐξ ἀνάγκης πρᾶξις. καὶ ἐστὶν ἐφεξῆς ταῦτα ἐν τῷ ζῳῷ τὴν τάξιν ἔχοντα· αἰσθησις φαντασία συγκατάθεσις ὁρμὴ πρᾶξις. ἀλλ' οὔτε πάσῃ αἰσθήσει δοκεῖ φαντασία ἔπεσθαι, εἰ δοθείη τὸ μὴ πάντα τὰ ζῶα φαντασίας μετέχειν, οὔτε πάσῃ φαντασίᾳ συγκατάθεσις... οὔτε πάσῃ συγκαταθέσει ὁρμὴ [Итак, за представлением следует согласие, но не за всяким, и точно так же за согласием устремление, опять-таки не за всяким. Также действие не следует с необходимостью за устремлением. Эти вещи имеют у живого существа такой порядок: чувственное восприятие, представление, согласие, устремление, действие. Однако похоже, не за каждым чувственным восприятием следует представление, если принять, что не всякое живое существо имеет представления, и не за каждым представлением согласие, ... и не за каждым согласием устремление].
- Stobaeus, Eclogae, I, 49, 25, p. 349 (из Порфирия) (= fr. 294 Хюльзер): τῶν ἀπὸ Στοᾶς τὴν αἰσθησίαν οὐκ ἐν τῇ φαντασίᾳ ἰστάντων μόνον, ἀλλὰ τὴν οὐσίαν ἀναρτώντων ἀπὸ τῆς συγκαταθέσεως. Αἰσθητικὴ γὰρ φαντασία συγκατάθεσις ἐστὶ ἢ αἰσθησις τῆς συγκαταθέσεως καὶ ὁρμὴν οὔσης [Стоики полагают чувственное восприятие не в одном лишь

представлении, но считают саму его сущность зависящей от согласия. Ведь чувственное представление — это либо согласие, либо чувственное восприятие согласия, проявляющегося в устремлении]. Из этого текста видно, что *sensus* здесь употреблено в смысле *φαντασία αἰσθητική*.

Stobaeus, Ecl. I, 50, 14, p. 474 = Aetius, Placita, IV, 8, 12, p. 396 Diels = Fr. 295 Хюльзер: Οἱ Στωικοὶ πᾶσαν αἴσθησιν εἶναι συγκατάθεσιν καὶ κατὰλήψιν [Стоики говорят, что всякое ощущение есть согласие и постижение].

393. Ср. Fin. III, 31: «...ut quidam Academici constituisse dicuntur, extremum bonorum et summum munus esse sapientis obsistere visis assensusque suos firme sustinere» [...как считали, говорят, некоторые академики, будто высшее благо и высшая обязанность мудреца — сопротивляться тому, что кажется («представлениям») и упорно воздерживаться от согласия]. Это определение высшего блага подтверждает нам и Секст Эмпирик, сообщающий (Руг. hyp. I, 232), что Аркесилай говорил: τέλος εἶναι τὴν ἐποχὴν [высшее благо — это воздержание от согласия]. Интересно, что, настаивая на пристальном внимании и проверке показавшегося чувством, будь то в свете «гносеологического пессимизма» или, напротив, «оптимизма», враждующие стороны, т. е. академики и стоики, приходили к очень схожим формулировкам, см. определение долга стоического мудреца у Эпиктета (Diss. II, 17, 1): τί πρῶτόν ἐστι ἔργον τοῦ φιλοσοφούντος; ἀποβαλεῖν οἴησιν [В чем состоит первая задача философа? Отбросить мнение] (οἴησιν соответствует по смыслу *opinatio* в продолжении цитируемой фразы).

394. Это классические, очень древние примеры тщеты человеческих надежд и ненадежности, составляющей самую основу человеческого существования. Ср. еще в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта (Mem. I, 1, 8): οὔτε γὰρ τῷ καλῶς ἀγρὸν φυτευσάμενῳ δῆλον ὅστις καρπώσεται, οὔτε τῷ καλὴν γῆμαντι ἴν' εὐφραίνεται δῆλον εἰ διὰ ταύτην ἀνιάσεται [Ни тому, кто прекрасно засеял поле, не известно, кто пожнет плоды, ни тому, кто женился на прекрасной женщине, чтобы радоваться, не известно, не принесет ли она ему горя].

395. См. выше § 32.

396. Ср. Fin. I, 65: «At vero Epicurus una in domo, et ea quidem angusta, quam magnos quantaque amoris conspiratione consentientes tenuit amicorum greges! Quod fit etiam nunc ab Epicureis» [А Эпикур в своем единственном, да к тому же и тесном, домишке какие собрал толпы друзей, и каким согласием и любовью все они были связаны! И по сей день эпикурейцы ведут себя так]. Также Fin. II, 81: «Ac mihi quidem, quod et ipse bonus vir fuit (sc. Epicurus) et multi Epicurei et fuerunt et hodie

sunt et in amicitiiis fideles et in omni via constantes et graves, nec voluptate sed officio consilia moderantes... videtur...» [А мне, поскольку Эпикур и сам был достойным человеком и многие эпикурейцы и в прошлом и сейчас — люди верные в дружбе и во всех отношениях надежные и достойные, принимающие решения под диктовку обязанности, а не удовольствия... кажется...].

397. Цицерон слушал лекции стоика Диодота ок. 85 г., а позднее философ жил в его доме. Он умер ок. 60 г., завещав все свое (довольно значительное) состояние Цицерону.
398. *extremitatem* и *libramentum* вместе передают понятие «плоскость», греч. ἐπιφάνεια. Quasi, как обычно, указывает на перевод греческого термина. Плоскость обозначается понятием *extremitas*, потому что она понималась как «поверхность», служащая границей объемного тела. *Libramentum* связано с понятием уравновешенных весов, чаши которых находятся на одном уровне, обозначает затем гири, противовесы, наконец, горизонтальную поверхность, «уровень», и отсюда «плоскость» в геометрическом смысле.
399. Перевод ἄπειρον.
400. Латинское изложение знаменитого начала сочинения Анаксагора: πάντα χρήματα ἦν ὁμοῦ· νοῦς δὲ ἐλθὼν διεκόσμησεν αὐτά.
401. Мнение Платона изложено по «Тимею».
402. Имя Мирмекид произведено от греч. «мирмекс» (муравей). Видимо, это прозвище особо искусного ремесленника, прославившегося миниатюрными работами.
403. Стратон из Лампсака (ум. ок. 270—268) — перипатетик, ученик Феофраста, после смерти последнего в 287 г. — глава Ликея. Особенно разрабатывал физику. Разработал теорию пустоты, оказавшую большое влияние на античную механику и медицину.
404. *asper, leve et hamatum* встречаются при описании атомов также у Лукреция.
405. С этим употреблением *optare* ср. Tusc. II, 30: «optare hoc quidem est, non docere» [это называется вычказывать благие пожелания, а не разъяснять]; Nat. deor. I, 19: «optata magis quam inventa» [скорее мечты, чем открытия]; De lege agr. I, 1: «cogitata sapientium an optata furiosorum» [мысли мудрецов или мечты безумцев]. Аналогичные выражения встречаются и в греческом: Plato, Res publ. 540d: εὐχὰς εἰρηχέναι; Arist. Pol. 1295a: πολιτεία ἡ κατ' εὐχὴν γινόμενη [идеальное государство].
406. Ср. Nat. deor. I, 54: quis enim non timeat omnia providentem et cogitantem et animadvertentem et omnia ad se pertinere putantem curiosum et plenum negoti deum? [Кто же не станет бояться обо всем пекущегося,

всё обдумывающего и замечающего, во всё входящего, озабоченного и занятого бога?]

407. Медицина и философия в античности были тесно переплетены, в частности, тесная связь существует между школой врачей-эмпириков и философским скептицизмом. Врачи-догматики, которых Секст Эмпирик называет λογικοί ἰατροί (а Цельс по-латыни называет это направление *medicina rationalis*), не только вскрывали трупы, но и проводили вивисекцию преступников, считая, что получают таким образом достоверное знание об устройстве человеческого тела, о цвете, объеме, плотности и прочих качествах здоровых органов и что это знание необходимо для лечения больных. Эмпирики возражали, что состояние органов мертвого или даже заживо рассеченного тела ничего не говорит о том, каковы эти органы в нормальном состоянии, в нетронutom теле, и что процедура вивисекции — бессмысленная жестокость, так как эти сведения в любом случае бесполезны для практической деятельности врача. Они настаивали, что медицина основана исключительно на опыте (отсюда название «эмпирики»), что, например, рекомендация голодания для больных с высокой температурой основана на наблюдении, что больные, воздерживавшиеся в этом состоянии от пищи, чувствовали себя лучше, чем наедавшиеся; так же обстоит дело и с прочими медицинскими рекомендациями, а «рациональное объяснение» таких феноменов с помощью таких «скрытых причин», как, например, устройство внутренних органов, было подведено под опытные наблюдения позднее и к тому же разнится в различных школах; в любом случае оно не помогает лечить больного и допускает (в отличие от опытных данных) толкование *in utramque partem*. Как видно, все основные эпистемологические проблемы, о которых идет речь в нашем трактате, живо обсуждались в этом медицинском споре. Подробное изложение его дано во введении к трактату Цельса «О медицине». Ниже приводится выборка важнейших мест, близко соприкасающихся с нашим текстом. Сначала Цельс говорит о врачах-«рационалистах» (Celsus. *De medicina. Prooemium*): «13. Igitur ii, qui rationalem medicinam profitentur, haec necessaria esse proponunt: abditarum et morbos continentium causarum notitiam, deinde evidentium; post haec etiam naturalium actionum, novissime partium interiorum... 23. Praeter haec, cum in interioribus partibus et dolores et morborum varia genera nascantur, neminem putant his adhibere posse remedia, qui ipsas ignoret. Ergo necessarium esse incidere corpora mortuorum, eorumque viscera atque intestina scrutari; longeque optime fecisse Herophilum et Erasistratum, qui nocentes homines a regibus ex carcere acceptos vivos inciderint, 24. considerarintque

etiamnum spiritu remanente ea, quae natura ante clausisset, eorumque positum, colorem, figuram, magnitudinem, ordinem, duritiem, mollitiem, levorem, contactum, processus deinde singulorum et recessus, et sive quid inseritur alteri, sive quid partem alterius in se recipit: ... 26. ...Aptiusque extrinsecus inponi remedia conpertis interiorum et sedibus et figuris cognitaque eorum magnitudine; similesque omnia, quae posita supra sunt, rationes habere. Neque esse crudele, sicut plerique proponunt, hominum nocentium et horum quoque paucorum suppliciis remedia populis innocentibus saeculorum omnium quaeri» [Итак, те, кто принадлежит к школе рациональной медицины, считают необходимым следующее: знание неявных, вызывающих болезнь причин, а затем явных; далее, знание естественных действий, и, наконец, внутренних частей. ...Кроме того, поскольку самые разнообразные боли и болезни возникают во внутренних частях, они считают, что никто не может найти средств от этих болезней, кто не знает самих внутренних частей. Поэтому необходимо рассекать трупы и исследовать их внутренности; а еще намного лучше поступали, по их словам, Герофил и Эрасистрат, которые, получив в свое распоряжение преступников, заключенных царями в тюрьму, рассекали их живыми и наблюдали, при сохранении еще дыхания жизни, то, что природой до того было скрыто: положение, цвет, форму, размер, взаимное расположение, твердость, мягкость, гладкость, ошупь, затем выступы и впадины каждого из органов, а также не входит ли один из них в другой или не принимает ли в себя часть другого: ...считая, что лечебные средства, применяемые извне, будут применяться правильнее, если знать расположение, форму, размер внутренностей; и всё прочее, о чем сказано выше, делают по тем же причинам. Они говорят также, что нет никакой жестокости — а очень многие называют это жестокостью — в том, чтобы благодаря мучениям преступников, да и то немногих, отыскать средства, которые будут помогать порядочным людям и на все времена].

Затем он переходит к возражениям «эмпириков»: «27. Contra ii, qui se Empiricos ab experientia nominant, evidentes quidem causas ut necessarias amplectuntur: obscurarum vero causarum et naturalium actionum quaestionem ideo supervacuam esse contendunt, quoniam non comprehensibilis natura sit... 33. Ne inter initia quidem ab istis quaestionibus deductam esse medicinam, sed ab experimentis: aegrorum enim, qui sine medicis erant, alios propter aviditatem primis diebus protinus cibum adsumpsisse, alios propter fastidium abstinuisse; levatumque magis eorum morbum esse, qui abstinerant... 35. Haec similiaque cum cottidie inciderent, diligentes homines notasse quae plerumque melius responderent; deinde aegrotantibus ea praecipere coepisse. Sic medici-

nam ortam, subinde aliorum salute, aliorum interitu perniciose discernentem a salutaribus. 36. Repertis deinde iam remediis, homines de rationibus eorum disserere coepisse; nec post rationem medicinam esse inventam, sed post inventam medicinam rationem esse quaesitam... 39. Neque quaerendum esse quomodo spiremus, sed quid gravem et tardum spiritum expediat; neque quid venas moveat, sed quid quaeque motus genera significant. Haec autem cognosci experimentis. Et in omnibus eiusmodi cogitationibus in utramque partem disseri posse; itaque ingenium et facundiam vincere, morbos autem non eloquentia sed remediis curari. Quae si quis elinguis usu discreta bene norit, hunc aliquanto maiorem medicum futurum, quam si sine usu linguam suam excoluerit... 40. Atque ea quidem, de quibus est dictum, supervacua esse tantummodo: id vero, quod restat, etiam crudele, vivorum hominum alvu atque praecordia incidi, et salutis humanae praesidem artem non solum pestem alicui, sed hanc etiam atrocissimam inferre; cum praesertim ex his, quae tanta violentia quaerantur, alia non possint omnino cognosci, alia possint etiam sine scelere. 41. Nam colorem, levorem, mollitiem, durti-
etiam, similiaque omnia non esse talia inciso corpore, qualia integro fuerint, quia, cum corpora inviolata sint, haec tamen metu, dolore, inedia, cruditate, lassitudine, mille aliis mediocribus adfectibus saepe mutantur; multo magis veri simile esse interiora, quibus maior mollities, lux ipsa nova sit, sub gravissimis vulneribus et ipsa trucidatione mutari» [Напротив, те, что называют себя «эмпириками» от слова «опыт», считают необходимыми только очевидные причины. Исследование же скрытых причин и естественных действий они считают бесполезным, поскольку естество непостижимо. И медицина, говорят они, в своих началах возникла не из подобных исследований, а из опытов; из тех больных, у которых еще не было никаких врачей, одни, чувствуя аппетит, в первые дни продолжали принимать пищу; другие же, чувствуя отвращение к еде, воздерживались; и оказалось, что болезнь легче протекала у тех, кто воздерживался. И поскольку такие и подобные вещи происходили повседневно, сообразительные люди стали замечать, что по большей части приносит пользу; и затем начали предписывать это больным. Так возникла медицина, постепенно, через выздоровление одних и гибель других, начавшая различать полезное от вредного. Не так обстояло дело, что сперва был найден рациональное объяснение, и из него возникла медицина, а наоборот — когда была изобретена медицина, к ней стали искать рационального объяснения... И исследовать надо не то, как мы дышим, а как облегчить затрудненное и медленное дыхание; и не то, что приводит в движение мышцы, а что означает каждый род их движения. А это узнается на опыте. Кроме того, во всех теоретических рассуждениях можно приводить аргументы

за и против; поэтому побеждают талант и красноречие, болезни же лечат не красноречием, а применением средств. И тот, кто, не владея языком, хорошо будет знать то, что познается на опыте, станет со временем куда лучшим врачом, чем тот, кто, не владея опытом, будет лишь упражнять свой язык... Итак, всё вышеперечисленное — просто излишне, а это последнее — еще и жестоко, когда живым людям рассекают живот и грудную клетку, и искусство, служащее здоровью людей, не только несет гибель, но еще и жесточайшую гибель; при том что из тех вещей, которые хотят узнать путем такого зверства, одни вовсе непознаваемы, другие же можно узнать и без преступления. Ведь цвет, гладкость, мягкость, твердость и всё прочее подобное не таковы в рассеченном теле, какими они были в нетронutom; ведь даже когда телу не причиняли повреждений, эти вещи меняются от страха, боли, недоедания, несварения, усталости и тысячи других весьма обычных состояний. Куда правдоподобнее, что внутренности, которым внове наступившая слабость и даже сам свет, изменяются при тяжелых ранениях и тем более при рассечении].

408. Диоген Лаэртций приводит это (II, 8: τὴν δὲ σελήνην οἰκήσεις ἔχειν καὶ λόφους καὶ φάραγγας [на луне есть дома, холмы и ущелья]) как мнение Анаксагора.
409. Время жизни Гикета Сиракузского неизвестно. Во всяком случае, он был пифагорейцем, видимо, учителем Экфанта и моложе, чем Филолай. Возможно, был одним из первых, кто отказался от учения о центральном огне и заменил учение о вращении Земли вокруг центрального огня на вращение ее вокруг своей оси.
410. Аристон Хиосский, ученик Зенона, основал независимое ответвление стоической школы и был ок. 250 г. влиятельнейшим философом в Афинах после Аркесилая. Он, очевидно, возвращался к исходным киническим взглядам, считая неважными физику и логику. О том, что наука о природе, по его мнению, «превосходит наше разумение» (ὕπερ ἡμᾶς), свидетельствуют Диоген Лаэртций (VII, 160) и Стобей (Flor. 80, 7).
411. Дикеарх — ученик Аристотеля и современник Теофраста. Составил множество сочинений, пользовавшихся большим успехом, однако до нас дошли лишь фрагменты. Дикеарх считал, что душа — не отдельная субстанция, а «гармония» (соразмерность) телесных начал — точка зрения, обсуждавшаяся еще в платоновском «Федоне».
412. Аристотелевская теория движения, см. Phys. 214a и выше, кн. 1, § 27 и комм.
413. Ср. Эпикур у D. L. X, 45: χόσμοι ἅπτεροί εἰσιν, εἴθ' ὅμοιοι τοῦτω, εἴθ' ἀνόμοιοι [миров бесконечно много, то ли подобных этому, то ли неподобных].

414. *imago* переводит греческое εἶδολον (картинка), основное представление в атомистических теориях зрения и мышления. Так же переводит это слово и Лукреций.
415. Клеанф (331–232) — преемник Зенона в качестве главы Стои с 262 по 232 г. Клеанф считал мир живым существом, бога — его душой, солнце — его сердцем. Фрагменты см. в SVF I, 103–39. Цицерон подчеркивает, что речь идет об одном из столпов стоической философии, о «знатнейшем стоике»: maiores gentes назывались в Риме те роды, которые с самого начала заседали в Сенате. Отсюда возникло переносное употребление, напр. Tusc. I, 29: «illi maiorum gentium dii qui habentur».
416. Интонация всего этого пассажа — насмешливо-ироническая.
417. Всякий раз, как Цицерон упоминает Эрилла (*Erillus* или *Herillus*), он помещает его среди тех, чьи философские системы всеми оставлены: Эрилл, Аристон, Пиррон (Off. I, 6; Tusc. V, 85; Fin. IV, 40–43). В Fin. II, 43 говорится, что эти системы перестали обсуждаться после Хрисиппа. Он, видимо, считал знание высшим благом, а добродетель — подчиненной целью. Свидетельства о нем см. SVF I, 91–93.
418. Цицерон рассматривает Мегарскую школу как продолжение элейской в том же смысле, как эпикурейцы были продолжателями Демокрита. Так же говорит о них и Диоген Лаэртий, II, 106. Зенон здесь — это Зенон Элейский, а не Зенон из Китиона, как двумя строками выше.
419. Это единственное в нашем трактате упоминание Пиррона (ок. 360 — ок. 270), который, если верить Сексту Эмпирику, был основателем скепсиса; Цицерон упоминает его в этическом контексте, без всякой связи со спором о возможности знания.
420. В сообщениях о Пирроне чаще встречается слово ἀταραξία, но и ἀπάθεια приводится у D. L. IX, 108.
421. Об этом философе больше ничего не известно.
422. Иероним Родосский, жил в Афинах ок. 290–230. Сохранившиеся фрагменты характеризуют его только как любителя литературы и литературных сплетен. О его философии известно только, что его «высшее благо» называлось ἀοχλησία. Цицерон упоминает его также в Fin. V, 14, а также II, 19, 35, 41.
423. Используется юридическая терминология споров о недвижимости: «не о границах, а о владении целиком».
424. Ср. Fin. V, 14: «qui de summo bono dissentit, de tota philosophiae ratione dissentit» [Расхождение в вопросе о высшем благе есть расхождение во всей философии].
425. Ср. «Парадоксы стоиков», парадокс 3-й.

426. Ср. Plut. Mor. 1057d: ἄφοβος δὲ μένει (ὁ σοφός) καὶ ἄλυπος καὶ ἀήττητος καὶ ἀβιάστος, τιτρωσχόμενος, ἀλγῶν, στρεβλούμενος, ἐν κατασκαφαῖς πατρίδος, ἐν πάθεσι τοιοῦτοις [мудрец остается не уstraшенным, не опечаленным, не побежденным и не принужденным, даже когда он ранен, испытывает боль, растянут на дыбе, когда его родной город стерт с лица земли, и во всех таких несчастьях].
427. Крантор из Сол (Киликия) (ок. 335 — ок. 275) — философ Древней Академии, ученик Ксенократа, друг Полемона и Кратета, учитель Аркесилая (D. L. IV, 22, 24, 29).
428. Мы читаем также в Fin. IV, 23, что Панетий сам посвятил Туберону книжку «De dolore patiando».
429. Это представление о роли эмоций и этот образ восходят к Аристотелю. Цицерон говорит об этом также в Tusc. IV, 43: «...iidem Peripatetici perturbationes istas quas nos extirpandas putamus, non modo naturales esse dicunt, sed etiam utiliter a natura datas... Primum multis verbis iracundiam laudant, cotem fortitudinis esse dicunt, multoque et in hostem et in improbum civem vehementiores iratorum impetus esse...» 48. «ardores animorum cotesque virtutum» [те же перипатетики говорят, что страсти, которые у нас считаются необходимым искоренять, не только естественны, но и даны нам природой для нашей пользы... Сначала они пространно расхваливают гнев, называют его оселком храбрости, говорят о том, что разгневанные с куда большей силой бросаются и на врага, и на недостойного согражданина... пыл души и оселок доблести]. Ср. также Seneca, De Ira. 3, 3, 1: «Aristoteles calcar ait esse virtutis (sc. iram)» [Аристотель говорит, что гнев — шпора доблести], а также Περί ὀργῆς Φιλοδέμα (Bonitz, Fragm. Arist. 95): ἔνιοι τῶν Περιπατητικῶν ἐχτέμνειν τὰ νεῦρα τῆς ψυχῆς φασὶ τοὺς τὴν ὀργὴν καὶ τὸν θυμὸν αὐτῆς ἐξαίρουντες [Некоторые из перипатетиков говорят, что те, кто изымают из души гнев и страсть, подрезают ей жилы].
430. Должность, приблизительно соответствующая нашему «участковому милиционеру».
431. В 155 г.
432. Стоики из Тарса (II в.), ученики Диогена Вавилонского; Антипатр сменил Диогена в качестве главы Стои и был учителем Панетия. См. SVF III, 244–258 и 262–264.
433. Ср. Orat. pro M. Fonteio, 29 (19): «illud verbum consideratissimum nostrae consuetudinis, „arbitror“, quo etiam tunc utimur, cum ea dicimus iurati, quae comperta habemus» [«arbitror», этот осторожнейший глагол нашего языка, которым мы пользуемся и тогда, когда под присягой говорим о том, что точно знаем].

434. Каламбур, основанный на многозначности *tollere*. С одной стороны, эта фраза может означать «следует уничтожить» (подразумевается «согласие»; *tollere assensus* было стандартным выражением в этом смысле) и «следует поднять (якорь)». Цицерон долго работал над этой концовкой, как свидетельствует письмо к Аттику (XIII, 21, 3): «*'inhibere' illud tuum, quod valde mihi adriserat, vehementer displicet. est enim verbum totum nauticum. quamquam id quidem sciebam sed arbitrabar sustineri remos cum inhibere essent remiges iussi. id non esse eius modi didici heri cum ad villam nostram navis appelleretur. non enim sustinent sed alio modo remigant. id ab ἐποχῇ remotissimum est. qua re facies ut ita sit in libro quem ad modum fuit. dices hoc idem Varroni, si forte mutavit... inhibitio autem remigum motum habet et vehementiorem quidem remigationis navem convertentis ad puppim*» [Предложенное тобой *inhibere*, которое мне сначала очень понравилось, все-таки совершенно не годится. Это чисто морской термин. Я его хоть и знал, но думал, что, когда гребцам приказывают *inhibere* вёсла, это означает, что они прекращают работать веслами. Но на самом деле они вовсе не прекращают, а просто гребут по-другому. Так что это не имеет ни малейшего отношения к ἐποχῇ. Поэтому верни это место в книге к тому, что было раньше, и скажи об этом также Варрону, на случай, если он исправил у себя... *Inhibitio* включает в себя движение гребли, и очень энергичное, чтобы развернуть корабль кормой].

INDEX VERBORUM GRAECORUM

- ἀκατάληπτον quod comprehendi non possit **98, 9**
ἄδηλα incerta **128, 4**
ἀδιαφορία in mediis (nec virtutibus nec virtuti contrariis) neutram
in partem moveri **192, 26**
ἄξιωμα quidquid enuntietur **162, 4**
ἀπάθεια media ne sentire quidem sapientem **192, 28**
ἀπόδειξις argumenti conclusio **104, 27**
δόγμα decretum **106, 1, 24**
εἰρωνεία dissimulatio **94, 33**
ἐνάργεια perspicuitas, evidentia **96, 29**
ἐποχή adsensionis retentio **132, 5; 206, 29**
ἔννοια notitia **100, 28, 108, 22** notitiae rerum (πρόληψις)
ἐτυμολογία verborum explicatio **70, 32**
ἡσυχάζειν quiescere **160, 13**
ἰδέα species **70, 18**
κατάληψις comprehensio, perceptio, cognitio **96, 26; 108, 29; 204, 24**
καταληπτόν comprehendibile **76, 19**
οἰκεῖον accomodatum ad naturam **114, 22**
ὁρμή adpetitio **104, 6**
παράδοξον mirabile **198, 9**
ποιότης qualitas **66, 34**
πρόληψις notitiae rerum **108, 22**
συγκατάθεσις adsensio, adprobatio **114, 8**
φαντασία visum **76, 10; 98, 10**

INDEX PERSONARUM

- Aelius** (Lucius A. Stilo Praecononus) philologus **56**, 12
- Aeschylus** poeta tragicus **58**, 4
- Africanus** (Publius Cornelius Scipio Aemilianus A., cos. 147, 134) **86**, 5
(legatio a. 139, cum Panaetio comite); **92**, 34; **94**, 33
- Albinus** (Aulus) **198**, 25 (praetor a. 155)
- Alexander** (Magnus) **84**, 4; **152**, 26
- Alexinus** (Megaricus) **144**, 21
- Amafinius** (Gaius) Epicureus Romanus **54**, 11, 21
- Anaxagoras** philosophus **78**, 23 (confessio ignorationis); **94**, 6; **142**, 19 (nivem nigram esse); **166**, 28; **182**, 2
- Anaximander** Milesius physicus **180**, 35 (omnia ex infinitate naturae gigni)
- Anaximenes** physicus **180**, 37 (Anaximandri auditor)
- Antiochus** Ascalonita Academicus **50**, 14 (partes Antiochinas Varroni dari); **58**, 25 (Varro eum Athenis audit), 31 (novam Academiam relictus, in veterem remigratus), 34; **60**, 2 (contra libros Philonis), 9; **72**, 29; **78**, 11 (Stoicorum disciplina correctio veteris Academiae); **84**, 29 (Philonis auditor); **90**, 6, 18, 24 (Alexandriae cum Lucullo), 25, 29, 32 (libros duo Philonis primum legit); **92**, 5, 9, 11, 13; **106**, 23; **122**, 33; **132**, 29; **136**, 2; **138**, 28 (Stoicorum adstipulator); **140**, 10 (didicit diu apud Philonem), 29 (Antiochii); **164**, 11, 22, 30; **168**, 14; **174**, 20; **176**, 4 (reprehensio ad Philonem de visorum falsorum et verorum differentia), 5, 32; **178**, 27; **194**, 2, 16, 30, 33; **196**, 7 (in una virtute vitam beatam sed non beatissimam); **198**, 21, 32; **200**, 12; **202**, 27 (a Chrysippo pedem nusquam); **204**, 15
- Antipater** Tarsensis Stoicus **96**, 23; **106**, 13; **174**, 17, 18; **204**, 4 (princeps dialecticorum); **208**, 3
- Aratus** poeta **136**, 35

- Arcesilas Academicus **72**, 25, 26 (Polemonis auditor); **78**, 15, 18
(cum Zenone omne certamen), 28 (nihil sciri potest, ne illud ipsum);
80, 11; **92**, 20; **94**, 10 (calumnia), 23, 37; **96**, 8, 9; **132**, 6, 27;
138, 8, 21; **146**, 3, 8, 20 (ad definitionem additum)
- Archidemus Tarsensis Stoicus **204**, 4 (princeps dialecticorum)
- Archimedes mathematicus **180**, 16
- Aristippus Cyrenaeus **192**, 31 (Socratis auditor, voluptatem finem);
200, 15, 18
- Aristo Alexandrinus Peripateticus Antiochi familiaris **92**, 14
- Aristo Chius Stoicus **186**, 21; **192**, 21 (Zenonis auditor, «adiaphoria»
summum bonum)
- Aristoteles Stagiritis philosophus **58**, 6; **60**, 38; **62**, 1, 15; **68**, 19
(quintum genus); **72**, 9 (species Platonis labefactavit); **176**, 27;
182, 29; **194**, 3, 14; **198**, 10, 31; **202**, 30
- Aristus Ascalonita Academicus, frater Antiochi **58**, 24; **92**, 13
- Atticus (Titus Pomponius A.) **50**, 13; **52**, 1, 13; **60**, 7; **62**, 20; **66**, 28;
72, 6, 30
- Attius (Lucius) poeta **58**, 2
- Avianius (Gaius ? sive Publius ?), familiaris Ciceronis **148**, 30
- Brutus (Marcus Iunius) **58**, 20
- Callipho philosophus **192**, 35 (voluptatem et honestatem finem); **200**, 20
- Carneades Academicus **80**, 10 (quartus ab Arcesila), 12; **92**, 20; **96**, 7
(quartus ab Arcesila), 10 (nonaginta vixit annos), 15; **106**, 16;
132, 7, 10 (opinaturum esse sapientem), 27; **138**, 23; **146**, 28; **154**, 20;
160, 14 (cum Chrysippo de sorite controversia); **164**, 30; **166**, 1 (duo
genera visorum); **168**, 23; **174**, 6 (adsensionem ex animis nostris
extraxisse), 24; **176**, 24; **198**, 23 (legatio a. 155), 28, 29; **200**, 21
(sententiam Calliphontis de fine studiose defensabat), 24; **206**, 25;
208, 4
- Cassius (Lucius C. Longinus Ravilla, cos. 125) **92**, 33

- Cato (Marcus Porcius C. Censorius, cos. 195) **86**, 4
- Catulus (Quintus Lutatius, cos. 78) **88**, 35, 36; **90**, 3, 31; **128**, 34, 36; **134**, 28; **136**, 4, 7; **148**, 26 (Catuli Cumanum); **156**, 9; **204**, 29; **206**, 23, 24, 35
- Catulus pater (Quintus Lutatius, cos. 102) **98**, 6; **206**, 24
- Censorinus (Lucius Marcius, cos. 149) **168**, 26
- Charmadas Academicus **96**, 14
- Chrysippus Stoicus **142**, 29; **144**, 24 (multa contra sensus); **154**, 16 (omnia contra sensus, armatus Carneaden); **160**, 10 (in sorite quiescere); **162**, 26 (Chrysippea: problemata logica); **200**, 1 (tres sententias de finibus bonorum), 31; **202**, 31; **204**, 1 (de dialectica), 3
- Cleanthes Stoicus **142**, 28; **188**, 32 (maiorum gentium Stoicus, Zenonis auditor)
- Clitomachus Academicus **90**, 26; **96**, 12 (multitudo librorum), 16 (Philonis magister); **146**, 29; **164**, 32 (quattuor eius libri "de sustinendis opinionibus"); **168**, 22, 24 (liber ad C. Lucilium); **174**, 5 (de Carneadis „Herculi labore" scripsit); **198**, 23 (de legatione philosophorum a. 155 scripsit); **200**, 23 (numquam se intellegere potuisse, quid Carneadi probaretur)
- Cotta (Gaius Aurelius, cos. 252, 248) **152**, 4, 15
- Crantor Academicus **72**, 23; **196**, 33 ("De luctu" liber)
- Crassus (Publius Licinius C. Mucianus, cos. 131) **92**, 35.
- Crates Academicus **72**, 23
- Daradanus Stoicus **140**, 22
- Democritus Abderites physicus **54**, 20 (physicae Epicuri auctor); **78**, 21 (confessio ignorationis), 25; **94**, 6, 10 (verecundia); **110**, 10; **112**, 1; **128**, 24 (innumerabiles esse mundos), 33 (omnia ex individuis gigni); **130**, 1; **142**, 24 (exordium poematis); **182**, 9; **184**, 20; **188**, 1
- Demosthenes orator **58**, 8
- Dicaearchus Peripateticus **186**, 25 (animum nullum esse)
- Dio Alexandrinus Academicus, Antiochi familiaris **92**, 14

Diodorus Cronos Megaricus **144**, 21; **204**, 1

Diodorus Tyrius Peripateticus **192**, 37 (vacari omni molestia cum honestate finem)

Diodotus Stoicus **178**, 24 (Ciceronis a puero magister, habitat apud eum)

Diogenes Babylonius Stoicus **164**, 19 (ab eo Carneades dialecticam didicerat); **198**, 23 (legatio a. 155)

Dionysius Heracleotes (ὁ μεταθέμενος) **142**, 1, 10

Empedocles physicus **78**, 23 (confessio ignorationis); **94**, 6, 13; **144**, 1; **182**, 10 (omnia e quattuor elementis)

Ennius (Quintus) poeta **58**, 2; **154**, 24, 31

Ennius poeta **58**, 2; **124**, 33

Epicurus **54**, 20, 35; **98**, 30; **120**, 22 (opinionem a perspicuitate seiungere); **150**, 15 (solem esse tantum, quantum videtur), 35; **164**, 1 (de necessitate in diiunctione); **168**, 5, 7 (si ullum visum sensus falsum est, nihil percipi potest), 10; **172**, 4, 11; **186**, 18; **192**, 32 (voluptatem summum bonum); **200**, 15; **202**, 22 (iudicium veri in sensibus)

Erillus Stoicus **192**, 5 (Zenonis auditor, summum bonum in cognitione et scientia), 18

Euander Academicus **96**, 9

Euclides Megareus **192**, 12 (Socratis discipulus)

Euripides poeta tragicus **58**, 5; **156**, 15

Fannius (Gaius, cos. 122) annalium scriptor **94**, 34

Flaminius (Gaius, cos. 223, 217) **92**, 30

Galba (Servius Sulpicius), vicinus Enni **124**, 34, 35

Gracchus (Tiberius Sempronius, tr. pl. 133) **92**, 36; **94**, 22

Hagno Academicus **96**, 14

Hegesinus Academicus, quem Carneades audivit **96**, 8

Heraclitus Ephesius physicus **182**, 10 (omnia ex igne)

Heraclitus Tyrius familiaris Antiochi, Clitomachi et Philonis auditor **90**, 25, 35; **92**, 9, 12

Hermarchus **164**, 4, 9 (exemplum logicum)

Hicetas Syracusius Pythagoreus **186**, 12 (terram unam in mundo moveri, solem, lunam etc. stare)

Hieronimus Rhodius Peripateticus **192**, 36 (vacari omni molestia finem)

Homerus poeta **124**, 37; **154**, 25

Hortensius (Quintus H. Hortalus, cos. 69) orator **82**, 25; **88**, 34; **90**, 11, 21; **106**, 12; **134**, 1, 23; **204**, 29; **206**, 24, 32

Hyperides orator **58**, 7

Lacydes Cyrenaeus Academicus **96**, 6, 9, 10 (discipulus Arcesilae)

Leucippus physicus **182**, 8 (omnia e pleno et inani)

Libo (Lucius Scribonius) **52**, 23 .

Lucilius (Gaius) poeta **168**, 25

Lucullus (Lucius Licinius, cos. 74) **82**, 1, 33; **84**, 7, 19, 23; **88**, 35, 38; **90**, 6, 8, 10; **134**, 24, 29; **136**, 7; **138**, 10; **142**, 12; **148**, 2; **154**, 6; **166**, 10; **170**, 27; **184**, 30; **196**, 3; **198**, 20, 26; **202**, 8; **204**, 6; **206**, 11, 20

Lycurgus rex Lacadaemoniorum **198**, 18 (leges)

Lysippus sculptor **152**, 24

Manilius (Manlius, cos. 149) **168**, 27

Marcellus (Marcus, cos. 155) **198**, 25

Marius (Gaius, cos. sexies 107, 105-101) **94**, 1.

Melanthius Rhodius Academicus **96**, 14

Melissus physicus **182**, 11 (infinitum, immutabile, fuisse semper et fore)

Menedemus Eretrius **192**, 16 (omne bonum in mentis acie, qua verum cerneretur)

Menippus Gadarensis saturarum auctor **56**, 13

Metrodorus Chius **142**, 34 (initium libri de natura)

Metrodorus Stratoniceus **96**, 16 (Carneaden bene nosse putabatur); **146**, 29

Mithridates) rex post Alexandrum maximus **84**, 3

Mnesarchus Stoicus **140**, 21; **208**, 3

Murena (L. Licinius) **82**, 17

Myrmecides artifex **184**, 10

Pacuvius (Marcus) poeta tragicus **58**, 2

Panaetius Rhodius Stoicus **86**, 6 (Africani comes); **172**, 22; **198**, 1

Parmenides Eleates physicus **94**, 6; **144**, 5; **182**, 7 (omnia ex igne); **192**, 11

Phidias sculptor **204**, 35

Philo Larisaeus Academicus **50**, 15 (partes Ph. sibi sumit Cicero); **58**, 35
(magister Antiochi); **60**, 2 (negavit duos Academias esse); **84**, 29; **90**,
26, 30 (isti libri duo Philonis), 36, 37; **92**, 3, 6, 17; **96**, 17 (Clitomachi
auditor; eo vivo Academiae patrocinium non defuit);
98, 3, 16, 21; **140**, 11, 24; **146**, 29; **176**, 5 (qua reprehensione maxime
perturbatum)

Philo Megaricus **204**, 1

Plato Atheniensis philosophus **56**, 5; **60**, 30, 32 (Academicorum et
Peripateticorum auctor), 36; **62**, 3, 6, 26 (philosophandi ratio triplex);
70, 18 (idea); **72**, 4, 10, 22; **80**, 6; **94**, 7, 26 (reliquit perfectissimam
disciplinam); **144**, 9, 14; **182**, 12 (ex materia mundum factum esse
a deo); **186**, 17 (Timaeus), 27 (anima humana tripartita); **192**, 8; **202**,
24 (iudicium veritatis in mente)

Polemo Academicus **72**, 23, 25; **176**, 28; **194**, 2, 25 (sapiens Polemoneus);
200, 11

Polyaenus Lampsacensis mathematicus Epicuri auditor **172**, 3

Polyclitus sculptor **204**, 36

Pompeius (Quintus, cos. 141) **92**, 33

Pomponius *c.m.* Atticus

Protagoras Abderites philosophus **202**, 19 (iudicium veri)

Pyrrho Eleus philosophus **192**, 27 (apatheia)

Rabirius Epicureus Romanus **54**, 11

- Saturninus (Lucius Appuleius) **94**, 8; **144**, 18
 Scaevola (Publius Mucius, cos. 133) **92**, 36
 Scipio (Publius Cornelius S. Nasica Corculum, cos. iterum 155) **198**, 25
 Selli Publius et Gaius **92**, 2
 Servilii Gemini (Publius et Quintus) **130**, 5; **150**, 37; **152**, 1, 4, 14
 Siron Epicureus **172**, 11
 Socrates **52**, 27 (philosophia vetus a S. orta); **60**, 13; **62**, 10 (disciplinam philosophiae minime probabat); **78**, 21 (confessio ignorationis), 29; **94**, 7, 26, 30 (ironia), 35; **144**, 9, 12 (nihil sciri posse); **186**, 21
 Solo Atheniensis **198**, 18 (leges)
 Sophocles poeta tragicus **58**, 5
 Speusippus Academicus **60**, 35 (Platonis sororis filius); **72**, 21
 Stilpo Megaricus **144**, 21
 Strato Lampsacenus Theophrasti auditor **72**, 16; **184**, 13 (mundum sine opera deorum exsistere), 28

T
 Tetrilius Rogus **92**, 3
 Thales Milesius unus e septem sapientium **180**, 33
 Themistocles **82**, 27, 33
 Theophrastus Peripateticus **58**, 6; **72**, 11 (negavit in virtute sola vitam beatam esse), 31; **176**, 27; **186**, 12 (de Hiceta); **196**, 12
 Timagoras Epicureus **148**, 15
 Tubero (Quintus Aelius) **198**, 1
 Tuditanus (Sempronius) affinis Catuli insanus **156**, 9

V
 Valerius (Publius V. Poplicola, cos. 509) **92**, 27
 Varro (Marcus Terentius) **50**, 17; **52**, 2, 14, 21; **56**, 20; **60**, 12; **62**, 21; **68**, 5; **78**, 9, 13

X
 Xenocrates Chalcedonius Academicus **60**, 38; **72**, 21; **76**, 4 (animum expers corporis); **176**, 27; **186**, 29 (animus numerus sine corpore); **198**, 10, 32; **202**, 28

Xenophanes poeta philosophus **94,7; 144, 5; 182, 5; 186, 5** (habitari in luna); **192, 10**

Zeno Citieus Stoicus **54, 32; 72, 25** (Polemonis auditor), **26, 31; 78, 6** (dissensio a superioribus), **16; 96, 1** (nihil novi reperiens, immutatione verborum superiores emendans); **98, 9, 13; 138, 10; 142, 4; 146, 9, 17; 178, 5; 188, 30** (aether summus deus), **33; 192, 7, 21, 24; 194, 7** (honeste vivere, a conciliatione naturae, summum bonum), **27; 196, 6** (in una virtute beatam vitam), **25; 200, 19; 204, 14, 18** (de comprehensione gestu conficiebat)

Zeno Eleates **192, 11**

Zeno Epicureus **80, 14**

Zeuxis, pictor **204, 35**

Научное издание

Марк Туллий Цицерон
Учение академиков

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Л. Е. Коритысская*

Издательство «Индрик»

Книги издательства «Индрик» можно приобрести
в книжной галерее «НИНА» по адресу: ул. Б. Якиманка, д. 6
тел. 238-02-69

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: indric@mail.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
20 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 8706

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г—99, Шубинский пер., д. 6